

№ 15(236), вып. 39
Сентябрь 2016

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.
Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-63054 от 10 сентября 2015 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной и инновационной работе
НИУ «БелГУ», доктор технических наук,
профессор

Научный редактор:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О.В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.А. Шаповалов,
проректор по заочному обучению и
дополнительному образованию НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории и
зарубежного регионоведения НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин,

профессор кафедры российской истории и
документоведения НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

В.Н. Шилов,

профессор кафедры культурологии
и политологии НИУ «БелГУ»,
доктор философских наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология

Belgorod State University

Scientific Bulletin

History Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.Ю. Худавердян, С.Г. Обосян

Зубы и челюсти людей в культурной практике населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Лорийской области Армении 5

М.В. Сычёв

Функции базилиев рубежа Гомеровского и Архаического периода как главная причина удержания ими власти 12

А.А. Клейменов

Тактика «выжженной земли» или открытое сражение: выбор стратегии персидским командованием в 334 г. до н.э. 20

О.В. Кармазина

Магистраты Капуи в самнитский период (V–III вв. до н.э.) 29

Е.А. Семичева

«Бревиарий» Феста в зарубежной и отечественной историографии 35

С.В. Ярцев

Христианизация готского населения Северного Причерноморья как форма римской культурной экспансии 40

В.Н. Гордиенко, Н.Н. Болгов

Община самаритян Кесарии Палестинской в III–VI вв. 47

А.Д. Стржалковская, В.В. Пенский, В.В. Липич, В.Н. Шилов

Состав и значение утреннего и вечернего богослужений в христианской литургической традиции IV века 52

К.Р. Капсалькова

Образы военачальников в византийской исторической литературе X–XI вв.: «бездарный полководец» Михаил, сын Логофета Анастасия 55

В.Л. Мыц

Современные интерпретации семантики топонимов средневекового города VI–XVIII вв.: Симболон-Чембало-Балаклава 63

К.Ю. Артамонова

Кипрская православная церковь и национальная идея греческой общины острова накануне и в годы Первой мировой войны 69

П.Э. Уллах

От переговоров к эмбарго: к вопросу о действиях США накануне индо-пакистанской войны 1965 года 77

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

С.Н. Абуков

Первый внутридинастический брак Рюриковичей и его влияние на политические отношения на Руси конца XI – начала XII в. 84

Е.Н. Бунеева, А.В. Перепелицын

Особенности административного управления, национального состава и хозяйственных занятий крестьян воронежского имения графов Бутурлиных 92

А.Н. Бикташева

Модели управления Волго-Уральским регионом Российской империи: от унификации к спецификам (20-е годы XIX века) 97

Ответственный секретарь**И.Г. Оноприенко,**

доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:**М.Г. Абрамзон,**

доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

С. Атлагич,

доктор политических наук (Белградский государственный университет, Республика Сербия)

А.В. Глухова,

доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев,

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

М. Казански,

доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков,

доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов,

доктор исторических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев,

доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано,

доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов,

доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан,

доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров,

доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор и (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи представлены в авторской редакции

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*

Художественный редактор *А.Н. Оберемок*

Редактор англоязычных текстов *Е.В. Литовченко*

Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко*

E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 12.09.2016

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 25,4

Заказ 241

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Дата выхода 30.09.2016

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»

Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

В.Л. Колесникова

Экономическое состояние женских монастырей Курской и Тамбовской губерний во второй половине XIX – начале XX веков 103

Е.А. Волкова

Социально-историческая тематика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 108

Л.А. Труженикова

Дагестан в контексте трансформационных процессов в России (вторая половина XIX – начало XX века) 114

К.В. Козлов

Уездные отделения епархиальных училищных советов: исторический опыт децентрализации системы регионального управления церковным образованием в России в конце XIX – начале XX века 120

Ю.В. Антонова

Культурно-просветительская деятельность учительства Тульской губернии в конце XIX – начале XX века 125

В.В. Кулачков

Характеристика восприятия императора Николая II в правовом сознании крестьян западного региона России периода Первой мировой войны 131

Т.А. Орнатская

Кадровое обеспечение органов милиции на Дальнем Востоке России (ноябрь 1922 г. – март 1926 г.) 136

В.А. Шаповалов, Ю.Ю. Буряк

Северо-Донецкая и Южно-Донецкая железные дороги в период оккупации (1941-1943 гг.) 142

В.А. Шамрай

Участие авиации в Белгородско-Харьковской наступательной операции (первый период, 3–11 августа 1943 г.) 149

Л.И. Вавулинская

Жилищное строительство в годы «оттепели»: новации и проблемы (на материалах Карелии) 154

V.V. Vasilenko, M.I. Varfolomeeva

On the sources to study the Holocaust (on the example of Belgorodia) 160

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ**К.Г. Соколовский**

Использование религиозными террористическими организациями возможностей коммуникации в сети интернет: особенности проявления и вопросы противодействия 166

С.Б. Лугвин

Процессы рационально-бюрократической модернизации российского чиновничества в конце XVIII – начале XX вв. 172

Н.Н. Олейник, А.Н. Олейник

Переход Киевской митрополии под юрисдикцию Московского патриархата: историко-политический аспект проблемы 178

С.А. Шачнев

Межкультурная коммуникация как фактор гармонизации международного общения 182

П.И. Пашковский

Внешиполитическая традиция России: основные характеристики 188

А.П. Коротышев

Меняющаяся стратегия США в отношении Кавказского региона и ее значение для России 193

Сведения об авторах

..... 201

Информация для авторов

..... 203

**№ 15 (236), Issue 39
September 2016**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House
Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod,
308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate

ПИ № ФС 77-63054

September 10, 2015

Publication frequency: 4 / year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

rector of Belgorod State National Research University, doctor of political sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

vice-rector on scientific and innovative work of Belgorod State National Research University, doctor of technical sciences, professor

Science Editor

V.M. Moskovkin,

professor of world economy department of Belgorod State National Research University, doctor of geographical sciences

Assistant Editors

O.V. Shevchenko,

deputy head of department of scientific and innovative activity of Belgorod State National Research University, candidate of historical sciences

**EDITORIAL BOARD OF JOURNAL
SERIES**

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

vice-rector on distance and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

world history and international area studies department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin,

professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

V.N. Shilov,

professor of the cultural and political studies department, doctor of philosophical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

**Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political science**

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология

CONTENTS

WORLD HISTORY

A.Yu. Khudaverdyan, S.G. Hobosyan

Human teeth and jaws in the cultural practice of the late bronze and early iron age population from the Lori region of Armenia 5

M.V. Sychov

Ancient greeks' basileuses functions as the base of their power on the border of Homeric and Archaic periods 12

A.A. Kleymeonov

The «scorched earth» tactic or open pitched battle: choice of strategy by the Persian command in 334 BC 20

O.V. Karmazina

Samnite magistrates of Capua between 5-3 centuries BC 29

E.A. Semicheva

Breviary of Festus in the foreign and Russian historiography 35

S.V. Yartsev

Christianization of gothic population of the Northern Black Sea region as a form of Roman cultural expansion 40

V.N. Gordienko, N.N. Bolgov

Samaritan community in Caesarea of Palestine in the 3-6 cent. A. D. 47

A.D. Strzhalkovskaya, V.V. Penskoy, V.V. Lipich, V.N. Shilov

The composition and value of the morning and the evening worship in the Christian liturgical tradition of the fourth century 52

K.R. Kapsalykova

The images of military commanders in byzantine historical literature of the 10th – 11th centuries: «talentless warlord» Michael, son of Logothetes Anastasios 55

V.L. Mytz

Modern interpretations of the semantics of place names of the 6-th - 18-th centuries medieval town: Symbolon-Cembalo-Balaklava 63

K.Y. Artamonova

The orthodox church of Cyprus and the national idea of the Greek community of the island before and during the First world war 69

P.E. Ullakh

From talks to embargo: U.S. Actions on the eve of the 1965 India-Pakistan war 77

RUSSIAN HISTORY

S.N. Abukov

The first marriage inside the Rurikids and its influence on the political relations in Rus' in the end of 11-th – beginning of 12-th centuries 84

E.N. Buneeva, A.V. Perepelitsyn

Peculiarities of administrative governing, national composition and economy businesses of the Voronezh manor of counts Buturlins 92

A.N. Biktasheva

Models of the Volga-Urals region management of the Russian empire: from unification to the specificity (the twenties of 19-th century) 97

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko,
associate professor of the Russian history and
records management department, candidate of
historical sciences (Belgorod State National
Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences,
professor (Nosov Magnitogorsk State Technical
University)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade
State University, Republic of Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences,
professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences;
corresponding member, Russian Academy of
Sciences; Institute of History and Archeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch)
(Ekaterinburg, Russia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History
and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science
(Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences,
associate professor (Belgorod Juridical
Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, doctor of historical sciences,
professor (Nizhny Novgorod State University after
N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in history (University of
Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences,
professor (Kharkov National University after
V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences,
leading scientific worker (Institute of Russian
History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, doctor of historical sciences,
professor (Kharkov National University after
V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Todorov, PhD in history, associate
professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and
Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian
National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors' editing

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*

Art Editor *A.N. Oberemok*

English text Editor *E.V. Litovchenko*

Dummy layout by *I.G. Onoprienko*

E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 12.09.2016

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 25,4

Order 241

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing: 30.09.2016

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House
«Belgorod», Belgorod State National Research
University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

V.L. Kolesnikova

Economic condition of Kursk and Tambov provinces convents in the
second half of 19-th – the beginning of 20-th centuries 103

E.A. Volkova

Social and historical themes in the novel by F.M. Dostoevsky «Crime and
punishment» 108

L.A. Truzhenikova

Dagestan in the context of transformational processes in Russia (in the
second half of the 19-th – early 20-th centuries) 114

K.V. Kozlov

The district branches of eparchy schools councils: the historical experience
of regional church educational system management in Russia at the end of
19-th – the beginning of 20-th century 120

Yu.V. Antonova

Cultural and educational activities of the Tula province' teachers in the late
19-th – early 20-th century 125

V.V. Kulachkov

Characteristics of perception of emperor Nicholas II in the legal consciousness
of the peasants of the western region of Russia during the First World War 131

T.A. Ornatkaja

Personnel maintenance of militia bodies in the far east Russia (November,
1922 – March, 1926) 136

V.A. Shapovalov, Yu.Yu. Buryak

North-Donetsk and South-Donetsk railways during the occupation
(1941–1943) 142

V.A. Shamray

Participation of airforce in the Belgorod-Kharkov offensive operation (the
first period, August, 3-11, 1943) 149

L.I. Vavulinskaya

Residential construction during the thaw years: novelties and challenges
(the case of Karelia) 154

B.B. Василенко, М.И. Варфоломеева

К вопросу об источниках изучения Холокоста (на примере Белгород-
ской области) 160

POLITICAL SCIENCE

K.G. Sokolovskiy

Use of the possibilities of internet communication by religious terrorist
organizations: features of manifestation and problems of counteraction 166

S.B. Lugvin

Processes of rational-bureaucratic modernization of the Russian officialdom
in the late 18-th – early 20-th centuries 172

N.N. Oleinik, A.N. Oleinik

The transfer of the Kyiv metropolitanate to the jurisdiction of the Moscow
patriarchate: historical-political aspect of the problem 178

S.A. Shachnev

Intercultural communication as a factor of harmonization of international
communication 182

P. I. Pashkovsky

Russian foreign policy tradition: the main characteristics 188

A.P. Korotyshev

The changing US strategy in the Caucasus region and its importance for
Russia 193

Information about Authors

..... 201

Information for Authors

..... 203

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 930.26

ЗУБЫ И ЧЕЛЮСТИ ЛЮДЕЙ В КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ ЛОРИЙСКОЙ ОБЛАСТИ АРМЕНИИ

HUMAN TEETH AND JAWS IN THE CULTURAL PRACTICE OF THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGE POPULATION FROM THE LORI REGION OF ARMENIA

А.Ю. Худавердян, С.Г. Обосян
A.Yu. Khudaverdyan, S.G. Hobosyan

*Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Чаренца, 15*

*Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
15 Charenc st., 0025, Yerevan*

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Цель работы – понять знаковую нагрузку зубов (и фрагментов челюстей с зубами людей), определить роль и место последних в культурной практике населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века. У жителей бассейна р. Шнох в определенных обрядовых контекстах зубы могли использоваться в качестве медиаторов при установлении контактов с потусторонним миром. Возможно, мы сталкиваемся со следами жертвоприношений обитателям потустороннего мира, или зубы были связаны с представлениями о благополучии, плодородии, изобилии. Обнаруженные в погребениях фрагменты человеческих челюстей с зубами имеют сакральный характер. Набор зубов человеческих и животных можно рассматривать как олицетворение плодородия, благополучия и изобилия.

Resume. The paper deals with the burials and ceremonial complexes of the Late Bronze Age and Early Iron Age settlements analysis included such a category of the inventory as human teeth and jaws. The purpose of our work is to understand the symbolic load of teeth (and jaws fragments with human teeth), to define the role of the latter in the cultural practices of the population from Armenia. Teeth could be used as mediators in the interconnection with the other world among the inhabitants of Shnogh river basin in the certain ritual contexts. Perhaps we are faced with traces of sacrifices to the inhabitants of the other world, or teeth have been associated with the ideas about well-being, fertility, abundance. Fragments of the human jaws with teeth discovered in the burials have a sacred character. The humans and animals teeth can be treated (or considered) as the personification of fertility, prosperity and abundance.

Ключевые слова: Армения, эпохи поздней бронзы и раннего железа, зубы, погребальный обряд.

Keywords: Armenia, Late Bronze and Early Iron Age, teeth, jaws, funeral rite.

Каждая культура обладает редкостной символической системой, кодирующей наиболее важные, особенные черты конкретного социо-культурного сообщества. В систему кодов входят разного рода обряды, в том числе, и погребальный, отражающий мироощущение человека конкретной социальной среды, исторической эпохи, выявляющий его представления о фундаментальных категориях бытия – жизни и смерти. В каждой археологической культуре существуют стандарты погребального обряда, однако встречаются и нетрадиционные виды захоронений. В этой связи некоторые погребения с бассейна р. Шнох как раз и являются случаями, выбивающимися из традиционного канона погребального обряда. Раскопки в могильниках эпохи поздней бронзы и раннего железного века были проведены в 2006-2014 гг. под руководством С.Г. Обосяна. В настоящее время раскопки могильников – Багери чала (n=32), Барцрял (n=39), Бовер (n=50) – завершены, поэтому мы посчитали возможным провести данное исследование. В могильниках в основном практиковались два типа захоронений – погребения по обряду труположения и выставление трупов. В погребениях с сосудами, фрагментами керамики и другими артефактами присутствуют зубы или фрагменты челюстей с зубами людей. Нами зафиксированы три варианта по-

гребений, когда 1) обнаружены зубы, отсутствуют остальные части скелета человека. Это ситуация прослежена в могильниках Бовер – 32% (16/50), Багери чала – 15,63% (5/32) случаев, и в Барцрл – 12,83% (5/39) случаев. В погребениях находились от 28 - 32 зубов, однако в некоторых случаях их количество доходило только до 10. Одна часть человеческих зубов помещались с зубами крупного /КРС/ и мелкого рогатого скота /МРС/, а другая – с украшениями; 2) зафиксированы только фрагменты верхней (Барцрл: пог. 35, женщина 30-39 лет; пог. 68, индивид 20-29 лет) или нижней (Багери чала: пог. 2, мужчина 20-29 лет, Бовер: пог. 33, мужчина 30-39 лет, Барцрл: пог. 75, индивид 30-39 лет) челюстей с зубами; 3) около погребенного уложены “лишние” зубы: молодой мужчина + зубы ребенка 4-6 лет (Бовер, пог. 15). Подобные погребения обнаружены и на памятнике Лори Берд¹. С.Г. Деведжян зафиксировала в погребении 4 человеческие зубы вместе с украшениями (в частности, с бусами из аметиста, сердолика, с браслетами /9 серебряных змеиноголовых/, с золотой диадемой, намотанной на бронзовую гривну и т.д.). Зубы вместе с украшениями находились кучкой. В погребении 21 обнаружены зубы двух индивидов (взрослого + ребенка), в погребении 62 - фрагмент нижней челюсти с зубами.

В нижеуказанных комплексах с территории Евразии также вместе с костными останками людей выявлены “лишние” зубы, принадлежавшие другому индивиду. В погребении 3 днепродонецкой культуры кургана 4 могильника Попов Яр-2, был захоронен младенец (до 1 года). Рядом с умершим найдены два сосуда, бронзовая трубочка и зуб человека до 30 лет². В могильнике срубной культуры из Лабазов 1/3 в одном из 7 основных в кургане находились скелеты двух женщин. В западной части могилы размещались останки женщины 35-45 лет, сопровождавшиеся сосудом и набором украшений. В восточной части кургана находился скелет женщины 18-22 лет, близ которого локализовались сосуд и фрагменты керамики. Перед лицевым скелетом женщины находились 6 зубов ребенка 5 лет³. У носителей срубной культуры (Карабаевка I, 2/9) зуб человека коррелируется с зубами КРС, МРС и свиньи⁴. В.А. Подобед с соавторами⁵ отмечают еще 4 комплекса с территории Поволжья, где фиксируются зубы домашних копытных, помещенные в могилы после их извлечения из черепа. В погребении срубной культуры из могильника Нововасильевка 1/2 на груди мужчины 20-25 лет лежали кусочек медного шлака и 2 зуба старика. Вокруг костяка были рассыпаны астрагалы МРС (161 экз.)⁶. Есть немало примеров, когда зубы животных находились в погребениях⁷. Раскопки 2015г. у села Пиджут позволили зафиксировать на зубах свиньи отверстия, свидетельствующие об использовании их в качестве подвесок (рис. 1). Зубы, подвергнутые обработке, могут указывать и на использование их в ритуально-магических целях.

Рис. 1. Подвески с зубами свиньи у носителей из эпохи поздней бронзы и раннего железного века (Пиджут, пог. 15/а, Лорийская область)

Fig. 1. Pendants from pig teeth in carriers of Late Bronze and Early Iron Ages (Pidzhut, burial 15/a, Lori region)

В погребениях Лори Берд⁸, святилище Савин⁹, на поселении Ботай¹, в могильнике Бестамак² находились только челюсти человека. В зольнике культуры Ноуа была найдена нижняя че-

¹Деведжян С.Г. Лори-Берд. I. Ереван, 1981. С. 59-60.

²Полідович Ю.Б., Кравченко Е.Є., Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В. Дослідження курганів групи Попов Яр 2 на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ, 2012. С. 215.

³Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Кушцова Л.В., Салутина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург, 2009. С. 9-10.

⁴Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Зубы человека в обрядах племен Поволжья эпохи бронзы // Поволжская археология. 2013. №3/5. С. 66.

⁵Там же.

⁶Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами алычиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1991. С. 64, 66.

⁷Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 376.

⁸Деведжян С.Г. Указ. соч. С. 44.

⁹Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах неолита – ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) // Российская археология. 1993. № 1. С. 250.

люсть взрослого мужчины с прижизненно подпиленными зубами³. Модификация зубов (удаление и подпиливания резцов) отмечена и у античного населения Ширавской равнины⁴. В святилище городища Глинжень II, относящемся к раннегалльскому культурному комплексу Козия-Сахарна, обнаружены многочисленные залощенные фрагменты верхних и нижних челюстей людей с подпиленными или частично вырванными зубами⁵. По мнению исследователей, после смерти этих людей, части их челюстей с подпиленными или вырванными зубами использовались в качестве амулетов⁶. При раскопках поселения городищной культуры близ с. Андреевка, был обнаружен обломок верхней челюсти человека с отверстиями “для надевания на ремень” и 6 зубов, которые находились во фрагменте челюсти⁷. П.Д. Степанов⁸ отмечал, что обломок верхней челюсти крепился к конской упряжи и мог являться своеобразным военным трофеем, показателем воинской доблести. А в провале надмогильного сооружения 12-го и 13-го погребений Кипчаковских курганов зафиксированы пять подвесок из вырубленных челюстей человека. По мнению А.А. Хохлова, эти украшения были изготовлены из челюстей одного человека: женщины 18–30 лет⁹. Подвеска, созданная аналогичным образом из фрагмента нижней челюсти, была найдена при исследовании Серенькинского городища эпохи раннего железного века¹⁰.

Цель данного исследования – понять знаковую нагрузку зубов (и фрагментов челюстей с зубами людей), определить роль и место последних в культурной практике населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века с бассейна р. Шнох.

Зубы и челюсти людей использовались для оказания воздействия. Это относится в сфере т.н. “контагиозной” магии, основным принципом которой является то, что имея у себя чьи-то зубы, можно на любом расстоянии навязать свою волю их владельцу. Магическое использование зубов с положительной целью фиксируется у многих народов¹¹. В Армении традиционно считали, что выпавшие молочные зубы ребенка нельзя выбрасывать. В народе существовало поверье: оставлять зубы ребенка под тахтой с надеждой, что мышка их унесет. Считалось, что после этого у человека будут отличные зубы. Немецкие крестьяне полагали, что если выпавший молочный зуб ребенка засунуть в мышиную норку, ребенок на всю жизнь избавится от головной боли. В ходе другой манипуляции владелец выпавшего (или вырванного) зуба заходил за печь, бросал зуб через голову и произносил: “Дай мне, мышка, твой железный зуб. На, возьми мой зуб костяной”¹². А армянские крестьяне бросали зуб, выпавший у ребенка, произнося: “На тебе мышка собачий зуб и дай мне зуб ягненка”. В Карелии молочный зуб бросали в щель между стеной и печью (или на колпак печи) и при этом говорили: “Вот тебе, мышка, зуб репный, а мне дай костяной”¹³. А хакасы вминали зубы в хлеб, который потом бросали собаке со словами: “Плохой зуб сама возьми, хороший зуб мне дай!”¹⁴. У приазовских греков существовала практика подвешивания к “чудотворным” иконам небольших железных, серебряных или медных вотивов. Форма их была разнообразная: в виде фигурок людей, частей человеческого тела (рука, нога, зуб, голова, глаз, сердце)¹⁵. М.М. Горбова¹⁶ счи-

³ Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных останках людей с энеолитического поселения Ботай. Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 123, 125.

⁴ Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения каменного века могильника Бестамак // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. С. 147.

⁵ Литвинова Л.В. Антропологический материал из раннегалльского зольника цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995. С. 92.

⁶ Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos. 2011. Vol. 106 (2). P. 606–607.

⁷ Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995. С. 30–31; Литвинова Л.В. Указ. соч. С. 91–97; Кашуба М.Т. Глинжень II: свидетельства ритуалов IX–VIII вв. до н.э. в Среднем Поднестровье // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 60.

⁸ Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжени II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тирасполь, 1994. С. 31.

⁹ Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 81.

¹⁰ Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 86–87.

¹¹ Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 79.

¹² Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 202.

¹³ Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 74.

¹⁴ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1983. С. 43–44.

¹⁵ Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Волдзерья: обряды, обычаи и конфликты. М., 2010. С. 121.

¹⁶ Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 217.

¹⁷ Горбова М.В. Вотивные привески в собрании Донецкого областного краеведческого музея // Каталог. Донецк, 2003. С. 5, 13; Мариупольські греки. Скарбина родної культури // Огляд грецької етнографічної колекції Мариупольського краєзнавчого музею. Донецьк, 2005. С. 5, 17.

¹⁸ Горбова М.В. Атрибуції колекції вотивів із зібрання Донецкого областного краєведческого музею // Збереження, дослідження, консервація, реставрація та експертиза музейних пам'яток. Наукові доповіді VI Міжнародної науково-практичної конференції. Київ, 2008. Ч. I. С. 127.

тает, что в акте подвешивания их к иконам проявляется “желание передать болезнь всего организма или какой-то части его изображению”.

Существовали также мнения о том, что, воздействуя на зуб, можно нанести вред человеку, которому зуб принадлежал. По этой причине выпавшие или вырванные зубы прятали. Данный обычай зафиксирован у аборигенов Австралии и народов Африки¹. Выпавшие зубы южные славяне забивали в ствол дерева (дуба, вербы)², а предки приазовских греков в торце двери хранили зубы³. Согласно другим этнографическим данным, зубы, хранящиеся в торце двери и/или внутри стены, выполняли три функции: охраняющую, защитную, оберегающую⁴.

В зубах концентрируется магическая сила их обладателя. Герой ирландской мифологии Финн мог узнать будущее, дотронувшись пальцем к чудесному зубу, находившемуся у него во рту⁵. Отголоски представлений о концентрации магической силы в зубах можно найти в верованиях у разных народов. На Русском Севере верили, что “колдун обладает силой... пока у него целы все зубы”⁶. Русские Водлозерья считали, что колдуны, шаманы, ведуны, лишившиеся последних зубов, уже не могут лечить, наводить порчу, передать свои способности преемнику. Поэтому, когда у них выпадала большая часть зубов, они пытались найти восприимчивых к своим знаниям⁷.

Известно, что зубы выдающихся личностей обладают особой силой. В итоге эти зубы становились святынями. Последователи буддизма почитают зуб Шакьямуни, уцелевший после кремации мудреца⁸. Мусульмане поклоняются зубам святого Увейса аль-Карани, полуисторической-полулегендарной личности⁹. Зубы святой Аполлонии, которые выбили женщине истязавшие ее язычники, “во многих местах сохраняются как святыни”¹⁰.

Зубы ассоциировались с сексуальной сферой. В нарттовском эпосе осетин фигурирует т.н. “Аркызов” зуб, благодаря которому Хамыц без труда домогается женщины¹¹. Упомянутый зуб выступает в Нартиаде и под другими названиями – “булатный зуб”, “щербатый зуб”, “золотой зуб”. Хамыц получил чудесный зуб от женщины – своей родственницы. В фольклоре айнов и арапах фигурируют женщины, детородные органы которых обрамлены зубами¹². Отзвуки данного мотива можно найти и в русских сказках¹³. Н.Е. Мазалова¹⁴ упоминает поверье у русских, согласно которому у “более слабого колдуна” выпадение зубов случается в связи с рождением детей. В первой сцене первого акта трагедии В. Шекспира “Ромео и Джульетта”¹⁵, возможно, также отразилась связь зубов с сексуальной сферой. Один из слуг Капулетти, желая оскорбить слуг Монтекки и завязать ссору, грызет ноготь. “Грызть ноготь большого пальца, щелкая им о зубы, считалось оскорблением (таким же, как показать язык)”¹⁶. Язык во многих ситуациях носит не только оскорбительный, но и эротический подтекст.

Зубы ассоциировались с представлениями о благополучии. Отголоски данной ассоциации можно найти в осетинской Нартиаде. В одном из сказаний об Аркызовом зубе отмечено, что этот предмет “выполнял все желания”¹⁷.

Зубы выступали в качестве медиаторов, позволявших установить контакт с иным миром. У многих древних народов зубы людей, принесенных в жертву, наряду со скальпами, чашами, светильниками из черепов, дудочками из костей и т.п., считались действенными инструментами для общения посвященных, жрецов и шаманов с потусторонними силами, прежде всего, из мира мертвых¹⁸. Ассоциация зубов с иным миром отразилась и в Нартиаде. Аркызов зуб превращает женщину, отвергающую притязания Хамыца, в змею¹⁹. И в башкирском фольклоре фигурирует живущая на дне озера убыр (ведьма), которая способна извлекать изо рта свои зубы и то-

¹Фрезер Д.Д. Указ. соч. С. 43; Геннеп А. Указ. соч. С. 74.

²Усачева В.В. Зубы. Славянская мифология – 2. URL: <http://pagan.ru/slowar/z/zuby8.php> (29.02.2015.)

³Подобед В.А., Зубчук А.Н., Цимиданов В.В. Указ. соч. С. 62.

⁴Алпояджян А. История армян Кесарии: Географическое, историческое и этнографическое исследование. Каир: Изд-во Патриотического союза Кесарии и ее окрестностей, 1937. Т. 2. С. 1792.

⁵Ирландские народные сказки. Мудрая Унах. URL: <http://www.hobbitaniya.ru/irish/irish22.php>. (29.02.2015.)

⁶Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2000. С. 383.

⁷Логинов К.К. Указ. соч. С. 328.

⁸Волкова О.Ф. Траястринса // Мифологический словарь. М., 1991. С. 548.

⁹Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л. «Святые» реликвии: миф и действительность. М., 1987. С. 33.

¹⁰Аполлония святая. Энциклопедический словарь. Т. I^а. Алтай - Арагвай. СПб., 1890. С. 206.

¹¹Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. М., 1989. С. 273-277.

¹²Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 327.

¹³Там же. С. 325-326..

¹⁴Мазалова Н.Е. Смех в магических практиках русского колдуна // Уведи меня, дорога: Сборник статей памяти Т.А. Бернштам. СПб, 2010. С. 191.

¹⁵Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 36. М., 1968. С. 28.

¹⁶Аникст А., Морозов М. Примечания // Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М., 1968. Т. 36. С. 775.

¹⁷Нарты. Указ. соч. С. 276.

¹⁸Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии, 2004. № 3. С. 56.

¹⁹Нарты. Указ. соч. С. 276.

чить на них топор¹. В данном случае можно также констатировать наличие семантической связи зубов с подводным миром. Отголоски ассоциации зубов с этим миром сохранились и в марийской сказке «Сереброзубая Пампалче». Здесь повествуется о том, как владыка вод решил взять себе в жены девушку с серебряными зубами. Чтобы спастись от Водяного, та залепила свои зубы еловой смолой и в итоге некоторое время осталась неузнанной².

Приведенные некоторые этнографические и фольклорные параллели позволяют допустить, что у носителей эпохи поздней бронзы и раннего железного века в определенных обрядовых контекстах зубы могли использоваться в качестве медиаторов при установлении контактов с потусторонним миром. Как известно, предметы-медиаторы обладают семантической двунаправленностью, т.е. используются как для того, чтобы открыть границу между мирами, так и для того, чтобы заблокировать ее³. Не углубляясь в данную проблематику, отметим лишь следующее. Лорийская область Армении богата медными рудниками, с эпохи ранней бронзы здесь развивалась технология горного дела, металлургии и металлообработки. В данном случае, возможно, мы сталкиваемся или со следами жертвоприношений обитателями потустороннего мира, или зубы были связаны с представлениями о благополучии, плодородии, изобилии. Обнаруженные фрагменты человеческих челюстей с зубами имеют скорее сакральный характер. В некоторых погребениях зубы человека коррелируются с зубами КРС, МРС. Перед нами – набор домашних животных, которые обеспечивали племя пищей и другими ресурсами. Отсюда правомерно допускать, что набор зубов человеческих и животных можно рассматривать как олицетворение плодородия, благополучия и изобилия. Что касается погребения взрослого и зубов ребенка, то хочется обратить внимание на то, что зубы ребенка похоронены рядом с мужчиной. Выше мы отмечали, что у многих народов существовал обычай прятать молочные зубы. Возможно, и в данном случае мы сталкиваемся с проявлениями подобного обычая. Поскольку «текст» «взрослый +зубы ребенка» единичен, дать ему более или менее убедительную трактовку затруднительно.

Подводя итог, отметим, что предложенные гипотезы нуждаются в проверке на более репрезентативной сводке палеоматериалов. Отсюда важным является введение в научный оборот новых комплексов с зубами и челюстями людей, а при раскопках погребений – распознавание этих комплексов.

Библиография

- Алподжян А. История армян Кесарии: Географическое, историческое и этнографическое исследование. Каир: Изд-во Патриотического союза Кесарии и ее окрестностей, 1937. Т. 2.
- Алтын-сака – Золотая бабка. Башкирская сказка. URL: http://www.niworld.ru/Skazki/Skazki_nar_Ros/Sentiabr/Altin.htm. (22.02.2015)
- Аникст А., Морозов М. Примечания // Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1968. Т. 36. С. 775-800.
- Аполлония святая. Энциклопедический словарь. Т. I^а. Алтай – Арагвай. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1890. С. 206.
- Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л. «Святые» реликвии: миф и действительность. М.: Политиздат, 1987.
- Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 217-222.
- Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 36. М.: Художественная литература, 1968.
- Винокуров Н.И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии, 2004. №3. С. 56-62.
- Волкова О.Ф. Траястринса // Мифологический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1991. С. 548.
- Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995.
- Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжены II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Материалы Международной археологической конференции. Тирасполь, 1994. С. 31.
- Горбова М.В. Атрибуции коллекции вотивов из собрания Донецкого областного краеведческого музея // Збереження, дослідження, консервація, реставрація та експертизамузейних пам'яток. Наукові доповіді VI Міжнародної науково-практичної конференції. Київ, 2008. Ч. I. С. 127.
- Горбова М.В. Вотивные привески в собрании Донецкого областного краеведческого музея. Каталог. Донецк: Донбасс, 2003.

¹Алтын-сака – Золотая бабка. Башкирская сказка. URL: http://www.niworld.ru/Skazki/Skazki_nar_Ros/Sentiabr/Altin.htm. (22.02.2015.)

²Марийская сказка «Сереброзубая Пампалче». URL: <http://www.mari-obereg.narod.ru/novosti23.html>. (02.03.2015. 29.02.2015.)

³Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 95.

- Деведжян С.Г. Лори-Берд. I. Ереван: АН Арм ССР, 1981.
- Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 79–88.
- Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 202–206.
- Ирландские народные сказки. Мудрая Унах. URL: <http://www.hobbitaniya.ru/irish/irish22.php>. (29.02.2015)
- Кашуба М.Т. Хлинжень II: свидетельства ритуалов IX–VIII вв. до н.э. в Среднем Поднестровье // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 60–64.
- Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1991. С. 64–66.
- Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: АСТ, Астрель, 2000.
- Литвинова Л.В. Антропологический материал из раннегальштатского зольника цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995. С. 92–99.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Погребения каменного века могильника Бестамак // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009.
- Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М: Русский Фонд, 2010.
- Мазалова Н.Е. Смех в магических практиках русского колдуна // Уведи меня, дорога: Сборник статей памяти Т.А. Бернштам. СПб.: МАЭ, 2010. С. 191–199.
- Марийская сказка «Сереброзубая Пампалче». URL: <http://www.mari-obereg.narod.ru/novosti23.html>. 2.03.2015. (29.02.2015.)
- Маріупольські греки. Скарби народної культури // Оглядгребської етнографічної колекції Маріупольського краєзнавчого музею. Донецьк: Астро, 2005. С. 5–17.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: ОГПУ, 2009.
- Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. М.: Наука, 1989.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Зубы человека в обрядах племен Поволжья эпохи бронзы // Поволжская археология. 2013. №3/5. С. 59–66.
- Полідович Ю.Б., Кравченко Е.Є., Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В. Дослідження курганів групи Попов Яр 2 на Донеччині // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ, 2012. С. 215.
- Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах неолита – ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала. По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) // Российская археология. 1993. №1. С. 250–256.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986.
- Рослякова Н.В., Косинцев П.А. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012. С. 376–381.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных останках людей с энеолитического поселения Ботай. Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1984.
- Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 81–85.
- Степанов П.Д. Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 86–87.
- Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 95–99.
- Усачева В.В. Зубы. Славянская мифология – 2. URL: <http://pagan.ru/slowar/z/zuby8.php> (29.02.2015.)
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983.
- Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos. 2011. Vol.106 (2). P. 602–609

References

- Alpoyadzhyan A. Istoriya armyan Kesarii: Geograficheskoe, istoricheskoe i ehtnograficheskoe issledovanie. Kair: Izd-vo PatrioticheskogosoyuzaKesariiieokrestnostej, 1937. T. 2.
- Altyn-saka – Zolotaya babka. Bashkirskaya skazka URL: http://www.niworld.ru/Skazki/Skazki_nar_Ros/Sen-tiabr/Altin.htm. (22.02.2015).
- Anikst A., Morozov M. Primechaniya // Vil'jam Shekspir. Tragedii. Sonety. Biblioteka vseмирnoj literatury. Seriya pervaya. M.: Khudodzhestvennaya literature, 1968. T. 36. Pp. 775–800.
- Apolloniya svyataya. Enciklopedicheskij slovar'. T. I A. Altaj - Aragvaj. SPb.: Semenovskaya Tipo-Litografiya, 1890. P. 206.
- Arutyunov S.A., Zhukovskaya N.L. «Svyaty» relikvii: mif i dejstvitel'nost'. M.: Politizdat, 1987.
- Butanaev V.Ya. Vospitanie malen'kih detej u hakasov // Tradicionnoe vospitanie detej u narodov Sibiri. L.: Nauka, 1988. Pp. 217–222.
- Devedzhyan S.G. Lori-Berd. I. Erevan: AN Arm SSR, 1981.
- Frezer D.D. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii. M.: Politizdat, 1983.
- Gennepe A., van. Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie bryadov. M.: Vostochnaya literature, 1999.

- Gol'ceva N.V., Kashuba M.T. Glinzhen' II. Mnogoslojnyj pamyatnik Srednego Podnestrov'ya. Tiraspol', 1995.
- Gol'ceva N.V., Kashuba M.T. O kul'turno-hronologicheskoy stratigrafii gorodishcha Glinzheny II // Drevnejshie obshchnosti zemledel'cev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya V tys. do n.eh. – V v. n.eh. Materialy Mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii. Tiraspol', 1994. P. 31.
- Gorbova M.V. Atribucii kollekciij votivov iz sobraniya Doneckogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya // Zberezheniya, doslidzhennya, konservaciya, restavraciya ta ekspertiza muzejnih pam'yatok. Naukovi dopovidi VI Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferencii. Kiïv, 2008. CH. I. P. 127.
- Gorbova M.V. Votivnye priveski v sobranii Doneckogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Katalog. Doneck: Donbass, 2003.
- Irlandskie narodnye skazki. Mudraya Unah. URL: <http://www.hobbitaniya.ru/irish/irish22.php>. (29.02.2015).
- Ivanov V.A. Gorodishche Seren'kino – pamyatnik p'yanoborskoj kul'tury v nizov'yah reki Beloj // Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2003. Vyp. 4. Pp. 202-206.
- Kashuba M.T. Hlinzhen' II: svidetel'stva ritualov IX–VIII vv. do n.eh. v Srednem Podnestrov'e // Svyatishcha: arheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematiceskoy nauchnoj konferencii. SPb.: SPbGY, 2000. Pp. 60-64.
- Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos, 2011. Vol.106 (2). P. 602-609
- Kovaleva I.F. Srubnye pogrebeniya s naborami al'chikov // Issledovaniya po arheologii Podneprov'ya. Dnepropetrovsk: DGU, 1991. Pp. 64-66.
- Levkievskaya E. Mify russkogo naroda. M.: AST, Astrel', 2000.
- Litvinova L.V. Antropologicheskij material iz rannegal'shtatskogo zol'nika citadeli gorodishcha Glinzhen' II // Gol'ceva N.V., Kashuba M.T. Glinzhen' II. Mnogoslojnyj pamyatnik Srednego Podnestrov'ya. Tiraspol', 1995. S. 92-99.
- Loginov K.K. Tradicionnyj zhiznennyj cikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty. M.: Pusskij fond, 2010.
- Logvin A.V., Shevnina I.V. Pogrebeniya kamennogo veka mogil'nika Bestamak // Problemy izucheniya kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoj zony Vostochnoj Evropy. Orenburg: OGPU, 2009.
- Marijskaya skazka «Serebrozubaya Pampalche». URL: <http://www.mari-obereg.narod.ru/novosti23.html>. (2.03.2015. 29.02.2015).
- Mariupol's'ki greki. Skarbi narodnoï kul'turi // Oglyad grec'koï etnografichnoï kolekciï Mariupol's'kogo kraevnashchego muzeyu. Doneck: Astro, 2005. Pp. 5-17.
- Mazalova N.E. Smekh v magicheskikh praktikah russkogo kolduna // Uvedimenya, doroga: Sbornik statej pamyati T.A. Bernshtam. SPb.: MAE, 2010. Pp. 191-199.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Evgen'ev A.A., Kitov E.P., Kupcova L.V., Salugina N.P., Hohlova O.S., Hohlov A.A. Labazovskij kurgannyj mogil'nik srubnoj kul'tury. Orenburg: OGPU, 2009.
- Narty. Osetinskij geroicheskij ehpos v trekh knigah. Kn. 2. M.: Nauka, 1989.
- Podobed V.A., Usachuk A.N., Cimidanov V.V. Zuby cheloveka v obryadah plemen Povolzh'ya ehpoi bronzы // Povolzhskaya arheologiya. 2013. N 3/5. Pp. 59-66.
- Polidovich Yu.B., Kravchenko E.E., Pidobid V.A., Usachuk A.M., Cimidanov V.V. Doslidzhennya kurganiv grupi Popov Yar 2 na Donechchini // Arheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2011. Kiïv, 2012. P. 215.
- Potemkina T.M., Kovaleva V.T. O nekotorykh aktual'nykh problemakh neolita – rannej bronzы leso-stepnoj i lesnoj zony Urala. Po materialam V polevogo simpoziuma (Tyumen', 1991) // Rossijskaya arheologiya. 1993. N 1. Pp. 250-256.
- Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: LGU, 1986.
- Roslyakova N.V., Kosincev P.A. Arheozoologicheskie komplekсы iz mogil'nikov epohi pozdnej bronzы Samar-skogo Povolzh'ya // Bronzovyy vek. Epoha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov Samarskoj oblasti). Samara, 2012. Pp. 376-381.
- Rykushina G.V., Zajbert V.F. Predvaritel'noe soobshchenie o skeletnykh ostankah lyudej s ehneoliticheskogo poseleniya Botaj. Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Chelyabinsk: Bashkir. un-t, 1984.
- Stepanov P.D. Arheologicheskaya rabota v vostochnoj chasti Mordovskoj ASSR v 1967–1968 gg. // Materialy po arheologii i ehtnografii Mordovii. Saransk, 1974. Pp. 81-85.
- Stepanov P.D. Voinskie trofei v pogrebeniyah Andreevskogo kurgana Mordovskoj ASSR // KSIA. 1973. Vyp. 136. Pp. 86–87.
- Toporkov A.L. Simvolika i ritual'nye funkciï predmetov material'noj kul'tury // Etnografi-cheskoe izuchenie znakovyh sredst vkul'tury. L.: Nauka, 1989. Pp. 95-99.
- Usacheva V.V. Zuby. Slavyanskaya mifologiya – 2. URL: <http://pagan.ru/slowar/z/zuby8.php> (29.02.2015).
- Vil'jam Shekspir. Tragedii. Sonety / Biblioteka vseмирnoj literatury. Seriya pervaya. T. 36. M.: Khudozhestvennaya literature, 1968.
- Vinokurov N.I. Praktika chelovecheskikh zhertvoprinoshenij v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nykh zahoronenij Krymskogo Priazov'ya) // OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii, 2004. № 3. Pp. 56-62.
- Volkova O.F. Trayastrinsa // Mifologicheskij slovar'. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1991. S. 548.
- Zubov S.Eh. Kipchakovskij kul'turno-hronologicheskij gorizont v sisteme p'yanoborskoj kul'tury // Ufimskij arheologicheskij vestnik. 2007. Byp. 6–7. Pp. 79-88.

УДК 94(30).02..930.272

ФУНКЦИИ БАСИЛЕЕВ РУБЕЖА ГОМЕРОВСКОГО И АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА КАК ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА УДЕРЖАНИЯ ИМИ ВЛАСТИ**ANCIENT GREEKS' BASILEUSES FUNCTIONS AS THE BASE OF THEIR POWER ON THE BORDER OF HOMERIC AND ARCHAIC PERIODS****М.В. Сычѐв****M.V. Sychov***Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4**Belarussian State University,
4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, The Republic of Belarus**E-mail: houstofliberary@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу власти басилеев в эллинском обществе рубежа Гомеровского и Архаического периодов. Данный рубеж важен потому, что именно тогда формировалось эллинское единство, а также такое уникальное явление как полис, закладывались основы того, что позже сделало эту цивилизацию столь неповторимой и основополагающей для последующей европейской истории. В результате анализа данных как письменных, так и археологических источников удалось установить причину подчинения басилеям остального общества. Басилеи выполняли функции воинскую, судебную, принятия ключевых решений и представительства перед богами. Последняя функция являлась ключевой. Причина удержания ими власти крылась в мировоззрении. В ходе исследования удалось установить, что басилеи были нужны обществу в качестве посредников между коллективом и божествами, потому что именно отношение богов к басилею определяло отношение ко всему народу басилея. Такое посредничество было возможно потому, что басилеи считались потомками Зевса.

Resume. This article is devoted to the analyses of the base of king's (basileus) power in Hellenic society on the border of Homeric and Archaic periods. This time is important because of forming of Hellas' unity and such important phenomenon as polis. The foundation of the civilization's main features were forming during that time too. Exactly that features would make the civilization so unique and fundamental for the subsequent European history. The result of researching both written and archaeological sources was finding out the reason of kings' leadership in ancient Greek society. Kings had different functions: military, judiciary, key decision-making and representation in the face of the gods. The main function was the last one. Kings had their power because of people's world view. It was found that kings were necessary as a intermediary between gods and people: gods' attitude to the king determined gods' attitude to the whole people of the king. It was possibly because the kings considered as a descendants of Zeus.

Ключевые слова: Древняя Эллада, Гомеровский период, Архаический период, басилеи, Гомер, Гесиод.

Key words: Ancient Greece, ancient Greek kings, Homeric period, Archaic period, Homer, Hesiod.

Во время перехода от Гомеровского периода к Архаическому формировалось эллинское единство, а также такое уникальное явление как полис. Заклаывались основы того, что позже сделало эту цивилизацию столь неповторимой и основополагающей для последующей европейской истории. Данному периоду синхронны два эллинских автора, оба – эпические поэты, чьё творчество сохранилось до наших дней: Гомер и Гесиод.

Немалый интерес для этого времени представляют функции правителей (басилеев) в общинах-полисах. Во многих коллективах выдвигались версии поддержания их власти ввиду полезности этой власти для коллектива. Иными словами, их функции служили основанием для их власти. Из концептуального описания¹ можно выделить активные глаголы, то есть те действия, которые были характерны для басилеев, они объединяются в функции. Для того, чтобы определить, влияла ли функция на получение и удержание власти, нужно не только выявить её полезность для коллектива, но и найти пример получения статуса басилея, благодаря

¹ Концептуальное описание служит для определения значения слова без влияния позиций как исследователя, так и автора источника. Рассматриваются значения корня, потом морфем; затем все ситуации употребления слова в данном источниковом массиве (зависимые от него слова, связанные с оным однородные члены предложения и т.д.), ситуации, повторяющиеся два и более раз, попадают в ядерное определение, которое и используется в дальнейшем и позволяет понять, что под данным словом понимали по умолчанию в данной языковой среде.

исключительно хорошему исполнению данной функции, или слова о недостойности человека звания *басилея* в связи с ненадлежащим её исполнением.

Ни Гомер, ни Гесиод не разместили в своих произведениях конкретного списка функций *басилеев*. Потому в этом вопросе в любом случае придётся во многом ориентироваться на современные представления. Прежде всего, это касается принципов объединения разных действий *басилеев* в функции. Но, исходя из сложившихся сегодня понятий, можно выделить следующие функции *басилеев*.

Воинская функция. Практически вся «Илиада» и часть «Одиссеи» посвящены описанию боевых подвигов *басилеев*. Герои большую часть первой поэмы и значительную часть второй сражаются, что в большой мере определено тематикой поэм, но выбор тематики также показателен. Это свидетельствует о наличии у *басилеев* воинской функции. *Басилеи* были предводителями войска и лучшими воинами. Как уже давно было выявлено исследователями, в большинстве случаев исход битв в «Илиаде» решался в поединках именно между такими воинами.¹ Колесницы просто доставляли их к месту поединка и иногда являлись трофеем победителя, сражались же воины пешими (Ном. II, X, 498-501; XI, 328-329; XII, 110-111). Х. Туманс на основе данных эпоса и росписей керамики доказывает реальность этих описаний.²

С другой стороны, отдельные строки «Илиады» явно не соответствуют этой картине. В наставлении Нестора пилосцам сказано о строе колесниц и сражении не сходя с оных (Ном. II, IV, 301-307). Это совсем не похоже на применение колесниц лишь для доставки героя к месту поединка. С другой стороны, в «Илиаде» есть и описание плотно сомкнутого строя пехотинцев (Ном. II, XII, 107; XIII, 130-134; XVI, 211-217). Эти строки Дж. Керк считает описанием практически такой же фаланги, какая существовала в Классический период.³ Но все эти изменения свидетельствуют в основном лишь о неоднородности источника. Именно в этом ключе строки с описанием гоплитской тактики приводит Л.С. Клейн.⁴ Основная же эпическая реальность, описывающая реалии VIII в. до н.э., таких эпизодов не знает.

Успехи *басилеев* в самом распространённом в эпосе типе боя отчасти обеспечивались превосходством их вооружения. Доспех наподобие аргосского вполне мог им обеспечить значительное преимущество на поле боя. На сегодняшний день этот знаменитый аргосский доспех, найденный в гробнице № 45 – единственный пример находки полного бронзового вооружения данного периода,⁵ потому он мог бы быть исключением, лишь подтверждающим правило (как могила вождя в Лефканди), если бы не данные письменных источников. Наличие у *басилеев* отличного от остальных воинов вооружения подтверждает то, что в поэмах это вооружение описывается во всех подробностях и с восхищением, как, например, в строках о вооружении Париса перед поединком с Менелаем (Ном. II, III, 330-338). На росписи Дипилонского парижского сосуда А 517 воин в доспехах сражается против нескольких без таковых.⁶ Это указывает на тот факт, что подобное вооружение имелось не у всех воинов, но, с другой стороны, показывает, что доспехи были явлением достаточно обычным, чтобы попасть на роспись сосуда.

Х. Туманс, апеллируя, в частности, к словам Сарпедона, убедительно доказывал, что причина авторитета *басилеев* в коллективе кроется в их доблести.⁷ Как мы видим, успехи *басилеев* на поле боя во многом определялись превосходством их вооружения, соответственно, также во многом достигались благодаря богатству, позволявшему такое вооружение получить.

Существуют и гораздо более серьёзные возражения против версии Х. Туманса. О ратных подвигах женихов Пенелопы Гомер ничего не пишет, что не мешает, по крайней мере, двоим из них называться *басилеями* (Ном. Od. XVIII, 64-65; XXIV, 179). Более того, Парис в поединке с Менелаем показал отсутствие доблести, Елена его корит за это, но не говорит, что он недостойн быть *басилеем* (Ном. II, III, 428-436). В рассказе о женихах Пенелопы есть ещё один интересный эпизод. После того, как женихи отчаялись натянуть лук Одиссея, сам Одиссей (скрывающийся под личиной нищего) просит дать ему попробовать это сделать. Антиной негодует на такую просьбу (Ном. Od. XXI, 257-310). На это Пенелопа говорит, что даже если нищий натянет лук, он не получит обещанной женихам награды, то есть, не возьмёт её в жёны (Ном. Od. XXI, 312-319). Проявив эту самую доблесть, нищий даже в идеальном мире гомеровских героев не может рассчитывать на награду, предназначенную для *басилеев*.

Надлежащее исполнение *басилеями* воинской функции, безусловно, приносило большую пользу их общинам. Однако ненадлежащее её исполнение (как в случае с Парисом) не лишало статуса *басилея*. Из этого следует, что не доблесть на полях сражений была причиной получения и удержания власти *басилеями*.

¹ Cartledge P. Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // The Journal of Hellenic Studies. Volume 97. 1977. P. 11-27; Van Wees H. The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx // Greece and Rome. Series 2. № 2. 1994. P. 131-155.

² Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 169-171.

³ Kirk G.S. The songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 186-187.

⁴ Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб., 1998. С. 145.

⁵ Coldstream J.N. Geometric Greece 900-700 BC. London, 2003. P. 146.

⁶ Coldstream J.N. Ibid. P. 127.

⁷ Туманс Х. Указ. соч. С. 72-83.

Судебная функция. В «Трудах и днях» Гесиод пишет:

ἦδη μὲν γὰρ κλῆρον ἐδασσάμεθ', ἄλλα τε πολλὰ
ἀρπάζων ἐφόρεις μέγα κυδαίνων βασιλῆας
δωροφάγους, οἱ τήνδε δίκην ἐθέλουσι δικάσσαι (Hes. Erga 37-39).

Ибо действительно земельный надел разделён, всё же многое
награбив унёс ты, весьма возвеличивая басилеев
любителей даров, которые таким судом хотят судить.

Здесь к бацилеям применён глагол «судить» (δικάζω). В приписываемом Гесиоду поэтическом фрагменте обращает на себя внимание эпитет басилеев θεμιστολόγος – творящие суд (Hes. fr. X, 1). В этом и проявляется судебная функция.

Процедура проведения суда басилеев показана на щите Ахилла:

λαοὶ δ' εἰν ἀγορῇ ἔσαν ἄθροοι· ἔνθα δὲ νεῖκος
ὠρώρει, δὺο δ' ἄνδρες ἐνεΐκεον εἵνεκα ποινῆς
ἀνδρὸς ἀποφθιμένου· ὃ μὲν εὐχετο πάντ' ἀποδοῦναι
δῆμῳ πιφαύσκων, ὃ δ' ἀναίνετο μηδὲν ἐλέσθαι·
ἄμφω δ' ἰέσθην ἐπὶ ἱστορί πεῖραρ ἐλέσθαι.
λαοὶ δ' ἀμφοτέροισιν ἐπῆλυον ἀμφὶς ἄρωγοι·
κῆρυκες δ' ἄρα λαὸν ἐρήτυον· οἱ δὲ γέροντες
εἶατ' ἐπὶ ξεστοῖσι λίθοις ἱερῶ ἐνὶ κύκλῳ,
σκῆπτρα δὲ κηρύκων ἐν χέρσ' ἔχον ἡεροφώνων·
τοῖσιν ἔπειτ' ἦϊσσαν, ἀμοιβηδὶς δὲ δικάζων.
κεῖτο δ' ἄρ' ἐν μέσσοισι δὺο χρυσοῖο τάλαντα,
τῷ δόμεν ὃς μετὰ τοῖσι δίκην ἰθύντατα εἴποι (Hom. Il. XVIII, 497-508).

Народы на площади были собранные вместе; там ссора
уже поднялась, двое мужей бранились из-за возмещения
за мужа умершего; один клялся, (что) всё отдал
народу объявляя, второй отрицал, (что) взял;
оба были отправлены к судье решение получать.
Народы обоих криками ободряли кругом защищающие;
лакеи так народ унимали; старцы
говорили на полированных камнях в огромном круте,
посохи лакеев в руках держали,
ими тогда потрясали, поочерёдно выносили приговор.
Лежали в середине два золотых таланта,
(чтобы их) тому отдать, который среди них решение наиболее
справедливое сказал бы.

Означенные здесь старцы — бацилеи. Это видно из того, что как показано выше, именно бацилеи осуществляли суд, а также по примеру названных таким же термином старцев, окружавших Приама.

Данное описание делает более понятным суд Париса. Он был освещен в столь же древнем, как и «Илиада» эпическом цикле «Киприи», но от самого цикла сохранились лишь небольшие отрывки, эпизод с судом Париса известен лишь в пересказе византийского автора IX в. патриарха Фотия. Из-за пересказа в очень позднем источнике эпизод не может служить источником для рассматриваемого вопроса сам по себе, но в данном случае он лишь ярче раскрывает только что процитированные строки Гомера. Парис получает награду за вынесенное судебное решение, так же, как в описанном Гомером эпизоде два таланта золота достанутся тому из старцев, «который среди них решение наиболее справедливое сказал бы». Потому абсолютно логичным становится то, что на суде между Гесиодом и Персом бацилеи за признание правоты Перса получают подарки: за признание правоты Гесиода они, видимо, также получили бы их.

Но бацилеи, по-видимому, не могли решать судебным порядком конфликты между бацилеями, потому подобные споры уладить, зачастую, можно было либо любовным соглашением, либо силой. Ахилл в начале «Илиады», как видно, не имеет возможности привлечь Агамемнона к какому-либо суду за то, что последний отнимает Брисеиду, вместо этого он раздумывает:

ἦ ὃ γέ φάσγανον ὄξυ ἐρυσσάμενος παρὰ μηροῦ
τοὺς μὲν ἀναστήσειεν, ὃ δ' Ἀτρεΐδην ἐναρίζοι,
ἦε χόλον παύσειεν ἐρητύσειέ τε θυμόν (Hom. Il. I, 190-192).

или он меч острый, обнажив возле бедра,
их изгнал бы, Атрида убил бы,
или злобу сдержал бы и унял бы дух.

Ахилла от применения силы удержала Афина (Hom. Il. I, 194-221). Но подобный конфликт в других случаях мог решаться кроваво. Как было показано выше, женихи Пенелопы — бацилеи.

Возможно, поэтому конфликт между ними и Одиссеем мог быть решён только силой. Аналогично и родители женихов могли наказать Одиссея, только применяя ту же силу.

Упоминаний об осуществлении бастеями судебной функции в эпосе мало: видимо, она не входила в число главных. Гесиод откровенно негодует на бастеев за их решение, принятое в пользу Перса, но не говорит о недостойности их звания бастеев. Из этого можно сделать тот же вывод, что и в случае с воинской функцией: не благодаря этой функции бастеи получали и удерживали власть.

Функция принятия ключевых для коллектива решений. Важнейшие для народа решения, даже не касающиеся напрямую боевых действий, также принимали бастеи. Примером может служить эпизод с гневом Посейдона на феаков. Корабль, отвозивший Лаэртида, на глазах у испуганных феаков бог превратил в скалу. Тогда именно бастей Алкиной решил больше не помогать странникам (Hom. Od. XIII, 179-181).

Схема здесь следующая: бастей произносит речь, которая становится руководством к действию для остального коллектива; получается, что бастей принимает ключевое для коллектива решение. Такая же схема видна в «Испытании войска». На собрании произносит речи Агамемнон (Hom. Il. II, 50-83), а за ним Нестор и остальные, согласно с этими решениями, начинают действовать (Hom. Il. II, 85). Далее Агамемнон произносит речь перед всем войском (Hom. Il. II, 110-141), и оно сразу же действует вопреки действительной воле бастеев, но в соответствии с речью Агамемнона (Hom. Il. II, 142-154). Далее следует бурная сцена с ограниченным применением насилия (включая эпизод с Терситом). Но окончательное решение принимается и одобряется войском (Hom. Il. II, 394-401) именно после пространных речей руководителей (Hom. Il. II, 284-393).

Произнесение речей, похоже, вообще было не менее характерным для бастеев явлением, чем война. Например, из 135 случаев употребления с именем Агамемнона активных глаголов, 35 из них (то есть, чуть более четверти) обозначают говорение (ἐλῶ, λέγω, φημί, φωνέω и т. д.). Но то или иное решение, принимаемое бастеем, нередко продиктовано не его собственным пониманием ситуации, а советом божества (к числу таковых относится и вышеописанное «Испытание войска»).

Некоторые бастеи оказывались настолько искусны в понимании воли богов тем или иным способом, что их называли особым термином, соответствующим данному способу.

Наиболее ярким примером является птицегадательство. Некоторые герои эпоса имеют эпитет «птицегадатель» (οἰωνιστής):¹

Κάλχας Θεστορίδης οἰωνολόων ὄχ' ἄριστος,

ὃς ἤδη τὰ τ' ἐόντα τὰ τ' ἐσόμενα πρό τ' ἐόντα, (Hom. I, 69-70)

Калханс Тесторид из птицегадателей наилучший,

он видел и настоящее, и будущее, и прежде бывшее.

Примерно такая же строка относится к сыну Приама Гелену (Hom. Il. VI, 76). Слово οἰωνιστής состоит из двух: существительного οἰώνος (птица) и глагола ἵστημι (одно из значений которого — провозглашать, например, кого-то бастеем²), получается «провозглашающий птиц», то есть провозглашающий волю птиц, или говорящий, каких птиц видит. О принадлежности οἰωνιστής к числу бастеев есть прямое упоминание:

Μυσῶν δὲ Χρόμις ἦρχε καὶ Ἐννομος οἰωνιστής (Hom. Il. II, 858)

Мисов Хромий вёл и Энном птицегадатель.

Энном — бастей, так как является одним из предводителей мисов, однако он также и птицегадатель, о чем непосредственно говорится в тексте. Птицегадатель назван также и другим термином — οἰωνολόος (Hom. Il. I, 69; VI, 76). В этом слове, к тому же, существительному οἰώνος (птица) добавлено существительное λόος (небесный свод).³ Οἰωνολόος принадлежит к числу бастеев, так как таким эпитетом назван один из сыновей Приама Гелен (Ἐλενος (Hom. Il. VI, 76)). Οἰωνιστής и οἰωνολόος тождественны, поскольку Калханс назван и первым термином (Hom. Il. XIII, 70), и вторым (Hom. Il. I, 69).

Интересный эпизод есть в «Одиссее». Перед отъездом из Спарты Телемаха и Писистрата орёл пролетел мимо их колесницы, неся в когтях гуся. Писистрат просит разъяснить это предзнаменование Менелая. У Менелая нигде в поэме нет эпитета «птицегадатель», но в способности этого бастея толковать полёт птиц Писистрат не сомневается. В итоге толкует произошедшее Елена (Hom. Od. XV, 160-178). Соответственно, можно предположить, что все бастеи (включая и женщин из их рода) могли предлагать решения, толкуя полёт птиц, просто кто-то из них справлялся с этим лучше, кто-то хуже (сражались также не все одинаково хорошо). Потому Писистрат по молодости не решается предложить своё толкование, а просит совета у более опытного Менелая. Знамения птиц строились на неоднозначных символах (например, орёл,

¹ Гомер употребляет именно такую начальную форму, а не характерную для Классического времени οἰωνολόος.

² См. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. М., 1958. 2 т.

³ Дворецкий И.Х. Указ. соч.

несущий и роняющий змею (Hom. II. XII, 201-207), орёл, хватающий гуся (Hom. Od. XV, 160-178) и т.д.), их истолкование требовало специальных знаний, усвоение которых теоретически могло входить в воспитание базилея.

Фигурирующих у Гомера жертвогадателей (θυοοκόοι) можно отнести к базилеям лишь предположительно. Таким эпитетом Гомер награждает Леода сына Энопа – одного из женихов Пенелопы (Hom. Od. XXI, 144). Ю.В. Андреев доказывает, что все женихи были базилеями¹ на основании уже упоминавшихся выше строк «Одиссеи» (Hom. Od. XVIII, 64-65; XXIV, 179). Исходя из аналогии с более поздним временем², можно предположить, что под жертвогаданием имелась в виду распространённая также и у других народов Средиземноморья (например, этрусков³) практика предсказания будущего по внутренностям жертвенных животных. Она, так же, как и птицегадание, требовала особых знаний, которые могли передаваться базилеям в процессе воспитания, хотя это не более чем гипотеза.

Кроме птицегадателей и жертвогадателей, в поэмах Гомера упоминаются также снотолкователи — ὄνειροπόλοι. Такой человек, согласно этимологии, предупреждает (προτοίεω), но не о сновидении (ὄνειρος), а, скорее, о значении сновидения.⁴ Ὀνειροπόλος относится к числу базилеев. Диомед убивает двух братьев – Абанта и Полиида, сыновей птицегадателя Эвридаманта (Hom. II. V, 148-151). Особенно важно в этих строчках то, что Диомед снимает с обоих братьев доспехи. Только базилеи выделялись своим вооружением (на чём во многом основывалась их воинская функция), только с базилеев другому базилею имело смысл снимать доспехи. Так же, как и в случае с птицегадательством Менелая и Елены, Агамемнон нигде не назван ὄνειροπόλος, но именно на основании сна он в вышеописанном «Испытании войска» держит речь, после которой все начинают действовать.

В некоторых случаях не уточняется, на основании чего базилей понимает желание божества. Тогда употребляется термин, предупреждающий о воле бога (θεοπρόλος). Слово это часто переводится просто как «предсказатель». Видимо, происходит от существительного θεός (бог) и глагола προτοίεω (предупреждать),⁵ что и обуславливает такой перевод. То, что называемый этим термином человек был базилеем доказывает следующее. Θεοπρόλος используется как эпитет οἰωνιστής (Hom. II. XIII, 70), который, в свою очередь, является эпитетом базилея. Θεοπρόλος, несмотря на схожесть значений русских переводов, кардинально отличался от μάντις.

В любом случае, общая схема здесь остаётся неизменной: для дальнейшего развития событий важны правильные слова, в данном случае основанные на воле божества, которую они узнают разными способами.

Решения базилеи принимали не всегда на основе вышеупомянутых способов определения желания божества. Широко известны слова Гектора:

τὴν δ' οἰωνοῖσι τανυπτερυγέσσι κελεύεις
 πείθεσθαι, τῶν οὐ τι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω
 εἴτ' ἐπὶ δεξιῇ ἴωσι πρὸς ἥν τ' ἡέλιόν τε,
 εἴτ' ἐπ' ἀριστερὰ τοί γε ποτὶ ζόφον ἡερόεντα (Hom. II. XII, 237-240).

ты птицам длиннокрылым убеждаешь
 верить, на них не обращаю внимание и не забочусь,
 или к правой руке они движутся к востоку и солнцу,
 или к левой руке к западу поднимаются.

На их основании некоторые исследователи, например, Х. Туманс, пишут об «отрицании традиционных форм религиозности».⁶ Но рассматривая эти строки, стоит обратить внимание на их обрамление:

ὃς κέλεαι Ζηνὸς μὲν ἐριγδούποιο λαθέσθαι
 βουλέων, ἃς τὲ μοι αὐτὸς ὑπέσχετο καὶ κατένευσεν
 <....>
 ἡμεῖς δὲ μεγάλοιο Διὸς πειθώμεθα βουλῇ,
 ὃς πᾶσι θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισιν ἀνάσσει (Hom. II. XII, 235-236, 241-242).

так ты побуждаешь Зевса грохочущего забыть
 желания, их мне он обещал и посулил;
 <....>
 мы великого Зевса верим воле,
 который сынам смертным и бессмертным повелевает.

То есть все эти виды гаданий нужны для определения воли богов, но воля, высказанная напрямую, имеет большую ценность, чем косвенные свидетельства.

Данная функция выражается в не раз описанной выше схеме: базилей произносит речь,

¹ Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период) Л., 1976. С. 61-62.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей: в 2 ч. СПб., 1899. Ч 2. С. 171-173.

³ Этруски: Итальянское жизнелюбие. СПб., 1998. С. 124-128.

⁴ Дворецкий И.Х. Указ. соч.

⁵ Дворецкий И.Х. Указ. соч.

⁶ Туманс Х. Указ. соч. С. 43.

остальные начинают действовать в соответствии с этой речью. Нередко базилей произносит ту или иную речь, считая, что понял волю богов. Способы этого понимания могли быть разными (птицегадание, жертвогадание и т.д.), но общей остаётся в своей сути неизменной. Как и в случае с другими функциями, ненадлежащее исполнение этой не влечёт даже намёков на лишения титула базилея. Самые яркие примеры уже были упомянуты выше: речь Агамемнона о решительном штурме Илиона во II песне и речь Гектора о продолжении наступления на вражеский лагерь в XII песне «Илиады». Оба призыва привели к плачевным последствиям, но в праве Агамемнона или Гектора называться базилями никто не усомнился.

Функция представительства перед богами. Вышеописанные функции все были важны для коллектива, но их ненадлежащее исполнение при этом не лишало базилеев их особого статуса. Создаётся впечатление, что базилеев наделяли властью благодаря некому их свойству, не зависевшему от их действий. Такие исследователи как И.В. Шталь, Х. Туманс¹ давно уже отмечали, что в сознании эллинов благосклонность богов к базилеям (или отсутствие оной) распространялось на весь народ. Гесиод прямо пишет:

γῆρ' ἐτ' ἀνθρώπων ἀδίκων νόον, ὅφρ' ἀποτείσῃ
δῆμος ἀτασθαλίας βασιλέων οἱ λυγρὰ νοεῦντες
ἄλλ' παρκλίνωσι δίκας σκολιῶς ἐνέλοντες (Hes. Theog. 260-262).

говорилося уму людей несправедливых: пока будет нести наказание
народ за беззакония базилеев, которые, несчастье замышляя,
то здесь, то там извращают обычаи, лукаво говорящие.

То есть, из-за действий базилеев страдают целые народы. Во время Троянской войны различные боги помогают той или иной стороне именно из-за благосклонности к определённым героям-базилеям, но страдают ведь от этого целые народы. Будучи родителями базилеев, боги и богини приходят на их зов, как, например, Фетида к Ахиллу (Hom. II. I, 348-363). Потому земельные участки базилеев назывались так же, как и неприкосновенные участки божеств — τέμενος (Hom. II. VI, 194; IX, 578 и др.). Перед поединком Париса с Менелаем жертву приносит именно Агамемнон потому, что при этом он высказывает просьбу от всех ахейцев, и исполняется (вернее, не исполняется) она в зависимости от отношения Зевса именно к Агамемнону. Эту функцию можно назвать представительской — базилей представлял свой народ перед богами. Причём такую функцию выполняли не только герои Гомера, непосредственные дети божеств, но и реальные базилеи, современники Гесиода.

Следует понять, какова причина такой ситуации. Как замечено в историографии уже неоднократно (в частности, об этом пишет Ю.В. Андреев²) Гомер большое значение придаёт тому, от кого рождён тот или иной базилей, он прописывает этот аспект практически для каждого из них. Данный фактор, зачастую, был даже важнее доблести. Следует обратиться к хрестоматийным примерам. Перед поединком с Ахиллом Эней говорит не о своих подвигах, а о своём происхождении, причём не просто о родителях, но обо всех предках (Hom. II. XX, 200-241). Когда Одиссей добрался до Итаки и обедал под видом старца-критянина у Евмея, он вначале подробно рассказал о своём происхождении (Hom. Od. XIV, 199-208), а уж потом о доблести. Согласно концептуальному описанию, второе по распространённости слово, связанное с базилеем — глагол τίκτω (рождать) в пассивной форме, что подтверждает: больше значение имело именно рождение. А самое распространённое слово, связанное с базилеем — διотρεφής, которое обозначает «питомец Зевса». Причём это прилагательное (или эпитет) по отношению к базилеям употребляет не только Гомер, но и Гесиод. Данное прилагательное в поэмах Гомера кроме собственно слова «базилей» является определением лишь героев.³ Всё объясняют строки «Теогонии» Гесиода:

ἐκ γὰρ τοι Μουσέων καὶ ἐκ Ἡρόλου Ἀπόλλωνος
ἄνδρες ἄοιδοὶ ἔασιν ἐπὶ χθόνα καὶ κίθαρισταί,
ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες (Hes. Theog. 94-96)

от муз и далеко разящего Аполлона
мужи, поющие на Земле, и кифаристы
от Зевса — базилеи.

Строки «Одиссеи», перекликаются с этими словами. Когда Телемах и Писистрат приходят во дворец Менелая, Етеоней, докладывая о гостях, говорит:

ξεῖνῳ δὲ τινε τῷδε, διотρεφεὲς ὦ Μενέλαε,

¹ Туманс Х. Указ. соч. С. 134-136; Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983. С. 79-82 и др.

² Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н.э. СПб., 2004. С. 274.

³ Существует три исключения из 62 случаев употребления. Диотрефής является эпитетом ἀνθρώλος: контекст подразумевает просто людей, к которым надеется доплыть оказавшийся в штормовых волнах после крушения плота главный герой (Hom. Od. V, 378). Но по замыслу автора могут иметься в виду не просто люди, а равные Одиссею, недаром на берегу он встречает именно Навсикаю. Дважды это прилагательное служит определением для «силача» — αἰχρής. Однако первом случае (Hom. II. II, 660) речь идёт о правителях (то есть, базилеях), а во втором (Hom. II. IV, 280) — о фалангах ахейцев. В последнем случае, возможно, имеется в виду самая важная часть фаланги — лучшие воины, базилеи. Во всех остальных 59 случаях слово диотрефής является определением базилеев без конкретизации имени или конкретных героев.

ἄνδρε δὺω, γενεῇ δὲ Διὸς μεγάλῳ εἵκτον (Hom. Od. IV, 26-27).

двое каких-то несомненно чужеземных, Менелай, питомец Зевса,
здесь находящихся мужей походят на потомство великого Зевса.

На основании того, что гости «походят на потомство великого Зевса», их признают равными, хотя они не называют своих имён. Это не единичный случай. У путника в «Одиссее» всегда вместе с именем спрашивают: кто его родители (Hom. Od. I, 170; VII, 238; X, 235; XIV, 187; XV, 264; XIX, 105; XXIV, 298). Таким образом, одинаковый смысл выражен у Гомера разными выражениями, повторён и Гесиодом, что гарантирует, что здесь речь идёт о реальном явлении, а не об устоявшейся формуле и о реально существовавших бацилеях (ведь именно про них писал Гесиод). Потому важна была для бацилея не просто солидная родословная, как об этом пишет, к примеру, Ю.В. Андреев,¹ а именно **происхождение, восходящее к Зевсу**, можно считать основным критерием, дававшим человеку в глазах современников право называться бацилеем.

Данная функция — ключевая. Именно отношение богов к бацилею определяло отношение ко всему народу бацилея. В частности, за действия Агамемнона расплачиваются все ахейцы. Можно предположить, что и благосклонность к бацилею приносит его народу процветание. Народ, естественно, давал больше прав и благ тем, кто представлял его перед высшими силами. Причём представлять бацилей мог, видимо, только свой народ. Гомер часто говорит не просто о бацилее, а о бацилеях аргиев (Ἀργείων βασιλῆες (Hom. II. X, 195)), бацилее сидонцев (Σιδονίων βασιλεύς (Hom. II. XV, 118) и т.п. Скорее всего, именно в этом причина небацилеевского положения поэта Гесиода и, отчасти, свинопаса Евмея. Род Гесиода бацилеевский, так как поэт называет своего брата потомком Зевса (δῖον γένος (Hes. Erga 299). Происходит род Гесиода не из Аскры, в которой поэт живёт:

ὥς περ ἐμός τε πατήρ καὶ σός, μέγα νῆπιε Πέρση,
πλωίεσκ' ἐν νηυσί, βίου κεχρημένος ἐσθλοῦ·
ὅς ποτε καὶ τεῖδ' ἦλθε πολὺν διὰ πόντον ἀνύσας,
Κύμην Αἰολίδα προλιπὼν ἐν νηὶ μελαίνῃ,
οὐκ ἄφενος φεύγων οὐδὲ πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακὴν πενίην, τὴν Ζεὺς ἀνδρεσσὶ δίδωσιν (Hes. Erga 633-638).

так именно и мой отец, и твой, крайне инфантильный Перс,
плавал на корабле, жизнь ведя хорошую;
он не когда и сюда прибыл, по глубокому морю спеша,
Киму Эолийскую покинув на корабле чёрном,
ни изобилия не избегая, ни богатства, ни процветания,
но злую бедность Зевс мужам посылает.

Евмей был сыном бацилея:

τῆσιν δ' ἄμφωτέρῃσι πατήρ ἐμός ἐμβασιλευε,
Κτήσιος Ὀρμενίδης, ἐπεικελὸς ἀθανάτοισιν (Hom. Od. XV, 413-414).

Многим отец мой был бацилеем:

Ктесий сын Ормена, подобный бессмертным.

Его похитили из дома отца в детстве (Hom. Od. XV, 415-481). И Гесиод, и Евмей живут не среди своих народов и не могут представлять последних перед богами. На новом месте они занимают разное положение в обществе потому, что Евмея похитили и продали (πρίσσειν), а отец Гесиода переехал сам; теперь первый пасёт вместе с помощниками хозяйских свиней, а второй обрабатывает свой участок, но причина потери бацилеевского статуса для них одна.

Из вышеизложенного видно, что у бацилеев был ряд важных для коллектива функций. Исполняя воинскую, они являлись предводителями войска и лучшими воинами, решавшими исход битвы (что могло обеспечивать также и превосходство их вооружения). Исполняя судебную функцию, они разбирали тяжбы между эллинами, но не между другими бацилеями: споры между последними могли решаться либо соглашением между сторонами, либо силой. Ключевые для коллектива решения принимались после произнесения бацилеем соответствующей речи. Произносил он её, нередко толкуя веление божества, которое увидел во сне, по полёту птиц, по жертве. Могли теоретически существовать и другие способы, учитывая, что иногда бацилей назван просто «предупреждающий о воле бога» (θεολόγος) без уточнения способа гадания. Однако при ненадлежащем исполнении данных функций (трусости в поединке, несправедном суде, высказывании в речи неверного, вредного решения) бацилея порицают, но не сомневаются в применении к нему титула бацилей.

В противоположность им функцию представительства перед богами бацилей выполнял в силу того, что вёл род от Зевса. Последнее положение подтверждают независимо друг от друга и Гомер (Hom. Od. IV, 26-27), и Гесиод (Hes. Theog. 94-96), причём в абсолютно разных выражениях, то есть, речь идёт именно об отражении мировоззрения авторов, а не об устоявшейся поэтической формуле. Благодаря такому происхождению, отношение божеств к бацилеям распространяется на весь народ этого бацилея. Бог или богиня может даже прийти на зов бацилея, то есть, общение

¹ Андреев Ю.В. Гомеровское общество. СПб., 2004. С. 274.

может происходить по инициативе последнего. Но представлять перед божествами бацилей может только свой народ. Потеря такой возможности ведёт к потере статуса бацилея. Это касается и Евмея, которого продали в рабство, и Гесиода, отец который просто переехал, то есть, стал жить среди другого народа, и лишь поэтому потерял возможность осуществлять ключевую функцию.

Тщательное изучение источников показало, что бацилеи удерживали власть не за счёт богатства, поддержки членов рода (так как род ещё не был группой совместно действовавших родственников) или иного аппарата подавления недовольства, а за счёт исполнявшихся ими функциями, делавшими их необходимыми для остальных эллинов. Бацилеи принимали ключевые для коллектива решения, также исполняли функцию судебную и воинскую, но главной являлась функция представительства перед богами. Эллины верили, что все бацилеи были потомками Зевса и потому могли общаться с ними по собственной инициативе. Певец (αοιδός), кифарист (κιθαρῳδής), экзарх (ἐξάρχος) и прорицатель (μάντις) также могли общаться с богами, но не по своей инициативе. И, главное, отношение богов именно к бацилеям, потомкам Зевса, распространялось на весь коллектив. Потому власть была лишь у потомков Зевса и была наследственной. Данному порядку вещей не мешало то, что, по крайней мере, у многих народов правило одновременно несколько бацилеев – отношение богов ко всем ним распространялось на народ. Для осуществления этой ключевой функции человек должен был не только вести свой род от Зевса, но и представлять именно свой народ; он терял такую возможность, переселяясь к другому народу эллинов, что видно на примере Евмея и, в особенности, Гесиода.

Библиография

- Андреев Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н. э. СПб.: Изд-во «Нестор-История» СПбИИ РАН 2004.
- Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / Под ред. С.И. Соболевского. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 2 т.
- Клейн Л.С. Анатомия «Илиады». СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1998.
- Латышев В.В. Очерк греческих древностей: в 2 ч. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп, 1899. Ч 2.
- Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII-V вв. до н.э.). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002.
- Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса. М.: Наука, 1983.
- Этруски: Итальяское жизнелюбие. М.: Терра - Книжный клуб, 1998.
- Cartledge P. Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // The Journal of Hellenic Studies. Volume 97. 1977. P. 11-27.
- Coldstream J.N. Geometric Greece 900-700 BC. London: Taylor & Francis, 2003.
- Kirk G.S. The songs of Homer. Cambridge: The University Press, 1962.
- Van Wees H. The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx // Greece and Rome. Series 2. № 2. 1994. P. 131-155.

References

- Andreev Yu. V. Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendencii social'no-ehkonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Grecii XI-VIII vv. do n. eh. SPb.: Izd-vo «Nestor-Istoriya» SPbII RAN, 2004.
- Andreev Yu.V. Rannegrecheskij polis (gomerovskij period). L.: Izd-vo LGU, 1976.
- Cartledge P. Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // The Journal of Hellenic Studies. Volume 97. 1977. P. 11-27.
- Coldstream J.N. Geometric Greece 900-700 BC. London: Taylor & Francis, 2003.
- Dvoreckij I.H. Drevnegrechesko-russkij slovar' / pod red. S.I. Sobolevskogo. M.: Izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovary, 1958. 2 t.
- Etruski: Italijskoe zhiznelyubie. M.: Terra - Knizhnyy klub, 1998.
- Kirk G.S. The songs of Homer. Cambridge: The University Press, 1962.
- Klejn L.S. Anatomiya «Iliady». SPb.: Izd-vo S-Peterb. un-ta, 1998.
- Latyshev V.V. Ocherk grecheskih drevnostej: v 2 ch. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i Komp, 1899. Ch 2.
- Shtal' I.V. Hudozhestvennyj mir gomerovskogo ehposa. M.: Nauka, 1983.
- Tumans X. Rozhdenie Afiny. Afinskij put' k demokratii ot Gomera do Perikla (VIII-V vv. do n.eh.). SPb.: ITS «Gumanitarnaya Akademiya», 2002.
- Van Wees H. The Homeric Way of War: The Iliad and the Hoplite Phalanx // Greece and Rome. Series 2. № 2. 1994. P. 131-155.

УДК 94 (38).07

**ТАКТИКА «ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ» ИЛИ ОТКРЫТОЕ СРАЖЕНИЕ:
ВЫБОР СТРАТЕГИИ ПЕРСИДСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ В 334 Г. ДО Н.Э.****THE «SCORCHED EARTH» TACTIC OR OPEN PITCHED BATTLE:
CHOICE OF STRATEGY BY THE PERSIAN COMMAND IN 334 BC****А.А. Клейменов
A.A. Kleymenov***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
125. Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia**E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема выбора оборонительной стратегии, вставшая перед персидской стороной после вторжения Александра Македонского в Азию. Отмечается, что предложенный Мемноном Родосским на совете в Зелее план, предусматривавший уклонение от генерального сражения и использование тактики «выжженной земли», имел много недостатков. Прежде всего, у персидской стороны на тот период не было возможности обеспечить полную блокаду снабжения армии Александра по морю. Военные выгоды от реализации плана были иллюзорны, при этом политические последствия могли быть катастрофическими. Осуществление предложений Мемнона привело бы к голоду в западных районах Малой Азии и подтолкнуло бы местных греков к переходу на сторону Александра. В то же время, персидские идеологические установки требовали, чтобы новый царь Дарий III показал себя решительным и сильным правителем, способным обеспечить контроль над землями империи. Персидские сатрапы и военачальники не могли не понимать специфику общей политической ситуации, настраивающей монарха на резкое и быстрое противодействие любой угрозе своей власти. В связи с этим, персидское командование приняло единственно возможное на тот момент решение и вступило в открытое сражение с македонской армией.

Resume. The problem of strategy defense alternative that confronted the Persian after the Alexander the Great's invasion into Asia is under consideration in the article. Memnon of Rhodes during the council at Zeleia proposed a plan, which provided avoiding pitched battle and employing "scorched earth" tactics. This plan had a lot of weaknesses. First of all the Persians had no the opportunity to make a complete blockade of Alexander's army supplies by sea. Military benefits were not so clear when political consequences could be a disaster. The implementation of Memnon's plan would have led to starvation in the Western regions of Asia Minor and would encourage native Greeks to take a side of Alexander. The Persian ideology demanded of Darius III to be determined and strong ruler who had an opportunity to control all lands of his empire. Persian satraps and commanders could not have been uncomprehending the whole political situation which made the king to offer any threats to his power. Therefore, the Persian command took the right decision and entered into open land battle with Macedonian army.

Ключевые слова: тактика «выжженной земли», стратегия, Александр Македонский, Мемнон Родосский, Дарий III.

Keywords: «scorched earth» tactic, strategy, Alexander the Great, Memnon of Rhodes, Darius III.

Вооруженное противостояние державы Ахеменидов с объединенными силами Македонии и ее греческих союзников является темой, затронутой в огромном количестве научных публикаций, однако эпохальный конфликт, приведший к крушению одного из могущественнейших государств в древней истории, по-прежнему изучен крайне неравномерно. В подавляющем большинстве случаев исследователи рассматривают его в рамках Восточного похода Александра Македонского, акцентируя внимание на действиях армии великого завоевателя, что объясняется спецификой источниковой базы, представленной преимущественно сочинениями античных авторов, и особенностями развития мировой исторической науки. Впрочем, невозможно приблизиться к пониманию обстоятельств гибели Персидского царства без подробного анализа планов и действий его защитников. Особый интерес в этой связи представляют сведения о проблеме выбора стратегии, вставшей перед персидской стороной весной 334 г. до н.э.

Античные авторы относят активную фазу определения персами стратегии противодействия македонской угрозе ко времени, непосредственно последовавшему за высадкой армии Александра в Малой Азии. Согласно сочинению Флавия Арриана, в персидском военном лагере у города Зелеи

собрались военачальники Арсам, Реомифр, Петин и Нифат, сатрап Геллеспонтской Фригии Арсит, сатрап Ионии и Лидии Спифридат вместе с варварской конницей и греческими наемниками. После получения сведений о пересечении Александром пролива состоялся совет, на котором родосец Мемнон рекомендовал в сражение с врагом не вступать, так как македонская пехота сильнее, и в войске присутствует сам Александр, в то время как Дария в персидской армии нет. Указывается, что Мемнон предложил отступать, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай, не штурмовать даже своих городов. Александр, в свою очередь, не сможет оставаться в стране, где нет провианта. В ответ на это Арсит заявил, что не допустит уничтожения у своих подданных хотя бы одного дома. Персы встали на сторону Арсита, подозревая Мемнона в стремлении затянуть войну, чтобы получить больше почестей от царя (Anab., I, 12, 8-10). По второму источнику, «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, персидские сатрапы и военачальники, не успев помешать переправе Александра, стали совещаться как вести с ним войну. Родосец Мемнон, известный своей мудростью в военных вопросах, советовал не вступать в бой и опустошать страну, не давая македонянам возможности продвигаться вперед, так как им нечего будет есть. Отмечается, что предлагалось переправить в Македонию морские и пешие силы, перенести тем самым военные действия в Европу. Советы Мемнона, как указывает историк, не убедили остальных военачальников, так как последние сочли их недостойными величия души/высокомерия (μεγαλοψυχίας) персов. Было принято решение вступить в бой (XVII, 18, 2-4). Данные о предложении Мемнона применить против Александра тактику «выжженной земли» в общих чертах подтверждает и Курций Руф (III, 4, 3).

Прежде чем обратиться к особенностям предложенного Мемноном плана, необходимо отметить, что подразумевавшаяся в нем стратегия была несвойственна для греческого военного искусства того времени. Греки знали и часто применяли практику разорения земель противника, хотя о целях подобных действий ведутся споры. Согласно первой точке зрения, разоряя вражескую территорию, греческие военачальники стремились подорвать экономику врага и при этом использовать продовольственную базу неприятеля для собственных нужд¹. Согласно другому мнению, целью являлся не столько подрыв вражеской экономики, сколько психологическое воздействие на противника: принуждение его к капитуляции или провоцирование генерального сражения². Практика масштабного разорения собственных владений для лишения продвигающегося неприятеля источников продовольствия большого распространения в Греции не получила. Греческие армии в ходе кампаний перемещались, как правило, на небольшие расстояния, и опустошение собственных сельских территорий принесло бы больше вреда самим обороняющимся, чем нападавшим. Играл роль и политический фактор – граждане полисов, являвшиеся землевладельцами, не стали бы голосовать за разорение своих хозяйств³.

В отличие от греков, персы хорошо знали тактику «выжженной земли», и дело здесь не только в печально известной кампании Дария I против скифов, в период которой причерноморские кочевники уничтожали всё на пути продвижения персидской армии (Herod., IV, 120). Персидские военачальники сами при наличии на то необходимости применяли подобный прием. Из «Анабасиса» Ксенофонта известно, что две тысячи всадников Артаксеркса II выжигали местность перед двигавшейся к Вавилону армией Кира Младшего (Anab., I, 6, 1). Имела персидская сторона и опыт применения тактики «выжженной земли» в Малой Азии, полученный в ходе борьбы с армией спартанского царя Агесилая⁴. Этот прием, что важно, несколько раз применялся персами и во время их войны с Александром. Античные историки сообщают, что к нему прибегали правитель Киликии Арсам (Curt., III, 4, 1-5; 14-15; ср.: Arr. Anab., II, 4, 6) и Мазей, накануне битвы при Гавгамелах выжигавший местность за Тигром на пути следования македонской армии (Diod., XVII, 55, 2; Polyae., IV, 3, 18; Curt., IV, 9, 7-8; 9, 14; 10, 11-12). Судя по сообщению Арриана, Дарий III планировал примерить тактику «выжженной земли» при отступлении из Экбатан в Бактрию (Anab., III, 19, 1), однако неизвестно, смог ли персидский царь это осуществить. Аналогичным образом пытался остановить македонскую армию Бесс, опустошивший примыкавшие к подножью Гиндукуша районы Бактрии (Arr. Anab., III, 28, 8). Следует согласиться с П. Брианом, прослеживающим прямую связь между действиями персов времен Артаксеркса II и Дария III⁵. Таким образом, на совете в Зелее возникла любопытная ситуация: грек Мемнон предложил персам использовать хорошо знакомый именно им прием и получил отказ. Надо заметить, что родосец должен был прекрасно знать персидские методы ведения военных действий, так как он и его к тому времени уже умерший брат Ментор являлись не просто «солдатами удачами» на персидской службе, а занимали важные посты в Ахеменидской империи, которые до них были доступны лишь исключительно иранцам, причем братья были связаны с персидской знатью родственными узами⁶.

¹ Thorne J. A. Warfare and Agriculture: The Economic Impact of Devastation in Classical Greece // GRBS. Vol. 42. 2001. No 3. P. 225-253.

² Hanson V.D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley – Los Angeles – London, 1998. P. 174-190. См. также Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история / Пер. с англ. А.В. Махлаюка. СПб., 2013. С. 195-196.

³ Подробнее см. Hanson V.D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. P. 117-118.

⁴ Davis E.W. The Persian Battle Plan at the Granicus // James Sprunt Studies in History and Political Science. Vol. 46. Chapel Hill, 1964. P. 35.

⁵ Briant P. From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire / translated by Peter T. Daniels. Winona Lake, 2002. P. 627.

⁶ Рунг Э.В. Военно-политическая деятельность Ментора Родосского // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб., 2014. С. 143-144.

Античные авторы критического направления положительно отзываются о предложенном Мемноном в Зелее плане. Диодор, ссылаясь на дальнейшие события, называет советы родосца отличнейшими (ὑψίστα) (XVII, 18, 3). Курций Руф, вспоминая о рекомендациях Мемнона при описании военных событий в Киликии, обозначает их как «спасительный план» (*salubre consilium*) (III, 4, 3). Эти оценки полностью соответствуют общему взгляду данных авторов на возможности персидского командования. Диодор в рассказе о смерти Мемнона, указывает, что его кончина погубила все дело Дария (XVII, 29, 4). Курций Руф в эпизоде, посвященном тому же событию, указывает, что Мемнон причинял Александру большое беспокойство. Римский автор подчеркивает: македонский царь осознал, что при отсутствии противодействия со стороны Мемнона ему будет легко всё осуществить (III, 1, 21). У. Тарн называет Мемнона героем Диодора, связывая это обстоятельство с использованием источника, восходящего к неизвестному греческому наемнику на персидской службе, причем исследователь отмечает, что периодически к тому же сочинению обращался и Курций Руф¹. Этот вывод подвергся обстоятельной критике со стороны П.А. Бранта, который, считая предположение о наличии «мемуаров наемника» ошибочным, указывает, что восхваление Мемнона имеет место не только в сочинениях Диодора и Курция Руфа, но и в тексте Арриана². Действительно, в данном случае мы имеем дело с общей тенденцией в античной историографии, наиболее явно проявившейся у Диодора. Согласно ее установкам, греческие наемники и их командиры играли ключевую роль в армии персидского царя, в отличие от слабых восточных подразделений и некомпетентных персидских военачальников³. С этих позиций план Мемнона Родосского, отвергнутый персами, автоматически оценивался как наиболее разумный и оправданный.

Большинство современных исследователей также оценивают предложенную Мемноном стратегию как наиболее эффективную в имевшихся тогда условиях⁴. Максимально подробно сильные стороны озвученного Мемноном плана описал Д. Энгельс. По его подсчетам, Александр в момент высадки на азиатском берегу обладал запасами продовольствия, которых его армии хватило бы примерно на десять дней (вычисление основано на сведениях Плутарха: *Moral.*, 342e). Вдобавок, как отмечает исследователь, в период начала македонского вторжения новый урожай зерновых был еще незрелым, и в случае уничтожения запасов в городах Александру негде было бы получить продовольствие, при том, что поставки провианта из Европы могли быть легко пресечены из-за господства персидского флота на море. Все это позволило Д. Энгельсу прийти к выводу, согласно которому стратегический план Мемнона, в случае его воплощения в жизнь, был бы весьма эффективен⁵.

Почему этот план, который, как представляется большинству исследователей, мог обеспечить отражение македонской агрессии, был отклонен? Вначале необходимо заметить, что обсуждение идеи Мемнона на совете военачальников было открытым, и решение было принято посредством учета мнений всех присутствующих. Существует предположение, что Дарий III не назначил главнокомандующего персидских сил в Малой Азии и решения, связанные с ведением кампании против Александра, принимались военачальниками и сатрапами коллегиально⁶, хотя отдельные исследователи полагают, что в некотором отношении лидирующую позицию занимал Арсит – правитель области, которая в тот момент времени была театром военных действий⁷. В любом случае, и Арриан, и Диодор упоминают, что предложение родосца было отклонено большинством голосов, причем по версии первого историка в роли главного оппонента Мемнона выступил Арсит. Значительная часть специалистов, опираясь на текст Арриана, склонна считать причиной подобного решения традиционное недоверие персов по отношению к грекам и сомнения в честности намерений Мемнона⁸. Среди возможных мотивов персидских сатрапов называют также восприятие ими Мемнона как политического конкурента⁹ и местные настроения, проявившиеся в

¹ Tarn W.W. *Alexander the Great*. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 72, 105.

² Brunt P.A. *Persian Accounts of Alexander's Campaigns* // CQ. Vol. 12. 1962. No 1. P. 148-149.

³ Briant P. *From Cyrus to Alexander*... P. 790-791; Nawotka K. *Alexander the Great*. Cambridge, 2010. P. 63.

⁴ Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 42-44; Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 118; Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света / Пер. с англ. Л.А. Игровского. М., 2005. С. 108; Bosworth A.B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge, 1988. P. 40; Strauss B.S. *Alexander: The Military Campaign* // *Brill's companion to Alexander the Great* / Edited by J. Roisman. Leiden – Boston, 2003. P. 149-150; Ferrill A. *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder, 1997. P. 195; Hanson V.D. *The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece*. New York, 1989. P. 175; Lonsdale D.J. *Alexander the Great: Lessons in strategy*. London – New York, 2007. P. 97; Worthington I. *By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire*. Oxford, 2014. P. 144; Ashley J.R. *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC*. Jefferson, 1998. P. 189-190.

⁵ Engels D.W. *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army*. Berkeley – Los Angeles, 1978. P. 29-30.

⁶ Bosworth A.B. *Conquest and Empire*... P. 39; Davis E.W. *Op. cit.* P. 44; Badian E. *Conspiracies* // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford, 2000. P. 79; Lonsdale D.J. *Op. cit.* P. 98.

⁷ Badian E. *The Battle of the Granicus: A New Look* // *Ancient Macedonia. II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki 19-24 August 1973*. Thessaloniki, 1977. P. 283-284; Briant P. *From Cyrus to Alexander*... P. 821; Thompson M. *Granicus 334 BC. Alexander's first Persian victory*. Oxford, 2007. P. 30.

⁸ Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 147; Thompson M. *Op. cit.* P. 23; Heckel W. *The Conquests of Alexander the Great*. Cambridge, 2008. P. 45; Ashley J.R. *Op. cit.* P. 190; Bosworth A.B. *Conquest and Empire*... P. 39; Worthington I. *Op. cit.* P. 144.

⁹ Bosworth A.B. *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*, Vol. 1. Oxford, 1980. P. 112-113; Harl K.W. *Alexander's Cavalry Battle at the Granicus* // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of*

нежелании разорять вверенные области даже в интересах царства¹. По мнению Э. Бэдиана, ключевой была позиция Арсита, который отклонил предложение применить тактику «выжженной земли» на территории вверенной ему сатрапии, а после битвы при Гранике воспринимался как главный виновник произошедшего².

Впрочем, понять суть стоявшего перед персидской стороной выбора невозможно без всесторонней оценки плана Мемнона, и, прежде всего, его слабых мест, которые неоднократно были отмечены в научной литературе. Еще Ф. Шахермайр указывал, что предложение Мемнона вступало в противоречие с этикой персидских аристократов, а также грозило разрушить систему социальных взаимоотношений, основанную на земельной собственности³. В последующее время минусы предложенной Мемноном стратегии были выделены более подробно. П.А. Брант, сравнивая данные Арриана и Диодора, отмечает, что персидские войска, имевшиеся в Малой Азии, не обладали большим численным превосходством над армией вторжения. Местные крестьяне не могли быть заинтересованы в уничтожении собственных домов и зерновых на пути Александра, а для реализации этого намерения у самих персов не хватило бы сил, особенно если учесть планы по переброске части войск на кораблях в Европу. Основываясь на подобных рассуждениях, П.А. Брант считает более правдоподобной версию плана Мемнона, изложенную Аррианом⁴. С. Пановский и В. Саракинский в критике плана Мемнона пошли еще дальше. Они отмечают, что современные исследователи под впечатлением от бедствий «Великой армии» Наполеона в России игнорируют политический фактор. Ставится знаковый вопрос: если русские крестьяне уничтожали свое имущество в интересах страны и императора, то можно ли было ждать подобного отношения от населения Малой Азии, особенно от жителей греческих городов, тем более что уничтожение продовольствия задолго до сбора урожая обрекло бы их на голод? Реализация намерений по разорению земель вполне могла привести к потере контроля над большей частью Малой Азии и без прямого вражеского воздействия. Этот нюанс план Мемнона не учитывал. Большой интерес представляет замечание о том, что персидский флот на момент начала Восточного похода не контролировал Геллеспонт, чем Александр пользовался, в том числе, и для решения проблем снабжения армии. По сути, флот Дария проявил себя только при осаде Милета, а полная морская блокада побережья Малой Азии являлась обязательным условием успешной реализации предложенной родосцем стратегии. Авторы приходят к выводу, что Мемнон, в лучшем случае, мог стремиться затянуть военные действия в Малой Азии, чтобы здесь с армией Александра встретились основные силы персидского войска во главе с Дарием III. План Мемнона, возможно, был нацелен на маневрирование, истощение ресурсов врага, в том числе, и посредством тактики «выжженной земли» в некоторых областях, однако не в тех масштабах, что указаны античными историками⁵.

Все эти доводы заставляют по-иному взглянуть на суть стоявшего перед персидской стороной выбора. Конечно, дело было явно не только в особой этике персидских аристократов. Идеологические установки не мешали персам в других случаях применять тактику «выжженной земли», причем делать это, в том числе, во время войны с Александром⁶. Персидские сатрапы отказались прибегнуть к подобным действиям в конкретных обстоятельствах, сложившихся в Малой Азии весной 334 г. до н.э. Представляется, что ключевую роль сыграли военные и политические проблемы, связанные с реализацией плана Мемнона. Прежде всего, это невозможность обеспечить полную блокаду путей снабжения армии вторжения, связанная с фактом присутствия македонского флота в проливах и бездействием флота персидского⁷. Даже появление персидского флота в районе театра военных действий еще не гарантировало тотального контроля над морскими коммуникациями. Как известно, персидская эскадра впервые проявила себя в период проведения Александром осады Милета (Arr. Anab., I, 18, 4 – 19, 4), что, впрочем, не помешало македонскому царю позднее использовать морские суда для доставки хлеба и осадных машин к Галикарнассу (Diod., XVII, 24, 1). Согласимся с тезисом о том, что для полной изоляции войска завоевателя в Малой Азии с параллельным переносом военных действий на европейский континент у персов весной 334 г. до н.э. явно не хватило бы сил⁸. Военные выгоды от реализации плана были иллюзорны, при

Donald Kagan / Edited by Ch. D. Hamilton, P. Krentz. Claremont, 1997. P. 306; Heckel W. Op. cit. P. 45; McCoy W.J. Memnon of Rhodes at the Granicus // AJPh. Vol. 101. 1989. № 3 P. 428-429.

¹ Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Указ. соч. С. 118; Ferrill A. Op. cit. P. 195; Strauss B.S. Op. cit. P. 149; Lonsdale D.J. Op. cit. P. 97; Lendon J.E. Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven – London, 2005. P. 118.

² Badian E. The Battle of the Granicus... 1977. P. 283; См. также Thompson M. Op. cit. P. 52.

³ Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М., 1984. С. 104-105.

⁴ Brunt P.A. Op. cit. P. 149.

⁵ Panovski S., Sarakinski V. Memnon, the Strategist // Macedonian Historical Review. № 2, 2011. P. 16-18.

⁶ Briant P. From Cyrus to Alexander... P. 822.

⁷ Следует упомянуть предположение, согласно которому на момент начала Восточного похода основные силы персидского флота были дислоцированы в Египте из-за участия в подавлении восстания Хабабаша. См. Briant P. From Cyrus to Alexander... P. 820; Nawotka K. Op. cit. P. 115; Ashley J.R. Op. cit. P. 187; ср.: Bosworth A.B. Conquest and Empire... P. 34; Lane Fox R. Alexander the Great. London, 1973. P. 109-110.

⁸ Говоря о численности армии, которую малоазиатские сатрапы сумели выставить против Александра в сражении на реке Граник, античные авторы называют разные числа: 20 тысяч всадников и 20 тысяч наемных пехотинцев (Arr. Anab., I, 14, 4); 10 тысяч персидских всадников и 100 тысяч пехотинцев (Diod., XVII, 19, 4-5); 600 тысяч воинов (Just., XI, 6, 1). Исследователи, преимущественно, склонны доверять данным Арриана, при наличии определенного скептического отношения к сведениям о преобладании греческих наемников в пехоте или к указанной автором численности персидской конницы, которая рядом специалистов воспринимается как существенно завышенная: см. Фуллер Дж. Военное искусство Алек-

том, что политические последствия могли быть катастрофическими, особенно в той обстановке, которая сложилась в Малой Азии. Так, относительно недавно здесь было подавлено «Великое восстание» сатрапов, и, хотя власть Ахеменидов была восстановлена, регион был экономически ослаблен, а стратегически важный район Геллеспонта плохо контролировался¹. Наиболее существенной проблемой было обеспечение контроля над греческими городами. Конечно, воспринимать их жителей как своеобразную «пятую колонну», готовую при первой возможности выступить против владычества персов, нельзя. Как показывают события Восточного похода, промакедонские позиции занимали, преимущественно, демократические силы в полисах, в то время как сторонники олигархии и тирании были заинтересованы в сохранении персидской власти². Определенные естественные симпатии у большинства местных греков по отношению к своим европейским собратьям, очевидно, присутствовали³, однако для их воплощения в конкретные действия нужен был решительный толчок извне. Даже в период продвижения войск Александра вдоль побережья Малой Азии, когда подавляющее большинство греческих городов открывали ворота перед македонским царем, поддержка, оказанная местными эллинами армии вторжения, была преимущественно пассивной: они ждали результатов сражений или прихода македонских гарнизонов, не годясь на роль активных участников свержения персидской власти⁴. Тем не менее, при приближении армии противника Ахемениды быстро теряли власть над эллинскими городами, где не были размещены персидские гарнизоны. У малоазиатских сатрапов были все возможности предугадать возможность возникновения подобной ситуации. Так, неустойчивость персидской власти в некоторых греческих городах уже проявилась накануне Восточного похода, в 336–335 гг. до н.э., когда в регионе действовал македонский экспедиционный корпус, отправленный сюда еще Филиппом II. Первоначальный успех этих сил в деле подготовки почвы для последующего полномасштабного вторжения, помимо других факторов, может быть связан с тем, что греческие города Малой Азии, оказавшиеся в районе действий македонского корпуса, не оказали ему сопротивления и даже в ряде случаев открыто его поддержали⁵. Реализация плана, предложенного Мемноном весной 334 г., неизбежно привела бы к голоду в западных районах Малой Азии, и, безусловно, подтолкнула бы местных греков сделать выбор в пользу Александра.

П. Бриан ставит под вопрос сам факт наличия у персидских сатрапов возможности выбора стратегии ведения войны. По мнению французского исследователя, отказ персов от использования тактики «выжженной земли» был связан с наличием прямого приказа царя разгромить армию Александра в открытом полевым сражении силами войск малоазиатских сатрапий, что соответствовало обычной ахеменидской практике⁶. Данное предположение частично опирается на сообщение Юстина, согласно которому уверенный в своих силах Дарий решил не прибегать к уловкам, которые могут украсть победу, не отражать врага от границ, а заманить его в сердце страны, чтобы более славно прогнать. Этим объясняется тот факт, что первое сражение произошло на Адрастейской равнине (XI, 6, 9–10). Вывод П. Бриана весьма интересен, однако, возможная заинтересованность Дария III в быстром уничтожении армии завоевателей в полевым сражении в данном случае может быть связана не с общей персидской военной практикой, в других обстоятельствах не мешавшей применять тактику «выжженной земли», а с конкретной политической обстановкой, сложившейся на тот момент времени в державе. Дарий, как и Александр, стал царем в 336 г. до н.э., причем занял престол благодаря интригам влиятельного евнуха Багоя. Конечно, информация о возможных политических неурядицах в Вавилонии в период восшествия Дария на престол крайне расплывчата и не позволяет прийти к сколь-нибудь определенным выводам⁷, однако смена монарха закономерно должна была привести к некоторому вакууму власти в стране, продолжавшемуся пока наследник не утвердился на престоле⁸. Здесь следует также упомянуть персидские идеологические установки того времени, согласно которым царь выбирался богами для того, чтобы защищать землю и людей от разрушительных действий вражеского войска, от неурожая и голода⁹. Но-

сандра Македонского / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. М., 2003. С. 163; Tarn W.W. Op. cit. P. 15–16; Badian E. The Battle of the Granicus... P. 283; Devine A.M. Demythologizing the Battle of the Granicus // Phoenix. Vol. 40. 1986. № 3. P. 270; Thompson M. Op. cit. P. 31; Ashley J.R. Op. cit. P. 190; Nawotka K. Op. cit. P. 118–119; O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London – New York, 1994. P. 60–61. Общая численность армии Александра на момент пересечения Геллеспонта составляла около 38 тысяч (анализ данных о размере войска см. Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма: дисс... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 59–61).

¹ Weiskopf M. The So-Called "Great Satraps' Revolt": 366 – 360 B.C. Concerning local instability in the achaemenid far West. Wiesbaden, 1989 (Historia. Einzelschriften. Hf. 63). P. 95.

² Подробнее об этом см. Холод М.М. Малоазиатские греческие полисы и Александр Македонский в 334 г. до н. э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 187–199; Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 171–172.

³ Davis E.W. Op. cit. P. 36.

⁴ Холод М.М. Малоазиатские греческие полисы и Александр Македонский в 334 г. до н. э. С. 197; Heckel W. Op. cit. P. 43.

⁵ Холод М.М. Начало великой войны: македонский экспедиционный корпус в Малой Азии (336–335 гг. до н.э.) // Война в зеркале историко-культурной традиции: от античности до Нового времени. СПб., 2012. С. 9.

⁶ Briant P. From Cyrus to Alexander... P. 822–823; contra: Badian E. Conspiracies. P. 79; Thompson M. Op. cit. P. 52.

⁷ Бриан П. Дарий в тени Александра / Пер. с франц. А.Н. Степановой. М., 2007. С. 53.

⁸ Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BC. Edinburgh, 2013. P. 143–144.

⁹ Briant P. The Achaemenid Empire // War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, The Mediterranean, Europe, and Mesoamerica / Edited by K. Raaflaub, N. Rosenstein. Cambridge – London, 1999. P. 111.

вый царь, коим являлся Дарий III, должен был показать себя решительным и сильным правителем, достойным представителем древней династии, способным обеспечить контроль над землями империи и их безопасность, как того требовал статус. Первой силовой акцией, демонстрировавшей мощь Дария III как правителя, стало подавление восстания в Египте. Из отрывочных данных известно, что после смерти Артаксеркса III в 338 г. до н.э. Египет вышел из-под власти Ахеменидов и был подконтролен некоему фараону Хабабашу. Дарий III, взойдя на трон, подавил восстание и вернул контроль над Египтом¹. Вскоре после этого персидский царь отправил в Малую Азию 5 тысяч наемников под командованием Мемнона для противодействия македонскому экспедиционному корпусу, отправленному сюда Филиппом II². С началом Восточного похода Александра Дарию III предстояло отразить новый, гораздо более серьезный вызов. Даже если гипотеза П. Бриана о наличии прямого приказа Дария III малоазиатским наместникам ошибочна, последние в любом случае не могли не понимать специфику общей политической ситуации в империи, настраивающей монарха на резкое и быстрое противодействие любой угрозе своей власти. Сатрапы, как справедливо отмечает Ю.В. Девис, должны были опасаться вызвать немилость со стороны царя, который мог расценить отступление перед врагом как трусость³. Остается лишь добавить, что нерешительные действия наместников и военачальников могли бросить тень и на самого Дария, только начавшего создавать себе репутацию могущественного правителя.

На поведение персидской элиты региона, очевидно, влияли и события недавнего прошлого. Речь идет об уже неоднократно упомянутой македонской военной кампании в Малой Азии 336-335 гг. до н.э. О тех военных событиях нам известно достаточно немного. Источники упоминают, что македонскому корпусу, возглавляемому Парменионом, Атталом и Каласом, противостояли наемники, возглавляемые Мемноном⁴. Несмотря на то, что участие войск малоазиатских сатрапов в противодействии македонскому корпусу в античной письменной традиции не отмечено, современные специалисты склонны считать их привлечение к военным действиям более чем возможным⁵. Однако, данные античной письменной традиции, даже при учете очевидной симпатии авторов по отношению к Мемнону, позволяют заключить, что именно этот военачальник своими умелыми действиями сумел переломить ситуацию в пользу персов⁶. У персидских сатрапов могло присутствовать желание реабилитироваться в глазах Дария III, показать себя и свои конные подразделения защитниками царства, не уступающими наемным грекам⁷. Панического страха перед открытым сражением с войсками Александра у персидских военачальников не было. Напомним, что Мемнон, согласно сообщению Арриана, описывая сильные стороны македонской армии, акцентировал внимание на превосходстве пехоты завоевателей. Здесь, видимо, отразилось представление родосца о том, что битва персов с Александром будет представлять собой типичное для греческого военного дела противоборство тяжеловооруженной пехоты, подобное сражениям, происходившим в период становления македонской гегемонии в Элладе⁸. Данное рассуждение целиком соответствовало греческим представлениям о ведении открытых полевых сражений, согласно которым гоплиты воспринимались как главная часть войска, причем это было характерно и для финального этапа классической эпохи⁹. Персидские аристократы были представителями принципиально иной военной культуры. Если в греческом военном деле акцент делался на развитии тяжеловооруженной пехоты, то у персов большую роль играла конница, причем ее значение к IV в. до н.э. заметно возросло, в итоге чего персидское командование стало воспринимать кавалерию как силу, способную определять исход сражений¹⁰. В связи с этим превосходство Александра в пехоте персидским военачальникам не казалось фатальным. Согласимся с предположением, согласно которому убежденность персидских военачальников в наличии больших шансов на победу в сражении также могла быть связана с воспоминаниями о некоторых успехах, достигнутых во время военных столкновений с македонянами в 335 г. до н.э.¹¹

Таким образом, персидские сатрапы и военачальники имели все основания для скептического отношения к стратегическому плану Мемнона, не гарантировавшему военного успеха и при этом связанному с существенными рисками для персидских позиций в регионе. С другой стороны, у персов были серьезные политические причины для того, чтобы постараться быстро разгромить македонскую армию в открытом полевым сражении. В итоге войска малоазиатских сатрапов встре-

¹ Bresciani E. The Persian occupation of Egypt // Cambridge History of Iran. Vol. II / Edited by I. Gershevitch. Cambridge, 1985. P. 527. Подробнее о египетской кампании Дария III см. также Бриан П. Дарий в тени Александра. С. 49-53.

² Холод М.М. Начало великой войны... С. 9.

³ Davis E.W. Op. cit. P. 36.

⁴ См. Diod., XVII, 7, 2-10; Polyae., V, 44, 4-5.

⁵ Холод М.М. Начало великой войны... С. 10; Bosworth A.B. Conquest and Empire... P. 35. Briant P. From Cyrus to Alexander... P. 818; Panovski S., Sarakinski V. Op. cit. P. 9.

⁶ Холод М.М. Начало великой войны... С. 10.

⁷ См. Nawotka K. Op. cit. P. 120.

⁸ Ashley J.R. Op. cit. P. 189-190.

⁹ Crowley J. The Psychology of the Athenian Hoplite: The Culture of Combat in Classical Athens. Cambridge, 2012. P. 101-103; Pritchard D. The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens // War, Democracy and Culture in Classical Athens / Edited by D. Pritchard. Cambridge, 2010. P. 46-48; Roisman J. The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators. Berkeley, 2005. P. 109.

¹⁰ Head D. The Achaemenid Persian Army. Stockport, 1992. P. 61.

¹¹ Bosworth A.B. Conquest and Empire... P. 40; Briant P. From Cyrus to Alexander... P. 822.

тились с армией Александра на берегах Граника и потерпели поражение. Как справедливо отмечает А.М. Девайн, первая победа над персами дала македонскому царю точку опоры на азиатском континенте и открыла путь вглубь империи Ахеменидов, став камнем в фундаменте «мировой державы» Александра¹. Впрочем, сколь бы значительными ни были результаты битвы при Гранике, они все же не обеспечивали беспрепятственного завоевания Малой Азии². Борьба с главными силами персидской армии была для завоевателя еще впереди. Разгром армии персидских сатрапов в битве при Гранике не может расцениваться как фатальное поражение Персидской империи, а отказ от использования тактики «выжженной земли» в самом начале эпохальной борьбы за господство над землями Ахеменидов не следует воспринимать как роковую для персов ошибку.

Библиография

- Бриан П. Александр Македонский / Пер. с франц. И. Нагле. М.: Астрель: АСТ, 2007.
- Бриан П. Дарий в тени Александра / Пер. с франц. А.Н. Степановой. М.: Вече, 2007.
- Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.
- Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
- Дройзен И. История эллинизма. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.
- Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
- Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма: дисс... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007.
- Рунг Э.В. Военно-политическая деятельность Ментора Родосского // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 143 – 160.
- Фуллер Дж. Военное искусство Александра Македонского / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
- Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история / Пер. с англ. А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2013.
- Холод М.М. Малоазийские греческие полисы и Александр Македонский в 334 г. до н. э. // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. И.Я. Фроянова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 187 – 199.
- Холод М.М. Начало великой войны: македонский экспедиционный корпус в Малой Азии (336-335 гг. до н.э.) // Сборник трудов участников конференции: «Война в зеркале историко-культурной традиции: от античности до Нового времени». СПб.: Нп-Принт, 2012. С. 3 – 13.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
- Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Издательство Казанского университета, 1976.
- Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson: McFarland, 1998.
- Badian E. Conspiracies // Alexander the Great in Fact and Fiction / Edited by A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 50 – 95.
- Badian E. The Battle of the Granicus: A New Look // Ancient Macedonia. II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki 19–24 August 1973. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1977. P. 271 – 293.
- Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander, Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Bresciani E. The Persian occupation of Egypt // Cambridge History of Iran. Vol. II / Edited by I. Gershevitch. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 502 – 528.
- Briant P. From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire / translated by Peter T. Daniels. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002.
- Briant P. The Achaemenid Empire // War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, The Mediterranean, Europe, and Mesoamerica / Edited by K. Raaflaud and N. Rosenstein. Cambridge – London: Harvard University Press, 1999. P. 105 – 128.
- Brunt P.A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. Vol. 12. 1962. No 1. P. 141 – 155.
- Crowley J. The Psychology of the Athenian Hoplite: The Culture of Combat in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Davis E.W. The Persian Battle Plan at the Granicus // James Sprunt Studies in History and Political Science. Vol. 46. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964. P. 34 – 44.
- Devine A.M. Demythologizing the Battle of the Granicus // Phoenix. Vol. 40. 1986. No 3. P. 265 – 278.
- Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1978.
- Ferrill A. The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997.
- Hanson V.D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1998.
- Hanson V.D. The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. New York: Knopf, 1989.

¹ Devine A.M. Op. cit. P. 277.

² Бриан П. Александр Македонский / Пер. с фр. И. Нагле. М., 2007. С. 54.

- Harl K.W. Alexander's Cavalry Battle at the Granicus // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of Donald Kagan* / Edited by Ch.D. Hamilton and P. Krentz. Claremont: Regina Books, 1997. P. 303 – 326.
- Head D. The Achaemenid Persian Army. Stockport: Montvert Publications, 1992.
- Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- McCoy W.J. Memnon of Rhodes at the Granicus // *AJPh*. Vol. 101. 1989. № 3. P. 413 – 433.
- Lane Fox R. Alexander the Great. London: Folio Society, 1973.
- London J. E. Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven – London: Yale University Press, 2005.
- Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BC. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
- Lonsdale D.J. Alexander the Great: Lessons in strategy. London – New York: Routledge, 2007.
- Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London – New York: Routledge, 1994.
- Panovski S., Sarakinski V. Memnon, the Strategist // *Macedonian Historical Review* No 2, 2011. P. 7 – 27.
- Pritchard D. The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens // *War, Democracy and Culture in Classical Athens* / Edited by D. Pritchard. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1 – 62.
- Roisman J. The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Strauss B.S. Alexander: The Military Campaign // *Brill's companion to Alexander the Great* / Edited by J. Roisman. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 133 – 157.
- Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.
- Thompson M. Granicus 334 BC. Alexander's first Persian victory. Oxford: Osprey Publishing, 2007.
- Thorne J. A. Warfare and Agriculture: The Economic Impact of Devastation in Classical Greece // *GRBS*. Vol. 42. 2001. No 3. P. 225 – 253.
- Weiskopf M. The So-Called "Great Satraps' Revolt": 366 – 360 B.C. Concerning local instability in the achaemenid far West. Stuttgart: Steiner-Vorl. Wiesbaden, 1989. (*Historia*. Einzelschriften. Hf. 63).
- Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: Oxford University Press, 2014.

References

- Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson: McFarland, 1998.
- Badian E. Conspiracies // *Alexander the Great in Fact and Fiction* / Edited by A. B. Bosworth, E. J. Baynham. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 50 – 95.
- Badian E. The Battle of the Granicus: A New Look // *Ancient Macedonia. II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki 19–24 August 1973*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1977. P. 271 – 293.
- Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander, Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Bresciani E. The Persian occupation of Egypt // *Cambridge History of Iran. Vol. II* / Edited by I. Gershevitch. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 502 – 528.
- Briant P. Darij v teni Aleksandra / Per. s frants. A.N. Stepanovoj. Moscow: Veche, 2007.
- Briant P. From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire / translated by Peter T. Daniels. Winona Lake: Eisenbrauns, 2002.
- Briant P. The Achaemenid Empire // *War and Society in the Ancient and Medieval Worlds: Asia, The Mediterranean, Europe, and Mesoamerica* / Edited by K. Raaflaud and N. Rosenstein. Cambridge – London: Harvard University Press, 1999. P. 105 – 128.
- Briant P. Aleksandr Makedonskij / Per. s frants. I. Nagle. Moscow: Astrel: AST, 2007.
- Brunt P.A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // *CQ*. Vol. 12. 1962. No 1. P. 141 – 155.
- Chanotis A. Vojna v ehllinisticheskom mire: Sotsialnaya i kulturnaya istoriya / Per. s angl. A.V. Makhlayuka. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013.
- Crowley J. The Psychology of the Athenian Hoplite: The Culture of Combat in Classical Athens. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Davis E.W. The Persian Battle Plan at the Granicus // *James Sprunt Studies in History and Political Science*. Vol. 46. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964. P. 34 – 44.
- Devine A.M. Demythologizing the Battle of the Granicus // *Phoenix*. Vol. 40. 1986. No 3. P. 265 – 278.
- Droysen J. Istoriya ehllinizma. T. 1. Rostov-na-Donu: Feniks, 1995.
- Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley – Los Angeles: University of California Press, 1978.
- Ferrill A. The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997.
- Fuller J. Voennoe iskusstvo Aleksandra Makedonskogo / Per. s angl. N.A. Pozdnyakovoj. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2003.
- Gafurov B.G., Tsiukididis D.I. Aleksandr Makedonskij i Vostok. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatelstva "Nauka", 1980.
- Green P. Aleksandr Makedonskij. Tsar chetyrekh storon sveta / Per. s angl. L.A. Igorevskogo. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2005.
- Hanson V.D. The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. New York: Knopf, 1989.
- Hanson V.D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 1998.

- Harl K.W. Alexander's Cavalry Battle at the Granicus // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War, and History in Ancient Greece in Honor of Donald Kagan* / Edited by Ch.D. Hamilton and P. Krentz. Claremont: Regina Books, 1997. P. 303 – 326.
- Head D. The Achaemenid Persian Army. Stockport: Montvert Publications, 1992.
- Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Kholod M.M. Maloazijskie grecheskie polisy i Aleksandr Makedonskij v 334 g. do n. e. // *Antichnyj mir. Problemy istorii i kultury. Sbornik nauchnykh statej k 65-letiju so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova* / Pod red. I.Y. Froyanova. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1998. P. 187 – 199.
- Kholod M.M. Nachalo velikoj vojny: makedonskij ehkspeditsionnyj korpus v Maloj Azii (336-335 gg. do n.e.) // *Sbornik trudov uchastnikov konferentsii: "Vojna v zerkale istoriko-kulturnoj traditsii: ot antichnosti do Novogo vremeni"*. St. Petersburg: Np-Print, 2012. P. 3 – 13.
- Lane Fox R. Alexander the Great. London: Folio Society, 1973.
- Lendon J. E. Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven – London: Yale University Press, 2005.
- Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BC. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.
- Lonsdale D.J. Alexander the Great: Lessons in strategy. London – New York: Routledge, 2007.
- Marinovich L.P. Greki i Aleksandr Makedonskij (K probleme krizisa polisa). Moscow: Nauka. Izdatelskaja firma "Vostochnaja literatura", 1993.
- McCoy W.J. Memnon of Rhodes at the Granicus // *AJPh*. Vol. 101. 1989. № 3. P. 413 – 433.
- Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- Nefedkin A.K. Konnitsa ehpkhi ehlinizma: diss... dokt. ist. nauk. Stavropol, 2007.
- O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London – New York: Routledge, 1994.
- Panovski S., Sarakinski V. Memnon, the Strategist // *Macedonian Historical Review* No 2, 2011. P. 7 – 27.
- Pritchard D. The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens // *War, Democracy and Culture in Classical Athens* / Edited by D. Pritchard. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 1 – 62.
- Roisman J. The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators. Berkeley: University of California Press, 2005.
- Rung E.V. Voenno-politicheskaya deyatel'nost' Mentora Rodosskogo // *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. Vip. 14. St. Petersburg: SPbGU, 2014. P. 143 – 160.
- Shakhermajr F. Aleksandr Makedonskij / Per. s nem. M.N. Botvinnika i B. Funka. Moscow: Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatelstva "Nauka", 1984.
- Shofman A.S. Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1976.
- Strauss B.S. Alexander: The Military Campaign // *Brill's companion to Alexander the Great* / Edited by J. Roisman. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 133 – 157.
- Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.
- Thompson M. Granicus 334 BC. Alexander's first Persian victory. Oxford: Osprey Publishing, 2007.
- Thorne J. A. Warfare and Agriculture: The Economic Impact of Devastation in Classical Greece // *GRBS*. Vol. 42. 2001. No 3. P. 225 – 253.
- Weiskopf M. The So-Called "Great Satraps' Revolt": 366 – 360 B.C. Concerning local instability in the achaemenid far West. Stuttgart: Steiner-Vorl. Wiesbaden, 1989. (Historia. Einzelschriften. Hf. 63).
- Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: Oxford University Press, 2014.

УДК 937.04

МАГИСТРАТЫ КАПУИ В САМНИТСКИЙ ПЕРИОД (V-III вв. до н.э.)

SAMNITE MAGISTRATES OF CAPUA BETWEEN 5-3 CENTURIES BC

О.В. Кармазина

O.V. Karmazina

*Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394343, Воронеж, ул. Ленина, 86*

*Voronezh State pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh, 394343, Russia*

E-mail: olga.karmazina@mail.ru

Аннотация. В современной научной литературе остаются дискуссионными вопросы, связанные с составом и компетенцией самнитских магистратов. Проанализировав комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников, можно констатировать наличие в Капуе самнитского периода магистратов, непосредственно подчинявшихся меддиксу тутикусу, верховному главе города: MEDDÍŠ MINIVE и MEDDÍŠ VEREHÍAS. Первый был заместителем меддикса тутикуса, под вторым должен пониматься командующий военным отрядом. Предположительно должность MEDDÍŠ VEREHÍAS в Капуе в 214 г. до н.э. занимал Статий Метий. Эта магистратура была коллегияльной, преимущество для занятия данной должности имели представители знатных кампанских родов.

Resume. The questions related to the composition and competence of Samnite magistrates still remain debatable in the current scientific literature. After analyzing the full range of all available sources (iuvilu from Capua, Tabula Bantina, Cippus Abellanus and some other Oscan inscriptions), it is possible to ascertain the presence in Capua between 5-3 centuries BC two magistrates - meddis minive and meddis verehias, who were directly under the meddix tuticus, the supreme ruler of the city. The first was the deputy meddix, we can't do any more specific conclusions about his competence. Under the second should be understood commander of the military unit. Presumably Statius Metius served as meddis verehias in Capua in 214 BC. The post of meddis verehias has been collegial, this position could be held by representatives of noble Campanian families. We can assume that, by analogy with meddix tuticus, other officials of Capua were elected for one year.

Ключевые слова: Кампания, Капуя, магистратура, меддикс, самниты.

Keywords: Campania, Capua, officials, meddiks, Samnites.

После самнитского завоевания в середине V в. до н.э., как отмечает Ф. Сартори¹, в городах Южной Италии происходит процесс оскизации в политической сфере, что выразилось в появлении новых городских магистратов, в том числе, в этрусской колонии Капуя. О захвате самнитами власти в городе мы узнаем из сообщения Тита Ливия (4, 37, 1-2). Римский историк рассказывает о том, что в «год, когда консулами были избраны Гай Семпроний Атратин и Квинт Фабий Вибулан (423 г. до н.э. – К.О.), по преданию произошло событие чужеземное, но все же достойное упоминания - самниты захватили этрусский город Вультурн, нынешнюю Капую...». Самнитские магистраты в городе продолжали осуществлять свои полномочия вплоть до 211 г. до н.э., когда римляне захватили город и уничтожили все прежние органы управления: «не было в нем (в городе – К.О.) ни гражданства, ни сената, ни народного собрания, ни должностных лиц» «nullum civitatis nec senatum nec plebis concilium nec magistratus esse» (Liv. 26.16.9). Таким образом, «самнитский период» в истории Капуи может быть определен как время с 423 по 211 г. до н.э.

Изучение состава и компетенции должностных лиц Капуи в самнитский период является весьма актуальным, поскольку проливает свет на политическую организацию самнитских общин в целом. К изучению политических институтов самнитов историки обращаются лишь в начале XX в. В работах А. Розенберга² и Ш. Вайнштока³ дается первая попытка обобщить данные эпиграфики об оскских магистратурах. Эти публикации породили не прекращающуюся до сих пор полемику между учеными разных стран о количестве, компетенции и субординации таких должностных лиц как meddiss tiúvtíks, meddiss minive и meddiss verehias. Причины этой дискуссии заключались в скупости и неясности толкования эпиграфических данных. После Второй мировой войны дискус-

¹ Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. Università degli studi di Padova. Pubblicazioni dell'Istituto di storia antica. Vol.1. Roma. 1953. P.17.

² Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Berlin, 1913.

³ Weinstock St. Zur oskischen Magistratur, Klio. XXIV. 1931. S.243-257.

сия о политических институтах самнитов была продолжена в работах Дж. Девото¹, И. Парети² и Ф. Сартори³. Внимание данных историков было приковано, прежде всего, к фигуре *meddiss tiúvtíks*, которого одни ученые считали городским, другие – федеральным магистратом. Авторы современных работ о самнитах⁴ продолжили исследование указанной проблемы. Однако они в большей степени рассматривают политическую ситуацию, сложившуюся в городах горного Самния и лишь в некоторых аспектах касаются Капуи самнитского периода. Тем не менее, нужно принять во внимание, что условия горного Самния сильно отличались от Кампании, где до прихода самнитов уже сложились города-государства этрусков со своей политической системой, следовательно, здесь мы имеем дело не с переносом на чужую территорию своих политических традиций, а со сложной трансформацией старой политической системы, подверженной иноземному влиянию.

В зарубежной историографии можно выделить единственную монографию, посвященную истории доримской Капуи, которая вышла в свет в 1942 г. Ее автор Ж. Эргон среди прочих вопросов уделяет внимание самнитским магистратам города, однако он подробно останавливается лишь на полномочиях *meddiss minive* и *meddiss verehias*⁵. Если обратиться к отечественной историографии, нужно констатировать с сожалением тот факт, что у нас отсутствуют труды, непосредственно посвященные самнитам⁶, а также политической истории доримской Капуи в частности⁷. Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является формулировка собственной точки зрения автора относительно компетенции двух должностных лиц Капуи самнитского периода: *meddiss minive* и *meddiss verehias*.

Для решения поставленной проблемы мы имеем, к сожалению, не так много источников. Что касается письменных свидетельств, это, в основном, отрывки из Тита Ливия, в большинстве своем касающиеся периода второй Пунической войны. Относиться к ним нужно критически, поскольку автор и в описании римских политических реалий допускает ошибки. Кроме того, мы располагаем оскскими надписями – йовиле, обнаруженными в Капуе. Они были найдены еще в конце XIX в. в имении Паттурелли. К. Бук опубликовал 13 из них и предложил также свой перевод этих надписей. Он считал, что термин *diúvila-*, или *iúvila-* обозначает объект посвящения и связывал его с Юпитером⁸. Относительно выражения *ekuk iúvilu* «эта Йовиле» ученый предполагал, что сам камень тоже назывался йовиле или был пьедесталом для маленькой статуи. Е. А. Арслан⁹ связывает йовиле с культом самнитской богини (D)ióvia или Giovia. Это предположение основано на данных одной из йовиле (FDB 2), которая содержит, кроме надписи, рельеф с женской головой, окруженной солярными лучами.

Большинство йовиле, как считает К. Бук¹⁰, относятся к III в. до н.э., а надписи 21-24, в которых отсутствуют *i* и *ti*, могут быть датированы началом III в. или концом IV в. до н.э. С точки зрения исследователя, надпись 21 – одна из самых ранних оскских надписей, кроме легенд на монетах. К этой датировке присоединяется Е. А. Арслан¹¹. Он отмечает, что стилистическое решение рельефного изображения на одной из йовиле позволяет датировать стелу IV - первой половиной III в. до н.э. Ж. Эргон датировал йовиле временем, предшествующим 217 или даже 213-212 гг. до н.э.¹² Важно, что йовиле относятся именно к тому периоду, о котором пишет Тит Ливий.

Для нас представляют интерес также оскские надписи из других городов Кампании, однако при их использовании необходимо помнить, что на завоеванной самнитами территории не было политического единства. Среди оскских надписей наиболее важной для нас является *Tabula Bantina*. Она была найдена в XVIII в. в трех фрагментах, ее текст повествует об организации и политико-административной модели общины осков на территории Бантии в Лукании. Эта надпись содержит синхронный оскский и латинский тексты, однако перевод оскских терминов на латинский язык не идентичен. Мнения ученых относительно датировки *Tabula Bantina* расходятся. Большинство ученых

¹ Devoto G. *Gli antichi Italici*. Firenze, 1951.

² Pareti I. *Storia di Roma e del mondo romano*. Torino, 1952.

³ Sartory F. *Problemi di storia costituzionale italiota*. Università degli studi di Padova. Pubblicazioni dell'Istituto di storia antica. Vol.1. Roma, 1953.

⁴ La Redgina A. *Studi sull'Italia dei Sanniti*, Catalogo della mostra tenutasi a Roma presso il Museo Nazionale Romano. A cura del Ministero per i Beni Culturali e Ambientali Soprintendenza Archeologica di Roma. Casa Editrice Electa. Milano, 2000. URL: <http://www.sanniti.info> (20. 06.2016); Salmon E.T. *Il Sannio e i Sanniti*, ed. it. Torino, 1995; Tagliamonte G. *I Sanniti*. Milano, 1996; Monaco D. *Storia dei Sanniti e del Sannio*. Isernia, 2002.

⁵ Heurgon J. *Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines à la deuxième guerre punique*. Paris, 1942. P. 234-236.

⁶ Отдельные сюжеты, касающиеся политической системы самнитов, рассматриваются в книгах: Нечай Ф.М. *Рим и италийцы*. Минск, 1963; Маяк И.Л. *Взаимоотношения Рима и италийцев в III – II вв. до н.э.* М., 1971.

⁷ Автор данной публикации может сослаться только на свои собственные статьи, посвященные политической истории Капуи: Кармазина О.В. *Проблема основания Капуи* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2012. № 2. С. 28-35; Кармазина О.В. *Сенат и народное собрание Капуи в самнитский период (5-3 вв. до н.э.)* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серия: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Естественные науки». Воронеж, 2014. С. 224-228; Кармазина О.В. *Йовиле как источник сведений о *meddiss tiúvtíks* Капуи* // LANTERNA NOSTRA. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб, 2014. С. 178-187.

⁸ Buck C.D. *Grammar of oscan and umbrian*. Boston, 1904. P. 247.

⁹ Arslan E.A. *La dea "Giovia" di Capua (CE), IV-III sec.a.C.*, *Schede del Museo - Archeologia*, n. 12, GRAL, Biassono, 2002, P.1.

¹⁰ Buck C.D. *Grammar of oscan and umbrian*. Boston, 1904. P. 247.

¹¹ Arslan E.A. *La dea "Giovia" di Capua (CE), IV-III sec.a.C.*, *Schede del Museo - Archeologia*, n. 12, GRAL, Biassono, 2002. P. 1.

¹² Heurgon J. *Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines à la deuxième guerre punique*. Paris, 1942. P. 234.

относят ее к I в. до н.э.¹ и связывают с предоставлением жителям города римских гражданских прав через учреждение муниципия. Другие датируют Tabula Bantina домуниципальной эпохой – II в. до н.э. и рассматривают изложенную в ней конституцию как продукт влияния близкой латинской колонии Венузия². Для нас важно, что в любом случае она относится к более позднему периоду, чем рассматриваемый нами. Об этом свидетельствует и язык надписи, в ней мы видим стремление «возродить» оскские политические термины³. Ф. Сартори⁴ также считает, что надпись относится к эпохе Гракхов, в то время, когда город приобрел определенную степень латинизации, что требовало введения латинских терминов. Таким образом, Tabula Bantina – не только результат компромисса, но и сопротивление экспансии «римской модели», здесь мы встречаем оскские политические элементы, но подвергшиеся романизации.

Второй важный эпиграфический источник – Cippus Abellanus. Эта надпись на оскском языке была найдена в 1745 г. на территории древней Абеллы. Она представляет собой отрывок из договора между двумя городами на территории Кампании: Нолой и Абеллой о совместном использовании участка, прилегающего к храму Геракла. А. Ла Реджина датирует эту надпись II в. до н.э., возможно, временем после проведения реформ Гракхов (120-110 гг. до н.э.)⁵. В надписи упоминаются должностные лица Нолы и Абеллы и сенаты этих двух городов.

Должностных лиц Капуи Ливий называет magistratus, magistratum (Liv. 23.4.5). В частности, он отмечает, что в качестве условия вступления в город карфагенских войск в 216 г. до н.э. Капуя по договору получала право «сохранить своих должностных лиц и свои законы» «ut suae leges, sui magistratus Capuae essent» (Liv. 23.7.1). Римский историк сообщает о том, что в курии (curia) Капуи существовало место магистратов (templo magistratum). Также он отмечает, что в 213 г. до н.э. с разрешения магистратов (permissu magistratum) знатные кампанские всадники под предлогом грабежа вражеских поместий направились в римский лагерь под Свессулой для переговоров с римским претором Гнем Фульвием (Liv. 24.47.12). Вероятно, в данном случае под термином magistratum понимается сенат, т.к. именно кампанский сенат, как следует из дальнейшего текста Ливия, принимал решения об отправке посольств. Вот те немногие пассажи римского историка, в которых встречается термин magistratus применимо к Капуе.

В оскских надписях должностные лица обозначаются термином MEDDÍŠ. Этот вывод, к которому склоняются большинство ученых⁶, был сделан, в том числе, на основании Tabula Bantina, в которой оскскому термину меддикс соответствует в латинской части слово magistratus (Co 28; Bu 2.). И. Парети отмечает, что меддиксы были магистратами городскими, а не федеральными⁷.

В текстах йовиле⁸, обнаруженных в Капуе, кроме меддикса тутикуса, который являлся высшим магистратом города⁹, упоминаются другие должностные лица. Во-первых, в надписи (Co 107) отмечается: «в то время, когда меддиксом тутикусом был Минний Анний, йовиле утвердили» MI(INNIEIS). ANNI/IEI(S) MEDIK/KIAI TUV(TIKAI) IUVILAM PRUF(AT)T(EN)S. Глагол PRUF(AT)T(EN)S (утвердили) стоит во множественном числе. Это означает, что при церемонии освящения присутствовали, по крайней мере, два магистрата.

В надписи (Co 117) говорится о том, что йовиле были освящены DAMSENNIAS двумя меддиксами – меддиксом тутикусом Капуи [M]EDIKID TUVTIK(UD) KAPV(ANUD) и MEDIK(ID). MINIVE. Термин MINIVE А. Розенберг переводит как младший меддикс и отмечает, что этот магистрат должен был следовать директивам старшего коллеги¹⁰. Здесь уместно обратиться к цитате из сочинения Феста «De verborum significatu»: (Festi L. 110. 19) Meddix apud Oscos magistratus est. Ennius (Ann. 298) “Summus ibi capitur meddix, occiditur alter”¹¹. Несомненно, что упоминаемый Эннием summus meddix – это меддикс тутикус. В цитате Энния речь идет о двух магистратах, один из которых захвачен, а другой – убит, причем из текста следует, что первый занимает более высокое положение по отношению к другому. Ф. Сартори, анализируя этот текст, предполагал, что под словом alter подразумевается именно MEDD(ÍŠ) MINIVE, а не магистрат вообще¹². Он считал, что участие в церемонии освящения йовиле двух меддиксов говорит об отлучении их обязанностей, по крайней мере, в религиозной сфере. А. Бернарди предполагал, что меддикс миниве – более поздняя магистратура, ко-

¹ Untermann J. Italic languages, Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/297434/Italic-languages#ref603523> (20.06.2016)

² Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Berlin, 1913.

³ Del Tutto Palma L. La tavola bantina (sezione osca): proposte di rilettura. Padova-Urbino. 1989. P. 46

⁴ Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. , Universita` degli studi di Padova. Pubblicazion dell Istituto di storia antica. Vol.1. Roma, 1953. P. 20.

⁵ La Regina A. I Sanniti, Italia omnium terrarum parens, a cura di G. Pugliese Carratelli, Milano. 1989. Pp. 301-432.

⁶ Weinstock St. Zur oskischen Magistratur, Klio, XXIV, 1931.S.243; Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. , Universita` degli studi di Padova. Pubblicazion dell Istituto di storia antica. Vol.1. Roma. 1953. P.15.

⁷ Pareti I. Storia di Roma e del mondo romano. Torino, 1952. P. 611.

⁸ Транскрипция надписей дана по: Oscan and Umbrian Inscriptions. Text entry by J.Gippert (Frankfurt 1991) and V. Slunečko (Praha 1995). TITUS version with synoptical arrangement of original scripts by Jost Gippert, Frankfurt a/M, 28.2.1998 / 20.6.1998 / 1.6.2000 / 1.9.2002. Available at: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/ital/oskumb/oskum001.htm>

⁹ Меддикс тутикус Капуи избирался преимущественно из знатных граждан Капуи на один год и являлся эпонимом. Сфера его деятельности ограничивалась сакральными делами, а также функциями, связанными с непосредственным управлением города (созыв сената и народного собрания, охрана города, прием послов, набор войска).

¹⁰ Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Berlin, 1913. Ss. 17-20, 28.

¹¹ В данном месте Фест ссылается на отрывок из «Анналов» Квинта Энния, в котором упоминается summus meddix.

¹² Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. Universita` degli studi di Padova. Pubblicazion dell Istituto di storia antica. Vol.1. Roma, 1953. P. 24.

торая появилась в то время, когда меддикс не мог уже справляться в одиночку со всеми возложенными на него функциями¹. Д. Монако выдвигает гипотезу, согласно которой MEDD(ÍS) MINIVE возглавлял территориальное объединение *pagus*, главное поселение независимого деревенского округа, выше которого стояла структура, называемая *touto*² и управляемая меддиксом *тутикусом*³. Ж. Эргон считал, что под выражением MEDD(ÍS) MINIVE следует понимать не конкретное должностное лицо, а категорию меддиксов, которые по своему положению стояли ниже, чем меддикс *тутикус*, как римские *praetores minores* по отношению к *praetor urbanus*⁴. М. Вайншток полагал, что на основании текста Энния необходимо говорить о наличии в оскских городах-государствах трех меддиксов: *summus*, *superior (maior)*, *minor*⁵. Большинство историков выступили против такого толкования. В частности, Дж. Девото, исследовав весь комплекс эпиграфических источников, сделал вывод о том, что типичной ситуацией для оскских городов была неравная коллегиальность двух должностных лиц - «меддикса и вице-меддикса»⁶. С моей точки зрения, под термином MEDD(ÍS) MINIVE следует понимать конкретного магистрата, поскольку в цитате Энния речь, по всей видимости, идет о чрезвычайной ситуации, в которой город лишился своего верховного управления: один магистрат убит, другой захвачен. Следовательно, оба они и составляли это верховное правительство.

Кроме MEDD(ÍS) MINIVE в надписях Капуи мы находим также упоминание о MEDD(ÍS). PIS INÍM VEREHAS FUST, который тоже присутствует при освящении йовиле (Co 114)⁷. В так называемой *Tabula Iguvina* умбрийский термин VEREIIAI упоминается в связи с палестрой, т.е. «с мужчинами, способными к военной службе»⁸. Исходя из этого слово VEREHAS (Gen. S.), трактовалось учеными по-разному. К. Бук⁹ переводит его как *iuventutis* и видит в этом термине аналог римской *iuventus*. Согласно Т. Моммзену и Е. Эндерису, *vereia* следует переводить как *civitas*, «государство», следовательно, выражение MEDD(ÍS). PIS INÍM VEREHAS FUST означает «меддикс, который и государства (государственный) был»¹⁰. В современной научной литературе¹¹, однако, преобладает точка зрения, согласно которой термин *vereia* следует переводить как «военный отряд молодежи». Д. Монако предполагает, что эти юноши являлись первоначально «стражами ворот», т.к. оскский термин VERO соответствует латинскому слову *porta*¹². Со временем этот институт превратился в отдельные отряды наемников, возглавляемые командирами. В частности, Э. Кампаниле¹³ в своей статье «О семантике оскского термина MEDD(ÍS)» приводит надпись из Кум III в. до н.э. (Po. 132), в которой упоминается посвящение Зевсу Флагии PR(U). VEREIIAD, которое он переводит как «от наемников» (*compagnia di ventura*). В связи с таким толкованием оскского термина *vereia*, нам представляется интересным место из сочинения Ливия, где историк сообщает о командующем военным отрядом кампанцев Статии Метии *Statius Metius* (должность его не указана). Из текста следует, что в 214 г. до н.э. этот магистрат по приказанию меддикса *тутикуса* Гнея Магия отправился защищать от римлян Казилин. Статий Метий возглавлял (*praerat*) две тысячи кампанцев и семьсот солдат Ганнибала. (Liv. 24.19.1). Этот магистрат непосредственно подчинялся меддиксу *тутикусу*, который в указанное время занимался набором войска: «вооружал без разбору и рабов, и чернь, чтобы напасть на римский лагерь, пока консул занят осадой Казилина» (Liv. 24.19.2). Таким образом, с нашей точки зрения, положение и функции Статия Метия могут соответствовать должности *meddiss vereias*, которая упоминается в надписи (Co 114).

В связи с должностью *meddiss vereias* хотелось бы также упомянуть о событиях, относящихся к истории Сицилии III в. до н.э. По рассказу Диодора (21, 2.) служившие у Агафокла кампанцы после смерти тирана в 282 г. до н.э. обязаны были покинуть Сицилию; но на пути домой толпа мамертинов из числа кампанцев была допущена жителями Мессены в город и предательски захватила его. Об этом же событии сообщает Полибий (Pol. 1.7). Письменная традиция подтверждается эпиграфическим источником - надпись III в. до н.э., обнаруженная в Мессене (Co 1). Она написана на оском языке, но греческим алфавитом. В надписи сообщается, что ΣΤΕΝΙΣ ΚΑΛΙΝΙΣ ΣΤΑΤΤΙΝΙΣ (*Stenis Kalinis Stattiēis*) и ΜΑΡΑΣ ΠΟΜΠΤΙΕΣ ΝΥΜΣΔΙΗΙΣ (*Maras Pompties Niumsdieis*), меддиксы ΜΕΛΛΕΙΕ и народ мамертинцев ΕΙΝΕΙΜ ΤΩΤΟ ΜΑΜΕΡΤΙΝΟ сооружают ΟΥΠΣΕΝΣ храм или жертвенник Аполлону. Эта надпись вызвала дискуссию среди ученых относительно того, почему в ней указаны два меддикса *тутикуса*, а не один, как в городах южной Италии. Не углубляясь в суть этой дискуссии, хотелось бы выска-

¹ Bernardi A. *Meddix* // *Athenaeum*, n.s. XXIV, 1946. P. 97.

² У пелигнов, например, *touto* состоял из 28 *pagi*.

³ Monaco D. *Meddix tuticus*. URL: <http://www.sanniti.info/smmeddix.html> (20.06.2016)

⁴ Heurgon J. *Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines à la deuxième guerre punique*. Paris, 1942. P. 236.

⁵ Weinstock St. *Zur oskischen Magistratur* // *Klio*, XXIV. 1931. S.245.

⁶ Devoto G. *Gli antichi Italiani*. Firenze, 1951. P. 259.

⁷ В данном случае мы отступаем от транскрипции, данной J. Gippert и V. Slunečko, а именно «PÚN. MEDD(IKIAÍS). PIS INÍM VEREHAS FUST», и предлагаем чтение «PÚN. MEDD(ÍS). PIS INÍM VEREHAS FUST», поскольку, с нашей точки зрения, это выражение является калькой с надписи (Co 113) «PÚN. MEDD(ÍS) KAPV(ANS) ADFUST».

⁸ Interpretatio tabulae Iguvinae II. 1878. Bonn, 46. S. 4.

⁹ Buck C.D. *Grammar of oscan and umbrian*. Boston, 1904.

¹⁰ Цитирую по: Enderis E. *Versuch einer Formenlehre der oskischen Sprache*. Zürich, 1871. S. 30.

¹¹ La Regina A. *Appunti su entità etniche e strutture istituzionali nel Sannio antico*, AION, III.1981. P. 129; Untermann J. *Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen*, Winter, Heidelberg, 2000.

¹² Monaco D. *Meddix tuticus*. URL: <http://www.sanniti.info/smmeddix.html> (20.06.2016)

¹³ Campanile E. *Per la semantica di osco "meddi"ss*, LA TAVOLA DI AGNONE NEL CONTESTO ITALICO. *Lingua, storia, archeologia dei Sanniti*. Convegno di studio - Agnone 13-15 Aprile 1994 - Cosmo Iannone editore - Isernia, 1996. URL: <http://www.sanniti.info/smmeddix.html> (20.06.2016)

зять предположение, что указанные в приведенной надписи из Мессены люди занимали должность *meddiss vereias* и были изначально предводителями наемников, захвативших город, которые обозначаются в надписи как народ (Τῶτο, *tuto*) мамертинцев. Такая трактовка позволяет допустить наличие нескольких меддиксов. Для нас представляется интересным то, что Статий Метий, который, как мы предполагаем, занимал в Капуе должность *meddiss vereias*, и упоминаемый в надписи из Мессены меддикс Стений Калиний Статий происходили из одного рода – Статиев¹.

О том, что должность медикс верехиас могли занимать представители одного рода, свидетельствуют три надписи из Кум III в. до н.э. (Ро 132, Ро 133, Ро 134). В первой из них сохранились лишь две начальные буквы имени – MR, в двух других ясно читаются имена: Миний Хейй Паций MIN(IS) . HEI(S) . PAK(KIEIS) и Мамерк Хейй Деций MA(MEREKS) . HEIS . DE(KKIEIS) – оба из рода HEIS. После имен во всех трех надписях следует сокращение *m.v.i`nim.m.x*. Первые две буквы этой аббревиатуры нужно трактовать как M(EDDÍ)S V(EREI)AS – должность, которую занимали данные люди.

Таким образом, проанализировав весь комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников, можно констатировать наличие в Капуе самнитского периода магистратов, которые непосредственно подчинялись меддиксу тутикусу: MEDDÍ)S MINIVE и MEDDÍ)S VERENIAS. Первый, скорее всего, был заместителем медикса тутикуса (вице-медиксом), сделать каких-либо более конкретных выводов о его компетенции мы не можем. Под вторым должен пониматься командующий военным отрядом. Предположительно должность MEDDÍ)S VERENIAS в Капуе в 214 г. до н.э. занимал Статий Метий. Эта магистратура, вероятно, была коллегиальной. Преимущество для занятия этой должности имели представители отдельных знатных кампанских родов. Мы можем предположить, что по аналогии с медиксом тутикусом другие должностные лица Капуи избирались на один год.

Сокращения

Bu - Buck C.D. 1904. Grammar of oscan and umbrian. Boston.

Co – Conway R.S. 1899. Dialectorum italicarum exempla selecta. Cambridge.

FDB - Franchi de Bellis A. 1981. Le iovile capuane. Firenze.

Библиография

Кармазина О.В. Йовиле как источник сведений о *medix tuticus* Капуи // LANTERNA NOSTRA. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк / под. ред. С.Ю.Сапрыкина, Н.В.Бугаевой. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2014. С. 178-187.

Кармазина О.В. Проблема основания Капуи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. № 2. С. 28-35.

Кармазина О.В. Сенат и народное собрание Капуи в самнитский период (5-3 вв. до н.э.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки», «Гуманитарные науки», «Естественные науки». Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2014. С. 224-228.

Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III – II вв. до н.э. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Нечай Ф.М. Рим и италийцы. Минск: Изд-во Министерства высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963.

Arslan E.A. La dea "Giovina" di Capua (CE), IV-III sec.a.C., Schede del Museo. Archeologia, 2002. N. 12. P.1-2.

Bernardi A. Meddix. Athenaeum. 1946. XXIV. P. 97.

Buck C.D. Grammar of oscan and Umbrian, Boston: Ginn & Company, 1904.

Campanile E. 1996. Per la semantica di osco "meddi`ss", LA TAVOLA DI AGNONE NEL CONTESTO ITALICO. Lingua, storia, archeologia dei Sanniti. Convegno di studio - Agnone 13-15 Aprile 1994 - Cosmo Iannone editore, Isernia, 1996. URL: <http://www.sanniti.info/smmeddix.html> (20.06.2016)

Devoto G. Gli antichi Italici. Firenze, Vallecchi, 1951.

Del Tutto Palma L. La tavola bantina (sezione osca): proposte di rilettura. Padova-Urbino, 1989.

Enderis E. Versuch einer Formenlehre der oskischen Sprache. Zürich: in Commission bei S.Höhr, 1871.

Franchi de Bellis A. Le iovile capuane. Firenze: L.S.Olschki, 1981.

Heurgon J. Recherches sue l`histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines a la deuxieme guerre punique. Paris: E. De Boccard, 1942.

Italic languages, Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/297434/Italic-languages#ref603523> (20.06.2016)

La Regina A. Appunti su entita` etniche e strutture istituzionali nel Sannio antico. AION. III. 1981. P. 122-129.

La Regina A. I Sanniti, Italia omnium terrarum parens. A cura di G. Pugliese Carratelli. Milano: Scheiwiller, 1989.

La Redgina A. Studi sull`Italia dei Sanniti, Catalogo della mostra tenutasi a Roma presso il Museo Nazionale Romano. A cura del Ministero per i Beni Culturali e Ambientali Soprintendenza Archeologica di Roma: Casa Editrice Electa. 2000. URL: <http://www.sanniti.it> (20.06.2016)

Monaco D. Meddix tuticus. URL: <http://www.sanniti.info/smmeddix.html> (20.06.2016)

Monaco D. Storia dei Sanniti e del Sannio. Isernia, 2002.

¹ Мы знаем о том, что меддиксы тутикусы Капуи неоднократно избирались из рода Блоссиев. См. Кармазина О.В. Йовиле как источник сведений о *medix tuticus* Капуи // LANTERNA NOSTRA. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб., 2014. С. 178-187.

- Oscan and Umbrian Inscriptions. Text entry by J.Gippert (Frankfurt 1991) and V. Slunečko (Praha 1995). TITUS version with synoptical arrangement of original scripts by Jost Gippert, Frankfurt a/M, 28.2.1998 / 20.6.1998 / 1.6.2000 / 1.9.2002 URL: <http://titus.unifrankfurt.de/texte/etcs/ital/oskumb/oskum001.htm> (20.06.2016)
- Pareti I. Storia di Roma e del mondo romano. Torino: Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1952.
- Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Berlin: Weidmann, 1913.
- Salmon E.T. Il Sannio e i Sanniti, Torino: ET Saggi, 1995.
- Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. Università degli studi di Padova. Roma: Pubblicazione dell'Istituto di storia antica. Vol. 1. 1953.
- Tagliamonte G. I Sanniti. Milano: Longanesi, 1996.
- Tafaro S. Considerazioni sulla Tabula Bantina. Diritto e Storia, 2009. N. 8 URL: <http://www.dirittoestoria.it/8/Tradizione-Romana/Tafaro-Tabula-bantina.htm> (20.06.2016)
- Untermann J. Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen. Heidelberg: Winter, 2000.
- Weinstock St. Zur oskischen Magistratur. Klio, 1931. XXIV. S. 243-257.

References

- Arslan E.A. La dea "Giovina" di Capua (CE), IV-III sec.a.C., Schede del Museo. Archeologia, 2002. N. 12. P.1-2.
- Bernardi A. Meddix. Athenaeum. 1946. XXIV. P. 97.
- Buck C.D. Grammar of oscan and Umbrian, Boston: Ginn & Company, 1904.
- Campanile E. 1996. Per la semantica di osco "meddi'ss", LA TAVOLA DI AGNONE NEL CONTESTO ITALICO. Lingua, storia, archeologia dei Sanniti. Convegno di studio - Agnone 13-15 Aprile 1994 - Cosmo Iannone editore, Isernia, 1996. URL: <http://www.sanniti.info/smeddix.html> (20.06.2016)
- Del Tutto Palma L. La tavola bantina (sezione osca): proposte di rilettura. Padova-Urbino, 1989.
- Devoto G. Gli antichi Italici. Firenze, Vallecchi, 1951.
- Enderis E. Versuch einer Formenlehre der oskischen Sprache. Zürich: in Commission bei S.Höhr, 1871.
- Franchi de Bellis A. Le iovile capuane. Firenze: L.S.Olschki, 1981.
- Heurgon J. Recherches sur l'histoire, la religion et la civilisation preromaine de Capoue des origines à la deuxième guerre punique. Paris: E. De Boccard, 1942.
- Italic languages, Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/297434/Italic-languages#ref603523> (20.06.2016)
- Karmazina O.V. Problema osnovaniya Kapui // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. Voronezh: Izd-vo VGU, 2012. № 2. S. 28-35.
- Karmazina O.V. Senat i narodnoe sobranie Kapui v sannitskiy period (5-3 vv. do n.e.) // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serii: «Pedagogicheskie nauki», «Gumanitarnye nauki», «Estestvennyye nauki». Voronezh: Izd-vo VGPU, 2014. S. 224-228.
- Karmazina O.V. Yovile kak istochnik svedeniy o medix tuticus Kapui // LANTERNA NOSTRA. K yubileyu professora Ii Leonidovnyi Mayak / pod. red. S.Yu.Saprykina, N.V.Bugayevoy. SPb.: Izd-vo «Aleteya», 2014. S. 178-187.
- La Redgina A. Studi sull'Italia dei Sanniti, Catalogo della mostra tenutasi a Roma presso il Museo Nazionale Romano. A cura del Ministero per i Beni Culturali e Ambientali Soprintendenza Archeologica di Roma: Casa Editrice Electa. 2000. URL: <http://www.sanniti.it> (20.06.2016)
- La Regina A. Appunti su entità etniche e strutture istituzionali nel Sannio antico. AION. III. 1981. P. 122-129.
- La Regina A. I Sanniti, Italia omnium terrarum parens. A cura di G. Pugliese Carratelli. Milano: Scheiwiller, 1989.
- Mayak I.L. Vzaimootnosheniya Rima i italiytsev v III – II vv. do n.e. M.: Izd-vo MGU, 1971.
- Monaco D. Meddix tuticus. URL: <http://www.sanniti.info/smeddix.html> (20.06.2016)
- Monaco D. Storia dei Sanniti e del Sannio. Isernia, 2002.
- Nechay F.M. Rim i italiki. Minsk: Izd-vo Ministerstva vyssh., sred. spets. i prof. obrazovaniya BSSR, 1963.
- Oscan and Umbrian Inscriptions. Text entry by J.Gippert (Frankfurt 1991) and V. Slunečko (Praha 1995). TITUS version with synoptical arrangement of original scripts by Jost Gippert, Frankfurt a/M, 28.2.1998 / 20.6.1998 / 1.6.2000 / 1.9.2002 URL: <http://titus.unifrankfurt.de/texte/etcs/ital/oskumb/oskum001.htm> (20.06.2016)
- Pareti I. Storia di Roma e del mondo romano. Torino: Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1952.
- Rosenberg A. Der Staat der alten Italiker. Berlin: Weidmann, 1913.
- Salmon E.T. Il Sannio e i Sanniti, Torino: ET Saggi, 1995.
- Sartory F. Problemi di storia costituzionale italiota. Università degli studi di Padova. Roma: Pubblicazione dell'Istituto di storia antica. Vol. 1. 1953.
- Tafaro S. Considerazioni sulla Tabula Bantina. Diritto e Storia, 2009. N. 8 URL: <http://www.dirittoestoria.it/8/Tradizione-Romana/Tafaro-Tabula-bantina.htm> (20.06.2016)
- Tagliamonte G. I Sanniti. Milano: Longanesi, 1996.
- Untermann J. Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen. Heidelberg: Winter, 2000.
- Weinstock St. Zur oskischen Magistratur. Klio, 1931. XXIV. S. 243-257.

**«БРЕВИАРИЙ» ФЕСТА
В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**BREVIARIUM OF FESTUS
IN THE FOREIGN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

**Е.А. Семичева
Е.А. Semicheva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85,*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: semicheva@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии, связанной с личностью позднеантичного бревиариста Руфа Феста и его работой. Автор представляет основные направления и результаты исследований зарубежных ученых, которые в основном сфокусированы на проблемах идентификации Феста, выявлении его источников, а также анализе структуры работы и целях автора. Дискуссионный характер имеет вопрос самостоятельности и оригинальности текста бревиария, поскольку, несмотря на явные многочисленные параллели и заимствования, в нем имеются качественные структурные отличия от работ современников и предшественников. В статье обращается внимание на недостаточную степень изученности проблемы в отечественной науке и подвергается сомнению закрепившееся в российской историографии мнение о вторичности и низкой исторической значимости текста Феста. Кроме того, в статье отмечается репрезентативный характер источника для решения определенного круга исследовательских задач, связанных с проблемой идентичности человека древности.

Resume. The article is devoted to the analysis of the historiography, connected with the personality of Rufus Festus – the author of Breviarium in Late Antiquity and with his work. The author presents the main directions and results of foreign researches, which mainly concentrated on the identity of Festus, his sources, structure of the work and his purposes. The question of independence and originality of the text is debatable, because, despite the many parallels and borrowings, it has the qualitative structural differences with works of his contemporaries and predecessors. The author notes the insufficient level of studies of this issue in Russian historiography, questioned opinion about the secondary and low historical significance of this text. The article indicates the representative character of this source for some research tasks, related with the problem of identity of ancient person.

Ключевые слова: историография, поздняя античность, бревиарий, Фест, идентичность.
Keywords: historiography, Late Antiquity, Breviarium, Festus, identity.

Современную историческую науку отличает выраженный интерес к так называемым маргинальным проблемам, долгое время находившимся на периферии внимания исследователей. В антиковедении к таковым можно отнести изучение источников специфического жанра – бревиариев, получивших распространение в позднеантичной традиции. Вместе с тем, подавляющее количество исторических сочинений нехристианской историографии IV в. – это компиляции и бревиарии. По мнению В.И. Уколовой, стремление к упрощению, систематизации, созданию различных «сводов», – это знамение времени, коснувшееся не только историографии. Иногда создается впечатление, что образованные люди той эпохи были заняты преимущественно «упаковкой» интеллектуального и культурного наследия предшествующей эпохи, стараясь сохранить и спрессовать как можно больше разнообразных знаний¹.

Отметим, что довольно активно в российской и зарубежной историографии исследуется «Бревиарий» Евтропия², в отношении которого нам представляется перспективным подход Д.В.

¹ Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С.41.

² Bird H.W. Eutropius: his life and career // Echos du Monde Classique. Classical Views. Vol. 32, 1988. P.51-66; idem. Eutropius' Perspective on Roman Emperors // The Ancient History Bulletin. Vol. 6. 1987. P. 139-151; idem. Eutropius: Breviarium ab Urbe Condita. Liverpool. 1992; Boer W. den. Some minor Roman historians. Leiden, 1972; Bonamente G. Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio. Roma, 1986; Collins F. Eutropius and the dynastic name Eumenes of the Pergamene pretender Aristonicus // The Ancient World. Vol. IV. 1981. P. 39-43; Santini C. Per una caratterizzazione stilistica del 'Breviarium' di Eutropio // Giornale

Кареева, обозначившего проблему выбора бревиаристом своих источников и самостоятельного обращения с ними в соответствии с собственным видением истории¹.

Однако, фигура Феста, автора «*Breviarium rerum gestarum populi Romani*», как и его работа, нуждаются в более пристальном внимании. Достаточно заметить, что в отечественной науке до сих пор отсутствует полный перевод Феста, а сама работа оценивается как тривиальное повторение предшественников и современников, уступающее им по качеству и лишенное какой-либо концепции и оригинальной мысли. Такая оценка доминирует с шестидесятых годов XX века, когда Т.И. Кузнецовой был предпринят и снабжен кратким комментарием перевод очень небольшой части работы Феста под названием «Бревиарий о победах и провинциях римского народа» с указанием имени автора как Секст Руф (или иначе Руф Фест). По ее мнению, сочинение представляет собой «весьма малую ценность» как исторический источник². В двухтомной «Истории римской литературы», вышедшей в 1962. С.И. Соболевский именует сочинение Феста «ничтожным»³, а аналогичная работа В.С. Дурова, опубликованная в 2000 г., лишь констатирует сжатый характер текста⁴. В целом, следует заметить, что большинство авторов, касающихся римской историографии IV в., едва упоминают Феста и во многом повторяют друг друга. В.И. Уколова, правда, посвятив ему буквально три строчки, отмечает, что «...Бревиарий Феста имел одну неоспоримую ценность — описание событий времени императора Валентиниана явно создано очевидцем»⁵. А В.А. Дмитриев в развернутой статье о римской историографии уделяет работе Феста чуть больше внимания и указывает на особый географический принцип ее построения, но приходит к традиционному выводу о более низких художественных достоинствах и исторической значимости в сравнении с бревиарием Евтропия⁶.

Исключением в отечественной традиции является статья Д.В. Кареева «Руф Фест, римский историк IV века»⁷. Автор сопоставляет различные сведения о личности Феста, поддерживая идею о его языческом мировоззрении; анализирует источники бревиариста и проводит текстуальные параллели между его работой и сочинениями Евтропия и Тита Ливия. Кроме того, он обращает внимание на эрудицию автора и используемые риторические приемы, и делает вывод о политической и пропагандистской нагрузке бревиария.

В зарубежном антиковедении личность и работа Феста вызвали больший интерес со стороны исследователей, хотя и здесь он многократно уступает вниманию к иным представителям историографии IV века. Издание латинского текста с комментариями на английском языке было сделано в 1967 году Дж. Эади⁸, почти тридцать лет спустя М. Арно-Линде перевел его на французский⁹. В отдельную главу выделяют Феста авторы работ, посвященных так называемым «малым историкам» IV века в целом¹⁰. Отношение западных исследователей к источнику преимущественно коррелирует с оценками, высказанными в отечественной науке, и «*Breviarium*» Феста также традиционно считается сочинением, соответствующим строгим законам эпитоматорской историографии, исключая авторское видение исторического процесса. Дж. Эади пишет, например, что качество историй IV в. скорее отражает «блеклые обычаи» III столетия, чем возрождение классического мировоззрения¹¹. Д. Рорбахер утверждает, что единственный источник информации, который современные историки считают полезным в работе Феста, это список западных провинций, самый ранний из перечней такого рода¹².

Несмотря на оценки текста как малозначимого источника, недостаток сведений о личности Феста и предельно сжатый характер изложения породили многочисленные дискуссии. К числу таковых относится, прежде всего, проблема идентификации автора. Поскольку сама работа практически не содержит информации о нем, ученые ориентируются на противоречивые данные средневековых рукописей и, не считая вопрос окончательно решенным, большинство все же склоняется к отождествлению автора «Бревиария» с упомянутым Аммианом Марцеллином, Либанием и Евнапием чиновником при дворе Валента, родившимся в Триденте и происходившим из низов об-

Italiano Filologia. Vol.31. 1979. P. 1–16; Егоров А.Б. Императорская власть в "Бревиарии" Евтропия // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. СПб. 2001.

¹ Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его "Бревиарий от основания Города". СПб. 2004. 250 с.

² Кузнецова Т.И. Секст Руф Бревиарий о победах и провинциях римского народа /пер. и коммент. // Памятники поздней античной научно-художественной литературы II-V века. М., 1964. С. 338.

³ История римской литературы. Т. 2 / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1962. С. 430.

⁴ Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000. С. 525.

⁵ Уколова В.И. Указ. соч. С. 42.

⁶ Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней империи: основные жанры и представители // Мета-морфозы истории. 2003. Вып. 3. С. 188–208.

⁷ Кареев Д.В. Руф Фест, римский историк IV века // Вестник Ивановского госуниверситета. Вып. 3. 2009. С.21–25.

⁸ Eadie J. W. The Breviarium of Festus: a critical edition with historical commentary. London, 1967.

⁹ Arnaud-Lindet M.-P. Festus. Abrégé des hauts faits du peuple romain. Paris, 1994.

¹⁰ Boer W. den. Op.cit. P. 173–223; Bonamente G. Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D. Leiden-Boston 2003. P. 88–125; Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. Routledge, 2002. P. 57–63.

¹¹ Eadie J. W. Op. cit. P. 10.

¹² Rohrbacher D. Op. cit. P. 61.

щества. Датировка работы сводится к 369 или 370 годам¹. Хотя В. ден Боер и предлагает считать брeвиариста христианином², остальные исследователи в основном склонны характеризовать его мировоззрение как языческое. Д. Рорбахер пишет, что замечания Феста в последнем предложении работы были интерпретированы как слова язычника, изящно проводящего различие между его собственными верованиями и убеждениями христианского императора, признавая, впрочем, далее неоднозначность такого толкования³.

Довольно значительное количество работ посвящено анализу источниковой базы автора. Ученые проводят многочисленные параллели как между текстом Феста и брeвиарием Евтропия, так и их современниками и предшественниками. Выявляя общие источники авторов IV века, Р. Бургесс приходит к выводу о возможном наличии и использовании ими нескольких редакций *Kaisergeschichte*⁴. В небольшой статье Р. Блокли анализируются источники Феста в описании персидской экспедиции Иовиана. Автор выражает сомнение в версии М. Брока о том, что Фест опирался на Либания, указывает на различия в их оценке действий императора, и, сопоставляя словесные конструкции, а также привлекая Созомена, предполагает возможность использования Фестом и Созоменом в качестве общего источника текста *Parthica*⁵. Д. Рорбахер пишет, что источниками Феста, вероятно, были сокращенная история Флора и *Periochae* Тита Ливия для республиканского раздела и *Historia Augusta* для описания императорского периода⁶.

Вызывает устойчивый интерес структура работы и связанный с ней список провинций. Исследователи акцентируют внимание на том, что в четвертом разделе работы Фест переходит от традиционной исторической систематизации к географическому принципу расположения материала, что качественно отличает его работу от текстов Евтропия и Аврелия Виктора и не позволяет согласиться с мнением о вторичности брeвиария⁷. Уже упомянутый выше список провинций В. ден Боер считает примечательным, хотя цель его создания остается спорной⁸. Отметим, что глава, посвященная Фесту, в работе исследователя в целом носит проблемный характер и поднимает значительный пласт дискуссионных вопросов, связанных как с личностью и мировоззрением автора, так и с содержанием работы.

Анализируя Брeвиарий Феста в контексте политической истории, исследователи обращают особое внимание на цели автора. Некоторые сюжеты такого рода содержатся уже в приложениях к переводам Дж. Эади и М. Арно-Линде⁹. Х. Берд, например, сопоставляя два источника, утверждает, что целью работы Евтропия было поощрить императора Валента к агрессивной политике против персов, а «Брeвиарий» Феста, написанный чуть позже, был намеренно построен так, чтобы подчеркнуть прошлые римские успехи в этом направлении и их способность одержать победу и восстановить утраченные владения в настоящем¹⁰. Интересна в этой связи статья М. Пичина, который, также анализируя цели Феста, считает необходимым выяснить, почему автор брeвиария, интересующийся якобы только персами, посвятил первую часть работы процессу образования Римской империи и ее провинций. Он предположил, что Фест намеревался подчеркнуть в первой части относительную легкость средиземноморского завоевания в отличие от более сложной ситуации в Армении и Месопотамии, и менее обнадеживающих результатов на Востоке: в таком случае, если бы Валент победил персов, брeвиарий преувеличивал значение этой победы, а при поражении - демонстрировал хронические риски кампаний на этом фронте¹¹.

Г. Келли в обширной статье «Римский мир «Брeвиария» Феста» утверждает, что политические цели автора коррелируют со структурой работы, кроме того он вновь обращается к вопросу религиозной идентичности Феста, а также, сравнивая фрагменты текста брeвиария с работой Марцеллина, делает вывод об особом статусе работы, не принадлежащей ни к собственно классической, ни к христианской традиции и предлагающей читателю «прошлое, очищенное от культурного багажа»¹².

Несмотря на общепризнанную краткость брeвиария, исследователи, начиная с Э. Вельфлина, отмечают стилистические особенности текста¹³. Д. Рорбахер, следуя Б. Балдуину,

¹ Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit.; Baldwin B. Festus the Historian // *Historia* 27. 1978. P. 197-217; Eadie J.W. Op.cit.; Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 1977. P. 107-126.

² Boer W. den. Op. cit. P. 179.

³ Rohrbacher D. Op. cit. P. 57.

⁴ Burgess R.W. A common source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the *Epitome de Caesaribus* between 358 and 378, along with further thoughts on the date and nature of the *Kaisergeschichte* // *Classical philology*. 100, 2005. P. 166-192.

⁵ Blockley R.C. Festus' Source on Julian's Persian Expedition // *Classical Philology*. Vol. 68. No. 1. 1973. P. 54-55.

⁶ Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 21-24.

⁷ Rohrbacher D. Op. cit. P. 60.

⁸ Boer W. den. Op. cit. P. 197-198.

⁹ См., напр., вопрос о персидском посольстве к Константину: Arnaud-Lindet M.-P. Op. cit. P. 34, n.190.

¹⁰ Bird H.W. Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial Policy in A.D. 369/370 // *Florilegium*. 8. 1986, P. 11-22.

¹¹ Peachin M. The Purpose of Festus' Breviary // *Mnemosyne*. 38. 1985. P. 158-161.

¹² Kelly G. The Roman World of Festus' *Breviarium* // *Unclassical traditions*. Vol. 1 Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity. Cambridge, 2003. P. 72-91.

¹³ Wölfflin E. Das Breviarium des Festus // *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*. 13. 1904. P. 69-97, 173-180; Baldwin B. Op. cit. P. 212-217.

обращает внимание на сходство манеры Феста с латинскими панегириками, а также используемые бревииаристом поэтические и риторические фигуры¹.

В работах последнего десятилетия фокус внимания исследователей вновь сместился на изучение мировоззренческой позиции Феста. Об этом свидетельствует развернутая статья итальянской исследовательницы М. Раймонди. Она отмечает недостаток внимания к первой части бревииария при активном обсуждении проблемы, связанной с римско-персидскими отношениями и, вслед за М. Пичином, полагает важным обратиться к вопросам, связанным с менталитетом Феста и идеологической направленностью «Бревииария». М. Раймонди концентрируется на двух аспектах: предлагает версию о намеренном противопоставлении Фестом Запада как «мятежников» и Востока как «друзей и союзников», отраженном не только в содержании, но и в структуре и вписывающемся в рамки имперской концепции и патриотических идей автора. Кроме того, она высказывает оригинальные предположения относительно личности автора бревииария на основе анализа главы 11, в частности, похвалы каппадокийцам².

Таким образом, исследовательский потенциал обращения к «Бревииарию» Феста, на наш взгляд, не исчерпал себя. По-разному оценивая качество и достоверность представленной в бревииариях IV века информации, исследователи сходятся во мнении о широкой популярности этих сочинений на всем протяжении позднеантичного и средневекового исторического пространства. Переходный характер эпохи Поздней Античности актуализирует проблему изменений в мировоззренческих установках, самоидентификации человека и общества. Этот факт заставляет нас считать бревииарии не менее, а, вероятно, и более репрезентативным источником в решении круга проблем, связанных с дихотомией «Я – другой», чем тексты, обладающие более выраженной авторской позицией и индивидуальностью. Сжатое изложение требует тщательного отбора материала, смысловой и структурной обработки, а своеобразная авторская усредненность позволяет увидеть общие процессы трансформации исторического сознания. В силу своей краткости, тенденциозности, обращения к широкому кругу читателей, а также ориентированности авторов на воспроизведение «клише» книжной традиции, бревииарии являются не только отражением соответствующих стереотипов в оценке человека иной этнической, культурной или социальной принадлежности, но и инструментом формирования таких стереотипов в сознании массового читателя.

Выявление в работе Феста соответствующих характеристик этнических групп и варваров в целом (особенно в сравнении запад/восток), различных оценок происхождения и поведенческих норм (как и отсутствия таковых оценок), а также обнаружение приемов и стилистических средств, своего рода риторики инаковости, закрепляющих стереотип, представляется перспективным направлением в решении целого ряда исследовательских задач.

Библиография

- Дмитриев В.А. Римская историография периода поздней империи: основные жанры и представители // *Метаморфозы истории*. 3. Псков: Изд-во ПГУ, 2003. С. 188-208.
- Дуров В.С. История римской литературы. СПб.: ФФ СПбГУ, 2000.
- Егоров А.В. Императорская власть в «Бревииарии» Евтропия // *Античное общество – IV. Власть и общество в античности*. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 33-41.
- История римской литературы. Т. 2 / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М.: АН СССР, 1962.
- Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревииарий от основания города». СПб.: Алетейя, 2004.
- Кареев Д.В. Руф Фест: римский историк IV века // *Вестник Ивановского государственного университета*. № 3. 2009. С. 21-25.
- Кузнецова Т.И. Секст Руф. Бревииарий о победах римского народа // *Памятники поздней античной научно-художественной литературы II-IV вв.* М.: Наука, 1964. С. 338-342.
- Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М.: Наука, 1992.
- Arnaud-Lindet M.-P. Festus. Abrégé des hauts faits du peuple romain. Paris: Les Belles Lettres, 1994.
- Baldwin B. Festus the Historian // *Historia* 27. 1978. P. 197-217.
- Bird H.W. Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial Policy in A.D. 369/370 // *Florilegium* 8, 1986, P. 11-22.
- Bird H.W. Eutropius: Breviarium ab Urbe Condita. Liverpool: University Press, 1992.
- Bird H.W. Eutropius: his life and career // *Echos du Monde Classique. Classical Views*. Vol. 32, 1988. P. 51-66.
- Bird H.W. Eutropius' Perspective on Roman Emperors // *The Ancient History Bulletin*. Vol. 6. 1987. P. 139-151.
- Blockley R.C. Festus' Source on Julian's Persian Expedition // *Classical Philology*. Vol. 68. No. 1. 1973. P. 54-55.
- Boer W. den. Some minor Roman historians. Leiden: E. J. Brill, 1972.
- Bonamente G. Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio. Roma: G. Bretschneider, 1986.
- Bonamente G. Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden-Boston: E. J. Brill, 2003. P. 88-125.

¹ Rohrbacher D. Op. cit. P. 63.

² Raimondi M. Il Breviario di Festo e il funzionariato cappadocico alla corte di Valente // *Historia*. 55/2. 2006. P. 191-206.

- Burgess R.W. A common source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with further thoughts on the date and nature of the Kaisergeschichte // *Classical philology*. 100, 2005. P. 166-192.
- Collins F. Eutropius and the dynastic name Eumenos of the Pergamene pretender Aristonicus // *The Ancient World*. Vol.IV. 1981. P. 39-43.
- Eadie J. W. The Breviarium of Festus: a critical edition with historical commentary. London: The Athlone Press, 1967.
- Kelly G. The Roman World of Festus' Breviarium // *Unclassical traditions*. Vol. 1. Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Philological Society, 2003. P.72-91.
- Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 1977. P. 107-126.
- Peachin M. The Purpose of Festus' Breviary // *Mnemosyne*. 38. 1985. P. 158-161.
- Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London – New York: Routledge, 2002.
- Santini C. Per una caratterizzazione stilistica del 'Breviarium' di Eutropio // *Giornale Italiano Filologia*. Vol. 31. 199. P. 1–16.
- Wölfflin E. Das Breviarium des Festus // *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*. 13. 1904. P. 69–97, 173–180.

References

- Baldwin B. Festus the Historian // *Historia* 27. 1978. P. 197-217.
- Bird H.W. Eutropius and Festus: Some Reflections on the Empire and Imperial Policy in A.D. 369/370 // *Florilegium* 8, 1986, P. 11-22.
- Bird H.W. Eutropius: Breviarium ab Urbe Condita. Liverpool: University Press. 1992.
- Bird H.W. Eutropius: his life and career // *Echos du Monde Classique. Classical Views*. Vol. 32, 1988. P. 51-66.
- Bird H.W. Eutropius' Perspective on Roman Emperors // *The Ancient History Bulletin*. Vol. 6. 1987. P. 139-151.
- Blockley R.C. Festus' Source on Julian's Persian Expedition // *Classical Philology*. Vol. 68. No. 1. 1973. P. 54-55.
- Boer W. den. Some minor Roman historians. Leiden: E. J. Brill, 1972.
- Bonamente G. Giuliano l'Apostata e il «Breviario» di Eutropio. Roma: G. Bretschneider, 1986.
- Bonamente G. Minor Latin Historians of the Fourth Century A.D. // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D.* Leiden-Boston: E. J. Brill, 2003. P. 88-125.
- Burgess R.W. A common source for Jerome, Eutropius, Festus, Ammianus, and the Epitome de Caesaribus between 358 and 378, along with further thoughts on the date and nature of the Kaisergeschichte // *Classical philology*. 100, 2005. P. 166-192.
- Collins F. Eutropius and the dynastic name Eumenos of the Pergamene pretender Aristonicus // *The Ancient World*. Vol.IV. 1981. P. 39-43.
- Dmitriev V.A. Rimskaya istoriografiya perioda pozdney imperii: osnovnye ganry I predstaviteli // *Metamorfozy istorii*. 3. Pskov: Izdatelstvo Pskovskogo gos. universiteta, 2003. P. 188-208.
- Durov V.S. Istoriya rimskoy literatury. Sanct-Peterburg: Filolog. facultet Sanct-Peterburgskogo gos. universiteta, 2000.
- Eadie J. W. The Breviarium of Festus: a critical edition with historical commentary. London: The Athlone Press, 1967.
- Egorov A.B. Imperatorskaya vlast v "Breviarii" Evtropiya // *Antichnoye obschestvo - IV: Vlast I obschestvo v antichnosti*. Sanct-Peterburg: Sanct-Peterburgskiy universitet, 2001.
- Istoriya rimskoy literatury. V. 2 / Pod red. S.I. Sobolevskogo, M.E. Grabar-Passek, F.A. Petrovskogo. Moscow: Izdvo AN SSSR, 1962.
- Kareev D.V. Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy I ego "Breviariy ot osnovaniya goroda". Sanct-Peterburg: Aleteya, 2004.
- Kareev D.V. Ruf Fest: rimskiy istorik IV veka // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. 2009. P. 21-25.
- Kelly G. The Roman World of Festus' Breviarium // *Unclassical traditions*. Vol. 1. Alternatives to the Classical Past in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge Philological Society, 2003. P.72-91.
- Kuznetsova T.I. Secst Ruf Breviariy o pobedah rimskogo naroda // *Pamyatniki pozdney antichnoy nauchno-hudojestvennoy literatury II-V veka*. Moscow: Nauka, 1964. P. 338-342.
- Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. // *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 1977. P. 107-126.
- Peachin M. The Purpose of Festus' Breviary // *Mnemosyne*. 38. 1985. P. 158-161.
- Rohrbacher D. The Historians of Late Antiquity. London – New York: Routledge, 2002.
- Santini C. Per una caratterizzazione stilistica del 'Breviarium' di Eutropio // *Giornale Italiano Filologia*. Vol. 31. 199. P. 1–16.
- Ukolova V.I. Pozdnyi Rim: pyat portretov. Moscow: Nauka, 1992.
- Wölfflin E. Das Breviarium des Festus // *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik*. 13. 1904. P. 69–97, 173–180.

УДК 94 (363.6)

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ГОТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ КАК ФОРМА РИМСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ***CHRISTIANIZATION OF GOTHIC POPULATION OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION AS A FORM OF ROMAN CULTURAL EXPANSION****С.В. Ярцев
S.V. Yartsev***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125**Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
125 Lenina St., Tula, 300026, Russia**E-mail: s-yartsev@yandex.ru*

Аннотация. В статье подробно рассматривается римская культурная экспансия в IV в. н.э., направленная на варваров готских объединений Северного Причерноморья. По мнению автора, в данное время она все более стала приобретать форму христианизации готского населения. Первые неудачные попытки на данном идеологическом фронте, вынудили римлян обстоятельнее подойти к подготовке указанного направления своей стратегии. Именно с этим была связана длительность пребывания в империи одного из готских заложников, его работа по составлению готской азбуки и переводу Библии. Тщательная подготовка к миссии Вульфила, посвященного в сан епископа Готии, действительно, помогла ему достичь высоких результатов в ходе миссионерской деятельности в готской среде. В первую очередь, ее оценила готская знать, которая, осознав опасность разрушения идеологических основ своего общества, повела открытую борьбу против новой религии, распространявшейся со стороны империи. При этом, если первая волна христианизации готов являлась следствием договора римлян с готами 332 г., то вторая волна была связана с договором 369 г. и обусловлена необходимостью продолжения проведения против готов культурной экспансии.

Resume. The article gives the detailed consideration of the Roman cultural expansion aimed at barbarians of the Gothic unions in the Northern Black Sea region in the 4 AD. According to the author, at that time, it has increasingly gain a form of the Gothic population's Christianization. The first unsuccessful attempts at this ideological front forced the Romans to use a more thorough approach in the preparation of the mentioned direction of their strategy. It was associated with the duration of one of the Gothic hostages's stay in the empire, his work on the Gothic alphabet's making up and the translation of the Bible. Thorough preparation for the Ulfilas' mission, ordained a bishop of Gothia, actually helped him to achieve great results in the missionary work in the gothic environment. First of all, Gothic nobles appreciated it, aware of the danger of destruction of their society's ideological bases, and carried on an open struggle against the new religion which spread from the Empire. Moreover, if the first wave of Christianization of Goths was a consequence of the Roman treaty with the Goths of 332 CE, the second wave was associated with the treaty of 369 CE and was caused by the necessity to continue the cultural expansion against the Goths.

Ключевые слова: Римская империя, готы, христианство, император Константин, император Констанций II, император Валент, епископ Вульфила.

Key words: Roman Empire, Goths, Christianity, emperor Constantine, emperor Constantius II, emperor Valens, bishop Ulfilas.

Трагические события 2-й пол. III в. нанесли серьезный урон греко-римской религии, после которой она, несмотря на все модификации, так и не смогла оправиться. Люди уже не верили в старых богов, которые не смогли защитить их, и все больше искали спасение в новых культах. В сложившейся ситуации пострадала и важнейшая составляющая римской стратегии в Северном Причерноморье – культурная экспансия. С одной стороны, судя по нумизматическим памятникам позднеантичного времени, римляне продолжали использовать старую тактику по широкому распространению императорского культа и поддержки своих официальных богов. С другой, лозунги прошлого уже никого не могли убедить в скором наступлении «золотого века»¹. В новой ситуации римская культурная экспансия, мало того, что уже не достигала своей цели, но способствовала возникновению совершенно обратного эффекта, когда народы Северного Причерноморья пыта-

* Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

¹ Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 465.

лись противопоставить римлянам свои древние верования. Более того, видя разложение римской религиозной системы, некоторые из императоров все более склонялись к религии нового типа – христианству, влияние которого в римском обществе неизменно росло¹.

Одним из самых эффективных способов воздействия на варваров римской культуры являлся институт заложничества. Известно, что по условиям договора Константина с готами 332 г. в столицу империи действительно отбыла группа заложников во главе с сыном готского рикса Ариариха (Anon. Vales., Pars prior, VI, 31). Следовательно, и в этом случае император не стал отказываться от одного из самых действенных методов римской политики в том или ином регионе.

Однако не совсем ясной представляется идеологическая составляющая культурной экспансии в данный период. Особенно смущает здесь то обстоятельство, что религиозной веротерпимости, впервые озвученной еще в Миланском эдикте, Константин был привержен почти до самого конца своей жизни². Император проявлял лояльность, как к христианству, так и к традиционной религии, а на его монетах совсем не являлись редкостью изображения старых римских богов³. Поэтому не исключено, что именно стремление обеспечить права любого человека следовать той религии, которая ему больше подходит, могло стать основным принципом, на котором основывалась культурная экспансия при Константине. Например, одним из обязательств готов в рамках договора 332 г. могло быть обещание не чинить препятствий населению подвластной им территории к отправлению любых культов. Готам, с их относительно единым пластом религиозных представлений, это не должно было показаться чем-то опасным. Однако, тем самым, создавались идеальные условия для широкого проникновения к тервингам и грейтунгам греко-римских культов, ведь среди готов здесь было немало других народов, в том числе, и выходцев из римских провинций. Видимо, результатом такого условия договора 332 г. стало широкое распространение погребений с западной ориентацией в черняховской культуре, обряда, явно отражавшего верования бывших римских граждан, солдат и рабов. Судя по всему, здесь, в первую очередь, мог быть использован популярный в империи культ Исида, который легко принимал черты поклонения любой региональной богине, но при этом сильно трансформировал его, духовно приобщая адептов этих культов к римскому миру. Его использование, по-видимому, было оправдано доминированием в варварской среде культа женского божества. Надо сказать, что таким же образом у тервингов и грейтунгов могло получить поддержку христианство, ведь в данных объединениях, скорее всего, находились и приверженцы новой религии. Однако целенаправленное распространение христианства среди варваров в данный период было невозможно по причине отсутствия образованных проповедников, в совершенстве знающих готский, греческий и латинский языки.

В этой связи трудно ответить на вопрос, планировал ли Константин, после заключения договора с готами и получения заложников, подготовку таких кадров, или же христианское направление в римской культурной экспансии по отношению к тервингам и грейтунгам оформилось только при его преемниках. Исходя из анализа всей римской стратегии в Северном Причерноморье при Константине, мы склоняемся к мнению, что Константин изначально стремился к христианизации готских объединений. На такую особенность, косвенно указывает странная подпись епископа Готии Феофила под решениями Первого Вселенского собора в Никее в 325 г. Несмотря на то, что эта подпись (если только это не подделка) занимает предпоследнее место перед именем боспорского епископа Кадма, связывать Готию с Крымом в данный период⁴ нет никаких оснований. Остается предполагать, что по согласованию с готами и, видимо, сразу же после победы над Лицинием, Константином была учреждена Готская епархия с целью начала христианизации варваров. Следовательно, данная епархия могла являться не просто некой областью на Дунае, как принято было считать⁵, а могла включить в себя в перспективе всю Готию (как тервингов, так и грейтунгов), и которую в ближайшее время должно было охватить миссионерское движение. Скорее всего, эта первая попытка христианизации готов провалилась по причине неготовности к такой сложной задаче христианских миссионеров. Такой вывод следует из периода длительной подготовки следующей подобной миссии, и это даже притом, что в составе готских заложников, отправившихся в 332 г. в Константинополь, оказался чрезвычайно талантливый человек.

Вульфилу, как звали его готы (в переводе с готского - волчонок), происходил из христианской семьи, захваченной готами еще во 2-й пол. III в. во время очередного набега на территорию малоазийских провинций: «В числе пленных были и предки Урфилы, родом каппадокийцы из окрестностей города Парнас, из деревни Садаголтины» (Philostorg. Hist. eccl., II, 5). Вскоре молодой Вульфилу «во времена Константина вместе с другими в качестве посла (ибо и эти варварские племена были подвластны царю)» (Philostorg. Hist. eccl., II, 5) отправился в Константинополь. Од-

¹ Абрамзон М.Г. Ук. соч. С. 465-466.

² Власов С.М. Константин Великий. М., 2001. С. 185.

³ Абрамзон М.Г. Ук. соч. С. 467.

⁴ Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев, 1990. С. 56.

⁵ Васильев А.А. Готы в Крыму. В 2 ч. Ч.1 / Известия Российской академии истории материальной культуры. М., 1921. Т.1. С. 277-297.

нако не имея высокого социального статуса, как справедливо отмечает Х. Вольфрам, Вульфила не мог попасть в состав группы заложников и быть, таким образом, допущенным к императору. Это позволяет предположить, что он уже изначально принадлежал к наиболее обеспеченному среднему готскому сословию, так называемых, «кудрявых»¹.

Пребывая в империи в 332-341 гг., Вульфила в совершенстве выучил греческий и латинский языки, освоив также искусство риторики. Обращает на себя также внимание огромная проделанная им работа по созданию готской азбуки², при помощи которой Вульфила перевел Библию на готский язык. То, что все это не было случайностью в жизни молодого человека и не являлось его частным делом, свидетельствует ряд сообщений позднеантичного времени. Например, Созомен утверждает, что целью христианизации готов являлось приобщение их «к более культурному образу жизни» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37). Ему вторит Иордан, когда сообщает о том, что именно в период пребывания готов «на Понтийском море» они стали «более человеческими и, ... более просвещенными» (Iord. Get., 42). Филосторгий же прямо указывает, что перевод Священного писания считался частью тщательно разработанной римской культурной политики и даже открывает нам ее главные задачи. Так, он сообщает, что Вульфила «изобрел для них азбуку и перевел на их язык все священное писание, кроме книг Царств, так как они заключают в себе рассказы о войнах, а народ готский был войнолюбив и скорее нуждался в узде для своей страсти к битвам, чем в поощрении к этому» (Philostorg. Hist. eccl., II, 5).

Современные ученые действительно обратили внимание на то, что даже в языке переведенной готской Библии отсутствуют некоторые понятия, относящиеся к сфере военных действий, предполагая, таким образом, наличие здесь вполне сознательных пропусков³. Все это раскрывает истинную причину христианизации готов и объясняет трудности, в том числе, и долговременность подготовки к данному процессу. Таким образом, сомнительным выглядит мнение, что Библия Вульфилы появилась только в поздний период его творчества, когда он пребывал со своими приверженцами в Мёзии⁴. По нашему мнению, приведенные выше особенности этого памятника могут означать, что основной перевод Священного Писания осуществился Вульфиллой еще в период до его поездки к готам. Скорее всего, именно данное обстоятельство и объясняет довольно длительную задержку (в 332-341 гг.) готского проповедника в империи. Тщательный анализ этого, по большей части дошедшего до нас памятника, показал, что перевод происходил в несколько этапов. Вначале Вульфила приобрел точный и выверенный текст Священного Писания. Затем он постарался перевести его на готский язык, слово в слово. Получилось не очень хорошо, не хватало подходящих слов, нередко переводчик неправильно понимал исходный текст. Дальнейшая работа, когда Вульфила, с помощью советников и слушателей, просматривал и дополнял основной текст⁵, скорее всего, происходила уже в Мёзии. Однако, отправляясь к готам проповедовать христианство, Вульфила, безусловно, имел на руках основной текст Библии на готском языке. Вероятно только после того, как был закончен этот труд, Вульфила оказался подготовленным к миссионерской деятельности.

Звездный час Вульфилы наступил в период правления Констанция II. На фоне жесткого противостояния с Константином I, в основе которого были, в том числе, и религиозные разногласия, Констанций II назначает в 338 г. епископа Никомедии Евсевия имперским епископом Константинополя. Евсевий был умеренным арианом⁶, впрочем, как и сам Констанций II, который настойчиво стремился примирить ариан с последователями никейского православия⁷. С этой целью император даже провел собор в 341 г. в Антиохии, где пытался найти компромисс и примирить священнослужителей христианской церкви. Руководил Антиохийским собором Евсевий, благодаря которому и удалось утвердить новое компромиссное течение в качестве официальной религии. При этом 97-ми епископам удалось осудить как радикальное арианство, так и поставить под сомнение никейскую формулу «единосущия» Сына Отцу. Евсевияне исповедовали веру в то, что Сын есть «неотличимый образ Отчего Божества, Отчей Сущности, воли, силы и славы». Однако, используя учение о Боге Сыне, как об образе Бога Отца, евсевияне, с одной стороны предлагали считать их сущностное и совершенное подобие, с другой же, явно указывали на посредническую

¹ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 116-117.

² Готская азбука была создана Вульфиллой на основе греческого алфавита, а также нескольких латинских букв и германских рун (Marschall J. M. Hatten die Goten vor Wulfila eine Schrift? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Berlin, 1959. № 81. S. 259-302).

³ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 114-115.

⁴ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 122.

⁵ Скардилий П. Готы: язык и культура. СПб., 2012. С. 122.

⁶ Умеренные ариане или евсевияне утверждали, что Сын был не «единосущен», но «подобосущен», тогда как решительные ариане, настаивали, что Сын являлся «иносущен» или даже вообще «неподобен» Отцу (Шафф Ф. История Христианской церкви: Никейское и Посленикоевое христианство 311-590 по Р.Х. СПб., 2007. С. 420).

⁷ Тем не менее, находясь под влиянием своего воспитателя Евсевия Кесарийского, который вместе с Евсевием Никомедийским возглавлял примирительное течение евсевиян, Констанций II стремился достичь единства Церкви, исключительно на основе антиникийского богословия. При этом император был уверен, что догматическую формулу, которая устраивала бы всех, необходимо выработать на церковных соборах. По этой причине, он сам нередко становился объектом манипуляций в интригах и заговорах представителей клира (Величко А.М. История византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М., 2012. С. 126-129).

роль Бога Сына между Богом Отцом и миром, утверждая, таким образом, об их различии¹. Несмотря на то, что очередная попытка заменить Никейский символ веры, в конечном итоге оказалась безуспешной², не исключено, что во время этого события Вульфилы «был рукоположен Евсевием и бывшими с ним епископами для живущих в готской земле христиан» (Philostorg. Hist. eccl., II, 5). То, что важное событие в жизни Вульфилы произошло именно на этом соборе, на котором епископы отреклись от крайнего арианства, может свидетельствовать утверждение Гермия Созомена о том, что будущий готский миссионер «сначала ни в чем не отступал от католической церкви» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37).

Принято считать, что примирительное учение Вульфилы, вполне соответствовало стремлению Констанция II и Евсевия достичь компромисса между Никейским православием и арианством³. Однако, похоже, что в Библии готского епископа проблема соотношения Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа была изначально представлена с позиции арианства. Скорее всего, она была передана в терминах подчинения и господства свойственных социальной организации готов⁴. Возможно, это было сделано специально с целью повышения эффективности проповедей среди варваров. В любом случае, Вульфилы после посвящения в сан епископа, имея под рукой основной перевод Библии, был готов приступить к проповеди христианства среди варваров.

За семь лет с 341 по 348 г., которые Вульфилы прожил среди тервингов⁵, миссионер, судя по всему, достиг феноменальных результатов⁶. В противном случае, было бы трудно объяснить слишком агрессивную ответную реакцию Атанариха, который, ужаснувшись масштабу культурной экспансии на свой народ и осознав всю опасность разрушения идеологической основы подвластного ему общества, «негодую, на то, что и его подданные, под влиянием убеждений Ульфилы, приняли христианство и изменяют вере предков, многих подверг разнообразным наказаниям, причем одних предавал казни, призвав к суду, где они мужественно и свободно говорили за свою веру, и других – даже не позволив говорить в свою защиту. Говорят, что по повелению Атанариха особо назначенные им люди обвозили по шалашам всех обвиняемых в христианстве стоявший на повозке кумир и приказывали поклоняться ему и приносить жертвы; если кто отказывался, то они сжигали шалаша вместе с людьми. Я узнал, что тогда было совершено и другое, более ужасное злодеяние: в отчаянии от насилий этих людей, принуждавших к жертвоприношениям, многие мужчины и женщины, из коих одни вели маленьких детей, другие кормили грудью новорожденных младенцев, прибегли под прикрытие местной церкви и все погибли от огня, зажженного язычниками» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37).

Картина жестоких гонений на новообращенных христиан, нарисованная Созоменом, не позволяет согласиться с мнением, что ее причиной являлось отношение соплеменников к Вульфиле, в котором они увидели, не столько епископа, сколько вождя (Iord. Get., 267)⁷. В это трудно поверить хотя бы потому, что Вульфилы преследовал совершенно другую цель своей миссии. На самом деле, здесь хорошо просматривается ответная реакция варварского правителя на агрессивную римскую культурную экспансию, которая в данное время проводилась на всей территории буферной зоны империи. Даже возрождение, как представляется, древнего обряда провоза языческого идола в повозке хорошо согласуется с общей тенденцией архаизации религиозных представлений в ответ на римскую культурную политику в Северном Причерноморье.

¹ Захаров Г.Е. Послания Гермения Сирмийского: текст и историко-богословский комментарий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1(44). С. 111-120.

² Сидоров А.И. Церковное Богословие в период от первого до второго Вселенского Собора (325-381 гг.) // Христианское чтение. СПб., 2009. №7. С. 39.

³ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 118.

⁴ Зиньковская И.В. Королевство Эрманириха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 62.

⁵ По утверждению Сократа Схоластика: «Ульфилы научил христианской вере не только подвластных Фритигерну, но и подвластных Атанариху варваров» (Socrat. Hist. eccl., IV, 33). Однако в связи с нарушением хронологии описываемых событий в сочинениях Сократа Схоластика и Созомена и во многом искаженным их изложением, мы не можем быть уверены в аутентичности связи деятельности Вульфилы у этих авторов с более поздними событиями междоусобной войны между Атанарихом и Фритигерном (Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 178-179). В любом случае, очевидно, что Вульфилы вел свои проповеди среди тервингов – соплеменников Атанариха и сына готского рикса Ариариха (возможно Аориха – отца Атанариха (Patsch C. Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse. 1928. Bd. 208. Abh. 2. S. 32)), с которым готский епископ несколько лет пребывал в Константинополе в статусе заложников (Anon. Vales. Pars prior., VI, 31).

⁶ То, что в данный период у тервингов и грейтунгов не существовало никаких препятствий для миссионерской деятельности, свидетельствует активная проповедь среди варваров старца Авдия, известного своим антропоморфизмом (учение, когда при описании Бога широко используются человеческие качества). Видимо, совсем не случайно, он был сослан Константином II «в пределы Скифии вследствие восстания народов», вероятно, в ходе мятежей, накрывших провинции после собора в Сердице 342-343 гг. «и сделанного царю епископами доноса. Пребывая там, не могу сказать сколько лет, и идя вперед, в самую внутренность Готии [похоже, что Авдий, в отличие от Вульфилы, был сослан проповедовать на территорию грейтунгов], он огласил христианским учением многих готов, и с тех пор в самой Готии возникли монастыри, общежитие, обеты девства, юности и строгое подвижничество» (Epirh. Advers. haer., 70).

⁷ Зиньковская И.В. Ук. соч. С. 58.

В любом случае, миссия Вульфилы к 348 г. оказалась полностью проваленной и близкой к завершению. Последнее, что мог сделать епископ, исходя из сложившейся ситуации, это постараться спасти свою паству, укрывшись вместе с ней на территории империи. Трудно сказать, когда произошли упомянутые Созоменом переговоры Вульфилы с арианами, до его миссии к варварам или после, когда ему срочно потребовалась помощь императора. Исходя из логики событий, такую встречу необходимо датировать периодом резкого обострения ситуации в ходе христианской миссии. Именно в это время Вульфиле пришлось прибыть «снова в Константинополь», где «вступив в рассуждение о догматах с представителями арианской ереси и получив обещание содействия перед императором в делах его посольства, если он будет веровать одинаково с ними, – он под влиянием необходимости или и в самом деле признав лучшим так думать о Боге, вступил в общение с арианами и оторвал себя и весь свой народ от католической церкви. Ибо готы, наученные благочестию под его руководством и через него приобщившиеся к более культурному образу жизни, легко верили ему во всем, будучи убеждены, что в его словах и делах нет ничего дурного, а все служит на пользу соревнующимся о Боге. К тому же он дал множество доказательств своей доблести, подвергшись бесчисленным опасностям за веру в то время, когда названные варвары были еще язычниками» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37).

Уточняется Созоменом и цель посольства Вульфилы, ради достижения которой епископ пошел на соглашение с арианами. Хотя рассказ о нем и слился с событиями нашествия гуннов, он легко вычленяется из общего контекста: «во главе этого посольства стоял епископ готского народа Ульфилла. Посольство достигло своей цели, и готам было разрешено жить во Фракии» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37). Констанций II действительно «переселил этот перешедший народ в разных местностях Мёзии, где кому хотелось, и относился к Урфиле с величайшим уважением, так что даже называл его «Моисеем нашего времени»» (Philostorg. Hist. eccl., II, 5). В VI в. Иордан называл их Малыми готами, «хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфилла, который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мёзии, населяя местность вокруг Никополя, у подножия Эмимонта; это – многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли [их] малопродуктивны, как пшеницей, так и другими видами [злаков]; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников, – существуют ли они вообще где-либо, – а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питаются молоком» (Iord. Get., 267). Очевидно, что данные готы являлись автономной группой по отношению к своим соплеменникам. При этом они не только не стали участвовать в войне готов против римлян в событиях, последовавших сразу за нашествием гуннов, но и отказались уйти вместе с Аларихом в Италию¹.

Однако с окончанием миссионерской деятельности Вульфилы, позднее умершего во время заседания собора 383 г., где он снова ревностно отстаивал свою арианскую веру, христианизация готов не закончилась. Из событий, предшествующих нашествию гуннов, выделяется рассказ о Фритигерне, который за оказанную помощь, «желая доказать свою благодарность Валенту и подтвердить свою готовность быть ему другом во всем ... присоединился к его религии и уговорил подвластных ему варваров держаться той же веры» (Sozom. Hist. eccl., VI, 37). Более того, не исключено, что некоторые рассказы агеографических сочинений о готских мучениках, деятельность которых, судя по всему, должна относиться ко времени уже после проповедей Вульфилы, могут отражать вторую волну миссионерства и соответствующих гонений на христиан, вновь развязанных Атанарихом. Так, в сочинении «Страсти св. Саввы Готского», рассказывается о христианской проповеди Саввы в «языческой стране готов», о двух насильственных изгнаниях его из селений местной знатью, и, в конечном итоге, мученической смерти 12 апреля 372 г. посредством утопления в реке Музейос (совр. река Бузэу в Румынии)². Огромный интерес вызывает упоминание в данном источнике миссионеров Сансала и Гуттика, что позволяет предположить наличие новой волны хорошо продуманных и целенаправленных действий римлян по распространению христианства среди варваров. Если это так, то указанную попытку культурной экспансии по отношению к населению готских объединений, необходимо связать с договором 369 г., потому что именно после его заключения Валент активизировал тайную борьбу против варваров по всем возможным направлениям.

В другом агеографическом сочинении упоминаются готские мученики Инна, Пинна и Римма, останки которых позднее обнаружил епископ Годдас, доставивший их в Римскую империю. Иногда считают, что события, связанные с их гибелью, произошли в 347-348 гг.³ К сожалению, древнейший текст их мученичества не сохранился. Небольшая эпитома (краткое извлечение) из него имеется только в более поздних византийских источниках. Из данного текста можно лишь понять, что в ходе миссионерской деятельности среди варваров они были захвачены местным правителем и, отка-

¹ Буданова В.П. Ук. соч. С. 179-180.

² Зиньковская И.В. Ук. соч. С. 67-74.

³ Рябцева М.Л., Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. 308 готских мучеников эпохи гуннского нашествия // Боспорские чтения. Актуальные проблемы. Вып. X. Керчь, 2009. С. 357.

завшись стать язычниками, подвергнуты мученической смерти. Будучи привязанными к сваям, вбитым в лед посередине замершей реки, Инна, Пинна, Римма ушли вместе с ними под лед¹.

Отметим также житие Никиты Готского, правда, имеющее небольшую историческую ценность², и историю о сожжении вождем Унгерихом (Вингурихом) 308 человек в местном храме, известную нам из готского литургического календаря начала V в. и из двух версий Готского синаксаря. Вдова другого, неизвестного по имени готского вождя, Гаафа и ее дочь Дуклида, перевезли останки мучеников в Сирию. При этом 26 имен последних сохранились и дошли до нас³. То, что в истории про Гаафу Готия была представлена страной, полной язычников, еще не знавших гуннов, позволяет некоторым авторам сблизить произошедшие события с гонениями на христиан в начале 70-х гг. IV в.⁴ Правда, рассказ о сожжении людей в храме имеется также у Созомена и связывается им с периодом миссионерской деятельности Вульфилы (Sozom. Hist. eccl., VI, 37).

Таким образом, отметим, что римская культурная экспансия, направленная на варваров готских объединений Северного Причерноморья, к середине IV в. все более приобретала форму христианизации зависимого населения. Начав трансформацию с изменения своей идеологической основы через принцип веротерпимости, культурная экспансия относительно быстро превратилась в целенаправленное распространение христианства на территории северопричерноморской буферной зоны. Первые неудачные попытки на данном идеологическом фронте вынудили римлян обстоятельнее подойти к подготовке указанного направления своей стратегии. Вероятно, именно с этим была связана длительность пребывания одного из готских заложников в империи, его работа по составлению готской азбуки и переводу Библии. Тщательная подготовка к миссии Вульфилы, посвященного в сан епископа Готии, действительно, помогла ему достичь высоких результатов в ходе миссионерской деятельности в готской среде. В первую очередь, ее оценила готская знать, которая, осознав опасность разрушения идеологических основ своего общества, повела открытую борьбу против новой религии, распространявшейся со стороны империи. В ходе этих гонений многие из новообращенных христиан погибли. Вульфиле вместе со своими сторонниками все же удалось укрыться на территории римского государства, где им разрешил поселиться Констанций II.

Вторая волна христианизации готов, судя по всему, была связана с заключением Валентом договора с готами в 369 г. Император в данный период проводил тайную борьбу против готов и просто не мог не использовать против них такое действенное средство, как культурную экспансию. Однако и на этот раз христианизация варваров была пресечена агрессивной реакцией готской знати.

Все это конечно не означает, что на территории тервингов и грейтунгов совсем не было христиан. Новая религия могла распространяться среди тех, кто был связан с Римской империей, проходил там воинскую службу или часто бывал на ее территории. Не надо сбрасывать со счета и миссионерскую деятельность Вульфилы и его последователей. Тем не менее, пока мы не можем точно сказать, насколько глубоко было затронуто христианизацией варварское общество. Археологический материал черняховской культуры, оставленный адептами новой веры, судя по явно христианскому захоронению (с христианским медальоном), ничем не отличался от других ингумационных захоронений с северной ориентацией и богатым инвентарем⁵. Представляется, что все же активно процесс христианизации должен был начаться только в гуннский период, когда большая часть тервингов и грейтунгов была вынуждена переселиться на территорию империи и попасть под непосредственное влияние римского культурного пространства. Однако и в новой ситуации массовый переход готов в арианство, в то время, когда римский мир склонялся в сторону никейского православия, мог означать опять же, ответную реакцию варваров с целью сохранения своей этнической идентичности⁶ во враждебном культурном окружении.

Библиография

- Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: ИА РАН, 1995.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. В 2 ч. Ч.1 / Известия Российской академии истории материальной культуры. М.: Изд-во РАИМК, 1921. Т.1. С. 277-297.
- Величко А.М. История византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М.: Вече, 2012.
- Власов С.М. Константин Великий. М.: Молодая гвардия, 2001.
- Вольфрам Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003.

¹ Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь, 2012. С. 238.

² Вольфрам Х. Ук. соч. С. 125.

³ Рябцева М.Л., Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. Ук. соч. С. 358-359.

⁴ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 125.

⁵ Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. С. 38.

⁶ Вольфрам Х. Ук. соч. С. 129.

Захаров Г.Е. Послания Гермения Сирмийского: текст и историко-богословский комментарий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1(44). С. 111-120.

Зиньковская И.В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001.

Могаричев Ю.М. Православные святые средневековой Тавриды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2012.

Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). Киев: Лыбидь, 1990.

Рябцева М.Л., Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н. 308 готских мучеников эпохи гуннского нашествия // Боспорские чтения. Актуальные проблемы. Вып. X. Керчь: Керч. тип., 2009. С. 357-361.

Сидоров А.И. Церковное Богословие в период от первого до второго Вселенского Собора (325-381 гг.) // Христианское чтение. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2009. №7. С. 39-45.

Скардилия П. Готы: язык и культура. СПб.: Нестор-История, 2012.

Шафф Ф. История Христианской церкви: Никейское и Посленикейское христианство 311-590 по Р.Х. СПб.: Библия для всех, 2007.

Marschand J. M. Hatten die Goten vor Wulfila eine Schrift ? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Berlin: Max Niemeyer, 1959. № 81. S. 259-302.

Patsch C. Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse. 1928. Bd. 208. Abh. 2. S. 32-44.

Referenses

Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy oficial'noj politiki Rimskoj imperii. M.: IA RAN, 1995.

Budanov V.P. Goty v ehposu Velikogo pereseleniya narodov. SPb.: Aleteja, 2001.

Magomedov B.V. Chernyahovskaya kul'tura. Problema ehtnosa. Lublin: Wyd-wo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2001.

Marschand J. M. Hatten die Goten vor Wulfila eine Schrift ? // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Berlin: Max Niemeyer, 1959. № 81. S. 259-302.

Mogarichev Yu.M. Pravoslavnye svyatyte srednevekovoj Tavridy. Simferopol': Biznes-Inform, 2012.

Patsch C. Die Völkerbewegungen an der unteren Donau: Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa III // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse. 1928. Bd. 208. Abh. 2. S. 32-44.

Pioro I.S. Krymskaya Gotiya (Ocherki ehtnicheskoy istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskij period i rannee srednevekov'e). Kiev: Lybid', 1990.

Ryabceva M.L., Bolgov N.N., Sbitneva Yu.N. 308 gotskih muchenikov ehposi gunnskogo nashestviya // Bospor-skie chteniya. Aktual'nye problemy. Vyp. X. Kerch': Kerch. tip., 2009. S. 357-361.

Shaff F. Istoriya Hristianskoj cerkvi: Nikejskoe i Poslenikejskoe hristianstvo 311-590 po R.H. SPb.: Biblija dlja vseh, 2007.

Sidorov A.I. Cerkovnoe Bogoslovie v period ot pervogo do vtorogo Vselenskogo Sobora (325-381 gg.) // Hristianskoe chtenie. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 2009. №7. S. 39-54.

Skardil'i P. Goty: yazyk i kul'tura. SPb.: Nestor-Istoriya, 2012.

Vasil'ev A.A. Goty v Krymu. V 2 ch. CH.1 / Izvestiya Rossijskoj akademii istorii material'noj kul'tury. M.: Izd-vo RAIMK, 1921. T.1. S. 277-297.

Velichko A.M. Istoriya vizantijskih imperatorov. Ot Konstantina Velikogo do Anastasiya I. M.: Veche, 2012.

Vlasov S.M. Konstantin Velikij. M.: Molodaja gvardija, 2001.

Vol'fram H. Goty. SPb.: Juventa, 2003.

Zaharov G.E. Poslaniya Germiniya Sirmijskogo: tekst i istoriko-bogoslovskij kommentarij // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2012. Vyp. 1(44). S. 111-120.

Zin'kovskaya I.V. Korolevstvo EHrmanariha: istochniki i istoriografiya. Voronezh: IPC VGU, 2010.

УДК 94(495).01

ОБЩИНА САМАРИТАН КЕСАРИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ В III-VI ВВ.

SAMARITAN COMMUNITY IN CAESAREA OF PALESTINE IN THE 3-6 CENT. A. D.

В.Н. Гордиенко, Н.Н. Болгов
V.N. Gordienko, N.N. Bolgov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
 Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: 647684@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе рассматриваются различные аспекты истории одной из крупнейших этноконфессиональных групп позднеримской и ранневизантийской Палестины - самаритян. Преимущественное место уделено самаритянам Кесарии Приморской – столицы региона (позднее - провинции Палестина Прима). Самаритяне находились во враждебных отношениях с иудеями, но иногда поступали на службу в административный аппарат провинции и города Кесарии, формально принимая христианство. Кесария была одним из очагов крупных восстаний самаритян в V-VI вв.

Resume. The paper deals with various aspects of history of one of the major ethnic and religious groups of Late Roman and Early Byzantine Palestine - Samaritan. It gives attention to the Samaritans of Caesarea Maritima - regional capital (later - the province of Palaestina Prima). The Samaritans were in hostile relations with the Jews, but sometimes enlisted in the administrative apparatus of the province and the city of Caesarea, formally adopting Christianity. Caesarea was one of the hotbeds of the Samaritans rebellion during the 5-th-6-th centuries.

Ключевые слова: Римская империя, Ранняя Византия, империя, конфессии, общины, самаритяне, Кесария Палестинская.

Key words: The Roman Empire, Early Byzantium Empire, denominations, communities, Samaritans, Caesarea in Palestine.

В римско-византийский период Палестина представляла собой этноконфессиональную мозаику. В ней проживали язычники – сторонники традиционных античных культов - и приверженцы эллинизированных восточных (сирийских) культов, христиане, иудеи, самаритяне. Зачастую представители этих общин проживали одновременно в одних и тех же городах. Подобная ситуация сложилась и в столице региона (и провинции Палестина, позднее Палестина Прима) – Кесарии Приморской¹.

Парадоксально, но мы совсем немного знаем об общине самаритян, которая, как представляется, было крупнейшим этноконфессиональным меньшинством в Кесарии (а в определенном смысле и в Палестине в целом) в III-VI вв.²

Об истории самаритян ранневизантийского времени специальных монографий нет. Однако, отдельные аспекты данной темы исследовались в нескольких коллективных монографиях об истории самаритян, а по истории Кесарии рассматриваемого времени можно отметить монографию Ли Левина, главу в книге Хагит Сиван и том, посвященный археологическим аспектам истории Кесарии Приморской. Наиболее важный из них – очерк в монографии Л. Левина³.

При описании законов субботнего года,⁴ Талмуд указывает, что только вместе иудеи и язычники Кесарии количественно превзойдут самаритян⁵. Историческая достоверность этого отрывка пред-

¹ См.: Sivan H. Palestine in Late Antiquity. Oxf.-N.Y., 2008. P. 302-317.

² Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 107-112.

³ Там же. Отдельные положения и наблюдения из этого очерка использованы в данной работе.

⁴ J Demai II, 1, 22c. Этот источник явно связывается с серединой IV в. Абба Мари, который является единственным раввином, связанным с этим источником, жил в то время. Кроме того, здесь упоминается Дор как часть кесарийской территории, что было верно только с IV века.

⁵ Учитывая наличие большого сообщества самаритян в городе в течение III-IV вв., не исключено, что самаритяне жили там с самого основания Кесарии, хотя источники не свидетельствуют об их присутствии в то время, это остается правдоподобным предположением, поскольку Ирод, как представляется, поддерживал тесные связи с самаритянами, вероятно, для того, чтобы расширить свою базу поддержки в лице оппозиции многочисленным палестинским евреям (Ios. Fl. Antiquit., XIV, 11, 4, 284; XIV, 15, 3-4, 408-413; XIV, 15, 14, 467; XV, 8, 5, 296-298; XVII, I, 3, 20; XVII, 4, 2, 69). Таким образом, он мог также привлечь значительное количество самаритян, чтобы помочь обустроить Кесарию, так как, кроме прочего, город был самым доступным портом для самой Самарии.

ставляется несомненной, так как численность самаритян упоминается мимоходом, без каких-либо полемических или пейоративных подтекстов. Кроме того, отрывок находится в правовом, в отличие от гомилетического, контексте, где имела высокая точность, кардинально значимая для раввинов.

Начало истории самаритян в Кесарии окутано тайной. Так, нет упоминания этой общины в источниках I века н.э., если не предполагать, что присутствие апостола Филиппа было как-то связано с его предыдущей деятельностью в Самарии. В общем, ныне мало что известно о самаритянах вне населяемой ими Самарии в течение этого периода¹.

Масштабный исход самаритян из их традиционных мест (Самарии) в другие части Палестины имел место с середины II до середины III в.² Р. Аббаху однажды заметил, что 13 ранее еврейских поселений были заселены самаритянами в результате гонений Адриана³. Кроме того, Р. Симеон б. Лакиш утверждал, что самаритянское присоединение к Закону верно лишь постольку, поскольку они жили «в своих деревнях», подразумевая, что они с тех пор переехали в другие места⁴.

После восстания Бар-Кохбы самарянское присутствие по всему Палестинскому побережью хорошо подтверждается источниками⁵. Самаритяне упоминаются в связи с Газой, «южными городами» (Дором), Явне, Антипатридой, Патридой, Ишувом, Кфар Отнай⁶. Более поздние византийские источники говорят о самаритянах на северном участке побережья – там отмечена *Castra Samaritanorum* (совр. Хайфа),⁷ а часть Акко, рядом с гаванью, упоминается как «самарянская Птолемаида» (Σαμαρειτικὴ Πτολεμαίς). Еще одно свидетельство концентрации самаритян в этом регионе засвидетельствовано административным делением их общины при Бабе Рабе⁸. Семь из указанных в связи с этой реформой двенадцати районов были расположены вдоль побережья.

Многие деревни на территориях, зависимых от Кесарии, по-видимому, имели самарянские общины. Самаритяне связаны с Огдором (возможно, Гедарой Кесарийской – совр. Хадерой), Пагашем, Бугратой и Бират Сурикой к югу от города, Бет-Яннаем к востоку и Маимой к северо-востоку. Восточная граница кесарийской территории включала Нарбатту, и вероятно, что сообщества самарян могут быть найдены там еще в эллинистический период⁹.

Наличие сообщества самарян в Кесарии хорошо подтверждается источниками. Раввинистические источники указывают на наличие этой группы или явно, или предположительно¹⁰. Упоминание Р. Аббаху о том, что «самарянские города» освобождаются от субботнего года, относится к Кесарии и ее округе. Несколько самарянских хроник обращают внимание, что некий Иосиф б. Шутела и коэн Аарон б. Аарон (или Зоар) возглавляли местное сообщество в IV веке¹¹. Однако, немногое известно об этом сообществе. Ориген говорит о самарянских сектах, но вряд ли именно о кесарийских¹².

Вопреки широко распространенному мнению, самаритяне не были затронуты религиозными уклонениями. Заявляли, что самаритяне выжили в качестве группы вследствие строгого соблюдения религиозных обрядов: «Только упрямство их религии спасло их через эти и последующие столетия хаоса, и в силу этой настойчивости, мы не смеем отказать им в элементах истинной религиозной веры»¹³. Тем не менее, среди самаритян, как и среди евреев, были и менее твердые в вере. Какими бы ни были причины их стойкости и выживания, похоже, что в Кесарии и, возможно, также и в других местах, эти характеристики не являются результатом полного отсутствия аккультурации. Р. Симеон б. Лакиш утверждал, что самаритяне были похожи на евреев в их соблюдении Закона до тех пор, пока они оставались в своих деревнях, «но теперь, когда они не соблюда-

¹ Общины самаритян существовали в Птолемеовском Египте (Ios. Fl. Antiquit., XI, 8, 5, 345; XII, I, 7-10; XIII, 3, 4, 74-79), Греции и, возможно, Вавилонии. См.: Levine L. *Caesaria under Roman Rule*. Leiden, 1975. P. 107.

² Avi-Yonah M. *The Holy Land from the Persian to the Arab Conquests (536 B.C. to A.D. 640): A Historical Geography*. Grand Rapids, 1966. P. 217.

³ J Yevamot VIII, 3, 9d. Термин Shmad указывает на гонения Адриана. См. Lieberman S. *Palestine in the Third and Fourth Centuries* // *Jewish Quarterly Review*. XXXVI-XXXVII. 1946-1947. P. 427-432.

⁴ J Pesahim I, I, 27b. Причинами этого массового бегства были, видимо, несколько факторов. Разрушения, вызванные несколькими войнами II века с участием самаритян (132-135 и 197 гг.), вкупе с суровыми мерами, предпринятыми в результате поражения, заставили многих искать новые места проживания. Прибрежные города с их экономическими возможностями и неизменной культурной и социальной деятельностью также привлекали их, как ранее евреев.

⁵ T Demai I, 11; V, 24; Ben-Zvi I. *The Book of the Samaritans*. Tel Aviv, 1925. P. 101-126.

⁶ Deuteronomy Rabba II, 24; J Avoda Zara, V, 4,44d; B Hullin 6a; T Demai I, 11-13; V, 23-24, T K, I, 198-199; M Gittin I, 5; T Gittin I, 4.

⁷ Antoninus Martyr (570). *Itinera Hiersolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae* / ed. T. Tobier, A. Molinier. 2 vols. Geneva, 1879-1985. V. I, 2. P. 361.

⁸ Баба Раба (или Baba ha-Gadol, «Великий Баба», IV в.), первосвященник самаритян, старший сын первосвященника Нафанаила (300-332 гг.). Согласно датировке Хроник самаритян, Баба Раба жил в середине IV в. Он считается самым выдающимся духовным и политическим лидером самаритян и реформатором. Во время своего правления Баба Раба разделил страну на 12 административных округов, каждый из которых находился под руководством мирянина и священника. Перечень этих районов указывает на то, что в это время самаритянские общины существовали во всех частях Палестины. См.: Montgomery J.A. *The Samaritans*. L., 1968. P. 101-104.

⁹ Klein S. *The Land of the Samaritans in the Time of the Talmud*. Jerusalem, 1913. P. 156-157; Levine L. *Caesaria under Roman Rule*. Leiden, 1975. P. 108.

¹⁰ J Sheviit VI, 1, 36c. Levine L. *Caesaria under Roman Rule*. Leiden, 1975. P. 109.

¹¹ *Chronique samaritaine* / Edited by A. Neubauer // *Journat asiatique*, 6th series. XIII. 1869. P. 404, 421.

¹² Origen. *Contra Gelsum*, I, 57; VI, 11.

¹³ С. Либерман также считает, что трудно себе представить, что самаритяне бы охотно приносили жертвы языческим богам, так как «они были очень консервативны и стойко цеплялись за заветы Библии» (Lieberman S. *Martyrs of Caesarea* // *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, VII. 1939-1944. P. 404).

ют заповедь, ни какую-либо часть заповеди, они подозреваются в искажениях»¹. Однако было бы преувеличением считать, что это заявление может отражать религиозную трансформацию среди некоторых самаритян, по крайней мере, насколько были обеспокоены раввины.

Р. Аббаху усиливает это впечатление о Кесарии. Взяв на себя ведущую роль в лишении самаритян статуса язычников по еврейскому закону, он вызвал на себя запросы для объяснения своих действий: «Самаритяне (букв. Кутии) Кесарии спросили Р. Аббаху: «Ваши предки практиковали иногда покупать вещи у нас, почему бы и вам не покупать вещи у нас?» Он сказал им в ответ: «Ваши предки не были испорчены, (однако) вы испорчены»².

Самаритяне занимали важные посты в правительстве и военных канцеляриях Кесарии,³ и по указу Максимиана (ок. 307 г.), должны были приносить жертвы богам. Принадлежавшие к официю губернатора чиновники так и сделали, хотя они могли бы избежать этого⁴. В свете актов мученичества, происходивших в Кесарии среди христиан, это желание чиновников самаритян пойти на компромисс в основной религиозной заповеди является самым показательным⁵.

Эллинизация среди самаритян Кесарии также проявляется в византийский период. Самаритянские амулеты были найдены с греческими буквами, а также на иврите,⁶ и когда самаритяне правили в Кесарии некоторое время во время восстания против правительства в 484 г., их лидер Юст решил отпраздновать свою победу проведением игр в ипподроме города⁷.

Определение отношения евреев к самаритянам и наоборот трудно, из-за относительно большого количества противоречивого материала, который, в свою очередь, отражает сложность этих отношений. С одной стороны, обе группы разделяют многие верования и обычаи, они имели почти такую же священную литературу, и, вероятно, были объединены общей задачей, связанной с противостоянием язычникам и христианам в более важных центрах Палестины. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что самаритяне сражались бок о бок с евреями во время восстания Бар-Кохбы,⁸ и эта солидарность, безусловно, укрепила связи между ними⁹. В то же время, история конфликта между этими группами проходит по всему эллинистическому и началу римского периодов, и вполне вероятно, что они, по сути, выступают друг против друга во время борьбы Севера и Нигера в конце II в. Кроме того, тот факт, что обе группы пришли в прибрежные города примерно в то же время, в поисках сходных экономических возможностей, вполне мог привести их к трениям, особенно если они жили в непосредственной близости.

Эта двойственность находит четкое отражение в различных раввинских отношениях к самаритянам. Это сложно определить какой-либо последовательной схемой раввинских взглядов. Несомненно, что эти отношения были, в любой момент, продуктом индивидуальных склонностей, а также некоторых социально-экономических, общинных, религиозных и даже политических обстоятельств, сведения о которых, как представляется, по большей части, выходит за рамки наших источников¹⁰.

Тем не менее, последний и решительный разрыв между самаритянами и евреями, по крайней мере, насколько этим были обеспокоены раввины, по-видимому, состоялся в Кесарии на рубеже IV века. Это вытекает из нескольких сообщений, которые исправляют и дополняют друг друга. В палестинском Талмуде говорится следующее: «Р. Аббаху запретил их (самаритян) вино по свидетельствам Р. Хиййя, Р. Аси и Р. Ами, которые появились на пути в Хар Хамелех, и те, кто пришел, сообщил ему, что они видели (там) гоя (т.е. самаритянина), который подозревался в использовании их (язычников) вина. Он (Р. Аббаху) сказал им: "Разве это не повод (достаточный, чтобы запретить их вино)?"»¹¹

Читаем также из Вавилонского Талмуда:¹² «Р. Аббаху отправил Р. Исаака б. Иосифа, чтобы принести вино от самаритянина. Старик нашел его и сказал ему: «Здесь нет чтящих Тору». Рабби Ицхак пошел и рассказал это дело Р. Аббаху, и тот, в свою очередь, пошел и рассказал дело Р. Ами

¹ J Pesahim, I, 1, 27b.

² J Avoda Zara V, 4, 44d. Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 109.

³ Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 405-409. О видных самаритянских чиновниках византийского периода см.: Procop. Hist. Arc. XXVII, 6-8; XXVII, 26-31.

⁴ Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 408, n. 74. Это могло быть достигнуто либо уходом в отставку со своих должностей, либо получением льгот путем использования privilegia Judaica (Halevi, Dorot HaRishonim V, 340, n. 46).

⁵ Тот факт, что среди самаритян Палестины в IV веке проходила большая реформа, может быть еще одним свидетельством широкого пренебрежения традиционными практиками. Самаритянские источники говорят в превосходной степени о деяниях Бабы Рабы, который возбудил религиозное возрождение среди своего народа. Он признал и восстановил руководящие органы, реорганизовал священнические роды, построил новые синагоги, возобновил священные книги, учил народ, разделил землю для административных и религиозных целей и даже вел свой народ в бой. См. Chronique samaritaine / Ed. A. Neubauer. P. 403, 440; Une nouvelle chronique samaritaine / Ed. E.N. Adler // Revue des études juives. XLIV-XLVI. Paris, 1902-1904. P. 87-98; Book of Joshtua / trans. R. Kirchheim. Karnei Shomron. Frankfurt, 1851. P. 90-91. Это, кажется, было элементом латинизации и имитаций христианизации в его реформах, ибо он, как сообщается, послал своего племянника в Константинополь, чтобы узнать риторику, военную технику и знание их сект. См. Une nouvelle chronique samaritaine / Ed. E.N. Adler. P. 97.

⁶ Hamburger A. A Greco-Samaritan Amulet from Caesarea // Israel Exploration Journal, IX. 1959. P. 114-116.

⁷ Montgomery J. The Samaritans. Philadelphia, 1907. P. 111.

⁸ Allon G. A History of the Jews in Palestine During the Period of the Mishnah and Talmud. Vol. 2. Tel Aviv, 1961. P. 24-26 (Hebr.).

⁹ Переходы из иудаизма в самаритянство и наоборот не были неизвестны в течение этого периода (Epiph. Salam. Heres. 32). Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 110.

¹⁰ См., например: T Terumot IV, 12-14, ed. Lieberman, p. 126-127; T Pesahim 11, 3, ed. Lieberman, p. 145, и параллели: B Hullin 5b-6a; B Qiddushin 75a-76a; B Bava Qama 38b; J 'Avoda Zara V, 4, 44d.

¹¹ 'Avoda Zara V, 4, 44d (translation by Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 247-248).

¹² B Hullin 6a. Цит. по: Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975.

и Р. Аси. Там и тогда они объявил и их язычниками. В каком смысле (они должны были быть, как язычники)? Если по отношению к убою и вину, то несколько раввинов уже постановили это¹. Они (Р. Меир и Р. Гамалиил) постановили, но люди отказались принять их указ. Р. Ами и Р. Аси постановили, и они приняли их указ. Что это значит, что они объявили их как язычников? Р. Нахман б. Исаак сказал: «Для того, чтобы аннулировать площадь и требовать территорию»².

Хотя сюжет и основные персоналии идентичны в обоих сообщениях, палестинский Талмуд, вероятно, более правилен в записи эволюции этих событий, то есть, что Р. Аббаху на самом деле запретил самаритян, и что Р. Ами, Р. Аси и Р. Хийя обратились к нему, чтобы обеспечить необходимые полномочия, и дали запрет. Палестинский Талмуд очень часто сохраняет более точные исторические справки о Палестине, чем Вавилонский Талмуд, не только из-за его географической близости, но и потому, что он был отредактирован гораздо раньше, чем последний. Это особенно очевидно в довольно искусственном способе, которым вавилонские власти пытались объяснить: 1) почему Р. Ами и Р. Аси выпустили еще один запрет; и 2) последствия этой акции.

Участие Р. Аббаху в вопросах, касающихся самаритян, хорошо подтверждается другими источниками. Именно он обвинил определенных чиновников самаритян в идолопоклонстве, когда они якобы были «вынуждены» предложить возлияния, а он заявил, что другие были в «сомнительной» категории³. Он запретил использование определенной пищи самаритянам, желая, в то же время, запретить даже воду!⁴ Р. Аббаху был так враждебен самаритянам, что они как-то спросили его о причине его враждебности, и после его смерти они издевались над претензиями евреев, что столпы Кесарии плакали по этому поводу⁵.

Приведенное сообщение вавилонского Талмуда является ценным, однако, это ничего не означает; эти указы, по сути, образуют водораздел в еврейско-самаритянских отношениях, по крайней мере, насколько раввины у власти были этим обеспокоены. В то время как предыдущие поколения раввинов были разделены в своем отношении к самаритянам, последние выступают, чтобы просто перестала существовать точка разделения в раввинских кругах в IV веке. Были некоторые раввины, которые до сих пор ели тот или другой вид самаритянской пищи, но количество этих мудрецов и виды пищи были весьма ограничены⁶. Самаритяне из Кесарии в настоящее время рассматриваются в качестве полноправных язычников, как отметил один из современников Р. Аббаху: «Р. Яков бен Аха (сказал) во имя Р. Ханине (бен Папе): «Кесарийские самаритяне могут одолжить деньги под проценты (как и все другие язычники)»⁷.

Причину этого разрыва с сообществом самаритян трудно определить, из-за не столько скудности, сколько из-за различных предлагаемых объяснений. Палестинский Талмуд дает целый ряд различных причин, включая либо ритуальную непригодность самаритянского вина или идолопоклоннических тенденций⁸. Очевидно, что многие объяснения показывают, что редакторы Талмуда были уверены в точной причине, или, возможно, не хотели сообщать об этом. Р. Аббаху намекает на то, что здесь не обязательно должна быть привлечена одна доминирующая проблема; на самом деле любого предлога было бы достаточно. Так, например, С. Либерман предполагает, что повод для запрета касался тех чиновников-самаритян, которые предложили возлияния, когда они могли бы освободить себя от этого⁹.

Оказывается, однако, что указ Диоклетиана был, вероятно, решающим событием, приведшим к такому запрету: «Когда император Диоклетиан пришел сюда, он постановил, что «каждый народ должен предложить возлияния, кроме евреев», и самаритяне предложили возлияния, и вино было запрещено»¹⁰.

Х. Грец утверждает, что указ, как записано в раввинской литературе, был похож на тот, что объявил преследования Диоклетианом христиан в 303 г., и что он тоже должен быть приурочен к этому году¹¹. Нет причин сомневаться в подлинности этого указа. В то время как мы не знаем преследования евреев при Диоклетиане, это не было бы первым примером принятия римским прави-

¹ Со ссылкой на: R. Gamaliel III и R. Meir, как записано в: B Hullin, 5b-6a.

² Это утверждение относится и к законам, делающим двор и прилегающие к нему здания общей частной собственностью, с тем, чтобы обеспечить проведение в этой области шаббата. Если еврей забывает внести свой вклад в общее блюдо, символ общего места, и, таким образом, его отсутствие делает невозможным для других продолжить, он может устно отказаться от своего права собственности на помещение, таким образом, позволяя церемонии состояться. Если, однако, язычник, или в данном случае, самаритянин, забывает, что его помещение должно быть куплено им самим, то церемония не состоится. Другими словами, еврей может объявить недействительными его права на собственность, и тем самым разрешить продолжение церемонии, а самаритянин - нет.

³ J 'Avoda Zara I, 2, 39c; Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 408.

⁴ J 'Avoda Zara V, 4, 44d. Levine L. Caesaria under Roman Rule. Leiden, 1975. P. 111.

⁵ J 'Avoda Zara III, 1, 42c; Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 401. Другой пример самаритянского антагонизма по отношению к кесарийским раввинам: J Ta'anit III, 4, 66d; Allon G. A History of the Jews in Palestine. II, 1, n. 5. О ненависти к евреям самаритян в целом, как это отражено в самаритянской литературе по свидетельствам IV в., см.: Une nouvelle chronique samaritaine / Ed. E.N. Adler. P. 95f.

⁶ J 'Avoda Zara V, 4, 44d. См. также: Montgomery J. The Samaritans. P. 167.

⁷ J 'Avoda Zara V, 4, 44d.

⁸ J 'Avoda Zara V, 4, 44d; B Hullin 6a.

⁹ Lieberman S. Martyrs of Caesarea. P. 405-409.

¹⁰ J 'Avoda Zara V, 4, 44d; Euseb. Martyr. III, 1.

¹¹ Graetz H. Geschichte der Juden. 11 vols. Leipzig, 1897-1911. V. IV. S. 277, n.1. Диоклетиан не был в Палестине в 303 г., но этот указ, вероятно, в народной памяти остался с его предыдущего визита в 297 г.

тельством более жесткой политики против самаритян, чем против евреев¹. Кроме того, потрясения такого масштаба, вероятно, были необходимы, чтобы осадить окончательный разрыв между евреями и самаритянами. Невозможно представить, что такие меры были бы приняты против самаритян просто под предлогом².

Целые столетия истории евреев и самаритян полны примеров того, как симбиоз и вспышки враждебности, по-видимому, чередовались вплоть до окончательного разрыва между ними, который, таким образом, произошел в Кесарии на рубеже IV в. Непосредственной причиной раскола были более сложные (и, в конечном счете, более решительные) политические, социальные и религиозные факторы, формировавшие фон, который точно не может быть установлен. Разрыв между самаритянами и евреями развивался на протяжении столетий. Уже отмечалось автором книги Царей, что он усугубляется в период Реставрации, затем при Александре, Иоанне Гиркане и, наконец, в течение первых веков н.э. Запрет Р. Аббаху в дальнейшем оформил раскол в глазах раввинистического закона, хотя евреи и некоторые раввины также продолжали поддерживать контакты с самаритянами, а некоторые даже оказывали им пособничество в их восстаниях против византийского правительства в течение V и VI вв.

Трения, между евреями и самаритянами, описанные Р. Аббаху, могут показаться странными, так как они происходили в условиях космополитической Кесарии. Тем не менее, тесные контакты городской жизни порождали разнообразные отношения, дружеские и враждебные, сотрудничества и конкуренции. К сожалению, точное установление, почему и из-за чего возник конфликт между евреями и самаритянами в Кесарии, выходит за рамки наших источников³.

Непрерывные восстания самаритян в течение VI в. затронули и Кесарию, особенно восстание 556 г. В течение этого столетия для самаритян Палестины главным делом стала открытая борьба против власти христианских императоров и губернаторов Византии, завершившаяся только сасанидским, а затем окончательно арабским завоеванием 1 пол. VII века.

References

- Allon G. A History of the Jews in Palestine During the Period of the Mishnah and Talmud. Vol. 2. Tel Aviv: University, 1961 (Hebr.).
- Antoninus Martyr (570). *Itinera Hiersolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae* / ed. T. Tobier, A. Molinier. 2 vols. Geneva: J.-G. Fick, 1879-1985.
- Avi-Yonah M. The Holy Land from the Persian to the Arab Conquests (536 B.C. to A.D. 640): A Historical Geography. Grand Rapids: Eerdmans, 1966.
- Ben-Zvi I. The Book of the Samaritans. Tel Aviv: Am-Haarez, 1925.
- Book of Joshua / trans. R. Kirchheim. Karmei Shomron. Frankfurt: R. Kirchheim, 1851.
- Chronique samaritaine / Edited by A. Neubauer // *Journ. asiatique*, 6th series. XIII. 1869. P. 404-421.
- Graetz H. *Geschichte der Juden*. 11 vols. Leipzig: Leiner, 1897-1911. V. IV.
- Hamburger A. A Greco-Samaritan Amulet from Caesarea // *Israel Exploration Journal*, IX. 1959. P. 114-116.
- Klein S. The Land of the Samaritans in the Time of the Talmud. Jerusalem: Shalem, 1913.
- Levine L. *Caesaria under Roman Rule*. Leiden: Brill, 1975.
- Lieberman S. *Martyrs of Caesarea* // *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, VII. 1939-1944. P. 404-419.
- Lieberman S. *Palestine in the Third and Fourth Centuries* // *Jewish Quarterly Review*. XXXVI-XXXVII. 1946-1947. P. 427-432.
- Montgomery J.A. *The Samaritans*. Philadelphia: The J.C. Winston Co, 1907 (reprint 1973).
- Sivan H. *Palestine in Late Antiquity*. Oxf.-N.Y.: Oxford University Press, 2008.
- Une nouvelle chronique samaritaine / Edited by E.N. Adler // *Revue des études juives*. XLIV-XLVI. Paris: Histoire juive, 1902-1904.

¹ Так, например, после гонений Адриана, римские императоры никогда не отменяли запрет на обрезание для самаритян, как они сделали для евреев. См. Origen. *Contra Celsum*, II, 13. Для византийского времени см.: Procopius. *Hist. Arcana*, XI, 24f.

² По сути дела, Р. Аббаху никогда не говорил, что любой предлог был бы достаточным для осуществления полного разрыва. Контекст его заявления показывает, что для того, чтобы запретить их вина, был необходим лишь предлог, вероятно, потому, что прецедент такого действия существовал еще со времен Р. Меира (B Hullin 6a). Lieberman S. *Martyrs of Caesarea*. P. 403-404, утверждал против любого вывода из эдикта Диоклетиана: (1) Если самаритяне были действительно вынуждены обратиться, то раввины не упустили бы возможность запретить им цитирование Галеви; он утверждает, что в соответствии с еврейским законом такая простота не повлечет за собой никакой ответственности; если на самом деле это было под угрозой. (2) Кроме того, самаритяне бы никогда не упустили из виду возможность избежать идолопоклонства. (3) Кроме того, если бы они охотно приносили жертвы, то раввинам никогда бы не пришлось искать предлог для того, чтобы объявить запрет. Эти соображения, однако, далеко не убедительны. Начиная с последней точки, не понятно вообще, что раввины на самом деле искали предлог. Тивериадская редакция палестинского Талмуда не может знать точную причину запрета, но из-за его важности, они записали различные объяснения. Утверждение (№ 2), что идолопоклонство самаритян немыслимо, когда представится возможность избежать его, несколько нелогично с собственной интерпретацией Либермана другого пассажа, где некоторые самаритяне в officium губернатора действительно приносили жертвы, хотя были способны избежать этого затруднительного положения (*ibid.*, p. 408)! И, наконец, если предположить, что раввины были бы ограничены строго буквой закона (т.е. не запрещали самаритянам, когда последние были вынуждены обратиться) в условиях широко распространенного среди самаритян идолопоклонства при Диоклетиане, может быть чрезмерно легалистический взгляд на ситуацию. Сам Р. Аббаху не имел никаких утрызений совести, когда дело дошло до выдачи запрета на самаритянские вина. По его словам, любого предлога было достаточно. Еще один возможный мотив для деятельности Р. Аббаху против самаритян может быть отражен в его комментарии к более суровым постановлениям Р. Меира в отношении самаритянских животных, участвующих в повреждении одежд, B Bava Qama 38b. Р. Аббаху объясняет, что более строгий закон был призван предотвратить евреев «от смешивания с ними», т.е. для разделения двух общин в максимально возможной степени.

³ Levine L. *Caesaria under Roman Rule*. Leiden, 1975. P. 112.

УДК 94(495).01

**СОСТАВ И ЗНАЧЕНИЕ УТРЕННЕГО И ВЕЧЕРНЕГО БОГОСЛУЖЕНИЙ
В ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ IV ВЕКА****THE COMPOSITION AND VALUE OF THE MORNING AND THE EVENING WORSHIP IN THE CHRISTIAN LITURGICAL TRADITION OF THE FOURTH CENTURY****А.Д. Стржалковская, В.В. Пенской, В.В. Липич, В.Н. Шилов
A.D. Strzhalkovskaya, V.V. Penskoy, V.V. Lipich, V.N. Shilov***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85,**Belgorod National Research University,
85, Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: Strzhalkovskaya@bsu.edu.ru*

Аннотация. Авторы отмечают, что по имеющимся в нашем распоряжении источникам следует, что утренняя и вечерняя, в суточном богослужбном круге, занимают одно из основных мест. Это общественные богослужения. Уже во II веке утренняя и вечерняя, благодаря исчезновению агап, становятся важной составляющей суточного богослужбного круга и начинают считаться самостоятельными богослужениями. Появились они еще во II веке в виде собраний ночью и перед рассветом, связано это было с гонениями на христиан. При рассмотрении суточных богослужений в IV веке мы опираемся на источники: «Апостольские постановления», «Путешествие по святым местам» Сильвии Аквитанской, и древнейший иноческий устав. К IV веку у них складывается собственный, достаточно развернутый, чин. Утренняя и вечерняя были одинакового строя вплоть до VI века и отличались только содержанием молитв, подобранных под определенный момент дня. По сравнению с утренней и вечерней молитвами в III веке, в IV веке они отличаются большей стройностью, упорядоченностью и последовательностью, при этом надо заметить, что это приближает их к современным утренним и вечерним службам. Эти богослужения начинают иметь большое значение для христиан.

Resume. Morning Prayer and vespers, in the daily liturgical circle, take one of the main places. These are public service. Already in the 2-th century AD, matins and evening service, thanks to the disappearance of Agape become an important part of the daily liturgical circle and begin to be considered as independent services. It has appeared in the 2-th century in the form of meetings at night and before dawn, it was associated with the persecution of Christians. When we consider the daily worship in the 4 century we based on sources «Apostolic Constitutions», «Journey to the holy places Sylvia of Aquitaine», and the oldest monastic charter. By the 4-th century it formed their own, enough unwrapped, rank. Morning Prayer and vespers were of the same order until the 6-th century and differed only by the content of prayers, chosen at some point of the day. Compared to the third century's morning and evening prayers, in the 4-th century, it was more harmony, orderliness and consistency, while it should be noted that this brings them together with the modern morning and evening services. These services are beginning to be of great importance to Christians.

Ключевые слова: утренняя, вечерняя, богослужение, христианство, чин, агапы, молитвы, суточный круг, время проведения, обряд.

Keywords: morning, evening, worship, Christianity, rank, agape, the prayer, the daily round, the time, rite.

Утренняя и вечерняя – это богослужбные обряды, занимающие одно из основных мест в суточном богослужбном круге. Говоря о датировке данных обрядов, можно сказать, что еще в III веке в христианской церкви сложился довольно сложный чин отправления богослужения, но уже в IV-V вв. он видоизменился, расширился и дополнился¹.

В IV веке, в связи с исчезновением агапы, происходит видоизменение утрени и вечерни, они расширяются, дополняются, занимают более важное место в суточном богослужбном круге.

Переходя к рассмотрению утрени, обратим внимание на то, что утренним богослужением в христианстве называют общественное богослужение, вторую часть всенощного бдения, по-другому – утреннее церковное богослужение. Если говорить о древнем утреннем богослужении во II веке, по этому вопросу мы находим информацию у Плиния Младшего в известной переписке с императором Траяном. Первое собрание, описываемое им, представляет из себя древнейший тип утреннего богослуже-

¹ Скабаланович М. Толковый типикон. М., 2004. С. 131.

ния, утрени. Собрание начинается еще ночью, но, очевидно, незадолго до рассвета¹. Возможно, ночные собрания были первоначально вынужденными из-за гонений. Но М. Скабаланович считает, что у христиан были и другие мотивы для ночной молитвы. Ночь своей таинственностью вообще располагала к молитве и избиралась для богослужения, как язычеством, так и иудейством. На основании некоторых евангельских изречений христиане могли ожидать Второго Пришествия Христова в полночь, – мотив очень сильный для ночных собраний, если иметь в виду тогдашнее напряженное ожидание этого Пришествия. Об этом мотиве прямо говорит Лактанций (IV в.): «Мы совершаем ночью бдения в виду (propter) пришествия Царя и Бога нашего». Но, кажется, наиболее сильным мотивом для ночного богослужения было то обстоятельство, что воскресение Христово совершилось ночью, до рассвета, было обнаружено глубоким утром, «еще сущей тьме». Всякая утренья вообще рассматривалась древними, о чем свидетельствуют другие памятники II-III вв., как служба в честь воскресения Христова; особенно такой смысл должна была иметь утренья воскресная². Из этого можно сделать вывод, что во II-III вв. за сутки христиане собирались два раза в день на утреннюю молитву перед рассветом – утренью, а вечером проходила вечерня и агапа. Даже, если агапа как основной христианский обряд, проводимый вечером, со временем исчез, но вечерняя молитва не могла исчезнуть полностью, и подтверждает это то, что в IV веке вечером христиане продолжают отправлять богослужения – вечерню.

При рассмотрении суточных богослужений в IV веке мы опираемся на источники, в которых есть такие описания – «Апостольские постановления», «Путешествие по святым местам» Сильвии Аквитанской и древнейший иноческий устав³.

Перейдем теперь к составу утреннего и вечернего богослужений. Утренья и вечерня были одинакового строя вплоть до VI века. В «Апостольских постановлениях» описывается, что утренья и вечерня имеют одинаковый строй и отличаются только содержанием молитв, подобранных под определенный момент дня. По сравнению с утренней и вечерней молитвами в III веке, в IV столетии они отличаются большей стройностью, упорядоченностью и последовательностью, при этом надо заметить, что это их приближает к современным утренним и вечерним службам. Но самый главный момент при сравнении с III веком, это то, что вечерня получает равноправное место с утреньей в ряду суточных служб. Это стало следствием окончательного уничтожения агап и перенесения литургии на утро.

Из «Путешествия по святым местам» Сильвии Аквитанской можно понять, что помимо будничных утренних и вечерних богослужений были еще воскресные и праздничные, которые отличались только местом совершения, а не составом. Будничная утренья, описываемая Сильвией Аквитанской, состояла из двух частей. Первая, менее торжественная ее часть, начиналась ночью еще до рассвета. На нее собирались обычно монашествующие, девственницы и самые усердно молящиеся миряне; эта часть состояла из гимнов, псалмов и антифонов, часто эти молитвы соответствовали вечерним молитвам, произносимым на вечерне. Вторая часть утреннего богослужения начиналась на рассвете, когда прибывало все духовенство во главе с епископом, и теперь звучали уже утренние молитвы и песни⁴.

В.А. Алымов касательно состава приводит по пунктам последовательность молитв: «Утренья и вечерня отличались только содержанием молитв. Утренья состояла из следующих фаз:

1. утренний псалом – 62-й;
2. другие псалмы или антифоны;
3. вход епископа;
4. великая ектиния;
5. утренняя молитва епископа;
6. молитва главопреклонения;
7. благословение и отпуст»⁵.

Вероятно, В.А. Алымов приводит последование уже установившегося утреннего чина богослужения, но, тем не менее, можно это принять во внимание и применительно к рассматриваемому нами времени.

Утреннее богослужение в обычные дни могло отличаться от воскресного меньшей торжественностью, о чем М. Скабаланович пишет так: «Воскресная утренья отличалась от будничной тем, что епископ являлся до рассвета и проводил службу с начала, а по будням он лишь продолжал ее. Храм на воскресной утрени более обильно освещался, и читалось Евангелие, что не делалось по будням. В палестинских и месопотамских монастырях в воскресные дни братии давалось некоторое послабление в честь Воскресения Господня»⁶.

Что же касается вечернего богослужения, упомянем некоторое сравнение, приведенное К. Керном: «Обычай ветхозаветного закона требовал вкушения вечера стоя (Исх. 12:11), но во время Спасителя уже установилась традиция возлежать. Когда стемнело, Спаситель через Елеон пришел

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Анализ см.: там же. С. 150.

⁴ Скабаланович М. Толковый типикон. М., 2004. С. 150.

⁵ Алымов В.А. Лекции по исторической литургике. СПб., 2005. С. 125.

⁶ Скабаланович М. Толковый типикон. С. 150.

в Иерусалим с 12-ю апостолами»¹. Так как возлежание скорее всего заимствовалось из язычества, то, следовательно, вечерня у христиан не полностью повторяла иудейскую ветхозаветную вечерю, а представляла собой синтез ветхозаветной, языческой и новозаветной традиций.

Обращаясь к свидетельствам источников, находим, что вечерня у Сильвии Аквитанской отличалась лишь большей торжественностью в некоторых моментах. Сильвия описывает вседневную Вечерю в Анастасисе (храме Воскресения Христова). В десятом часу в храм Воскресения собиравось большое количество людей. Зажигались все лампы и свечи, храм ярко освещался.

Таким образом, вечерня в IV веке сохраняет идейную связь с древнехристианским обрядом светильничного благодеяния. Некоторое время поются вечерние псалмы и антифоны. Епископ садится на возвышении, садятся также на свои места все пресвитеры для слушания ветхозаветных чтений. И снова поются псалмы и антифоны. Затем диакон возглашает, чтобы каждый оглашенный, где бы он ни стоял, преклонил свою голову, после чего епископ произносил благословение над оглашенными (оглашенные уже допускались на утреню и вечерню). После благословения верных и отпуста происходило очень интересное последование, епископ при чтении гимнов в сопровождении народа направлялся из храма Воскресения к Кресту, где повторялись молитвы епископа и благословение. Именно это шествие ко святому месту возле храма отразилось в современном чинопоследовании – это исхождение в притвор. В притворе обычно помещали баптистерий, который в данном случае символизировал Голгофу. В «Апостольских постановлениях» данное описание схоже с описанием Сильвии, но оглашенных здесь еще не допускают, следовательно, они более раннего происхождения².

Н.Д. Успенский в своем исследовании вечерни также ссылается на «Апостольские постановления», говоря, что с конца IV века сохранилось два описания вечернего богослужения. Первое из них, сделанное в плане литургической записи, находится в VIII книге «Постановлений апостольских» и относится к 380-м годам³.

В.А. Алымов в своих лекциях, сравнивая оба описания вечерни, реконструирует следующую структуру вечерни в IV веке:

1. светильничный псалом 140-й (позднее 103-й);
2. другие псалмы и антифоны;
3. вход епископа;
4. чтение Ветхого Завета;
5. Великая ектиния;
6. вечерняя молитва епископа;
7. молитва главопреклонения;
8. благословение и отпуст⁴.

Отметим, что в отличие от утрени, вечерня совершалась по воскресеньям, как и обычно.

В IV веке появляется такое явление, что некоторые верующие перестают причащаться на каждой литургии, ссылаясь на свою недостойность; это приводит к возвышению вечернего и утреннего богослужения до высоты литургии, и на них стали смотреть, как на столь же необходимые и обязательные службы⁵.

Библиография

- Алымов В.А. Лекции по исторической литургике. СПб.: Нева, 2005.
Керн К. Евхаристия. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005.
Скабаланович М. Толковый типикон. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004.
Успенский Н.Д. Православная вечерня (историко-литургический очерк). Вечернее богослужение в IV в. Л.: Изд-во московской патриархии, 1960. – С. 10-11.

References

- Alymov V.A. Lekcii po istoricheskoi liturgike. SPb.: Neva, 2005.
Kern K. Evharistiya. Kiev: Izd-vo im. svt. L'va, 2005.
Skabalanovich M. Tolkovyj tipikon. M.: Izd. Sretenskogo monastyrya, 2004.
Uspenskij N.D. Pravoslavnaya vechernya (istoriko-liturgicheskij ocherk). Vechernee bogoslužhenie v IV v. L.: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 1960.

¹ Керн К. Евхаристия. Киев, 2005. С. 11.

² Алымов В.А. Лекции по исторической литургике. СПб., 2005. С. 125.

³ Успенский Н.Д. Православная вечерня (историко-литургический очерк). Вечернее богослужение в IV в. Л., 1950.

⁴ Алымов В.А. Лекции по исторической литургике. СПб., 2005. С. 125.

⁵ Скабаланович М. Толковый типикон. М., 2004. С. 151.

УДК 94(495).02

**ОБРАЗЫ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ X–XI ВВ.: «БЕЗДАРНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ» МИХАИЛ,
СЫН ЛОГОФЕТА АНАСТАСИЯ***

**THE IMAGES OF MILITARY COMMANDERS IN BYZANTINE HISTORICAL
LITERATURE OF THE 10TH – 11TH CENTURIES: “TALENTLESS WARLORD”
MICHAEL, SON OF LOGOTHETES ANASTASIOS**

**К.Р. Капсалькова
K.R. Kapsalykova**

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19*

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira Str., Ekaterinburg, 620002, Russia*

E-mail: Carinne.Kapsalikova@gmail.com

Аннотация. В византийских исторических сочинениях X–XI вв. большое внимание уделялось деятельности военачальников. Анализ этих произведений позволяет говорить о формировании в византийской исторической литературе нескольких типичных образов военачальников. Статья посвящена характеристике одного из данных типов – образу «бездарного полководца». В качестве примера автором рассматривается военная карьера магистра Михаила, сына логофета Анастасия, служба которого в императорской армии прослеживается с 1042 по 1057 гг. В сочинении Иоанна Скилицы он был подвергнут резкой критике, обвинен в отсутствии военного опыта и неспособности командовать войсками. На него возлагалась ответственность за серьезное поражение византийской армии в 1042 г. на территории Сербии. Несмотря на это, дальнейшая карьера Михаила складывалась удачно. По мнению автора статьи, негативное отношение Скилицы к Михаилу было вызвано субъективными факторами: принадлежностью военачальника и хрониста к противоборствующим политическим группировкам или семейным конфликтом.

Resume. In the Byzantine historical compositions of the 10th – 11th centuries special attention was paid to activities of military leaders. The analysis of these works was devoted to formation in the Byzantine historical literature the several typical images of military leaders. Article is focused to the characteristic of one of these types – the image of “talentless warlord”. For example, military career of the magister Michael, son of logothetes Anastasios. His service in imperial army proceeded from 1042 to 1057. In Chronicle of John Skylitzes he has been subjected to sharp criticism. Michael was accused of lack of military experience and inability to order troops. Responsibility for serious defeat of the Byzantine army (1042) in the territory of Serbia was conferred on it. Despite it, further career of Michael was developed successfully. According to the author, negative attitude of Skylitzes to Michael has been caused by subjective factors: belonging of the military leader and chronicler to opposing political groups or by family conflict.

Ключевые слова: Византийская империя, византийская армия, византийская литература, Иоанн Скилица, Михаил, сын логофета Анастасия.

Keywords: Byzantium, byzantine army, byzantine literature, John Skylitzes, Michael, son of logothetes Anastasios.

В византийской исторической литературе X–XI вв. большое внимание уделялось войнам, которые империя вела с соседними государствами. В сочинениях Продолжателя Феофана, Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Михаила Атталиата, Кекавмена и других авторов сохранились ценные сведения о военных кампаниях, сражениях, осаде вражеских и обороне византийских городов. Однако наибольший интерес для хронистов представляла деятельность военачальников. В современной историографии установлено, что самым прославленным полководцам – Иоанну Куркуасу, Никифору Фоке, Иоанну Цимисхию – были посвящены литературные произведения, восхваляющие их многочисленные победы над врагами империи. Большая часть этих сочинений не сохранилась

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027 «Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь».

до нашего времени, а меньшая фрагментарно вошла в состав «императорских» исторических хроник Иоанна Скилицы и Продолжателя Феофана¹.

Следует отметить, что в византийской литературе периода правления Македонской династии сформировался образ «идеального полководца». Качества, присущие такому военачальнику, были заимствованы из античной полемологической традиции. В первую очередь, стратиг должен был обладать обширными познаниями в стратегии и тактике, иметь богатый боевой опыт, пользоваться авторитетом среди армейских архонтов и рядовых стратиотов. Считалось также, что исход войны во многом зависел от личных качеств полководца: мужества, рассудительности, трудолюбия, умеренности в страстях, трезвости ума и бескорыстия². В византийских хрониках X–XI вв. многие командиры императорской армии обладали перечисленными качествами. По этой причине их литературные образы близки к чертам «идеального полководца». Например, Продолжатель Феофана писал об «умнейшем» доместике схол магистра Иоанне Куркуасе, сравнивая его с Велизарием и Траяном «за множество достойных деяний»³.

Военная история Византии X–XI вв. состояла не только из блистательных побед и пышных триумфов над поверженными врагами. В источниках неоднократно упоминается о тяжелых поражениях императорских войск, которые сопровождалась гибелью значительного числа командиров и простых воинов. Для византийских исторических сочинений не характерно умолчание о проигранных битвах или неудачных военных кампаниях. Напротив, в большинстве случаев авторы хроник стремились не только сообщить подробности, но и указать на причину поражения. В первую очередь, они, как и в случае с одержанными победами, акцентировали внимание на действиях командования разгромленного византийского войска. При этом, несмотря на сопутствующие неблагоприятные факторы (подавляющее численное превосходство противника, незнакомая местность, недостаток продовольствия и других ресурсов), главным виновником поражения чаще всего считался командующий.

Критической оценке со стороны авторов исторических сочинений подвергалась деятельность как военачальников высшего ранга, так и командиров небольших отрядов, выполнявших отдельные боевые задачи. Например, Иоанн Скилица включил в рассказ о войне между Византией и эмиром Халеба Хамданидом Сейф ад-Даулой (945–967) характеристику доместика схол магистра Варды Фоки (Βαρδας ὁ Φωκάς), отца прославленных полководцев Никифора и Льва Фок. Хронист писал, что с того времени, как василевс Константин VII (913–959) назначил Варду доместиком схол, тот не совершил ничего достойного упоминания. Раньше, когда Фока служил под чужим командованием, он проявил себя как прекрасный командир, равный «стратигам древних времен»⁴. Однако заполучив под свое начало восточные войска, когда все стало зависеть от его собственной воли, Варда не принес стране ромеев никакой пользы. Его, словно болезнь, лишаящая разума, поглотила жажда наживы⁵. В качестве примера бездарного командования доместика схол Скилица упомянул о стычке с войском Сейф ад-Даулы под Германикеей в 953 г. Несмотря на численное превосходство, византийское войско бежало, бросив своего командира. Варду защитили телохранители, которые «сплотились вокруг него» и спасли от плена. В этом сражении Фока получил опасную и глубокую рану, шрам от которой был виден на его лбу до конца жизни⁶.

По утверждению Скилицы, Варда Фока был хорошим командиром среднего ранга, но для руководства восточной армией ему не хватало воинского таланта. С этой задачей гораздо лучше справился его «возлюбленный сын» и будущий император Никифор⁷. В хронике Скилицы ситуации, когда посредственные командиры, не обладающие необходимыми качествами, получали назначение на ответственные должности, упоминаются неоднократно. В некоторых случаях это приводило к весьма печальным последствиям. Так, в рассказе о начальном этапе восстания Варды Склера, хронист писал об Анфе Алиате (Ἀνθης ὁ Ἀλυάτης), «самом преданном и деятельном человеке из окружения» предводителя мятежа⁸. В начале лета 976 г. Склир со своими силами отправился в поход на Запад. Впереди мятежного войска двигались отряды катаскопов (τῶν κατασκόπων). Экзарх (ἑξάρχος) Анф Алиат командовал одним из них. Вскоре его стратиоты столкнулись с передовой частью императорской армии под руководством опытного военачальника,

¹ Подробнее см.: Каждан А.П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма. СПб., 2012. С. 298–303; Капсалькова К.Р. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 101–110.

² См.: Xenophon. Memorabilia and oeconomicus / transl. by E.C. Marchant. London, 1923. P. 64; Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / ed. W.A. Oldfather. London; New York, 1923. P. 374.

³ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 427.16–19.

⁴ Вероятно, Скилица намекал на события 941 г., когда патрикий Варда Фока командовал кавалерией в войске доместика схол Иоанна Куркуаса во время нападения росов на Вифинию. См.: Theophanes Continuatus. P. 423.14 – 425.23; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin; New York, 1973. P. 229.90 – 230.24 (далее – Ioannis Skylitzes).

⁵ Ioannis Skylitzes. P. 240.99 – 241.14.

⁶ О Варде Фоке подробнее см.: Cheynet J.-Cl. Les Phocas // Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / éd. par G. Dagron, H. Mihăescu. Paris, 2011. P. 333–334.

⁷ Theophanes Continuatus. P. 427.13–18.

⁸ Ioannis Skylitzes. P. 315.1–2.

стратига Тарса магистра Евстафия Малеина (Εὐστάθιος ὁ Μαλεΐνος). По словам Скилицы, сначала противники обстреливали друг друга из луков, но не претерпели от этого серьезного ущерба. Тогда «Алиат, не сумев сдержать свой пыл, в безрассудном порыве бросился на врагов, но смертельно раненный пал, не успев совершить ничего достойного упоминания, а его воины укрылись в окрестных горах и лесных зарослях»¹. В данном эпизоде следует обратить внимание на то, что Варда Склир и Евстафий Малеин действовали согласно предписаниям военного трактата *De velitatione bellica*. В этом сочинении содержались рекомендации об охране дорог на своей территории и о разведке путей перемещения войск на землях противника².

В некоторых случаях фатальные просчеты, приводившие к катастрофическим последствиям, совершали опытные военачальники. Например, во время войны с печенегами в правление Константина IX Мономаха (1042–1055) византийские войска потерпели несколько сокрушительных поражений из-за беспечности, недооценки сил противника и трусости высшего командного состава императорской армии. Одно из сражений произошло весной 1049 г. под крепостью Диамполис (Ямбол). Иоанн Скилица писал, что византийским войском командовал архонт Запада магистр Константин Арианит (Κωνσταντῖνος ὁ Ἀριανίτης). Подойдя к Диамполису, Константин Арианит допустил ошибку, не разбив лагеря и не дав своим отрядам отдохнуть после марша. Дисциплина среди македонских и фракийских воинов была низкой, передовые отряды без приказа командующего атаковали противника, за ними в сражение втянулось остальное войско. Печенеги отразили атаку и сами перешли в наступление. Византийская кавалерия, не ожидавшая от кочевников ожесточенного сопротивления, обратилась в бегство, погибло множество архонтов и рядовых воинов. Константин Арианит с остатками разбитой армии возвратился в Адрианополь³.

Краткое сообщение о поражении западной армии сохранилось также в сочинении Кекавмена. Отметим, что его сведения менее достоверны, чем у Иоанна Скилицы. По всей видимости, Кекавмен объединил рассказ о битве при Диамполисе с известными ему сведениями о другом сражении византийских войск против печенегов, которое произошло в конце лета 1049 г. под Диакеной и также завершилось разгромом императорской армии⁴. Тем не менее, автор «Советов и рассказов» перечислил основные ошибки, совершенные командующим византийскими войсками: «надеясь на свое бесчисленное войско, ни лагеря не разбил, ни своего шатра не поставил, ни отдыха уставшему войску не дал, а тотчас устремился на битву... Ромеи же и их кони, измученные и трудностями пути, и зноем, и жаждой, не смогли устоять против слабого натиска и тотчас обратились в бегство»⁵. Таким образом, Кекавмен подтвердил слова Скилицы о том, что главной причиной поражения являлись просчеты Константина Арианита. Несмотря на значительный боевой опыт, архонт Запада пренебрег, как минимум, двумя рекомендациями военного трактата *De castrametatione*, который специально был посвящен особенностям проведения военных кампаний на Балканах. Прежде всего, он проигнорировал предписание о необходимости возводить полевые укрепления (военные лагеря), когда армия находится на вражеской территории. Кроме того, Арианит не учел рекомендации анонимного автора трактата, согласно которому «опасно вести сразу две войны – с неприятелем и с жарой»⁶.

Среди византийских полководцев, обвиненных авторами исторических хроник в бездарном командовании, специального рассмотрения заслуживает Михаил, сын логофета Анастасия. Его военная карьера продолжалась с 1042 по 1057 гг., о нем упоминали в своих сочинениях Иоанн Скилица, Иоанн Зонара и Кекавмен. Однако, перед тем, как рассматривать отдельные этапы карьеры Михаила, следует обратиться к сведениям о его семье.

В историографии утвердилось мнение, что семья Михаила принадлежала к столичной бюрократической элите⁷. Оно основано на том, что в хронике Иоанна Скилицы Михаил назван «сыном логофета Анастасия»⁸. О детстве и юности Михаила сведений в источниках не сохранилось, как и о том, были ли у него жена и дети. Следовательно, единственная «подробность» его биографии, не связанная с военной службой, – это имя и должность его отца, логофета Анастасия. Однако в письменных источниках, которые рассказывают о событиях последней четверти X – середины XI в. лого-

¹ Ioannis Skylitzes. P. 318.59–71. См. также: Мохов А.С. Византийская провинциальная знать во второй половине X в.: Анф Алиат // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь, 2013. С. 144–146.

² См.: Three Byzantine military treatises / ed. by G.T. Dennis. Washington, D.C., 1985. P. 152.

³ Ioannis Skylitzes. P. 466.81 – 467.90.

⁴ Подробнее о хронологии событий см.: Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. Bucarest, 1970. P. 66–67; Мохов А.С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.) // Известия Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2005. № 39. С. 20–21.

⁵ Кекавмен. Советы и рассказы: поучение византийского полководца XI века / изд. подгот. Г.Г. Литаврин. СПб., 2003. С. 179.

⁶ См.: Three Byzantine military treatises. P. 284, 322.

⁷ См.: Кекавмен. Советы и рассказы. С. 399, примеч. 283; Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople / texte trad. par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. Paris, 2003. P. 353, п. 17: «Михаил, происходил из семьи столичной бюрократии, этим объясняется его неопытность в военном деле».

⁸ Ioannis Skylitzes. P. 424.67: ἦν δὲ Μιχαὴλ πατρικίος, ὁ Αναστασίου τοῦ λογοθέτου υἱός. Ср.: Ibid. P. 456.68: ὁ μάγιотρος Μιχαὴλ ὁ τοῦ Αναστασίου υἱός; Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.11–12: Μιχαὴλ τῷ τοῦ λογοθέτου υἱῷ.

фет Анастасий не упоминается. Опубликованы три печати, принадлежавшие логофетам по имени Анастасий. Одна принадлежала логофету дрома¹, две – логофетам геникона². Все моливдовулы относятся к одному сфрагистическому типу, издатели датируют их первой половиной XI в.

Учитывая, что имя Анастасий редко встречается в источниках, ряд исследователей высказывали предположение, что в апреле 1042 г. отец Михаила занимал должность эпарха Константинополя (τῷ τῆς πόλεως ἐπάρχῳ)³. По словам Иоанна Скилицы, эпарх Анастасий был отправлен Михаилом V Калафатом на форум Константина, чтобы зачитать народу указ об изгнании императрицы Зои и патриарха Алексея Студита. Однако толпа начала требовать их возвращения в столицу. В эпарха бросали камни и палки; чтобы спасти свою жизнь Анастасию пришлось обратиться в бегство. Важно также, что Скилица называет титул эпарха – патрикий, а также упоминает, что Анастасий служил еще отцу императрицы Зои, Константину VIII (1025–1028)⁴. По сфрагистическим данным известен Анастасий, прото-спафарий Хрисотрикллина и эпарх, печать которого датируется первой половиной XI в.⁵

По мнению Ж.-Кл. Шене, отец Михаила занимал должность логофета дрома. Будучи весьма влиятельным столичным чиновником, он способствовал продвижению по службе своего сына Михаила⁶. Данное предположение представляется наиболее обоснованным, так как титулы Анастасия, логофета дрома – магистр и вест – очень высокие для гражданского чиновника, служившего при Василии II (976–1025) и его ближайших преемниках. Гипотеза о том, что отец Михаила был эпархом Константинополя, по нашему мнению, является несостоятельной. Скилица писал, что после свержения Михаила V с престола столичным эпархом был назначен Никифор Кампанарий (Νικηφόρος ὁ Καμπανάρης)⁷. Его предшественник Анастасий, как и прочие сторонники Калафата, вероятнее всего, подвергся репрессиям или же был уволен со службы.

Обратимся к военной карьере Михаила. О раннем ее этапе ничего не известно. Впервые Михаил упоминается в хронике Скилицы как патрикий и архонт Диррахия⁸. На эту должность он был назначен в правление Константина IX Мономаха, т.е. после 11 июня 1042 г. Кекавмен писал, что Михаил занимал должность катепана Диррахия⁹.

Военно-политическая ситуация на Адриатическом побережье Балканского полуострова была сложной. Несмотря на восстановление феменных структур в Диррахии после подавления восстания Петра Деляна (1040–1041), некоторые горные районы не контролировались императорской администрацией. Наиболее сложным было положение в сербских областях Дукля и Зета, где власть оказалась в руках противника Византии Стефана Воислава (Στέφανος ὁ καὶ Βοϊσθλάβος, Τριβούνης)¹⁰.

По распоряжению императора патрикий Михаил должен был подавить мятеж Воислава. В сочинении Иоанна Скилицы содержится подробное описание неудачного похода византийских войск в горные районы Сербии. «Отказываясь терпеть эти дерзкие выходки, император Мономах написал письмо, предписывающее архонту Диррахия, патрикию Михаилу, сыну логофета Анастасия собрать армию, в которую войдут подчиненные ему соседние фемы, и выступить вместе с ипо-стратигами против серба Тривуния. Но Михаил, как человек бесславный и изнеженный, был далек от понимания военной науки. Он предпринял атаку, лишённую всякого смысла и стал причиной большого несчастья ромейского государства. Он собрал силы в соответствии с приказом (говорят, там было около 60-ти тысяч человек) и пошел в страну Тривуния. На извилистых и узких дорогах, где два всадника не могли двигаться вместе, сербы, как говорят, вполне сознательно позволили ромеям свободно пройти. Когда архонт решил отправиться в обратный путь, они соорудили на перевалах заграждения. Пока Михаил пребывал в их области, грабя и сжигая равнины, сербы захватили узкие и крутые пути на перевалах, где ждали его возвращения. Когда Михаил подумал, что он довольно нагнал и был обременен большой добычей и множеством пленных, то решил, что у него есть время для безопасного возвращения. Однако когда его люди следовали по этим неудобным дорогам, враги начали сбрасывать на ромеев камни, метать стрелы, скатывали вниз огромные глыбы. Люди Михаила не успели ни схватиться за оружие, ни показать врагу свою храбрость. Не-

¹ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris, 1981. T. 2: L'administration centrale. P. 210, no. 432: Ἀναστασίῳ μαγίστρῳ βέστῃ καὶ λογοθέτῃ τοῦ δρόμου.

² Zacos G. Byzantine lead seals / ed. by J.W. Nesbitt. Berne, 1984. Vol. 2. P. 367, no. 791: Ἀναστασίῳ ἀνθυπάτῳ πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ; Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. 2. P. 155-156, no. 325: Ἀναστασίῳ πατρικίῳ καὶ γενικῷ λογοθέτῃ.

³ См., например: Guiland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: l'Eparque // Byzantinoslavica. 1980. T. 41. Fasc. 2. P. 156.

⁴ Ioannis Skylitzes. P. 418.24-32.

⁵ Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. 2. P. 559, no. 1020: Ἀναστασίῳ πρωτοσπαθαρίῳ ἐπὶ τοῦ Χρυσотρικλίνου καὶ ἐπάρχῳ.

⁶ Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople. P. 353, n. 17.

⁷ Ioannis Skylitzes. P. 420.87.

⁸ Ioannis Skylitzes. P. 424.66-67: τῷ ἄρχοντι τῷ τότε τοῦ Δυρραχίου... Μιχαὴλ πατρικίος.

⁹ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.11: кателάνω Δυρραχίου Μιχαήλ.

¹⁰ Подробнее см.: Василевски Т. Стефан Воислав от Захумлье, Стефан Доброслав от Зета и Византия в средата на XI век // Василевски Т. България и Византия IX–XV век / съст. и ред. И. Божилов. София, 1997. С. 139-157.

которые погибли от камней, другие упали в глубокие ущелья, кто-то бежал от преследователей. Сорок тысяч мужей, вместе с семьей стратигами были убиты. Уцелевшие прятались в кустах, лесах, искали убежище в пещерах, они бежали, едва завидев врага, рыщущего в ночи. Бредущие пешком, безоружные, жалкие и одинокие, они производили по-настоящему плачевное зрелище на любого, кто их видел. Михаил скрылся в безопасном месте, плакал и делился с другими переживаниями»¹.

В отличие от Скилицы, Кекавмен увидел в поражении Михаила повод для наставлений по тактике ведения боевых действий: «Ты же имей лазутчиков и опытных проводников, и, прежде чем ты вторгся, пусть они разведют дороги. Вторгшись для разорения одной дорогой, возвращаясь по другой – и не будешь иметь забот. Если же нет другой дороги, вторгайся внезапно и скрытно, а совершив разорение, возвращаясь поскорее тем же путем, которым вторгся. А если это невозможно, то, когда ты нападаешь для опустошения, прикажи отряду из храбрых воинов с опытными предводителями занять клисуры и вершины гор и, совершив набег, возвращаясь с Божьей помощью спокойно, радуясь и веселясь»². Следует отметить, что рекомендации Кекавмена кратко повторяют раздел военного трактата *De castrametatione*, посвященный преодолению клисур, захваченных противником³.

Судя по описанию похода 1042 г., Михаил совершил множество ошибок, нетипичных для полководца, знакомого с византийской полемологической традицией. Кроме того, архонт Диррахия недооценил своего противника. По-видимому, он рассчитывал на быструю победу. Следует признать правоту Кекавмена, который высказывал сомнения в целесообразности похода: «Ты получил по заслугам. Какая тебе была нужда, не подвергшись нападению, вредить чужой стране, делая своими врагами и поднимать против себя людей, не причинивших тебе ущерба?»⁴

Между тем, достоверность рассказов Скилицы и Кекавмена вызывает серьезные сомнения. Прежде всего, это касается численности византийских войск. Утверждение, что под началом правителя одной западной фемы было 60 тыс. воинов, не соответствует военным реалиям первой половины XI в. В это время контингенты всех западных фем, включая фракийские и македонские регулярные тагмы, едва достигали половины численности армии Михаила. Более того, в этом войске было больше солдат, чем под началом магистра Георгия Маниака во время завоевательного похода на Сицилию в 1037–1039 гг. или у Романа IV Диогена (1068–1071) во время битвы при Манцикерте⁵. По нашему мнению, в походе против Стефана Воислава в 1042 г. принимало участие от 6 до 10 тыс. чел., включая в это число союзные сербские отряды.

Примечательно, что Иоанн Зонара, который без изменений заимствовал из хроники Скилицы целые разделы, при описании событий 1042 г. внес в текст своего сочинения значительные коррективы. Зонара писал: «После бегства скифа Воислава из Византии вокруг него собралась толпа соплеменников. Скрываясь в горах Иллирии словно дикие звери, они грабили народы, которые жили в этих горах подчиняясь власти ромеев. Когда об этом сообщили императору, он отправил архонту Диррахии (τὸ Δυρράχιον ἄρχοντι) распоряжение вступить в борьбу с Воиславом. Однако архонт начал войну недуманно, так как не имел стратегического опыта. По его вине случилось крупное поражение. Некоторые из стратиготов с трудом спаслись, но остальная часть армии была уничтожена»⁶.

Главным аргументом, который ставит под сомнение рассказ Скилицы о «страшном поражении» византийской армии в 1042 г. является тот факт, что виновник разгрома не понес никакого наказания. В источниках сохранились упоминания о том, что после тяжелых поражений полководцы добровольно или по императорскому распоряжению покидали службу, а затем постригались в монахи. В 1017 г. войска катепана Италии протоспафария Кондолеонта Торника (Τορνίκιος ὁ Κοντολέων) были трижды разбиты мятежными отрядами герцога Апулии Мело (Μέλῃς). Василий II сместил Торника с должности и перевел на менее значимый пост стратига Эллады. Посчитав понижение по службе унижительным, бывший катепан Италии постригся в монахи⁷. В 1030 г., после нескольких поражений от Мирдасидов Халеба, покинул службу и постригся в монахи бывший катепан Антиохии Михаил Спондил (Μιχαὴλ ὁ Σπονδύλης)⁸.

Новым местом службы Михаила, сына логофета Анастасия, стала дунайская граница Византии. В 1045–1047 гг. он занимал должность катепана Паристриона («архонта подунайских го-

¹ Ioannis Skylitzes. P. 424.65 – 425.97. Примечательно, что реакция Михаила на поражение в сербских теснинах расцвечена в рассказе Скилицы в настолько драматичных тонах, что полностью лишает патрикия всякого достоинства. Хронист наделил военачальника такими чертами характера, которые больше присущи женщинам. См.: Ibid. P. 424.71-72: ὁ δὲ πολέμικῃς ἐπιστήμῃς ἀλέχων μακράν, οἷα οὐκ ἀτράφης ἄνθρωπος καὶ ἐμπειρίας ἐντεθραμμένος.

² Кекавмен. Советы и рассказы. С. 185.

³ См.: Three Byzantine military treatises. P. 294-302.

⁴ Кекавмен. Советы и рассказы. С. 184.3-5.

⁵ О численности византийских войск на Западе в 30–40-е гг. XI в. подробнее см.: Мохов А.С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами. С. 19-20.

⁶ Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. T. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. Т. 3. P. 617.12 – 618.7.

⁷ Ioannis Skylitzes. P. 348.1-8. См. также: Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 50-52.

⁸ Ioannis Skylitzes. P. 379.61-66.75-77.

родов»)¹. Его титул в эти годы в источниках не упоминается. Однако известна печать Михаила, вестарха и катепана Паристриона с изображением архангела Михаила на лицевой стороне².

В 1045 г. Михаил сыграл важную роль в переселении на территорию Византии нескольких печенежских кланов во главе с ханом Кегеном (Κεγένης). Незадолго до этого предводитель кочевников поднял восстание против верховного хана Тираха. Потерпев поражение, и опасаясь истребления сородичей, Кеген обратился в Константинополь с просьбой о предоставлении убежища на территории Византии. В ответ Константин IX распорядился расселить печенегов на правом берегу Дуная при условии, что они примут крещение. Приказ императора должен был исполнить катепан Паристриона Михаил. Печенеги переправились через Дунай, местом их поселения стал о. Пэкулюлуй Соаре (совр. название), расположенный поблизости от административного центра фемы Дристры (Силистры). Кегена с почетом отправили в столицу, причем Михаил написал императору письмо, исполненное надежд на союз между ромеями и кочевниками. В Константинополе Кеген принял крещение, получил титул магистра и был отправлен обратно на Дунай, чтобы вместе с соплеменниками усилить оборону границы империи³.

Зимой 1046 г. на Балканы вторглась основная группа печенежских племен во главе с верховным ханом Тирахом (Τύρσχος). Война с кочевниками продолжалась до 1047 г. и завершилась победой византийских войск⁴. Катепан Паристриона принимал активное участие в боевых действиях. Отметим, что никаких сведений о допущенных им в этот период тактических просчетах или же, напротив, о демонстрации Михаилом высокого воинского мастерства в источниках не сохранилось.

Последнее упоминание в источниках Михаила, сына логофета Анастасия, датируется началом сентября 1057 г., т.е. завершающим этапом мятежа Исаака Комнина против императора Михаила VI Стратиотика (1056–1057). К тому времени Михаил уже получил титул магистра и входил в состав синклита. Иоанн Скилица писал об этих событиях: «Неожиданно, рано утром, в Великой Церкви Божией магистр Михаил, сын Анастасия, патрикии Феодор Хрисилий и Христофор Пирр, словом, все архонты этерии (ἀρχοντες τῶν ἐταρειῶν) кричали, чтобы патриарх спустился к ним, так как они желали подать ему срочные ходатайства... они попросили его доставить василевсу послание, где Комнина называли императором»⁵.

Так как переговоры о передаче власти Исааку Комнину затягивались, сторонники патриарха Михаила Кирулария организовали в столице нападения на дома приверженцев императора. Магистр Михаил принимал в них самое активное участие. В «Хронографии» Михаила Пселла говорится, что «среди синклита нашлись смутьяны и мятежники, которые устроили беспорядки, угрожали городу пожарами и прочими несчастьями. Они проникли в ограду храма Божественной мудрости, ворвались в алтарь, где без труда уговорили патриарха принять их сторону. Они сделали его своим предводителем, а потом, громко проклиная царя, провозгласили Исаака единственным достойным власти»⁶. По словам Скилицы, беспорядки прекратились только 3 сентября 1057 г., когда передовые отряды армии Исаака Комнина вступили в Константинополь. Они достаточно быстро навести порядок в охваченном бунтом городе⁷.

Подводя итоги, отметим, что военная карьера Михаила, сына логофета Анастасия, является достаточно типичной для византийских армейских командиров высокого ранга. В итоге, Михаил достиг максимально возможного для своего времени положения в иерархии империи – получил титул магистра и вошел в состав синклита. Неудачное командование во время похода в Сербию в 1042 г. не помешало ему продвигаться по служебной лестнице. Критика, которой он подвергся со стороны хрониста Иоанна Скилицы, вероятнее всего, была вызвана субъективными причинами. Не исключено также, что предвзятость оценок по отношению к Михаилу была связана с хитро-сплетениями внутривизантийской борьбы между группировками столичной бюрократии.

Следует отметить, что, несмотря на достаточно полные сведения о военной карьере Михаила, сына логофета Анастасия, для большинства византийских авторов XI в. на протяжении всей жизни он оставался легкомысленным и неопытным архонтом, потерпевшим унижительное поражение от сербского князя. Литературный образ Михаила, сформированный Иоанном Скилицей и, отчасти, Кекавменом, является почти точной противоположностью образа «идеального военачальника». Несомненно, что он не способен был вдохновенно командовать большими армиями, не

¹ Ioannis Skylitzes. P. 456.67-68: τῷ τῆς χώρας ἀρχοντὶ Μιχαὴλ; P. 457.31-32: Μιχαὴλ τὸν ἀρχοντα τῶν παριστρίων πόλεων.

² Zacos G. Byzantine lead seals. P. 300, no. 602: Μιχαὴλ βεστάρχη καὶ κατελάνω Παραδουνάβου.

³ Ioannis Skylitzes. P. 456.67-8; 457.31 – 458.53. И. Йордановым была опубликована печать Кегена. См.: Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia, 2003. Vol. 1: Byzantine seals with geographical names. P. 138-142, no. 59.1: Ἰωάννη μαγίστρῳ καὶ ἀρχοντὶ Πατζινάκίᾳ τῷ Κεγένη.

⁴ Ioannis Skylitzes. P. 457.31 – 458.53. См. также: Bănescu N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest, 1946. P. 78-81; Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. P. 57-58.

⁵ Ioannis Skylitzes. P. 498.30-48.

⁶ Psello Michele. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / trad. di S. Ronchey, comm. di U. Criscuolo. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. 2. P. 224.9-19.

⁷ Подробнее см.: Shepard J. Isaac Comnenus' Coronation Day // Byzantinoslavica. 1977. Т. 38. Fasc. 1. P. 22-30; Мохов А.С. Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород, 2012. № 1 (120). С. 52–60.

мог повести за собой воинов, не отличался познаниями в военном искусстве. Напротив, образ Михаила – это редкий в византийской исторической литературе пример плохого военачальника.

Необходимо констатировать, что о бездарных, не обладавших необходимым военным опытом и знаниями, военачальниках византийские авторы писали реже, чем о полководцах-победителях. Между тем, подробности военной карьеры командиров, терпевших со своими войсками сокрушительные поражения, представляют значительный интерес. За пеленой неодобрения и резких характеристик скрываются неординарные характеры и важные подробности военно-политической истории Византии.

Библиография

- Василевски Т. Стефан Воислав от Захумлье, Стефан Доброслав от Зета и Византия в средата на XI век // Василевски Т. България и Византия IX–XV век / съст. и ред. И. Божилов. София: Изд-во Проф. Марин Дринов, 1997. С. 139–157.
- Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.
- Каждан А.П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма. СПб.: Алтейя, 2012.
- Капсалыкова К.Р. Образы военачальников в историческом сочинении Иоанна Скилицы // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. Вып. 42. С. 101–110.
- Кекавмен. Советы и рассказы: поучение византийского полководца XI века / изд. подгот. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алтейя, 2003.
- Мохов А.С. Византийская провинциальная знать во второй половине X в.: Анф Алиат // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» / под ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2013. С. 144–146.
- Мохов А.С. Военная политика Исаака I Комнина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Экономика. Политология. Информатика. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2012. № 1 (120). С. 52–60.
- Мохов А.С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.) // Известия Урал. гос. ун-та. Екатеринбург. 2005. № 39. С. 15–26.
- Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / ed. W.A. Oldfather. London; New York: Heinemann, 1923.
- Bănescu N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest: Institut roumain d'études byzantines, 1946.
- Cheyne J.-Cl. Les Phocas // Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / éd. par G. Dagron, H. Mihăescu. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 2011. P. 333–334.
- Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. Bucarest: l'Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1970.
- Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: l'Eparque // Byzantinoslavica. 1980. T. 41. Fasc. 2.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 1973.
- Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. T. Büttner-Wobst. Bonn: De Gruyter, 1897. T. 3.
- Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople / texte trad. par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. Paris: Lethielleux, 2003.
- Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia: Agato Publishers, 2003. Vol. 1: Byzantine seals with geographical names.
- Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1981. T. 2: L'administration centrale.
- Psello Michele. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / trad. di S. Ronchey, comm. di U. Criscuolo. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. 2.
- Shepard J. Isaac Comnenus' Coronation Day // Byzantinoslavica. 1977. T. 38. Fasc. 1. P. 22–30.
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. Bonn: De Gruyter, 1838.
- Three Byzantine military treatises / ed. by G.T. Dennis. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Xenophon. Memorabilia and oeconomicus / transl. by E.C. Marchant. London: Harward University Press, 1923.
- Zacos G. Byzantine lead seals / ed. by J.W. Nesbitt. Berne: Basel and Berne, 1984. Vol. 2.

References

- Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / ed. W.A. Oldfather. London; New York: Heinemann, 1923.
- Bănescu N. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie. Bucarest: Institut roumain d'études byzantines, 1946.
- Cheyne J.-Cl. Les Phocas // Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969) / éd. par G. Dagron, H. Mihăescu. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 2011. P. 333–334.
- Diaconu P. Les Petchenègues au Bas-Danube. Bucarest: l'Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1970.

- Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: l'Eparque // *Byzantinoslavica*. 1980. T. 41. Fasc. 2.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 1973.
- Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / ed. T. Büttner-Wobst. Bonn: De Gruyter, 1897. T. 3.
- Jean Skylitzés. Empereurs de Constantinople / texte trad. par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet. Paris: Lethielleux, 2003.
- Jordanov I. Corpus of Byzantine seals from Bulgaria. Sofia: Agato Publishers, 2003. Vol. 1: Byzantine seals with geographical names.
- Kapsalykova K.R. Obrazy voenachal'nikov v istoricheskom sochinenii Ioanna Skilicy // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014. Vyp. 42. S. 101-110.
- Kazhdan A.P. Armyane v sostave gospodstvuyushchego klassa Vizantijskoj imperii v XI–XII vv. Erevan: Izd-vo Armjanskoj AN SSR, 1975.
- Kazhdan A.P. Istoriya vizantijskoj literatury (850–1000 gg.): ehpoza vizantijskogo ehnciklopedizma. SPb.: Aletejja, 2012.
- Kekavmen. Sovety i rasskazy: pouchenie vizantijskogo polkovodca XI veka / izd. podgot. G.G. Litavrin. SPb.: Aletejja, 2003.
- Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1981. T. 2: L'administration centrale.
- Mohov A.S. K voprosu o vizantijskoj voennoj organizacii v period vojny s pechenegami (1046–1053 gg.) // *Izvestiya Ural. gos. un-ta*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005. № 39. S. 15-26.
- Mohov A.S. Vizantijskaya provincial'naya znat' vo vtoroj polovine X v.: Anf Aliat // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiya» i «polis»* / pod red. N.A. Alekseenko. Sevastopol': Nacional'nyj zapovednik «Hersones Tavricheskij», 2013. S. 144-146.
- Mohov A.S. Voennaya politika Isaaka I Komnina // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Istoriya. Ekonomika. Politologiya. Informatika. Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo un-ta, 2012. № 1 (120). S. 52–60.
- Psello Michele. Imperatori di Bisanzio (Cronografia) / trad. di S. Ronchey, comm. di U. Criscuolo. Fondazione Lorenzo Valla, 1984. Vol. 2.
- Shepard J. Isaac Comnenus' Coronation Day // *Byzantinoslavica*. 1977. T. 38. Fasc. 1. P. 22-30.
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. Bonn: De Gruyter, 1838.
- Three Byzantine military treatises / ed. by G.T. Dennis. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1985.
- Vasilevski T. Stefan Voislav ot Zahuml'e, Stefan Dobroslav ot Zeta i Vizantiya v sredata na XI vek // *Vasilevski T. Bolgariya i Vizantiya IX–XV vek* / sost. i red. I. Bozhilov. Sofiya: Izd-vo Prof. Marin Drinov, 1997. S. 139-157.
- Xenophon. Memorabilia and oeconomicus / transl. by E.C. Marchant. London: Harward University Press, 1923.
- Zacos G. Byzantine lead seals / ed. by J.W. Nesbitt. Berne: Basel and Berne, 1984. Vol. 2.

УДК 94(495).02-05

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ ТОПОНИМОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА VI-XVIII ВВ.: СИМБОЛОН-ЧЕМБАЛО-БАЛАКЛАВА

MODERN INTERPRETATIONS OF THE SEMANTICS OF PLACE NAMES OF THE 6-18-TH CENTURIES MEDIEVAL TOWN: SYMBOLON-CEMBALO-BALAKLAVA

В.Л. Мыц
V.L. Mytz

Государственный Эрмитаж,
Россия, 197183, г. Санкт-Петербург, ул. Заусадебная, 37

The State Hermitag,
37 Zausadebnaya St., Saint-Petersburg, 197183, Russia

E-mail: vic.mytz@yandex.ru

Аннотация. В современной историографии фигурирует три исторических названия местности и древнего укрепленного города: 1) *Симболон*; 2) *Чембало* и 3) *Балаклава*. В статье рассматривается этимология данных топонимов в их историко-культурном контексте. Наиболее обоснованным выглядит определение этимологии топонима Симболон, предложенное недавно А.К. Шапошниковым, как «место слияние рек, соединение, слияние рек». В средневековых латинских источниках греческое *Symbolon*, не исчезая в местной грекоязычной среде, трансформируется в *Cembalo* – *Чембало* (лигурийский диалект с ударением на первом слоге). Именно под этим названием город известен более, чем на 20 европейских картах и портоланах XIII-XVII вв. О семантике ойконима *Балаклава* в основном высказывались противоречивые суждения. Наиболее ранние из известных тюркских названий города – *Балаклава* – встречается под 1472 г. у Афанасия Никитина. По заключению тюркологов (В.В. Бартольда, Э.В. Сервосяна, Э.М. Мурзаева, Т. Нафасова и др.) первоначальным и основным значением топонима *балык/балыг* – является «город», а в более конкретном смысле – «стена, крепость, укрепление». Все же предлагавшиеся ранее определения данного ойконима вроде «рыбного места», «садка» и проч. – представляют собой народные этимологии.

Resume. There are three historical names of the area and the ancient fortified city in modern historiography: 1) *Symbolon*; 2) *Cembalo* and 3) *Balaklava*. The article deals with the etymology of these place names in their historical and cultural context. As the most reasonable etymology of the name *Symbolon* seems the definition recently proposed by A. K. Shaposhnikov "the confluence of the rivers, conjunction, merging of rivers". In Medieval Latin sources Greek *Symbolon*, not vanishing in the local Greek-speaking environment, transforms into *Cembalo* (the Ligurian dialect with the stress on the first syllable). It was under this name the city was known on more than 20 European maps and portolans of 13-17-th centuries. On the semantics of the oikonym *Balaclava* there were mainly contrary opinions. The earliest known of the Turkic names of the city – *Balaklava* – dates from 1472 in Afanasy Nikitin's work. According to the conclusion of the turcologists (V. V. Bartold, E. V. Servosyan, E. M. Murzaev, T. Nafasov, etc.) the initial and primary meaning of the place name *balyk / balyg* is "city", in a more specific meaning it is "wall, fortress". All the definitions previously proposed as the oikonyms "fishing spot", "fish tank" and others represent folk etymology.

Ключевые слова: Симболон, Чембало, Балаклава, ойконимы, топонимы, компасные карты, письменные портоланы, гора Кастрон, Кефало Вриси.

Keywords: Symbolon, Cembalo, Balaklava, oikonyms, place names, compass maps, writing portolans, Mount Kastron, Cefalo Vrisi.

Город Балаклава расположился по берегам хорошо защищенной извилистой бухты протяженностью около 1 км, в узкой долине и на склонах окружающих её гор. Ширина залива на входе составляет около 200 м, при глубине 38 м, в средней части он расширяется до 450-480 м, а затем сужается до 120-130 м (здесь средний показатель глубины – 17 м).

Инфраструктура средневекового города и крепости формировалась на протяжении VI-XVIII вв. и исторически связана с византийским (VI-XIII вв.), золотоордынским (XIII-XIV вв.), генуэзским (1345-1475 гг.) и османским (1475-1771 гг.) периодами существования *Симболон-Чембало-Балаклав*. Видимые в настоящее время стены и башни внешней линии обороны относятся в основном к 1420-1460-м гг., т.е. связаны с поздней фазой генуэзского обладания данной территорией. Они ограждали с востока и северо-востока территорию примерно в 3,4 га. Лигурийский город и крепость (1345-1475 гг.) развивался по традиционной схеме: первоначально пригород (антибург) был отделен от укрепленной части рвом и валом с деревянным палисадом. В дальней-

шем осуществлялись многочисленные перестройки и перепланировки оборонительной системы Чембало, состоявшей из каменных стен и башен. Со временем (1388-1455 гг.) в планировочной структуре укрепления выделяются две структурно-планировочных доминанты: 1) цитадель на вершине г. Кастрон и 2) консульский замок св. Николая у входа в бухту. Особое место занимала портовая часть (в ней размещались верфи, арсенал и цистерна с пресной водой) с примыкающим к ней латинским кварталом.

В настоящее время известны (представлены в различных огласовках и интерпретациях) три исторических названия местности и древнего укрепленного города: 1) *Симболон*; 2) *Чембало*; 3) *Балаклава*. В работе предлагается краткое и ретроспективное рассмотрение этимологии топонимов в их историко-культурном контексте, т.к. этому вопросу пока не уделялось должного внимания¹.

1. Уникальная для Черноморского побережья гавань, напоминающая фьорд, получила известность ещё в античную эпоху (Plin. NH, IV, 86; Arr., PPE, 30 (19H); Ptol., III, 6, 2; Annon., PPE, 55). Наиболее популярным в исторической литературе является сообщение Страбона (64/63 г. до н.э. 23/24 г. н.э.), который в своей «Географии» лаконично замечает: «...гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен (Symbolon portus, Ζημβόλου λιμένα)...»².

Локализации и этно-исторической характеристике обитателей «Гавани Симболов» («Порта Симболов», «Порта Символа») - посвящена обширная литература³. У античных авторов данный топоним представлен в следующих конструкциях: «Залив Символ(ов)», «Символон», «Символон-Лимен», «Стеностом»: «Symbolon limin» (Strabo), «Symbolon limena» (Arrian), «Symbolon limin» (Ptol.), «eis Symbolon limena», «itoi Symbolon legomenon» (Anonim.), «Symbolum portus» (Plin.). А.К. Шапошников выводит их этимологию «из греческого – σμβολή (symboli)», где «ожидался бы gen. plur. – σμβόλων (symbolon) – «место слияния рек, соединение, слияние рек». Иное место ударения, по его мнению, «может быть объяснено либо греческой диалектной просодией (дорический диалект херсонеситов), либо отражением туземного субстратного слова аналогичного происхождения и значения»⁴.

Раскопки и археологические разведки, проводившиеся в окрестностях города Балаклавы и на его территории в конце XX в., позволили выявить значительное число позднеантичных памятников⁵. К числу наиболее ранних (начала греческой колонизации Гераклеяского полуострова) объектов, традиционно относится поселение Мраморное (расположено у въезда в Балаклаву со стороны Севастополя) таврского периода кизил-кобинской культуры (VI-V вв. до н.э.)⁶.

2. В средневековых латинских источниках греческое Ζημβόλον (Symbolon), не исчезая окончательно в местной грекоязычной среде, трансформируется в *Cembalo* – *Чембало* (лигурийский диалект с ударением на первом слоге). Торговая и военно-стратегическая значимость залива и порта в XIII-XVII вв. отмечена тем, что он (при изменяющихся огласовках) обозначен более чем на двух десятках известных западноевропейских компасных картах и в письменных портоланах: 1) *Capo de Cembalii* (письменный портолан «Компасо да навигаре» 1250-1256 гг.)⁷; 2) *Sinbano* (анонимный малый атлас «Тамар Луксоро» начала XIV в.)⁸; 3) *Cendaie* (малая карта Пьетро Весконт 1311 г.)⁹; 4) *Cenbano* (малый атлас Пьетро Весконт 1318 г.)¹⁰; 5) *Sinbalo* (малая карта Франческо Пиццигано 1367 г.)¹¹; 6) *Cenbaro* (Каталанский атлас Абрахама Креска 1375 г.)¹²; 7) *Zinbano* (ано-

¹ Впервые эта тема была кратко затронута в совместной публикации исследователей средневекового Чембало: Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Некоторые итоги изучения крепости Чембало (по материалам археологических раскопок 2002-2011 гг.) // Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. X. СПб.-Симферополь, 2012. С.60-66.

² Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского; Под общей ред. С.Л.У тченко; Ред. пер. О.О. Крюгер. М., 1964 (репринтное воспроизведение: М., 1994). С.308-309.

³ Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С.71; Kulb Ph. Plinius Secundus Naturgeschichte. Bd.1. Stuttgart. 1840. S.448; Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса / ЗООИД. Т. II. 1848. С. 144-145, 148, прим.11; Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч.1. С.63; Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899. С.25; Minns E.N. Scythians and Greks. Cambridge, 1913. P.496; Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.-Л., 1953, С. 220-240; Раевский Д.С. О местонахождении древнегреческого Евпатория // ВДИ. №3, 1968. С.127-133 и др.

⁴ Шапошников А.К. К вопросу об ономастике Таврической Готии / Приложение 2 // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С.284.

⁵ Sarnowski T., Savelja O. Ja. Das Dolichen von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // Archeologia. T.49. 1998. S. 15-54. Сарновски Т., Савеля О. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С.25, рис.3; и др.

⁶ Кравченко Е.А. Таври і Херсонес // Древняя и средневековая Таврика / Археологический альманах. №22. Донецк, 2010. С. 54, рис.2, №11.

⁷ Motzo B. Compasso da navigare. Cagliari, 1947.

⁸ Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions. Stockholm, 1897. S.25-32; Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Berlin, 1909. S.641-651.

⁹ Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions... Tav.V. S.25-32; Димитров Б. България в средновековата морска картография XIV-XVII вв. София, 1984. С.24-27.

¹⁰ Periplus Ponti Euxini. Octopobus ad fidem tabularum mss. Bib. Caesareae Vindobonensis, 1837. P.38-41.

¹¹ Димитров Б. България в средновековата морска картография XIV-XVII вв... С.24-27.

¹² Voies Océaniques. Par Mireille Pastoureaux (Cartes marines et grandes découvertes). Paris, 1992.

нимный малый атлас «Пинелли-Уолкнер» 1384-1410 гг.)¹; 8) *Zinbano* (малый атлас Николо Пасквиллини 1408 г.)²; 9) *Zinbano* (малая карта Джакомо де Джиролиди 1426 г.)³; 10) *Cenballona* (малый атлас Андреа Бьянко 1436 г.)⁴; 11) *Cenbano* (малые атласы Грациозо Бенинказа 1453 и 1471 гг.)⁵; 12) *Cembano* (малый атлас Грациозо Бенинказа 1480 г.)⁶; 13) *Cembano* (малая карта Андреа Бенинказа 1490 г.)⁷; 14) *Cembaro* (малая карта Конте Оттомани Фредуччи 1497 г.)⁸; 15) *Cenbaro* (анонимная малая карта XV в. из Берлинского музея)⁹; 16) *Cenbaro* (анонимная малая карта 1530-1550 гг.)¹⁰; 17) *Zembaro* (малая карта Диогу Хомема 1561 г.)¹¹; 18) *Cenbaro* (малая карта Хуана Мартинеса 1570 г.) (Periplus Ponti Euxini 1837: 38-41); 19) *Cembaro* (малый атлас Винсента Деметрия Вольтия 1593 г.)¹⁰; 20) *Canbara* (малый атлас Франциско Олива 1614 г.)¹¹ и др.

3. О семантике ойконима *Балаклава* (ударение на последнем слоге) в литературе представлены различные противоречивые суждения. Наиболее раннее из известных тюркских названий города – *Балаклава* – встречается под 1472 г. у Афанасия Никитина. При описании плавания по Чёрному морю из Синопа в Каффу, путешественник чрезвычайно лаконично замечает: «...занесло нас к Балаклаве...»¹². В XVIII-XIX вв. рядом учёных также высказывалось ничем не подтверждённое мнение о происхождении топонима Балаклава от названия позднескифской крепости Палакион¹³.

Одним из первых к исследованию данного топонима обратился И.Э. Тунманн (1746-1778). В своём очерке «Крымское ханство» (1777 г.), помещённом в «Большом землеописании Бюшинга» (1784-1787), он пришёл к однозначному выводу: «название Балуклава означает рыбный пруд»¹⁴. Поэтому в дальнейшем многие исследователи полагали, что название приморского городка Балаклава происходит от средневекового тюркского – *балык* – *лава* (**baluk*, **lava*), где *baluk* является основой, а *lava* – представляет собой ойконимический компонент – «рыбный садок», «пруд, где содержится живая рыба». Некоторые авторы *балак* и *лава* выводят из крымско-татарского, где, по их мнению, *балак* (*балакъ*) может означать «штанина», а *балык* (*балыкъ*) – «рыба»¹⁵.

Видимо, поэтому данная этимология столь популярна у современных писателей. Например, И.К. Фоменко в своём монографическом исследовании «Образ мира на старинных портоланах» отмечает: в «портолане Эмидио Дортелли д'Асколи (1634 г.) и на глобусе Винченцо Мария Коронелли (1693 г.) название «Чембало» заменено на топоним «Балаклава» - изменились приоритеты в оценке роли этого порта: от «бухты в форме кимвала» до «рыбного места». В примечании к данному заключению автор указывает, что «Балаклава: «балык» с тюркского языка – рыба, а «лава» - с греческого – ловля». Далее И.К. Фоменко заключает: «Такая контаминация греческих и турецких слов в топонимике Османской империи очень распространена»¹⁶.

К числу народных этимологий можно отнести и высказывание по данному поводу Н.А. Алексеенко, который в одной из своих работ пишет: «После падения генуэзских колоний в Крыму летом 1475 г. турки дали Чембало новое название – Балык-юве («рыбное гнездо») или Балык-айя («рыбная скала»)»¹⁷.

Однако, в отличие от уже ставшей традиционной трактовки этимологии данного тюркского топонима, существует и иная интерпретация. Например, Э.М. Мурзаев отмечает наличие топонимов *балык*, *балыг* – в значении – «город». При этом он обращает внимание на то, что некоторые

¹ Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters... S.641-651.

² Periplus Ponti Euxini. Octopobus ad fidem tabularum mss... P.38-41.

³ Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essey on the Early History of Charts and Sailing Directions... Tav.V. S.25-32.

⁴ Мурзакевич Н.М. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. 91 с.

⁵ [Потоцкий Я.] Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник. СПб., 1850. С. 11-77.

⁶ Димитров Б. България в средновековата морска картография XIV-XVII вв... С.24-27.

⁷ Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters... S. 641-651.

⁸ Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essey on the Early History of Charts and Sailing Directions... Tav.V. S.25-32.

⁹ Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters... S. 641-651.

¹⁰ Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essey on the Early History of Charts and Sailing Directions... Tav.V. S.25-32.

¹¹ Periplus Ponti Euxini. Octopobus ad fidem tabularum mss... P. 38-41; Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. Издание второе. М., 2011. С.283-335.

¹² Никитин А. Хожение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в средние века. М., 2009. С. 58.

¹³ Первым идею о происхождении топонима Балаклава от названия позднескифской крепости Палакион высказал в начале XVIII в. митрополит афинский Милетий (1661-1714). Затем её поддержали своим авторитетом П.С. Паллас (1741-1811), И.П. Бларамберг (1772-1831) и П.И. Кёшпен (1793-1864). Обстоятельно раннюю историографию вопроса рассмотрел П.И. Кёшпен в своём «Крымском сборнике» (Кёшпен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. С. 210-214). В 80-е гг. XX в. Т.Н. Высотская представила аргументацию о локализации позднескифской крепости Палакий на месте Усть-Альминского городища (Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. №1. С.111-116).

¹⁴ Тунманн [И.Э.] Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1787 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Прим., предисл. и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1991. С.38.

¹⁵ Белянский И.Л., Усеинов С.М. Словарь ойконимов Крыма // Топонимика Крыма. Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь, 2010. С.176.

¹⁶ Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. ... С.142, прим. 47.

¹⁷ Алексеенко Н.А. Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чембало // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / Под ред. И.В.Немченко и др. Одесса, 2008. С. 9.

авторы склонны связывать его с *балычик* – «глина», т.к. жилища строили из глины: «город из глиняных домов» (существуют и другие тюркские лексические формы: *балик, балук, палык, палук*)¹.

В.В. Бартольд, описывая местоположение Каракорума, отмечал, что ниже него «находились руины древней (VIII–IX вв.) уйгурской столицы *Ордубалык* («Город двора»), руины его назывались в то время *Мобалык* («Плохой город»), ныне Хара-Балгасун («Чёрный город»). Город, основанный монгольским императором Угедеем (1229–1241), первоначально также назывался *Ордубалык*; название Карокарум было распространено в народе»².

Э.В. Сервосян в этимологическом словаре тюркских языков, не давая однозначного ответа на вопрос сопоставимости тюркских и монгольских слов, указывает на значение *балык/балыг*, как «стена, крепость, загородь»³.

Т. Нафасов считает, что термин *балык* уже потерял свою ономастическую функцию. По его мнению, первоначально он имел значение «стена, крепость, укрепление», а позже – «город», что, в общем, имеет место во многих языках⁴.

Представленный материал показывает, что за истекшие примерно 2500 лет до нас дошли два названия местности, известные под именами *Симболон* и *Балаклава*. К наиболее ранним, предшествовавшим даже началу греческой колонизации Юго-Западного Крыма в VI–V вв. до н.э., относится *Симболон*, которое, по мнению А.К. Шапошникова, является греческой калькой туземного («таврского») и означает «место слияния рек, соединение, слияние рек». Поэтому приписываемые ему определения типа «Порта» или «Залива Символов» следует отнести к числу народных этимологий, практиковавшихся в грекоязычной среде.

Тюрко-монгольский ойконим *Балык/Балыг* в значении «стена, крепость, город» появляется, вероятно, после завоевания в последней трети XIII в. византийской Таврики монголами и включения Юго-Западного Крыма в состав улуса Золотой Орды. Следует отметить, что и расположенный в 12 км от Балаклавы византийский город Херсон, получает тюркское название *Сары-Кермен*, т.е. «Жёлтая крепость». Со временем (в XIV–XV вв.) тюркское *Балык/Балыг/Балук* – в значении «город»⁵ – трансформируется в близкое к современному название *Балыклея*⁶. В то же время латиняне используют наименование порта и города в форме *Sembalo* (Чембало) – являющееся сильно искажённым греческим *Σημβόλου*.

К числу особенностей топографии древней крепости и города относится необычайно малое число дошедших до нас микротопонимов и урбанимов, формировавшихся в условиях совместного проживания населения говорившего в XIV–XV вв. на трёх языках (греческом, татарском и лигурийском). Например, сама гора, на которой сохранились руины, по-гречески называется *Кастрон* (Καστρον) – «крепость». Балка, из её верховий вода по керамическим водопроводам поступала в город, до сих пор называется *Кефало врисси* (Κεφαλο βρισσι) – «Голова источника». Латинские документы периода владения Чембало генуэзцами содержат упоминания (начиная с 1388 г.) «*замка св. Николая*» (*castrum S. Nicolai*)⁷, членение города на «верхнюю» и «нижнюю крепость» (*castrum inferi-oris*), в которой размещаются городские кварталы (*burgi*), а узкий вход в бухту именуется ими – «*Рипагуля*» (*Ripagula*)⁸.

Библиография

Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В. Некоторые итоги изучения крепости Чембало (по материалам археологических раскопок 2002–2011 гг.) // Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. / Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. X. СПб. – Симферополь: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. С.60–66.

Алексеев Н.А. Взаимоотношения Крыма с Северо-Западным Причерноморьем в XV в. по нумизматическим данным: молдавские монеты на территории генуэзской крепости Чембало // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФОР «Фридман А.С.», 2008. С. 9–12.

Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса / ЗООИД. Т. II. 1848.

Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1965.

¹ Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М., 1996. С.213–214.

² Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1965. С.443.

³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., Т.2. 1978. С.59.

⁴ Нафасов Т. Азиатско-Поволжский ойконимический ареал балик-балык // Ономастика Поволжья. М., 1992. С. 89–90.

⁵ Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л., 1969. С.79–81; Хабибуллин А.Н. К вопросу о военно-архитектурных терминах тюрко-татар в средневековье // Известия КГЛСУ. №4 (18), 2011. С.61.

⁶ В качестве подтверждения высказываемой гипотезы приведу существование золотоордынского городища XIII–XIV вв. Балыклея, располагавшегося в устье р.Чичаклей при его слиянии с Южным Бугом (Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. / Отв. ред. В.И.Буганов. Изд. 2-е. М., 2009. С.83.

⁷ Balard M. La Romanie genoise (XII–debut du XV siècle). In 2 Vol. Genos; Rome. 1978. P.157.

⁸ Baletto L. Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424–1428) // Università degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino. №6. Genova, 2000. P. 53, doc.42; Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009. С.94, 108–110, 161.

- Белянский И.Л., Усеинов С.М. Словарь ойконимов Крыма // Топонимика Крыма. Сб. статей памяти И.Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 176-180.
- Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. Ч.1.
- Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. №1. С.111-116.
- Димитров Б. България в средновековата морска картография XIV-XVII вв. София: Наука и изкуство, 1984.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII-XIV вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М.-Л.: Ин-т истории АН СССР, 1953.
- Кёшпен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1837.
- Кравченко Е.А. Таври і Херсонес // Древняя и средневековая Таврика / Археологический альманах. №22. Донецк: Донбасс, 2010. С. 54-60.
- Кулаковский Ю.А. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев: Изд-во Университета св. Владимира, 1899.
- Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: тип. при особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823.
- Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996.
- Мурзакевич Н.М. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837. 91 с.
- Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.
- Нафасов Т. Азиатско-Поволжский ойконимический ареал балик-балык // Ономастика Поволжья. Ч. 2. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 89-90.
- Никитин А. Хожение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в средние века. М.: Эксмо, 2009.
- [Потоцкий Я.] Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник. СПб.: тип. Иванова, 1850. С. 11-77.
- Раевский Д.С. О местонахождении древнегреческого Евпатория // ВДИ. №3. 1968. С.127-133.
- Сарновски Т., Савеля О. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава: Святотит, Музеум истории польски, 2000.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т.2. М.: Наука, 1978.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского; Под общей ред. С.Л. Утченко; Ред. пер. О.О. Крюгер. М.: Наука, 1964 (репринтное воспроизведение: М.: Ладомир, 1994).
- Тунманн [И.Э.] Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1787 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Прим., предисл. и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь: Таврия, 1991.
- Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII-XVII в. Издание второе. М.: Индикс, 2011.
- Хабибулин А.Н. К вопросу о военно-архитектурных терминах тюрко-татар в средневековье // Известия КГЛСУ. №4 (18), 2011. С.61-68.
- Шапошников А.К. К вопросу об ономастике Таврической Готии // Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода» / Приложение 2. Симферополь: АнтикВА, 2007. С. 284.
- Balard M. La Romanie genoise (XII- debut du XV siècle). In 2 Vol. Genos; Rome: Boccard, 1978.
- Baletto L. Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424-1428) // Università degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistorino. №6. Genova, 2000. P. 53-59.
- Kretschmer K. Die italienischen Portolane des Mittelalters. Berlin: Georg Olms, 1909.
- Kulb Ph. Plinius Secundus Naturges-chichte. Bd.1. Stuttgart: Verlag der J. B. Metzlerschen Buchhandlung, 1840.
- Minns E.N. Scythians and Greks. Cambridge: Cambridge University Press, 1913.
- Motzo B. Compasso da navigare. Cagliari: Università di Cagliari, 1947.
- Nordenskjöld A.E. Periplus. An Essey on the Early History of Charts and Sailing Directions. Stocholm: Landskruna, 1897.
- Periplus Ponti Euxini. Octopobus ad fidem tabularum mss. Bib. Caesareae. Vindobonensis: BC, 1837.
- Sarnowski T., Savelja O.Ja. Das Dolichenun von Balaklava und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // Archeologia. T. 49. 1998. S. 15-54.
- Voies Ocenfnes. Par Mireille Pastoureaux (Cartes marines et grandes decouvertes). Paris: VO, 1992.

References

- Adaksina S.B., Mytz V.L., Ushakov S.V. Nekotorue itogi izuchenija kreposti Chembalo (po materialam archeologicheskikh raskopok 2002-2011 gg.) // Otchet ob archeologicheskikh issledovaniykh srednevekovoy kreposti Chembalo (g.Balaklava) v 2011 g. / Materialu Jgino-Krumskej archeologicheskoy ekspedizii. Vup. X. Sanct-Peterburg-Simferopol: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2012.
- Alekseenko N.A. Vzaimootnoshenia Cruma s Severo-Zapadnum Prichernomoriym v XV v. po numizmaticheskim dannum: moldavskie monetu na territorii genuezskoj kreposti Chembalo // Drevnej Prichernjmorije. Vup.VIII / Pod red. I.V. Nemchenko i dr. Odessa: FOP "Fridman A.S.", 2008.
- Arkaz Z. Opisanie Iraklijskogo poluoostrova i drevnostej ego: Istoria Xersonesa / ZOOID. T.II. 1848.
- Bartold V.V. Sochinenia. T.3. Rabotu po istorii i fililogii tujrkskih i mongolskih narodov. M.: Nauka, 1965.

- Belianskij I.L., Useinov S.M. Slovar oikonimov Kruma // Toponimika Kruma. Sb. Statej pamiati I.L. Belianskogo. Simferopol: Universum, 2010. S. 176-180.
- Brun F.K. Chernomorie: Sbornik issledovanij po istoricheskoi geografii Jgnoj Rossii. Odessa: tipographia G. Ulrich, 1879. Ch.1.
- Vusozkaj T.N. K voprosu o lokalizazii Palakia // VDI. 1983. №1. S. 111-116.
- Dimitrov B. Blgaria v srednovekovnata morskata kartodrafia XIV-XVII vv. Sofia: Nauka i izkuzstvo, 1984.
- Drevneturkskij slovar / Pod. red V.M. Nadeliaeva, D.M. Nasilova, E.R. Tenisheva, A.M. Sherbaka. L.: Nauka, 1969.
- Habibulin A.N. K voprosu o voenno-arhitekturnih terminah turko-tatar v srednovekovie // Izvestia KGLSY. №4 (18). 2011.
- Egorov V.L. Istoricheskaja geografia Zolotoi Ordu XIII-XIV vv. / Otv. red. V.I. Bugarov. Izd.2-e. M.: LIBRO-KOM, 2009.
- Gjebelev S.A. Severnoe Prichernomorie. M.-L.: Institut iatorii AN SSSR, 1953.
- Keppen P.I. Krumskij sbornik. O drevnostiah Jugnogo berega i gor Tavricheskikh. SPb.: tipographia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1837.
- Kravchenko E.A. Tavru i Xersones // Drevnia i srednovekovnaja Tavrika / Arsheologicheskij almanash. №22. Donezk: Donbass, 2010. S. 54-60.
- Kulakovskij G.A. Karta Evropejskoj Carmatii po Ptolemeju. Kiev: Universitet svyatogo Vladimira, 1899.
- Muravjev-Apostol I.M. Puteshestvie po Tavrde v 1820 godu. SPb.: tipographia pri osobennoj kancelarii Ministerstva Vnutrennih Del, 1823.
- Murzaev E.M. Turkskie geograficheskie nazvania. M.: Vostochnaya literatura RAN, 1996.
- Murzakevich N.M. Istoria genuezkikh poselenij v Krumu. Odessa: Gorodskaja tipographia, 1837.
- Mytz V.L. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakt i konflikty. Simferopol: Universum, 2009.
- Nafasov T. Aziatsko-Povoljskij oikonimicheskij areal balik-baluk // Onomastika Povolgia. Ch. 2. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1992.
- Nikitin A. Hogidenie za tri mopi: s prilozheniem opisania puteshestvij drugish kupcov i promushlennih ludej v srednie veka. M.: Eksmo, 2009.
- [Potozkij J.] Zapiska o novom periple Ponta Evksinskogo, sostavlenaja grafom Ivanom Potozkom // Arheologo-numizmaticheskij sbornik SPb.: tipographia Ivanova, 1850.
- Raevskij D.S. O mestonahogidenii drevnegrecheskogo Evpatorija // VDI. №3. 1968. S. 127-133.
- Sarnovski T., Savelja O. Balaklava. Rimskaja voennaja baza i svjatilishe Jpitera Dolihena. Warszawa: Swjatoslaw, Muzeum historii polski, 2000.
- Sevortian E.V. Etimologicheskij slovar turkskikh jzukov. T.2. M.: Nauka, 1978.
- Strabon. Geografia v 17 knigah / Per., st. i komment. G.A. Stratanovskogo; pod red. S.L. Utchenko; Red. per. O.O. Krjger. M.: Nauka, 1964 (reprint: M.: Lodomir, 1994).
- Tunmann [I.E.] Krumskoe hanstvo / Per. s nem. izd. 1787 r. N.L. Ernsta i S.L. Beljavskoj. Prim., predisl. i prilozhenia N.L. Ernsta. Simferopol: Tavria, 1991.
- Fomenko I.K. Obraz mira na snarinnih portolanih. Prichernomorie. Konec XIII-XVII v. Izdanie vtoroe. M.: Indrik, 2011.
- Habibulin A.N. K voprosu o voenno-arhitekturnih terminah turko-tatar v srednevekovie // Izvestia KGLS, №4 (18). 2011.
- Shaposhnikov A.K. K voprosu ob onomastike Tavricheskoi Gotii / Prilozhenie 2 // Mogarichev J.M., Sazanov A.V., Shaposhnikov A.K. Gijtie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kruma "hazarskogo perioda". Simferopol: Antikva, 2007. S. 284.

УДК94(=14:564.3)«191»:[271.222(564.3)+323.13(=14)]

КИПРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ОСТРОВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

THE ORTHODOX CHURCH OF CYPRUS AND THE NATIONAL IDEA OF THE GREEK COMMUNITY OF THE ISLAND BEFORE AND DURING THE FIRST WORLD WAR

К.Ю. Артамонова
K.Y. Artamonova

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина
Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4

V. N. Karazin Kharkiv National University,
4, Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine

E-mail: artkseniur@gmail.com

Аннотация. Новый этап в развитии национальной идеи греков-киприотов под руководством Кипрской православной церкви связан с обострением международной обстановки в канун и в ходе Первой мировой войны. В статье предпринята попытка рассмотреть деятельность кипрского духовенства на пути к достижению энозиса (объединения), а также показать становление Кипрской православной церкви как светской политической силы, отстаивающей интересы своей паствы на Кипре и за его пределами. Автор приходит к выводу, что, несмотря на неудачу церковных иерархов добиться присоединения острова к Греции дипломатическим путем, деятельность церкви на международной арене способствовала укреплению ее роли на Кипре.

Resume. A new stage in the development of the national idea of the Greek Cypriots leading by the Orthodox Church of Cyprus is associated with worsening of the international situation on the eve of and during the First World War. The paper attempts to review the activities of the Cypriot clergy towards enosis, as well as to show the establishment of the Orthodox Church of Cyprus, as a secular political force, defending the interests of its flock in Cyprus and abroad. The author concludes that, despite the failure of Church leaders to achieve accession of the island with Greece through diplomatic channels, the activity of the Church in the international arena contributed to the strengthening of its role in Cyprus.

Ключевые слова: Кипрская православная церковь, национальный вопрос, Великобритания, Греция, балканские войны, Первая мировая война.

Key words: Orthodox Church of Cyprus, national question, United Kingdom, Greece, Balkan wars, First World War.

Проблема национального самоопределения греков Кипра остро стояла со времен провозглашения независимости Греции в 1830 г. Ее решение виделось греческим населением острова в реализации т.н. идеи энозиса – присоединения Кипра к «матери-Греции». Особенностью кипрского постосманского общества была огромная роль Кипрской православной церкви (КПЦ) как среди греческого населения, составлявшего подавляющее большинство, так и в общественно-политической жизни всего острова.

В отечественной историографии национальная идея греков-киприотов рассматривается, прежде всего, в рамках борьбы за независимость зарождающегося кипрского государства во второй половине XX в., а роль КПЦ сводится к анализу деятельности Архиепископа Макариоса III¹. Остаются без внимания причины, приведшие к лидирующей позиции кипрского духовенства в национально-освободительной борьбе греков-киприотов. Одним из важнейших эпизодов этой борьбы стало требование энозиса не только в рамках взаимоотношений КПЦ и британской администрации, но и выход проблемы на международный уровень, чему способствовали события накануне и в период Первой мировой войны. Данная проблема рассматривалась кипрскими историками², однако, на наш взгляд, тотальное присутствие церк-

¹ Подробнее см.: Анатольев Г. Л., Орлов В. П. Проблема Кипра. М., 1959; Леонидов С. М. Кипр в борьбе за независимость. М., 1963; Анисимов Л. Н. Проблема Кипра: исторический и международно-правовой аспекты. М., 1986; Бредихин О. Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. Автореф. канд. дис. М., 2006.

² Ευγγεζάκης Β. (Αρχιμανδρίτης Παύλος). Είκοσι μελέται δια της εκκλησίας Κύπρου (4ος έως 20ος αιών). Αθήναι, 1996; Βίττης Α. Ο. Εθνάρχικος ρόλος της Εκκλησίας της Κύπρου // Επιστημονική Ελετηρική Κυπριακή Εταιρεία Ιστορικών Σπουδών. 2003. Νο 6. Σ. 49-79; Παπαδόπουλος Θ. Εθνάρχικος ρόλος της Ορθόδοξου Εκκλησίας. Αρχιεπισκόπου Σωφρονίου βιοτή

ви во всех сферах жизни, характерное для кипрского общества по сегодняшний день, не позволяет кипрским исследователям в полной мере оценить деятельность КПЦ как светского выразителя национальной идеи. Наша задача – комплексно рассмотреть действия кипрского духовенства на пути к энозису, основываясь на материалах архива Министерства иностранных дел Греции и Архиепископии КПЦ, и осветить светский аспект в деятельности церкви.

К началу XX в. Кипрская церковь пережила череду кризисов, связанных с проблемой выборов нового Архиепископа Кипра. Итогом борьбы митрополитов Китионского и Керинийского за престол Архиепископа стал внутривосточный конфликт на острове, окончательно расколовший греко-кипрское общество на сторонников «умеренного» и «бескомпромиссного» достижения энозиса¹. Разрешить церковно-политический кризис удалось лишь при вмешательстве британской администрации путем принятия в 1908 г. светского закона об избрании главы КПЦ.

С разрешением конфликта перед кипрским обществом вновь остро встала проблема нерешенности национального вопроса. Избрание в 1909 г. Кирилла Пападопулоса Архиепископом означало победу части кипрской элиты, решительно настроенной на достижение энозиса. Несмотря на различия во взглядах на метод его осуществления, сам факт необходимости присоединения Кипра к Греции не оспаривался никем в греко-кипрском обществе.

В 1911 г. состоялась очередная перепись населения, согласно которой на острове проживало 274 108 жителей, из которых 214 480 были греками². Таким образом, турецкая община, оставшаяся в меньшинстве, не могла активно влиять на греческое национальное движение, развернувшееся с необычайной интенсивностью.

Условным примирением двух лагерей политических элит острова стало создание 12 апреля 1912 г. политического объединения греков-киприотов – Кипрской политической организации (Кипри-аки политики органоси). Согласно ее резолюции от 1 мая 1912 г., «греческий народ Кипра образовал организацию для законного осуществления политической борьбы»³. Резолюция утвердила структуру организации: Центральный комитет (управляющий орган), а также городские⁴ и сельские комитеты. Членами Центрального комитета стали Архиепископ Кипра, митрополиты Пафский, Китионский, Керинийский, игумен Киккского монастыря и 9 греческих депутатов Законодательного совета. Городские и сельские комитеты охватывали все греческое население острова. 11 городских комитетов были созданы в крупных населенных пунктах: Никосии, Фамагусте, Ларнаке, Лимасоле, Пафосе, Керинии, Морфу, Лефконики, Ялусе, Ано Лефкаре, Килани, – их члены выбирались на общих городских собраниях. Каждое село также создавало свой комитет, в который избирало от 3 до 9 членов, из сельских учителей, духовенства и жителей⁵. В документе также определялась иерархичность организации, при которой сельские комитеты подчинялись городским, а последние, в свою очередь, Центральному комитету. Председателем Центрального комитета был Архиепископ Кипрский, а в случае отсутствия его замещал один из митрополитов⁶. Центральный орган выбирал из своих членов двух секретарей и главного кассира, ведавшего общей казной организации, средства которой шли на финансирование борьбы за энозис. Центральный комитет заседал по приглашению Архиепископа Кипра в Архиепископии, городские и сельские комитеты заседали, как минимум, раз в месяц с целью изучения ситуации и обмена мнениями по поводу главной цели организации; результаты заседаний сообщались в Центральный комитет. Предполагалось также создание филиалов «Кипрской политической организации» и за пределами острова⁷.

Набирающее силу политическое движение за энозис совпало с началом Балканских войн, в которых одним из главных акторов была Греция. Несмотря на официальное провозглашение Верховным комиссаром Кипра нейтралитета острова в Балканских войнах 1912-1913 гг., кипрские волонтеры принимали активное участие в боях в составе греческой армии.

С началом Первой балканской войны КПЦ высказывала всяческую поддержку Афинам. 11 октября 1912 г. Архиепископ Кирилл II издал циркуляр, в котором говорилось, что «братья-греки

// Κυπριακή Σπουδαία. 1971. Νο 35. Σ. 116-117; Οικονομίδης Χ. Οι προσφωνήσεις Αρχιεπισκόπου Σωφρόνιου και μητροπολίτη Κιτίου Κυπριανού στον πρώτο άγγλο αρμοστή το 1878, χωρίς αναφορά στο αίτημα της ενώσεως, και κάποια άλλη προσφωνήση με το αίτημα της ενώσεως // Πρακτικά του τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου, Λευκωσία, 1996 / Εταιρεία Κυπριακών Σπουδών. Τ. Γ. Νεότερο τμήμα, Λευκωσία, 2001, Σ. 411-416; Varnava A., Michael M. N. The Archbishops of Cyprus in the Modern Age: The Changing Role of the Archbishop-Ethnarch, their Identities and Politics. Cambridge, 2013.; Κοκκινόφτας Κ. Η Εκκλησία της Κύπρου κατά την Αγγλοκρατία (1878-1960) // Ιστορία των Ελλήνων. Αθήνα, 2006. Τ. 15. Σ. 692-705.

¹ Παυλίδης, Α. Κύριλλος Β' (Παπαδόπουλος, ο από Κιτίου) // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία, 1988. Τ.8. Σ. 125.

² 17th July, 1919. Letter // Archive of the Holy Archbishopric of Cyprus. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. ΒΙΒΛΙΟΝ ΑΖ. Σ. ΑΖ 60.

³ Κανονισμός της Κυπριακής Πολιτικής Οργάνωσης. 1912. Σ.3 // Αρχ. Αρχ. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Β. ΒΙΒΛΙΟΝ Β.

⁴ В резолюции для обозначения комитетов в крупных населенных пунктах использовался термин «Τοπική Ελπιτροπή», что можно перевести как «местные комитеты», т.е. расположенные в определенной местности. Это связано с тем, что как таковым понятием «город» в то время можно было назвать Никосию, Лимасол, Ларнаку, Пафос, Керинию, Фамагусту, – все же остальные перечисленные в резолюции населенные пункты представляли собой незначительные по размеру поселки. Для их обозначения в исследовании будет использоваться термин «городские комитеты» для их отличия от сельских.

⁵ Κανονισμός της Κυπριακής Πολιτικής Οργάνωσης. 1912. Σ.3-4 // Αρχ. Αρχ. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Β. ΒΙΒΛΙΟΝ Β.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

борются за свою свободу против турок, и долг кипрского народа помочь и позаботиться о пострадавших в этой войне»¹. 19 октября 1912 г. в газете «Элефтерия» прозвучал призыв, обращенный к грекам Кипра, помочь «Матери-Греции в ее благословенной войне кровью и деньгами»². Население острова поддерживало Афины в войне не только человеческими ресурсами, но и денежными средствами, которые собирались с членов греческой общины. Британское правительство, по мнению кипрского историка П. Папаполивиу, относилось к этому процессу как к проявлению «афинской пропаганды» на острове в связи с набиравшим силу движением за энозис³.

КПЦ содействовала не только сбору средств среди местного населения, но и сама выделяла значительные суммы для оказания помощи греческому народу. Так, в октябре 1912 г. в первые недели сбора средств, было собрано 2 000 кипрских лир, из которых значительная часть была предоставлена православными храмами и монастырями: Архиепископия внесла 200 лир, Архиепископ Кирилл – 100 лир, Киккский монастырь – 300 лир⁴.

Некоторые представители кипрского духовенства принимали непосредственное участие в войне. Так, 17 октября 1912 г. митрополит Китионский Мелетий в качестве главы небольшого кипрского отряда Красного креста отбыл в Афины, где вместе с гражданскими руководителями кипрской миссии Х. Созосом, Э. Хадзианоанну был принят премьер-министром Греции Э. Венизелосом⁵. В Греции митрополит приобрел такую популярность, что в начале 1913 г. при содействии греческого правительства пытался занять место Вселенского Патриарха Иоакима III, умершего в конце 1912 г. Однако его кандидатура на патриарший престол была отвергнута Синодом Константинопольской Патриархии с «канонической точки зрения»⁶.

В разгар Первой балканской войны 6 декабря 1912 г. Архиепископ Кирилл и греческие депутаты Законодательного совета (ЗС) отправили свое обращение к британскому правительству с просьбой о предоставлении права на энозис. От британского правительства пришел лишь ответ, что письмо получено⁷.

18 марта 1913 г. ЗС Кипра проголосовал за осуществление энозиса. Греческий вице-консул сообщал в свое министерство: «Даже многие не депутаты придерживаются мнения, что остров не должен больше молчать... должен быть организован референдум на всем острове за энозис»⁸. В то же время, греческий вице-консул сомневался, что англичане отдадут остров. «Скорее всего – писал он, – Кипр останется британским приобретением»⁹.

23 мая 1913 г. киприоты вновь направляют в Лондон прошение о предоставлении энозиса, на которое получили ответ, что никаких изменений на Кипре в пользу присоединения к Греции быть не может¹⁰.

В это время Архиепископ Кирилл II начинает терять свою популярность. П. Папаполивиу полагает, что с занятием архиепископского трона Кирилл II начал играть второстепенную роль в политической жизни острова, растеряв многих своих искренних приверженцев¹¹. Связано это было с тем, что Кирилл был представителем старой церковной верхушки Кипрской церкви, выросшей в системе османно-фанариотского владычества и руководившей островом в переходный период от османского к британскому правлению. Особенно отчетливо это стало заметно после избрания митрополитом Китионским Мелетия Метаксакиса¹², представлявшего новую генерацию духовных иерархов XX в. и ставшего, по мнению П. Папаполивиу, образцом «идеального кипрского этнарха»¹³. Архиепископа же больше волновали экономические интересы престола. На его фоне митрополит Мелетий, непосредственно принимавший участие в Балканских войнах, стал для киприотов более притягательной фигурой в качестве лидера объединительного движения. 20 июля 1913 г. митрополит Китионский снова отправился в Афины во главе большого отряда кипрских волонтеров, чтобы принять участие во Второй балканской войне. Однако на этот раз его явные успехи в Афинах и активное участие в политической жизни

¹ Παπαπολυβίου Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 78.

² Ελευθερία. 19 Οκτωβρίου 1912.

³ Παπαπολυβίου Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 115.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 196-197.

⁶ Фотий Триадицкий. Роковой шаг по пути к отступлению: о «Всеправославном конгрессе» в Константинополе // Церковные ведомости. URL: http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=407

⁷ 1 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.Ε.Ε, 1913, Φ. 13/3.

⁸ 15 Μαΐου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.Ε.Ε, 1913, Φ. 13/3.

⁹ 15 Μαΐου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.Ε.Ε, 1913, Φ. 13/3.

¹⁰ 1 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.Ε.Ε, 1913, Φ. 13/3.

¹¹ Παπαπολυβίου Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 120.

¹² Мелетий Метаксакис после своего избрания на митрополичью кафедру Китиона в 1910 г. организовал первую Всекипрскую духовную семинарию для обучения православного духовенства, чем вызвал недовольство Архиепископа, а также был инициатором выпуска газеты «Εκκλησιαστικός Кирикας» («Церковный проповедник»).

¹³ Παπαπολυβίου, Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 121.

Вселенской церкви стали поводом к недоверию со стороны киприотов, вызванного начавшимися экономическими проблемами в Китионской епархии¹.

Участие греков-киприотов в Балканских войнах, благоприятный их исход для Греции, – все это стало поводом для подъема патриотического духа на острове и распространения иллюзорных надежд на приближающийся энозис. С одной стороны, для киприотов Балканские войны стали выходом из затянувшегося внутривосточного кризиса, с другой, освобождение г. Салоники и части северных островов вывело Грецию в лидеры Восточного Средиземноморья того времени, а это позволило киприотам полагать, что вопрос о присоединении Кипра к Греции уже решен².

Позиция самой Греции, ослабленной войнами, в отношении Кипра не была столь уверенной. Так, 1 октября 1913 г. вице-консул рапортовал в МИД Греции, что на заседании греческой фракции ЗС под председательством Архиепископа до сведения депутатов было доведено мнение Его Величества Короля Греции, что данный момент не лучшее время для обсуждения кипрского вопроса и проведения общественных мероприятий, призывающих к объединению с Грецией, так как у самой Греции сейчас много проблем³. На заседании было принято решение прислушаться к просьбе греческого правительства. Однако, как писал вице-консул, многочисленная кипрская пресса не придерживалась этого решения, а наоборот, усиливала агитацию за энозис; при этом любой, кто его не поддерживал, обвинялся в антипатриотизме⁴. В продолжение этой темы в письме от 24 октября вице-консул сообщал, что Архиепископ поддержал правительство Греции в его намерении не торопить решение кипрского вопроса, а главный редактор газеты «Неон Етнос», наоборот, способствовал «разжиганию» энозиса⁵. В то же время, критикуя редактора за излишнюю пропаганду энозиса, греческий дипломат назвал его «хорошим патриотом»⁶.

21 мая 1914 г. киприоты вновь направляют королю Англии Георгу IV прошение предоставить право на энозис: «Не пренебреги, Государь, законом веков, будучи одной частью Греческого племени с благодарностью Великой Британии выражаем свое желание жить вместе с единокровным Греческим Государством»⁷.

Начало Первой мировой войны предоставило прекрасную возможность англичанам закрепиться на Кипре. Турция, подписав 2 августа 1914 г. союзный договор с Германией, фактически вступила в войну против Великобритании. Пользуясь этим, Лондон, заявив о несоблюдении положений конвенции 1878 г., 5 ноября 1914 г. в одностороннем порядке объявил об аннексии Кипра⁸. Кипрская церковь восприняла эту новость с большим энтузиазмом, полагая, что Великобритания как «лучший пример современного культурного государства» поможет им окончательно освободиться от «османских оков». В письмах, направленных Кириллом II Верховному комиссару Кипра Г. Гулд-Адамсу, подчеркивалось, что новый политический режим рассматривался киприотами как промежуточный этап на пути к конечной цели – объединению Кипра с Грецией⁹. По мнению кипрского исследователя А. Павлидиса, часть кипрской интеллигенции была не согласна с мнением Архиепископа, считая, что Великобритания не имеет права принимать решение о судьбе кипрского народа¹⁰.

В 1915 г., в разгар Первой мировой войны, Великобритания делает Греции секретное предложение вступить в войну на стороне стран Антанты в обмен на Кипр. Получив огласку на острове, данное предложение повлекло за собой ответную реакцию киприотов. 8 ноября 1915 г. депутаты ЗС во главе с Архиепископом Кипра Кириллом II направили письмо министру колоний Великобритании. «Данное письмо, – отмечали они, – выражает настроение кипрского народа в важный для него исторический момент... Предложение правительства (Великобритании – К. А.) соответствует желанию кипрского народа быть свободными и отражает его национальную борьбу»¹¹. Копия письма была передана греческому правительству.

Однако столь желаемое предложение для Афин пришлось на период раскола в правящих кругах страны по вопросу о вступлении Греции в войну. Разногласия между премьер-министром Э. Венизелосом и королем Константином I привели к отставке премьер-министра. Для правительства А. Заимиса, сменившего 7 октября 1915 г. на этом посту Э. Венизелоса, Кипр не был приоритетным направлением внешней политики. Афины отклонили предложение Лондона, заявив, что отказ от нейтралитета в обмен на территориальное приобретение не соответствует национальным интересам страны. Несмотря на решение греческого правительства, Кипрская церковь и местная

¹ Там же. С. 201.

² Там же. С. 221.

³ 1 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

⁴ 1 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

⁵ 24 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

⁶ 24 Οκτωβρίου 1913. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1913, Φ. 13/3.

⁷ 21 Μαΐου 1914. Προς την Αυτὸν Μεγαλειότητα τον Βασιλέα της Αγγλίας και Αυτοκράτορα των Ινδίων Γεωργίον τον Ε' // Αρχ. Αρχ. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Β'. ΒΙΒΛΙΟΝ Β. Σ. Δ 202.

⁸ Unilateral annexation of Cyprus, 5 November 1914 // The Cyprus issue. A documentary history, 1878-2007. London-New York, 2007. P. 5-6.

⁹ Παυλίδης Α. Κύριλλος Β' (Παπαδόπουλος, ο από Κιτίου) // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία. 1988. Τ.8. Σ. 126.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ 8 Νοέμβρη 1915. Επιστολή // Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1915, Φ. ΑΑΚ 23.

интеллигенция восприняла этот шаг лишь как временное отступление от курса на энозис и продолжили активно добиваться от британских властей объединения с Грецией.

Политическая жизнь Кипра, будучи тесно связанной с Афинами, также подверглась влиянию «национальной схизмы». Искренним приверженцем политики премьер-министра Э. Венизелоса среди киприотов был митрополит Китионский Мелетий. Многие связывали это с тем, что, во-первых, он был выходцем с острова Крит и имел греческое подданство, во-вторых, во время Балканских войн у него завязались тесные отношения с греческим премьером. После свержения Временным правительством Константина I 24 ноября 1916 г. митрополит даже перестал упоминать имя греческого короля в своих молитвах¹. Сторонники же короля объединились вокруг видного общественно-политического деятеля Ф. Заннетоса.

В 1916 г. умирает Архиепископ Кирилл II Пападопулос. Противостояние сторонников греческого короля и премьер-министра достигло апогея в ходе выборов нового Архиепископа Кипра. «Партия Венизелоса» решительно поддерживала митрополита Китиона Метаксакиса, а «королевская» – Архимандрита Макария. Оба кандидата получили широкое признание и поддержку народа. Я. Катсуридис описывал борьбу двух партий на страницах кипрской прессы: в частности, сторонники Мелетия в газете «Элефтерия» обвинили приверженцев Макария в том, что они во время поездок по деревням попрекали митрополита Мелетия иностранным подданством. «Королевская партия» на страницах «Неон Этнон» отвечала, что действия митрополита Метаксакиса не направлены на удовлетворение требований своей паствы и обвинили его в высокомерии, отметив, что его деятельность как лидера «партии Венизелоса» на Кипре вредит национальной идее². По мнению В. Енглезакиса, митрополит Китионский Мелетий боялся вмешательства английской администрации и греческих депутатов ЗС в решение национального вопроса, что могло лишить церковь политического лидерства³.

В конце ноября 1916 г., согласно новому уставу КПЦ, на острове прошли выборы Архиепископа Кипра, в ходе которых был избран митрополит Керинии Кирилл Василиос, занявший престол под именем Кирилла III. Кандидатура Кирилла была оптимальным решением в условиях политического противостояния, вдобавок Метаксакис снял свою кандидатуру лишь в последний момент⁴.

Новый спор по поводу архиепископского трона еще раз продемонстрировал, что за противостоянием в церковных институтах скрывалась борьба за власть в греко-кипрской общине, и в частности, насколько глубоко воспринималась роль этнарха в греко-кипрском обществе⁵. Следует сказать, что политическое деление греческой общины острова на сторонников греческого короля и премьер-министра было прямым отголоском кипрского церковно-политического кризиса 1900 – 1909 гг., характеризовавшегося различными подходами к энозису.

С возвращением Э. Венизелоса на пост премьер-министра Греции в 1916 г. у киприотов вновь появилась надежда на энозис. В 1917 г. премьер находился с визитом в Лондоне, где, среди прочих, поднимал вопрос и о Кипре. Однако 2 июля 1917 г., когда Греция вступила в войну, английское предложение получить Кипр уже было отозвано.

В период военных конфликтов на Балканах деятельность Кипрской политической организации практически сошла на нет. 25 ноября 1917 г. Архиепископ созвал Национальное собрание, участие в котором приняли иерархи КПЦ, депутаты ЗС и кипрская интеллигенция, вновь проголозовавшие за энозис. Некоторые представители интеллигенции, например, Ф. Заннетос, отрицательно относились к инициативам Архиепископа Кирилла, полагая, что борьба за национальную свободу Кипра – это дело депутатов, а не духовенства⁶.

Таким образом, КПЦ в условиях обострения международной ситуации усилила борьбу за энозис. Однако ее сдерживало противостояние внутри КПЦ. На политической арене Кирилла II начал теснить митрополит Китионский Мелетий, которого Афины воспринимали как более перспективного лидера национального движения. В 1915 г. Афины упустили реальный шанс получить

¹ Κατσουρίδης, Γ. Ν. Το Κομματικό Σύστημα στην Κύπρο 1878-1931: Συγκρότηση και Ιδιομορφίες. Διδακτορική διατριβή. Λευκωσία, 2009. Σ.303.

² Там же. С. 306.

³ Εγγλεζάκης Β. (Αρχιμανδρίτου Πάυλου). Είκοσι μετέτα δια της εκκλησίας Κύπρου (4ος έως 20ος αιώνα). Αθήνα, 1996. Σ. 581.

⁴ В 1916 г. Митрополит Мелетий Метаксакис после неудачной попытки занять место Архиепископа Кипрского переезжает в Грецию, где в 1918 г. становится Архиепископом Афинским и всей Элады. Его активная политическая позиция позволила ему в 1921 г. все-таки занять престол Константинопольского Патриарха, а в 1926 г. стать Папой и Патриархом Александрийским и всей Африки. Он также пытался избираться на трон Иерусалимского Патриарха. Его деятельность по-разному оценивалась в православном мире и часто вызывала неодобрение церковной верхушки. Так, епископ неканонической Болгарской православной старостильной церкви Фотий Триадицкий, цитируя митрополита Керкиры Мефодия, писал о Метаксакисе: «Беглец со святых мест, из Китиона, из Афин, из Константинополя, Мелетий Метаксакис – непостоянный и неспокойный властолюбивый дух, злой демон не поленился и из Александрии навязаться в своем стремлении занять Иерусалимский патриарший престол». (Фотий Триадицкий. Роковой шаг по пути к отступлению: о «Всеpravославном конгрессе» в Константинополе // Церковные ведомости. URL: http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=407)

⁵ Κατσουρίδης, Γ. Ν. Το Κομματικό Σύστημα στην Κύπρο 1878-1931: Συγκρότηση και Ιδιομορφίες. Διδακτορική διατριβή. Λευκωσία, 2009. Σ.306-307.

⁶ Κατσουρίδης Γ. Ν. Το Κομματικό Σύστημα στην Κύπρο 1878-1931: Συγκρότηση και Ιδιομορφίες. Διδακτορική διατριβή. Λευκωσία, 2009. Σ. 308.

Кипр. Теперь у КПЦ оставалась возможность добиться энозиса лишь в рамках международных конференций по обустройству послевоенного мира.

Вскоре после окончания Первой мировой войны, 5 декабря 1918 г., Архиепископ во главе кипрской делегации отправился в Лондон, чтобы передать британскому правительству просьбу кипрских депутатов решить дальнейшую судьбу острова в пользу воссоединения с Грецией. Главной задачей греко-кипрской делегации было успеть решить этот вопрос до подписания мирного договора с Турцией.

Кипрская пресса широко освещала пребывание Архиепископа Кирилла III в Лондоне, в частности, его встречу с Архиепископом Кентерберийским, на которой два архиепископа обсуждали «тонкости кипрского вопроса»¹.

В письме от 19 февраля 1919 г. представитель греческого периодического издания за рубежом «Le Journal des Hellenes», издававшегося в Женеве, писал некому мистеру Скотту из британского издания «Manchester Guardian», сообщая ему о своей встрече с Архиепископом Кипрским и кипрской миссией в Лондоне. Автор письма описывал героическую историю греков Кипра и их борьбу за свою свободу и просил «Manchester Guardian» отдать свой голос за присоединении Кипра к Греции, поскольку издание «всегда было на стороне греческих дел»². Однако в письме к кипрской миссии в Лондоне от 18 марта 1919 г. он же сообщал, что, несмотря на его старания и просьбы к мистеру Скотту, ответа от него он так и не получил³.

5 марта 1919 г. кипрская делегация в Лондоне опубликовала «Воззвание киприотов к британской нации», в котором излагались основные цели кипрской миссии: «Мы, нижеподписавшиеся, Архиепископ Кипрский и президент Священного Синода Автокефальной Кипрской церкви, и представители греческого народа острова в Законодательном совете представляем кипрское посольство в эту страну, с глубоким уважением адресуем британской нации это обращение, надеясь, что оно будет должным образом оценено, а также тщательно рассмотрено. Будучи законными представителями Церкви и четырех пятых всего населения острова, мы приехали в Метрополию Империи, чтобы представить свою почтительность и лояльность к желанию и стремлению нашей родной страны к воссоединению с Греческим королевством, с которым мы тесно связаны кровью, языком, историей, древними традициями, обычаями, привычками, национальным характером и сознанием»⁴.

Кипрская делегация была настойчива в своем решении добиться от Великобритании объединения с Грецией и не была готова воспринимать другие формы реформирования британской власти на острове. «Нашим долгом, – отмечалось в воззвании, – является объявить публично самым лояльным и уважительным способом, что объединение (с Грецией – К. А.) – это устойчивое желание греков-киприотов, и не может быть заменено другим решением, даже в форме автономного правительства или материального прогресса под руководством иностранной администрации»⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что КПЦ полностью отождествляла себя с народом Кипра, заявляя о себе как о политическом представителе греческого народа, как в пределах острова, так и на международной арене. «Наш долг заявить, что в случае, если эти принципы (самоопределения – К. А.) не будут учтены на Кипре, данное упущение приведет к большому недовольству, горю и разочарованию Церкви и кипрского народа»⁶.

«Адресуя это воззвание к вам, – продолжали авторы обращения, – мы желаем заявить, что имеем полное и безоговорочное доверие к британской нации, ее традициям, ее принципам и ее правосознанию. Кипрская церковь и ее соотечественники уверены, что в руках вашей великодушной нации, которая в течение 5 лет вела войну за свободу мира и свержение деспотической власти, вопрос о национальной свободе получит достойное решение в лучших британских традициях ... мы берем на себя ответственность заявить, что никакая часть этого мира не является более подходящей и достойной, где эти принципы должны быть применены, чем наш остров, греческое население которого справедливо требует объединения с Родиной»⁷.

Данное обращение имело огромное значение, так как впервые национальная идея греческого населения Кипра открыто прозвучала за пределами острова. Все же кипрское посольство не форсировало события и выжидало время, чтобы представить свое воззвание в британский парламент. Следует сказать, что и сам Архиепископ Кирилл, придерживаясь умеренной политики в вопросе энозиса, в ходе переговоров порой сомневался в правильности столь настойчивого требования политического объединения Кипра с Грецией, о чем писали некоторые представители кипрской делегации в Лондоне⁸.

В апреле 1919 г. из Лондона стали поступать радостные вести о том, что проблема «почти решена». Так, газета «Киприака Неа» сообщала, что 9 апреля из Лондона пришла телеграмма: «Есть уверенность в том, что кипрский вопрос будет решен, несмотря на многочисленные препят-

¹ Εφημερίδες // Αρχ. Αρχ. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. ΒΙΒΛΙΟΝ ΑΖ. Σ. ΑΖ. 12.

² 21st February, 1919. Letter // Archive of the Holy Archbishopric of Cyprus. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. ΒΙΒΛΙΟΝ ΑΖ. Σ. ΑΖ. 15.

³ 18 Μαρτίου 1919 // Αρχ. Αρχ. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. ΒΙΒΛΙΟΝ ΑΖ. Σ. ΑΖ. 21.

⁴ 5th March, 1919 // Archive of the Holy Archbishopric of Cyprus. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. ΒΙΒΛΙΟΝ ΑΖ. Σ. ΑΖ. 23.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ 26 Οκτωβρίου 1920. Σημείωμα / Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1920, Φ.6.1.

ствия, и потому что так обещал Ллойд Джордж Венизелосу... нужно лишь подождать немного, так как урегулирование кипрского вопроса последует сразу после решения главных проблем»¹.

17 июля 1919 г. кипрская делегация, полагая, что настал подходящий момент для осуществления энозиса, официально отправляет свой запрос в Палату общин Великобритании. Основываясь на положениях, высказанных Архиепископом и членами делегации от лица кипрского народа в «Воззвании к британской нации» от 5 марта, киприоты просили удовлетворить желание основной массы населения «не предоставить автономии, или найти другой вариант решения, а просто разрешить объединение с Грецией»². Мусульманскому меньшинству на острове греческая делегация соглашалась предоставить все гарантии и права на самоопределение, а интересы Великобритании на острове могли быть с легкостью улажены двусторонними договорами с Грецией³.

11 августа 1919 г. Архиепископ получил телеграмму от иерархов КПЦ и членов ЗС, в которой говорилось, что кипрский народ с нетерпением ждал решения Его Величества⁴.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос не исключал возможности присоединения Кипра к Греции, однако в тот момент все же отдавал предпочтение более важным для его страны вопросам. После Первой мировой войны позиция Э. Венизелоса по кипрской проблеме стала более умеренной. Он полагал, что присоединение Кипра может быть достигнуто постепенно, путем конституционных уступок. По мнению А. Павлидиса, премьер-министр теперь был убежден, что кипрская проблема должна решаться между Англией и Кипром при «нейтралитете» и невмешательстве Греции⁵. В свою очередь, отстраненный от трона Константин I абсолютно нейтрально относился к судьбе Кипра. Кипрская делегация, осознав такую позицию греческой стороны, решила действовать самостоятельно, вследствие чего в августе 1919 г. отбыла из Лондона на Парижскую мирную конференцию, чтобы представить кипрский проект широкой общественности. 19 декабря 1919 г. в письме на родину церковные иерархи сообщали, что, несмотря на возникшие препятствия, Кипр будет требовать «только объединения с Грецией, и ничего кроме объединения мы не примем»⁶.

Действия Архиепископа на Парижской мирной конференции не возымели успеха. Кипрский вопрос воспринимался как сугубо британская проблема, поэтому было заявлено, что ни о каком международном урегулировании национального желания греков-киприотов речь идти не может. В августе 1920 г. Э. Венизелос лично сообщил Кириллу III о решении Лондона не уступать остров Греции. В середине сентября часть греческого посольства с неутешительными результатами вернулась на Кипр. 26 октября 1920 г. министерство по делам колоний официально объявило о решении оставить Кипр под британским управлением⁷.

Таким образом, идея национального самоопределения под руководством КПЦ в первые десятилетия XX в. была центральной темой политической жизни острова. При этом «османофанариотская» консервативная суть КПЦ не позволила ей действовать радикальными методами в достижении энозиса. Обострение международной ситуации на Балканах объективно сыграло против киприотов и не позволило им добиться своей цели дипломатическим путем. Не благоприятствовала этому и международная обстановка после завершения Первой мировой войны, поскольку кипрская проблема была признана внутренним делом Великобритании, а не международного сообщества. В то же время, легитимизация британской администрацией КПЦ как светской власти на острове способствовала структуризации национально-освободительного движения, а выход КПЦ на международную политическую арену имел огромное значение для ее внутреннего развития как политической структуры.

Список сокращений

Арх. Арх. Κύπρου - Αρχείο Αρχιεπισκοπής Κύπρου (Архив Архиепископии Кипрской православной церкви)
Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ - Υπηρεσία Διπλωματικού και Ιστορικού Αρχείου Υπουργείου Εξωτερικών της Ελλάδας (Департамент дипломатического и исторического архива Министерства иностранных дел Греции).

Библиография

- Анатольев Г. Л., Орлов В. П. Проблема Кипра. М.: Знамя, 1959.
 Анисимов Л. Н. Проблема Кипра: исторический и международно-правовой аспекты. М.: Международные отношения, 1986.
 Бредихин О. Н. Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития. Автореф. канд. дис. М., 2006.

¹ Κυπριακά Νέα. 10 Μαΐου 1919.

² 17th July, 1919. Letter // Archive of the Holy Archbishopric of Cyprus. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. BIBAION AZ. Σ. AZ 60.

³ Там же.

⁴ 11 August, 1919. Telegram // Archive of the Holy Archbishopric of Cyprus. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. BIBAION AZ. Σ. AZ 102.

⁵ Παυλίδης Α. Βενιζέλος Ελευθέριος // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία: 1985. Τ.3. Σ. 218-219.

⁶ 19 Δεκεμβρίου 1919 // Αρχ. Арх. Κύπρου. Αρχείο Αρχιεπισκόπου Κυρίλλου Γ. BIBAION AZ. Σ. AZ 130.

⁷ Υ.Δ.Ι.Α ΥΠ.ΕΞ, 1920, Φ. 6.1.

Λεονίδωβ Σ. Μ. Κίπρ в борбѣ за независимость. Μ.: Издательство Института международных отношений, 1963.

Φωτίη Τριαδική. Ροκωβή шаг по пути к отступлению: о «Все православном конгрессе» в Константинополе // Церковные ведомости. URL: http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=407

Unilateral annexation of Cyprus, 5 November 1914 // The Cyprus issue. A documentary history, 1878-2007. London-New York, 2007. P. 5-6.

Varnava A., Michael M. N. The Archbishops of Cyprus in the Modern Age: The Changing Role of the Archbishop-Ethnarch, their Identities and Politics. Cambridge, 2013.

Βίττης Α. Ο. Εθναρχικός ρόλος της Εκκλησίας της Κύπρου // Επιστημονική Ελετηρική Κυπριακή Εταιρεία Ιστορικών Σπουδών. 2003. Νο 6. Σ. 49-79.

Εγγλεζάκης Β. (Αρχιμανδρίτου Πάυλου). Είκοσι μελέται δια της εκκλησίαν Κύπρου (4ος εως 20ος αιώνα). Αθήναι, 1996.

Ελευθερία. – 19 Οκτωβρίου 1912.

Κατσουρίδης Γ. Ν. Το Κομματικό Σύστημα στην Κύπρο 1878-1931: Συγκρότηση και Ιδιομορφίες. Διδακτορική διατριβή. Λευκωσία, 2009. Σ. 303-308.

Κοκκινόφτας Κ. Η. Εκκλησία της Κύπρου κατά την Αγγλοκρατία (1878-1960) // Ιστορία των Ελλήνων. Αθήνα, 2006. Τ. 15. Σ. 692-705.

Κυπριακά Νέα. – 10 Μαΐου 1919.

Οικονομίδης Χ. Οι προσφωνήσεις Αρχιεπισκόπου Σωφρόνιου και μητροπολίτη Κιτίου Κυπριανού στον πρώτο άγγλο αρμοστή το 1878, χωρίς αναφορά στο αίτημα της ενώσεως, και κάποια άλλη προσφώνηση με το αίτημα της ενώσεως // Πρακτικά του τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου, Λευκωσία, 1996 / Εταιρεία Κυπριακών Σπουδών. Τ. Γ. Νεότερο τμήμα, Λευκωσία, 2001, Σ. 411-416.

Παπαδόπουλος Θ. Εθναρχικός ρόλος της Ορθοδόξου Εκκλησίας. Αρχιεπισκόπου Σωφρόνιου βιοτή // Κυπριακά Σπουδαί. 1971. Νο 35. Σ. 116-117.

Παπαπολυβίου Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997.

Παυλίδης Α. Βενιζέλος Ελευθέριος // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία: 1985. Τ.3. Σ. 218-219.

Παυλίδης Α. Κύριλλος Β' (Παπαδόπουλος, ο από Κιτίου) // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία. 1988. Τ.8. Σ. 120-126.

References

Anatol'ev G. L., Orlov V. P. Problema Kipra. M.: Znamia, 1959.

Anisimov L. N. Problema Kipra: istoricheskij i mezhdunarodno-pravovoj aspekty. M.: Mezhdunarodnye otnoshenia, 1986.

Bredihin O. N. Kiprskij konflikt: genezis i osnovnye ehtapy razvitiya. Avtoref. kand. dis. M., 2006.

Fotij Triadickij. Rokovoj shag po puti k otstupleniyu: o «Vsepravoslavnom kongresse» v Konstantinopole // Cerkovnye vedomosti. URL: http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=407

Leonidov S. M. Kipr v bor'be za nezavisimost'. M.: Izdatel'stvo Instituta Mezhdunarodnyx otnoshenij, 1963.

Unilateral annexation of Cyprus, 5 November 1914 // The Cyprus issue. A documentary history, 1878-2007. London-New York, 2007. P. 5-6.

Varnava A., Michael M. N. The Archbishops of Cyprus in the Modern Age: The Changing Role of the Archbishop-Ethnarch, their Identities and Politics. Cambridge, 2013.

Βίττης Α. Ο. Εθναρχικός ρόλος της Εκκλησίας της Κύπρου // Επιστημονική Ελετηρική Κυπριακή Εταιρεία Ιστορικών Σπουδών. 2003. Νο 6. Σ. 49-79.

Εγγλεζάκης Β. (Αρχιμανδρίτου Πάυλου). Είκοσι μελέται δια της εκκλησίαν Κύπρου (4ος εως 20ος αιώνα). Αθήναι, 1996.

Ελευθερία. – 19 Οκτωβρίου 1912.

Κατσουρίδης Γ. Ν. Το Κομματικό Σύστημα στην Κύπρο 1878-1931: Συγκρότηση και Ιδιομορφίες. Διδακτορική διατριβή. Λευκωσία, 2009. Σ. 303-308.

Κοκκινόφτας Κ. Η. Εκκλησία της Κύπρου κατά την Αγγλοκρατία (1878-1960) // Ιστορία των Ελλήνων. Αθήνα, 2006. Τ. 15. Σ. 692-705.

Κυπριακά Νέα. – 10 Μαΐου 1919.

Οικονομίδης Χ. Οι προσφωνήσεις Αρχιεπισκόπου Σωφρόνιου και μητροπολίτη Κιτίου Κυπριανού στον πρώτο άγγλο αρμοστή το 1878, χωρίς αναφορά στο αίτημα της ενώσεως, και κάποια άλλη προσφώνηση με το αίτημα της ενώσεως // Πρακτικά του τρίτου Διεθνούς Κυπριολογικού Συνεδρίου, Λευκωσία, 1996 / Εταιρεία Κυπριακών Σπουδών. Τ. Γ. Νεότερο τμήμα, Λευκωσία, 2001, Σ. 411-416.

Παπαδόπουλος Θ. Εθναρχικός ρόλος της Ορθοδόξου Εκκλησίας. Αρχιεπισκόπου Σωφρόνιου βιοτή // Κυπριακά Σπουδαί. 1971. Νο 35. Σ. 116-117.

Παπαπολυβίου Π. Η. Κύπρος και οι βαλκανικοί πόλεμοι: συμβολή στην ιστορία του κυπριακού εθελοντισμού. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 1997.

Παυλίδης Α. Βενιζέλος Ελευθέριος // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία: 1985. Τ.3. Σ. 218-219.

Παυλίδης Α. Κύριλλος Β' (Παπαδόπουλος, ο από Κιτίου) // Μεγάλη κυπριακή εγκυκλοπαίδεια, Λευκωσία. 1988. Τ.8. Σ. 120-126.

УДК 327 (73:[540+549.1]) «196»

ОТ ПЕРЕГОВОРОВ К ЭМБАРГО: К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ США НАКАНУНЕ ИНДО-ПАКИСТАНСКОЙ ВОЙНЫ 1965 ГОДА

FROM TALKS TO EMBARGO: U. S. ACTIONS ON THE EVE OF THE 1965 INDIA-PAKISTAN WAR

П.Э. Уллах
P.E. Ullakh

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,
Украина, 61000, г. Харьков, пл. Свободы, 4*

*Kharkov State National University,
4 Svobody Sq., Kharkov, 61000, Ukraine*

E-mail: pavloullah@gmail.com

Аннотация. В сентябре 1965 года в Южной Азии произошла вторая индо-пакистанская война, которая не особенно сильно повлияла на расстановку сил на субконтиненте, однако существенно ухудшила отношения Индии и Пакистана с США. Статья посвящена рассмотрению периода, предшествовавшего войне, и определению причин, по которым США воздержались от активного участия в урегулировании конфликта. До сих пор считается, что США устарились от урегулирования в основном из-за незаинтересованности в проблемах Южной Азии, но многие факты указывают на обратное. Автор прослеживает ключевые действия администрации США в Южной Азии с марта по сентябрь 1965 года и пытается определить, насколько эффективными они оказались.

Resume. The second India-Pakistan war occurred in 1965 in South Asia. That war had a small impact on the balance of power on the subcontinent, but significantly deteriorated India-US and Pakistan-US relations. The article is devoted to the period preceding the war and to the identifying reasons, which caused low-key US participation in conflict settlement. It is still considered, that the US abstained from the settlement because they were not interested in South Asian problems, but many facts prove opposite. The author tracks key actions of the US administration in South Asia from March to September 1965 and tries to determine, how effective they were.

Ключевые слова: Аюб-хан, Кашмир, Консорциум, индо-пакистанская война, эмбарго, переговоры.
Keywords: Ayub Khan, Kashmir, Consortium, India-Pakistan War, embargo, talks.

В сентябре 2015 г. исполнилось 50 лет с момента окончания второй индо-пакистанской войны, юбилей победы в которой пышно отпраздновали в Индии, и о которой каждый год вспоминают в Пакистане¹. Известно, что война была прекращена усилиями ООН, а дальнейшее урегулирование конфликта прошло под эгидой СССР в Ташкенте. Не менее известно и то, что США по отношению к этому конфликту заняли нейтральную позицию и призвали воюющие страны прислушаться к рекомендациям ООН.

Причин для такого поведения у США было, как минимум, две. Во-первых, главным приоритетом для них в то время оставался Вьетнам, и особой заинтересованности в делах Южной Азии они, казалось бы, не проявляли. Во-вторых, за полгода США так испортили свои отношения с Индией и Пакистаном, что любая попытка вмешаться в конфликт могла окончиться плачевно.

Мы ставим своей целью выяснить, почему США рассорились с Индией и Пакистаном, а достичь этой цели нам помогут рассекреченные в 1999 г. документы Госдепартамента США и обнародованные в 2015 г. разведывательные сводки ЦРУ, ежедневно подававшиеся на рассмотрение главы Белого дома².

¹ India celebrates 'victory' in 1965 war with Pakistan. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-india-34083174>; Pakistan marks 50th anniversary of India war amid tensions. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/pakistan-marks-50th/2106364.html>.

² Foreign relations of the United States, 1964–1968 / Ed. by Mallon G., Smith L., Patterson D. Vol. XXV. Department of State Office of the Historian Bureau of Public Affairs. 1999. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25>; The Collection of Presidential Briefing Products from 1961 to 1969. 2015. CIA's Historical Review Program. URL: <http://www.foia.cia.gov/collection/PDBs?page=1>

В середине марта 1965 г. президент Пакистана Аюб-хан посетил КНР, что, невзирая на отсутствие видимых результатов этого визита, вызвало недовольство в США¹. Глава МИД Пакистана Зульфикар Али Бхутто не считал визит провальным, а среди американского руководства такого же мнения придерживался шеф Агентства по международному развитию Дэвид Бэлл². Национальная разведка советовала не спешить с выводами и не осложнять отношений с Пакистаном раньше времени³.

Визит Аюб-хана в КНР встретил неодобрение среди американских конгрессменов, однако пакистанцы, которым намекнули о возможных осложнениях с предоставлением помощи, не восприняли предупреждения всерьез⁴. К примеру, Бхутто в публичных выступлениях продолжал утверждать, что Пакистан может одновременно дружить и с США, и с КНР, а Аюб-хан обвинял США в том, что их военные поставки Индии усиливают ее желание уничтожить Пакистан⁵.

Поведение пакистанцев привело к тому, что 6 апреля президент США Линдон Джонсон передумал приглашать в Вашингтон своего пакистанского коллегу, который должен был прибыть через 20 дней. Джонсон перенес визит Аюб-хана на осень, пояснив это тем, что пакистанский лидер каким-либо неосторожным заявлением мог сорвать рассмотрение Конгрессом закона о предоставлении Пакистану экономической помощи⁶. Подобное объяснение оказалось неудачным – вскоре Белый дом без согласования с Конгрессом увеличил помощь для Индии⁷. Впрочем, приглашение для индийского премьера Лала Бахадура Шастри также было дезавуировано⁸.

Проамерикански настроенный министр финансов Пакистана Мухаммед Шоаиб, регулярно снабжавший американцев кулуарными сведениями из политической жизни своей страны, полагал, что Аюб-хан спокойно воспримет отсрочку, поскольку она касалась и визита Шастри⁹. Джонсон после этого укрепился в правильности выбранного решения и дополнил его аргументом об обострении ситуации во Вьетнаме, предполагавшем полную загруженность главы Белого дома¹⁰.

Побывав в начале апреля в Москве, Аюб-хан был разочарован прохладным приемом на фоне организации приема президента Индии в 1964 г.¹¹ В том случае, если бы США не сопроводили отсрочку визита Аюб-хана отсрочкой визита Шастри, пакистанский лидер мог отреагировать на сообщение о ней не столь умеренно, как он это сделал¹².

В Индии эта привязка, наоборот, сыграла против США. Секретарь индийского премьера Лакшмикант Джа, получивший соответствующее послание, выразил разочарование тем, что американцы связали отсрочку визита Шастри с отсрочкой визита Аюб-хана¹³. Сам Шастри жаловался на то, что Джонсон не дал ему шанса «отменить визит с достоинством» и интересовался, как США намерены налаживать «надломленные отношения»¹⁴. 20 апреля решение об отсрочке визита Шастри было раскритиковано в Лок сабхе¹⁵, а индийский журналист Бадри Натх Кауль впоследствии писал, что после отсрочки визита Шастри Джонсон начал готовить Пакистан к «следующему раунду агрессии»¹⁶.

С конца апреля внимание США переключилось к разгоревшемуся между Индией и Пакистаном конфликту в районе Каччского Ранна. Кроме того, американской разведкой фиксировались отдельные инциденты вдоль линии прекращения огня в Кашмире и на границе между Индией и Восточным Пакистаном¹⁷. В Ранне пакистанцы заняли более выгодные позиции, поэтому Индия угрожала ответить в другом районе, что было весьма возможно на фоне недовольства населения умеренной позицией правительства Шастри¹⁸.

Госдеп прекрасно понимал, какие осложнения для США мог вызвать конфликт в Ранне: обе стороны обвиняли друг друга в применении американского оружия, поставлявшегося для отражения возможной агрессии со стороны коммунистических государств, а не для использования на индо-пакистанской границе¹⁹. Поставки оружия поставили США в центр конфликта двух стран, с руководством которых Вашингтон недавно испортил отношения²⁰. Разногласия с Индией усилива-

¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 93; The Collection. 2015. 11.03.1965.

² Mody P. Zulf, My Friend. New Delhi, 1973. P. 66; Syed A. H. Politics of Alliance and Aid: A Case Study of Pakistan (1954-1966) // Pakistan Horizon. 1979. Vol. 32, №1/2. P. 41.

³ Foreign Relations. 1999. Doc. 94.

⁴ Foreign Relations. 1999. Doc. 93.

⁵ Foreign Relations. 1999. Docs. 95, 96.

⁶ Foreign Relations. 1999. Docs. 97, 101.

⁷ Syed A. H. Ibid. P. 43.

⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 102.

⁹ Foreign Relations. 1999. Doc. 98.

¹⁰ Foreign Relations. 1999. Docs. 99, 101.

¹¹ The Collection. 2015. 07.04.1965.

¹² Foreign Relations. 1999. Doc. 103.

¹³ Foreign Relations. 1999. Doc. 104.

¹⁴ Foreign Relations. 1999. Doc. 106.

¹⁵ Rudolph L., Rudolph S. H. The Regional Imperative. The Administration of US Foreign Policy towards South Asian States under Presidents Johnson & Nixon. Atlantic Highlands, 1980. P. 392.

¹⁶ Kaul B. N. India and Superpowers. New Delhi, 1989. P. 57.

¹⁷ The Collection. 2015. 13.04.1965.

¹⁸ Foreign Relations. 1999. Docs. 107, 110; The Collection. 2015. 26.04.1965 & 29.04.1965 & 03.05.1965.

¹⁹ Foreign Relations. 1999. Doc. 108.

²⁰ Foreign Relations. 1999. Doc. 111.

лись из-за ее недовольства ограничениями на использование американского оружия, особенно на фоне того, что СССР не налагал каких-либо запретов на применение советских вооружений¹.

Программа военной помощи была дискредитирована, Индия и Пакистан начали называть ее «инструментом разжигания агрессии»². ЦРУ не разделяло волнения Госдепа и полагало, что в Ранне идет «война слов и нервов», а не реальные бои³. Например, в ведомстве считали, что индийская сторона активно освещала применение американских танков Пакистаном в основном ради введения санкций против него⁴. США потребовали от Пакистана объяснений, поскольку его действия явно не совпадали с теми гарантиями, которые Аюб-хан давал по поводу ненамерения провоцировать столкновения в спорных районах⁵.

Поскольку и Индия, и Пакистан были настроены не очень дружелюбно в отношении американцев, советник Джонсона Роберт Комер высказал идею, ставшую основой подхода США к урегулированию конфликта⁶. Он предложил сделать ставку на дипломатические усилия Великобритании, Содружества и ООН, а самим американцам – остаться в тени. Англичане полагали, что активное участие американцев может потребоваться позднее, для «продавливания» соглашения о размежевании сторон⁷.

Параллельно прозвучала идея об отмене военных поставок, но из-за возможных деструктивных последствий от нее отказались, тем более определить инициатора конфликта в Ранне так и не удалось⁸. В результате США решили ограничиться устными предупреждениями⁹.

27 апреля замгоссекретаря Филипс Тэлбот предупредил пакистанцев о возможном пересмотре программы помощи, если те не изменят своего поведения. На следующий день вместо «изменения поведения» США получили подтверждение применения американских танков в Ранне, а от Бхутто вскоре прозвучал упрек за те ограничения, которые налагались на их использование¹⁰.

С другой стороны, 28 апреля Индия дала предварительное согласие на прекращение огня, а 1 мая подтвердила свое решение¹¹. Пакистан согласился на прекращение огня 30 апреля, и Аюб-хан разрешил американской консультативной группе по военной помощи посетить Ранн¹². Неожидавшая уступчивость обеих стран пояснялась тем, что в мае болотистый Ранн должно было затопить, и конфликт утих бы сам собой¹³.

Первые договоренности об отводе вооружений были заключены 11 мая, а до этого момента войска стояли буквально на расстоянии 90 м друг от друга, продолжались разведывательные полеты¹⁴. Индийская авиаразведка зафиксировала на пакистанских позициях американские танки, в связи с чем посол Бадж Кумар Неру высказал госсекретарю Дину Раску свое возмущение и заявил, что реакция США на начавшийся конфликт была неадекватной, а их гарантии – малоэффективными¹⁵. Авторитет Вашингтона среди рядовых индийцев также стремительно падал¹⁶.

США были недовольны тем, что вопреки заявлениям Индии о неиспользовании американского оружия, разведка говорила об обратном¹⁷. В Белом доме появились сомнения в способности Шастри удержать ситуацию под контролем и воздержаться от «акции возмездия», на которой настаивало общество¹⁸. Не радовал и Пакистан, откуда поступили данные об укреплении обороны Восточного Пакистана (вероятной цели «возмездия») при участии китайских офицеров¹⁹. Кроме того, мягкая реакция США на использование американского оружия была использована в пропагандистских целях. В частности, Аюб-хан продолжал критиковать военные поставки в Индию²⁰, а себе ставил в заслугу запрет на уничтожение «заблудившихся» индийских разведсамолетов. Через несколько дней он отменил это решение, что вряд ли могло вызвать восторг в Белом доме²¹.

США, со своей стороны, все нападки и претензии фиксировали, но не спешили с конкретными ответами и продолжали свой курс на минимальное участие в спорах, уступив инициативу ан-

¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 107.

² Bhatia V. Rising Threat to India's Security // India's Unity and Security. New Delhi, 1985. P. 107; Qureshi K. Diplomacy Of The India-Pakistan War // Pakistan Horizon. 1965. Vol. 18, №4. P. 362.

³ The Collection. 2015. 21.04.1965.

⁴ Foreign Relations. 1999. Doc. 108; The Collection. 2015. 24.04.1965.

⁵ Foreign Relations. 1999. Doc. 109.

⁶ Foreign Relations. 1999. Doc. 110.

⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 125.

⁸ Foreign Relations. 1999. Docs. 111, 114.

⁹ Some Aspects of the Rann Of Kutch Dispute // Pakistan Horizon. 1966. Vol. 19, №1. P. 57.

¹⁰ Foreign Relations. 1999. Docs. 112, 114.

¹¹ The Collection. 2015. 28.04.1965.

¹² Foreign Relations. 1999. Doc. 116; The Collection. 2015. 30.04.1965.

¹³ The Collection. 2015. 04.05.1965 & 11.05.1965.

¹⁴ The Collection. 2015. 08.05.1965.

¹⁵ Foreign Relations. 1999. Doc. 117.

¹⁶ Foreign Relations. 1999. Doc. 119.

¹⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 127.

¹⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 118.

¹⁹ The Collection. 2015. 04.05.1965.

²⁰ Rudolph L., Rudolph S. H. Ibid. P. 392; Foreign Relations. 1999. Doc. 120.

²¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 121; The Collection. 2015. 15.05.1965 & 17.05.1965.

гличанам¹. Такая модель поведения не нравилась как Нью-Дели, так и Карачи, ожидавших от Вашингтона более решительных действий.

В мае в отношениях с Индией и Пакистаном появился еще один раздражающий фактор. Логистические накладки привели к тому, что у США осталось неизрасходованных 250 млн долл. экономической помощи для этих стран. Выявление этого факта Конгрессом могло усложнить процедуру одобрения пакетов помощи на следующий финансовый год².

Все «лишние» средства удалось оперативно распределить по различным программам помощи, но тут же возникла проблема с Консорциумом стран – экономических доноров Пакистана³. 1 июня предполагалось провести его предварительную сессию, на которой страны-участники должны были объявить размер своего вклада в общий пакет помощи на следующий год. США отказались называть эту сумму и заблокировали предоставление почти всех видов помощи, демонстрируя тем самым Пакистану свое недовольство его поведением⁴. Впоследствии США решили отсрочить на месяц основную сессию Консорциума⁵. Глава МБРР Джордж Вудс считал, что Вашингтон тем самым пошел на дальнейшее обострение отношений с Пакистаном, однако, замгоссекретаря Томас Манн полагал, что в Карачи был послан «мощный политический сигнал»⁶.

Пакистан этот «сигнал» понял. Теперь его руководство старалось списывать все противоречия на Индию, а та в ответ грозила начать атаку в районе, где ее войска находятся в выигрышном положении⁷. В США заявления Индии были восприняты негативно, и Джонсон высказался в пользу отмены военной помощи для нее⁸. Впрочем, в конце июня Индия и Пакистан сумели достичь формальных договоренностей о прекращении конфликта в Ранне, поэтому идея эмбарго пока была снята с повестки дня⁹.

После окончания конфликта в Ранне главным камнем преткновения оставалась отложенная сессия Консорциума. Официально отсрочка пояснялась тем, что США не хотели называть конкретных сумм своего участия до того, как Конгресс одобрит все пакеты помощи¹⁰. В итоге сессию пакистанского Консорциума перенесли на сентябрь, в то время как сессию индийского Консорциума никто не отменил¹¹. Более того, в начале июля американцы объявили о размере своего взноса в его фонд¹².

Аюб-хан воспринял маневры США с возмущением, а посол Уолтер Макконахи, видя его реакцию, предупредил Госдеп о надвигающемся «полномасштабном кризисе» американо-пакистанских отношений¹³. Джонсон, несмотря на это, допускал задействование американской разведбазы вблизи Пешавара в качестве дополнительного инструмента давления на пакистанские власти¹⁴.

Тем временем в американском Конгрессе действительно возникли проблемы¹⁵. Комитет по международным делам провалил законопроект о помощи Индии и Пакистану. Джонсон и Раск видели причины провала в широкой критике вьетнамской политики США со стороны Индии и укреплении пакистано-китайских отношений¹⁶. По мнению Раска, отсрочка сессии Консорциума теперь была неизбежной, и американцам пришлось несколько смягчить свою риторику¹⁷. В частности, Джонсон выразил желание встретиться с Аюб-ханом до сессии Консорциума, но сомневался, что тот в сложившихся условиях пожелает вести диалог¹⁸.

С последним доводом Джонсона сложно не согласиться. Аюб-хан, выступая публично, регулярно говорил, что «ищет друзей, а не хозяев»¹⁹. Посол Гулам Ахмед, вторя президенту, заявил, что отсрочка сессии Консорциума была «дискриминационной и провокационной»²⁰. Помощник президента США Макгеорг Банди видел в этих заявлениях предвестие какого-то действия Пакистана, способного «неприятно удивить»²¹.

Госдеп усматривал проблему во влиянии на Аюб-хана антиамериканиста Бхутто, из-за которого «антиамериканские заявления звучали одно за другим»²². Так, Бхутто публично заявлял, что

¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 125.

² Foreign Relations. 1999. Doc. 122.

³ Foreign Relations. 1999. Doc. 129.

⁴ Syed A. H. Ibid. P. 43; Foreign Relations. 1999. Docs. 124, 131; The Collection. 2015. 11.05.1965.

⁵ Foreign Relations. 1999. Doc. 136.

⁶ Foreign Relations. 1999. Doc. 135.

⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 132.

⁸ Foreign Relations. 1999. Docs. 133, 134.

⁹ Foreign Relations. 1999. Doc. 138; The Collection. 2015. 29.06.1965.

¹⁰ Foreign Relations. 1999. Doc. 139.

¹¹ Foreign Relations. 1999. Docs. 139, 141.

¹² Foreign Relations. 1999. Doc. 144.

¹³ Foreign Relations. 1999. Docs. 141, 142, 169.

¹⁴ Foreign Relations. 1999. Doc. 143.

¹⁵ Foreign Relations. 1999. Doc. 146.

¹⁶ Foreign Relations. 1999. Docs. 149, 151.

¹⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 150.

¹⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 148.

¹⁹ Foreign Relations. 1999. Doc. 153.

²⁰ Foreign Relations. 1999. Doc. 155.

²¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 156.

²² Foreign Relations. 1999. Docs. 158, 161, 163.

Пакистан не примет политического диктата, от кого бы он ни исходил, а Аюб-хан отстаивал курс Пакистана на развитие отношений с КНР и другим коммунистическими странами¹. Макконахи слышал в словах пакистанских чиновников «горькую обиду» из-за отложенной встречи Консорциума, а среди рядовых пакистанцев росла убежденность в том, что США не помогут им в кашмирском вопросе, вернувшись в повестку дня в конце августа². Ряды проамерикански настроенных пакистанских политиков редели, шансы на принуждение Аюб-хана к смене курса иссякали³.

Взаимный обмен упреками дошел до того, что Бхутто пообещал устроить «аналог Вьетнама, только без войны» в случае дальнейшего ухудшения отношений⁴. Общественное мнение Пакистана негативно реагировало на затягивание переговоров о финансовой помощи, это воспринималось как угроза национальному суверенитету и шантаж⁵.

В начале августа Бхутто обвинил США в прекращении помощи. В данном случае он явно драматизировал ситуацию, поскольку как раз в то время в Пакистан шли 300 млн долл., обещанных ранее, и говорить можно было лишь об отсутствии новых обязательств на 1966-й финансовый год⁶. Из других заявлений пакистанского министра США сделали вывод, что Карачи переходит к политике «мы подождем, пока вы сделаете взнос в Консорциум»⁷. Джонсон в частных беседах с сотрудниками миссии США в ООН стал поговаривать о том, что в сложившейся ситуации «только два президента могут найти взаимопонимание»⁸. Манн и Комер полагали, что Джонсону не стоит так активно настаивать на необходимости визита Аюб-хана, поскольку взнос все равно сделать придется⁹.

Таким образом, Вашингтону пришлось вернуться к одному из вопросов, которые омрачили отношения с Пакистаном несколько месяцев назад. Несложно заметить, что США загнали себя в тупиковую ситуацию – испортили отношения в одном аспекте (отсрочка визита пакистанского лидера), а затем и в другом (перенос сессии Консорциума), они попытались вернуться к первому, чтобы исправить положение дел во втором.

Если подвести итоги полемики относительно даты созыва Консорциума, то можно констатировать, что она ничего, по сути, не давала, но портила отношения между двумя странами и сигнализировала о наличии между ними серьезных противоречий. Зайдя в глухой угол, в середине августа эта тема быстро ушла из повестки дня в связи с обострением обстановки в Кашмире.

В мае 1965 г. ЦРУ получило информацию о готовящейся Пакистаном операции «Гибралтар», направленной на организацию восстания в индийской части Кашмира после инфильтрации туда боевиков¹⁰. США, судя по всему, предотвращать проведение данной операции не планировали, хотя было вполне понятно, к чему она может привести.

В начале июня Индия неожиданно захватила два пакистанских блокпоста в районе Каргила, но это пояснили ошибкой местного командира, и до серьезных боевых столкновений дело не дошло¹¹.

8 августа Индия на дипломатическом уровне объявила, что Пакистан начал-таки операцию «Гибралтар», и если она не прекратится, то последует жесткий ответ. Данное заявление Индии не было голословным – ЦРУ подтвердило сведения о проникновении боевиков¹². Тем не менее, жители Кашмира не поддержали «гостей», восстания не получилось, но столкновения между индийскими и пакистанскими силами стали все больше напоминать войну, а не пограничные перестрелки¹³. Обострение обстановки фактически сводило на нет эффективность наблюдателей ООН, которые до этого могли более-менее объективно информировать о происходящем¹⁴.

Камнем преткновения стали несколько ключевых точек на пакистанской стороне линии прекращения огня, с которых просматривалась единственная дорога между Сринагаром и Ладакхом¹⁵. Индия захватила ряд блокпостов, пояснив это тем, что именно оттуда в основном прибывали боевики¹⁶.

Попытки погасить конфликт усилиями ООН не удавались. Пакистан пригрозил выйти из организации, если будет предан огласке обвинительный по отношению к нему доклад¹⁷, Индия же опасалась действий ООН по пересмотру статуса Кашмира, чего долгое время добивались представители Карачи¹⁸.

¹ Syed A. H. Ibid. P. 45.

² Foreign Relations. 1999. Doc. 159.

³ The Collection. 2015. 05.08.1965.

⁴ Foreign Relations. 1999. Doc. 161.

⁵ Syed A. H. Ibid. P. 44.

⁶ Foreign Relations. 1999. Doc. 165.

⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 170.

⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 171.

⁹ Foreign Relations. 1999. Docs. 173, 175.

¹⁰ The Collection. 2015. 19.05.1965.

¹¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 133; The Collection. 2015. 02.06.1965 & 10.06.1965.

¹² The Collection. 2015. 09.08.1965 & 10.08.1965 & 14.08.1965.

¹³ Foreign Relations. 1999. Docs. 170, 178; The Collection. 2015. 16.08.1965.

¹⁴ The Collection. 2015. 25.08.1965 & 26.08.1965.

¹⁵ The Collection. 2015. 17.08.1965.

¹⁶ The Collection. 2015. 19.08.1965.

¹⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 181.

¹⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 175.

Американцы начали подозревать, что Качский Ранн и инфильтрация в Кашмир были частью хорошо продуманного пакистанского плана, однако они так и не смогли выявить виновного в обострении ситуации¹. В связи с этим США снова предпочли не вмешиваться в урегулирование, надеясь, что противоборствующие стороны осознают риски от полномасштабной войны и начнут более гибко реагировать на инициативы ООН².

Главной проблемой для США в данном конфликте оставался факт использования обеими сторонами американского оружия³. Индийцы говорили о применении пакистанцами танков «Паттон», самолетов F-104 и F-86, называли себя жертвами агрессии и были возмущены тем, что в Вашингтоне ситуацию видят иначе⁴. Пакистанцы и китайцы, в свою очередь, намекали на то, что своими военными поставками в Индию США подстрекали Нью-Дели к агрессии⁵. В ЦРУ не очень серьезно относились к этим обвинениям и считали, что «американское оружие чаще используется на словах, чем на деле», и ни одна из стран пока не начинала масштабного наступления⁶.

Тем не менее, 5 сентября США решили на время кашмирского конфликта заморозить поставки «ключевого» оружия Индии и Пакистану⁷. В итоге Пакистан не смог получить 3 самолета T-33, примерно 160 ракет класса «воздух-воздух» и 47 танков M-48, а Индия – восстановленные двигатели для самолетов C-119⁸.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что Пакистан больше пострадал из-за этого решения. По подсчетам журналистов Артура Батлера и Марка Росса, с 1954 г. он успел получить американской военной помощи почти в 11 раз больше, чем Индия, и возможное эмбарго грозило ему коллапсом системы обороны⁹.

На тот момент Пакистан, видимо, еще не осознал опасность наметившейся тенденции в действиях США: 6 сентября Аюб-хан спокойно сообщил послу Макконахи, что разрешил использовать американское оружие в ответ на атаки индийцев и снова возложил на Вашингтон ответственность за действия Индии¹⁰. Несмотря на это, он хотел провести встречу участников СЕНТО, чтобы попросить помощи у своих союзников, к которым по-прежнему относил и США¹¹. В публичных выступлениях пакистанский лидер призывал США к тому, чтобы они сыграли решающую роль в разрешении конфликта¹².

В первой декаде сентября дело дошло до применения боевой авиации, резко возросла вероятность вторжения Индии в Восточный Пакистан¹³. Ситуация на границах Восточного Пакистана особенно беспокоила американцев, поскольку бои в этом регионе увеличивали вероятность военного вмешательства Китая и выхода конфликта из-под контроля¹⁴.

Учитывая все вышеизложенное, США решили 8 сентября официально объявить о введении эмбарго на военные поставки и тем самым подчеркнуть, что прямого участия в урегулировании от них ждать не стоит¹⁵. В Конгрессе же зрела мысль не просто о «заморозке», а об отмене помощи, причем как военной, так и экономической¹⁶. Джонсон констатировал, что продолжение войны может «убить» в Конгрессе законы об оказании Индии и Пакистану экономической помощи, особенно если добавить к этому их постоянные антиамериканские выпады¹⁷.

Бхутто расценил эмбарго как попытку принудить Пакистан к принятию предложений ООН и спрогнозировал дальнейшее ухудшение американо-пакистанских отношений¹⁸. Один из биографов Бхутто отстаивал мысль о том, что введя эмбарго, США решили заблокировать для Пакистана возможность одолеть Индию¹⁹. В западной прессе бытовало мнение, что эмбарго может стать ключом к окончанию войны ввиду зависимости Пакистана от американских поставок – в случае боевых потерь или поломок брать новую технику и детали теперь было неоткуда²⁰. Общее возмущение отменой помощи, охватившее Пакистан, дошло до того, что руководство страны задумалось о ди-

¹ Foreign Relations. 1999. Doc. 175; The Collection. 2015. 27.08.1965.

² Foreign Relations. 1999. Docs. 176, 183.

³ Foreign Relations. 1999. Doc. 175.

⁴ Rudolph L., Rudolph S. H. Ibid. P. 392; Riedel B. Avoiding Armageddon: America, India and Pakistan to the Brink and Back. Washington, 2013. P. 69; The Collection. 2015. 01.09.1965.

⁵ Butler A. Chou Rages at India // Daily Express. 1965. September 10, 1965. P. 1; The Collection, 01.09.1965.

⁶ Foreign Relations. 1999. Doc. 181; The Collection. 2015. 02.09.1965.

⁷ Foreign Relations. 1999. Docs. 185, 190.

⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 185.

⁹ Butler A., Ross M. Britain & U.S. Move to Stop War. Ban on Arms // Daily Express. 1965. September 9. P. 1.

¹⁰ Foreign Relations. 1999. Doc. 187; The Collection. 2015. 06.09.1965.

¹¹ The Collection. 2015. 06.09.1965 & 07.09.1965.

¹² Qamar F. The US Policy Parameters towards India and Pakistan in Retrospect: 1947-1989 // South Asian Studies. 2007. Vol. 22, №1. P. 138.

¹³ Foreign Relations. 1999. Doc. 191; The Collection. 2015. 04.09.1965.

¹⁴ Foreign Relations. 1999. Docs. 192, 193.

¹⁵ Foreign Relations. 1999. Doc. 191, 199.

¹⁶ Rudolph L., Rudolph S. H. Ibid. P. 393; Foreign Relations. 1999. Doc. 194.

¹⁷ Foreign Relations. 1999. Doc. 195.

¹⁸ Foreign Relations. 1999. Doc. 200.

¹⁹ Bhurgri A. G. Zulfikar Ali Bhutto: The Falcon of Pakistan. Karachi, 2002. P. 140.

²⁰ Butler A., Ross M. Britain & U.S. Move to Stop War. Ban on Arms // Daily Express. 1965. September 9. P. 1.

пломатическом признании Северного Вьетнама¹, а в дальнейшем эмбарго стимулировало развитие военно-технического сотрудничества Пакистана с Китаем².

Необходимо отметить, что в день введения эмбарго Индия и Пакистан из соображений престижа перестали допускать иностранных наблюдателей в районы конфликта и в военные штаб-квартиры³. Таким образом, контроль над применением американских вооружений был утрачен, и с этой точки зрения США ввели эмбарго вовремя.

Индия также осталась недовольной введением эмбарго, но оно не настолько сильно ударило по ее обороноспособности. Гарантии неиспользования Пакистаном американского оружия против Индии, данные во времена Дуайта Эйзенхауэра, оказались бесполезными, а вместо «новой эры в отношениях», обещанной Джоном Кеннеди, Индия получила эмбарго⁴. По мнению индийского дипломата Джотиндранатха Диксита, даже хорошо относившийся к Индии посол Честер Боулс не мог в полной мере осознать, насколько американская политика оскорбляет индийцев⁵.

Таким образом, США даже при огромном желании не смогли бы в одиночку урегулировать индо-пакистанский конфликт. Любой предпринятый ими шаг вызывал шквал критики и обвинений. Еще до предельного обострения отношений между Индией и Пакистаном США оказались меж двух огней и с каждым днем только усугубляли проблемы в отношениях с обеими странами. Отмены визитов, отсрочка сессии Консорциума, политическое давление – все это в штыки воспринималось и Индией, и Пакистаном, хотя никаких практических результатов эти действия так и не принесли. США словно не замечали вызревания войны и выстраивали свою политику так, будто имели дело с двумя государствами, не имеющими претензий друг к другу и мыслящими по-американски. Да, после введения эмбарго роль США в конфликте минимизировалась, но вскоре американские стратеги обнаружили, что за полгода Вашингтон настолько испортил отношения с Нью-Дели и Карачи, что в дальнейшем стратегию отношений с ними пришлось выстраивать с нуля.

На наш взгляд, перспективным в изучении данной темы остается определение роли Великобритании в описанных событиях, особенно в урегулировании конфликта в Ранне. Также представляется актуальным изучение роли СССР, поскольку традиционно в историографии акцент делается на его миротворческих инициативах, приведших к мирным переговорам в Ташкенте, а не на политических маневрах советского руководства в 1965 г.

References

- Bhatia V. *Rising Threat to India's Security* // *India's Unity and Security*. New Delhi: Patriot Publishers, 1985. P. 107.
- Bhurgri A. G. *Zulfikar Ali Bhutto: The Falcon of Pakistan*. Karachi: SZABIST, 2002.
- Butler A. *Chou Rages at India* // *Daily Express*. 1965. September 10. 1965. P. 1.
- Butler A., Ross M. *Britain & U.S. Move to Stop War. Ban on Arms* // *Daily Express*. 1965. September 9. P. 1.
- Dixit J. N. *India-Pakistan in War and Peace*. London: Routledge, 2002.
- Foreign relations of the United States, 1964–1968* / Ed. by Mallon G., Smith L., Patterson D. Vol. XXV. Department of State Office of the Historian Bureau of Public Affairs. 1999. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25>.
- Foreign Relations. 1999.
- India celebrates 'victory' in 1965 war with Pakistan. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-india-34083174>;
- Pakistan marks 50th anniversary of India war amid tensions. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/pakistan-marks-50th/2106364.html>.
- Kaul B. N. *India and Superpowers*. New Delhi: Pulse Publishers, 1989.
- Mody P. *Zulfi, My Friend*. New Delhi: Thomson Press, 1973.
- Qamar F. *The US Policy Parameters towards India and Pakistan in Retrospect: 1947-1989* // *South Asian Studies*. 2007. Vol. 22. №1. P. 138.
- Qureshi K. *Diplomacy Of The India-Pakistan War* // *Pakistan Horizon*. 1965. Vol. 18. №4. P. 362.
- Riedel B. *Avoiding Armageddon: America, India and Pakistan to the Brink and Back*. Washington: Brookings Institute Press, 2013.
- Rudolph L., Rudolph S. H. *The Regional Imperative. The Administration of US Foreign Policy towards South Asian States under Presidents Johnson & Nixon*. Atlantic Highlands: Humanities Press, 1980.
- Seaman D. *In Kashmir's Front line* // *Daily Express*. 1965. September 4. P. 2.
- Some Aspects of the Rann Of Kutch Dispute* // *Pakistan Horizon*. 1966. Vol. 19. №1. P. 57.
- Syed A. H. *Politics of Alliance and Aid: A Case Study of Pakistan (1954-1966)* // *Pakistan Horizon*. 1979. Vol. 32. №1/2. P. 41.
- The Collection of Presidential Briefing Products from 1961 to 1969*. 2015. CIA's Historical Review Program. URL: <http://www.foia.cia.gov/collection/PDBs?page=1>

¹ Syed A. H. *Ibid.* P. 45.

² Bhatia V. *Ibid.* P. 107.

³ *The Collection*. 2015. 08.09.1965.

⁴ Seaman D. *In Kashmir's Front line* // *Daily Express*. 1965. September 4. P. 2; Riedel. *Ibid.* P. 68.

⁵ Dixit J. N. *India-Pakistan in War and Peace*. London, 2002. P. 142.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (367) : 929.5 «11»

ПЕРВЫЙ ВНУТРИДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК РЮРИКОВИЧЕЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУСИ КОНЦА XI – НАЧАЛА XII в.

THE FIRST MARRIAGE INSIDE THE RURIKIDS AND ITS INFLUENCE ON THE POLITICAL RELATIONS IN RUS' IN THE END OF 11-TH – BEGINNING OF 12-TH CENTURIES

С.Н. Абуков
S.N. Abukov

*Донецкий национальный университет,
83015, Донецк, ул. Университетская, 24*

*Donetsk national university,
24 Universitetskaya St, Donetsk, 83015*

E-mail: legusha@list.ru

Аннотация. История брачных союзов между представителями Дома Рюриковичей еще не получила комплексного исследования, хотя представляет большой интерес для ученых, занимающимся периодом Киевской Руси. Данная статья посвящена первому внутридинастическому браку между Рюриковичами, сыгравшему важную роль в политической истории конца XI – начала XII вв. Автор проанализировал связь между браком дочери Ярополка Изяславича и Глеба Всеславича и борьбой между князьями за владения. Рассмотрение проблемы в этом контексте по-новому представляет отношения между древнерусскими князьями, их личностные, владетельные и имущественные связи.

Resume. The history of conjugal unions between the representatives of Rurikids House did not obtain the complete research, in spite of great scientific interest, connected with a period of Kievan Rus'. This article is devoted to the first marriage inside Rurikids, which played an important role in political history (11-12 centuries). The author has analysed the links between marriage of Yaropolk Iz'yaslavich' daughter of and Gleb Vseslavich and the struggle of princes for the possessions. The consideration of this problem presents in a new way the relations between Old Russian princes, their personal, sovereign and property links.

Ключевые слова: Ярополк Изяславич, Глеб Всеславич, Волынь, Туров, владение, князь, брак, конфликт.

Key words: Yaropolk Iz'yaslavich, Gleb Vseslavich, Volyn', Turov, possessions, prince, marriage, conflict.

Изучение Древнерусского государства невозможно без исследования высшей и замкнутой правящей группы – князей. Именно Рюриковичи сыграли огромную роль не только в политической, но и культурной и социально-экономической жизни Киевской Руси. Крайне важными для понимания прошлого являются межкняжеские отношения. Многие исторические события этого периода возможно понять только через всестороннее исследование правящей элиты, включая брачные союзы. Известно, что в период феодализма браки между знатью играли исключительную роль и были составляющей альянсов и политической деятельности. Они подчинялись необходимости. Здесь не было случайностей и чувств. Русь в этом плане не была исключением. В последние годы, благодаря научным работам историков, удалось значительно продвинуться в изучении династии Рюриковичей, как в вопросах уточнения хронологии жизни и правления, их международных отношений и родственных связей, локализации княжений, идентификации отдельных князей и др. вопросах. Тем не менее еще не получила комплексного исследования проблема внутридинастических связей между древнерусскими князьями и ее связи с политической историей Киевской Руси.

Основным источником по изучению проблемы являются русские летописи¹. Литература по периоду обширна и восходит к фундаментальным трудам историков XVIII-XIX вв. В последнее время, благодаря исследованиям А.В. Назаренко, удалось значительно продвинуться в вопросах международных отношений князей Киевской Руси, в том числе брачных союзов Изяслава Ярославича и его сына Ярополка Изяславича. Крупные исследования по проблемам Рюриковичей указанного периода сделаны О.М. Раповым, В.Л. Яниным и украинскими историками П.П. Толочко, Л.Е. Махновцем, Л.В. Войтовичем, А.Ф. Литвиной, Ф.Б. Успенского². Однако, как не покажется странным, нет комплексного исследования, посвященного роли династических связей между Рюриковичами в политической истории Руси конца XI – начала XII вв. и их влиянии на межкняжеские отношения. В этом контексте не была сделана и оценка летописного известия, посвященного известию о смерти вдовы минского князя Глеба Всеславича. Влияние этого брака на политические события осталось вне поля зрения исследователей.

Под мартовским 1158 г. (1159 г.) Ипатьевская летопись сообщает о смерти княгини, дочери князя Ярополка Изяславича, вдовы минского князя Глеба Всеславича: «Том же лѣтъ престави^с . блжѣнаѧ княгини Глѣбѣоваѧ . Всеславича . дочи Ярополча Изяславича . сѣдѣвши по кнѣзи своемъ . вдовою лѣтъ . мѣ . а всихъ лѣтъ и ѿ ржѣтва . гѣ . и . дѣ . лѣтъ . и положена бы^с в Печерскомъ монастыри . съ кнѣземъ въ гробѣ оу сѣго Федосьѧ оу головахъ . бы^с же преставление еѧ . мѣца генварѧ . въ гѣ днѣ а въ ча^с ѿ нощи . а въ дѣ . вложена въ гробъ . си бо блжѣнаѧ княгини . велику имѣаше любовь . съ кнѣземъ своимъ . къ сѣби Бѣи и къ ѿцю Федосью . ревнующи ѿцю своему Ярополку . сии бо Ярополкъ . вда всю жизнь свою . Небльскую волость . и Дервьскую . и Лучьскую . и ѿколо Киева . Глѣбъ же вда въ животъ своемъ . съ княгинею . хъ гривенъ серебра . а . нѣ . гривенъ золота . а по княжи животъ княгини вда . рѣ . гривенъ серебра . а . нѣ . гривенъ золота . а по свое^м животъ вда княгини . еѣ . сель и съ челадыю . и все да и до повоѧ .»³.

Это уникальное для историков сообщение середины XII в., отсылающее нас к событиям конца XI – начала XII вв., важно не только в контексте родственных связей Рюриковичей. Оно свидетельствует о больших материальных возможностях членов правящего рода и их тесных связях с Киево-Печерским монастырем, но и ценно в плане изучения политической ситуации, приведшей к этому браку. Имя княгини летописец, хорошо осведомленный о ней, не приводит. Оно известно из «Синописа» XVII в. – Анастасия, видимо слава о дарениях четы пережила века⁴.

Однако, при более пристальном рассмотрении, перед нами ни много, ни мало хронологически первый известный факт заключения брака внутри династии древнерусских князей, хотя и представляющих две линии потомков Владимира Святославича от его сыновей: Изяслава Полоцкого и Ярослава Мудрого. Фактически с этого первого известного брачного союза начинается история многочисленных в дальнейшем браков Рюриковичей между собой. Четвертая степень родства устранила все формальные церковные препятствия к его заключению.

Однако, когда был оформлен этот брак, какое он имел значение для политической борьбы на Руси в период его заключения и каково его влияние на дальнейшие княжеские отношения?

В научной литературе нет признанной даты брака дочери Ярополка. Называют 1073, 1086 и 1090-е гг. Первую дату фантастична, так как едва ли княжна тогда еще родилась. Третью дату также можно отвергнуть. Брак сироты, безземельной Ярополковны в этом году маловероятен. К тому же сомнительно, чтобы великий князь Всеволод, малолетние родные братья Ярополковичи или дядя Святополк Изяславич, озаботились ее судьбой. В свете зарубежных источников к 1086 г. отнес брак А.В. Назаренко⁵, с чем нельзя не согласиться, но уже анализируя события на Волыни в княжение ее отца Ярополка Изяславича. Возможно, он был заключен еще ранее – в 1085 г.

Итак, дата рождения Ярополка не известна и приблизительно определяется из расчета года рождения его брата Святополка, который традиционно считается младшим из троих Изяславичей⁶. Вероятно, он родился в 1046/8 г.¹. Происхождение его матери и жены хорошо изучено в по-

¹ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей [далее – ПСРЛ]. Т. 2. М., 2001.

² Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 142-164; Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 264 с; Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 92; Махновец Л.Е. Летопись Руський. Київ, 1989; Войтович Л. В. Княжа доба на Русі. Портрети еліти. Біла Церква. 2006. 784 с.; Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2007. С. 153-154, Его же. «Зело неподобно правоверным». Межконфессиональные браки на Руси в XI–XII вв. // Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2013. Т. LVIII. С. 308-325, Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3(49). С. 45-68.

³ Ипатьевская летопись. Стб. 492-493.

⁴ «Синопис» 1674 г. URL: <http://litopys.org.ua/synopsis/syno4.htm>

⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 153-154.

⁶ Вопрос старшинства сыновей Изяслава Ярославича Ярополка и Святополка остается дискуссионным. По мнению В.А. Кучкина Святополк был старше. («Съ тоя же Каялы Святоплькъ ...» // Russia Mediaevalis. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 108). Впрочем, его доводы не безупречны. Вторым ставит Святополка поздняя «Никоновская летопись» (ПСРЛ. Т. 9-10, М., 1965. С. 109), но эта летопись создана с использованием большого числа более ранних источников. То, что Святополк упоминается в летописях раньше Ярополка, а после смерти отца Святополк княжил в Новгороде, также ничего не доказывает. Ярославичи стремились держать ближе к Киеву наследников киевского стола. И Святополк ради этого покинул в 1088

следнее время. Напомним лишь, что мать Гертруда-Олисава, принадлежала к польским Пястам (дочь Мешко II), так как все иные версии не подтверждаются фактическим материалом, а женой была Кунегунда-Ирина, дочь мейсенского маркграфа Отто фон Орламюнде². Очевидно, что брак Ярополка с Кунегундой нельзя датировать 1075 г. Возраст князя заставляет предположить более раннюю дату брака с Кунегундой. На это указывает и обратный отсчет возраста дочери в приведенном в начале летописном отрывке. На момент смерти ей было 84 года, то есть год ее рождения определяется как 1074 г. А.В. Назаренко отнес брак к 1071–1072 гг.³ В историографии известна точка зрения на Ярополка-Петра, как на первого «русского короля», коронованного папой Григорием VII в Риме, куда князь с женой прибыли в ходе своих скитаний по Европе в поисках поддержки для возвращения киевского престола⁴.

3 октября 1078 г. в битве на Нежатиной ниве был убит отец Ярополка великий князь киевский Изяслав Ярославич⁵. На место погибшего заступил последний из оставшихся в живых сыновей Ярослава Мудрого – Всеволод. Практически сразу после сообщения о вокняжении нового киевского князя летописец говорит о выделении старшему из сыновей Изяслава Ярополку обширного княжества с центром во Владимире Волынском. Более того, в придачу к городу Владимиру племянник получил еще и Туров⁶. Последнее известие вызвало сомнение у О.М. Рапова, который увидел сокращение или даже искажение летописного известия о перекройке владений после гибели Изяслава. Опираясь на В.Н. Татищева, он считал, что Туров не принадлежал Ярополку⁷. Возможно, что передача Тунова произошла позднее. Летописцу важно было упомянуть последний город в числе владений Изяславичей⁸. Ярополк, исходя из практики наследования на Руси, должен был стать преемником дяди Всеволода в Киеве. В этом была его сила и уязвимость.

Опираясь на союз с сыновьями Изяслава Ярополком и Святополком, князем новгородским, Всеволод Ярославич сдерживал претензии других племянников, требовавших себе волостей⁹. Нельзя не согласиться с П.П. Толочко, который отметил, что в отношении них продолжалась политика изгойства¹⁰. Однако и племянники Изяславичи, видимо, не вызывали большого доверия Всеволода. Потенциальными претендентами на княжество Ярополка были двоюродные племянники Ростиславичи: Юрий, Володарь и Василько, внуки новгородского князя Владимира Ярослава

г. Новгород и перебрался в Туров, который в этот период становится «предбанником» в князья киевские. Проблема нуждается в дополнительном изучении.

¹ Дата рождения Святополка (8.11.1050 г.) обычно приводится со ссылкой на Татищева. Однако она есть и в Новгородской летописи (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 16), хотя и без указания числа и месяца.

² Янин В.Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М., 1963. С. 142–164. Что касается якобы двух разных матерей Изяславичей, живших в одно время, то основным аргументом является настойчивое упоминание Гертрудой Ярополка как своего единственного сына в «Трирской псалтыри» («Псалтирь Гертруды»). Исключительности Ярополка в молитвах матери пытались найти объективные объяснения. Например, его переходом в католичество, как делает В.Л. Янин (Op. cit. С. 143–144). Иначе придется признать Изяслава двоеженцем, что невозможно. А.В. Назаренко (Назаренко А.В. «Псалтирь Гертруды: судьба кодекса и династические коллизии XI–XII вв. на Руси, в Польше и Германии // IV круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=yIWtV_1QwzM) полагает, что мать Святополка была его любовницей, в чем нет ничего необычного: на Руси внебрачные сыновья пользовались равными правами с законными, если были усыновлены отцом. У самого Святополка были, кажется, сыновья-наследники побочного происхождения. Аргументом против версии Назаренко является наименование матери Святополка «княгиней» в известии о смерти. (Попше А. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря, К, 2011. С.82–83). Еще более сильным подтверждением общий матери сыновей Изяслава является граффити Софийского собора: «Господи, помози рабе своей Олисане Святополчей матери, русьской княгине...» (Высоцкий С.А. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962. С. 154–155). Мы не знаем отношений в семье Изяславичей и позиции Святополка во время второго изгнания отца и его активных контактов с Западом. Возможно, у княгини были личные причины выделить Ярополка и умолчать о Святополке). Перед нами предпочтение одного сына другому, которое встречается во всех слоях общества. Безусловно, судя из текста молитв из псалтыри, Гертруда очень любила Ярополка. Очевидно, что этот сын нуждался в особой заботе, что также явствует из молитв (Щавелева Н.И. К изучению молитвенника княгини Гертруды // Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения. М., 1990. С. 147–150).

³ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 526–527. Но Изяслав прибыл ко двору сербо-лужицкого маркграфа Дедо II, где тогда находилась Кунегунда, старшая из трех дочерей от первого брака жены маркграфа Аделаиды не ранее конца 1073 г. Маловероятно, чтобы великому князю киевскому, коим являлся Изяслав Ярославич до 22 марта 1073 г., был интересен союз с этим имперским князем ранее конца 1074 / 1075 г., когда он оказался в отчаянном положении без казны, отобранной в Польше, а брат Святослав легко убедил в своей правоте посольство трирского пробста Бурхарда, посланное императором Генрихом IV, выступившим в роли арбитра.

⁴ Войтович Л.В. Княжа доба. С. 353.

⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 192–193.

⁶ Там же. Стб. 195.

⁷ Рапов О.М. Княжеские владения. С. 82–83; Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.–Л., 1963. С. 86.

⁸ Действительно, Ярополк ни разу не упоминается в связи с этим городом. Однако все события его правления проходили на Волыни.

⁹ Борьба безземельных потомков Ярослава Мудрого за волости была главным внутрисполитическим конфликтом на Руси в конце 70-х – второй половины 90-х гг. XI в.

¹⁰ Толочко П.П. Древняя Русь. С. 92.

вича и Давыд Игоревич, младший внук Ярослава Мудрого. Интерес этих изгоев к Волынской земле не был случайным, так как там некоторое время правили их отцы¹.

В начале 80-х гг. XI в. летописи ничего не говорят о проблемах князя Ярополка. Волынский князь, которого летописец хвалит за человеческие качества, неосмотрительно предоставил приют Ростиславичам в своих владениях. В 1081 г. Давыд Игоревич неожиданно бежал в Тмутаракань. Татищев утверждал, что он бежал из Турова². Если это так, то этот изгой находился у Изяславичей и отчаялся, подобно Ростиславичам, получить какой-либо удел.

Под 1084 г. летописец сообщает о приезде в Киев на Пасху Ярополка к великому князю Всеволоду³. Вероятно, речь шла не только о совместных торжествах по случаю главного праздника православных христиан, но и обсуждение политических вопросов. Но уже в следующем предложении сообщается о бегстве от Ярополка Володаря и Василько Ростиславичей и его изгнании из Владимира. Татищев выстраивает иную причинно-следственную связь: уже изгнанный Ростиславичами Ярополк приехал за помощью к киевскому князю⁴. С.М. Соловьев удивился, с какой легкостью можно было соперникам лишить князя владений в то время⁵. Как видно, Изяславич не имел достаточной поддержки и не пользовался популярностью. Куда важнее, что на Руси это был период неустойчивости территориальных границ княжеств и формирования новых образований. Выручать Ярополка киевский князь послал сына Владимира Мономаха, который восстановил изгнанного на его столе⁶.

Однако неприятности для Ярополка не закончились. В следующем году Всеволод отнял у волынского князя Дорогобуж, чтобы утихомирить и наделить властью младшего племянника Давыда Игоревича⁷. Видимо, это решение дать изгоя земли Восточной Волыни, выводя обширную территорию из состава его владений, обозлило Ярополка, который рассорился с Всеволодом и даже собирался идти на него войной. Возможно, такой ход и был рассчитан на то, чтобы спровоцировать конфликт с волынским князем, который был очевиден. В Киеве, вероятно, опасались чрезмерной власти Ярополка на юго-западе Руси. Любопытно, что о планах волынского князя скоро стало известно дяде, не иначе, как от его окружения⁸. Великий князь первым нанес превентивный удар, направив в поход на Изяславича свой «меч» – Владимира Мономаха. Ярополк, оставив мать и жену в Луцке, бежал в Польшу. Луцк сдался. Мономах, конфисковав имущество беглеца, привел его мать и жену в Киев. О его детях ничего не говорится. Во Владимире на княжении сел Давыд Игоревич⁹. Тем самым киевский князь восстановил против Ярополка еще одного князя. Злоключения не отразились на положении его брата Святополка в Новгороде, который все время событий на юге оставался сторонним наблюдателем.

Ярополк довольно продолжительное время отсутствовал на Руси, как видно, надеясь на помощь своих польских родичей. Только под 1086 г. появляется известие об его возвращении и примирении с Всеволодом, полномочным представителем которого был его сын Владимир Мономах. Назад он получил город Владимир, который вынужден был оставить Давыд Игоревич. Любопытно летописное дополнение, что Владимир Мономах находился в это время на юго-западе Руси, и только после примирения возвратился в свой Чернигов¹⁰. Сам Всеволодович, вспоминая свою деятельность, в «Поучении» дважды пишет о переговорах с Ярополком в Бродах и достигнутой «большой любви», разделенных в тексте известием о его походе на Минск¹¹. Но что же заставило великого князя пойти на этот самый компромисс, ведь летописи ничего не говорят о получении им помощи, в которой так нуждался Ярополк, оказавшись в конфликте с тремя сильными противниками: дядей Всеволодом, Ростиславичами и Давыдом Игоревичем.

Дело в том, что. По нашему мнению, около 1085–86 гг. был заключен союз Ярополка с могущественным полоцким князем Всеславом Брючиславичем (1044–1101), ставшим сватом волынского князя. Полоцкое княжество граничило с его владениями на севере, а поддержка могла сыграть свою важную роль. Любопытно, что еще братья Ярославичи в 70-е гг. XI в. обвиняли отца Ярополка Изяслава в сепаратных переговорах с Всеславом¹². Такой политический союз (польские родственники не помогли изгнаннику) напугал киевского князя и способствовал скорому примирению. Как можно убедиться,

¹ Если о княжении Игоря Ярославича на Волыни есть четкое сообщение летописи, то прямого указания на правление здесь Ростислава Владимировича нет, за исключением Татищева, в чем его аргументировано поддержал Соловьев (Соловьев С. М. История Российская с древнейших времен. Кн. 1. М., 1988. С. 671). Напомним, что позднее сыновья Ростислава обосновались в Перемышле, Звенигороде и теребове, то есть в позднейшей Галицкой земле по ряду других причин, одной из которых была поддержка венгерских и хорватских королей (их мать Илона-Ленке в то время была королевой Хорватии, а дядя Ласло I – королем Венгрии), а также и другие факторы. (Войтович Л. Галицько-Волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 117–183).

² Ипатьевская летопись. Стб. 196.

³ Там же.

⁴ Татищев В.Н. История. С. 94.

⁵ Соловьев С.М. История России. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1988. С. 353.

⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 196.

⁷ Там же. Стб. 197.

⁸ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 205.

⁹ Ипатьевская летопись. Стб. 172.

¹⁰ Там же Стб. 173.

¹¹ Володимир Мономах. Повчання. Статут Володимира Всеволодовича. Київ, 2006. С. 41.

¹² Ипатьевская летопись. Стб. 172.

«большой любви» от Всеволода и Владимира Мономаха можно было добиться только путем борьбы и давления. Конфликт между Ярославичами и Всеславом охватил 60-80-е гг. XI в. Ярополк лично столкнулся с Всеславом в битве под Голотичском, в которой разбил полоцкого князя¹. Теперь беда заставила забыть старые раздоры. Но и Всеслав был заинтересован в союзе. Как упоминалось, около 1084 г. его злейший враг Мономах, судя по краткому, но живописному описанию в его «Поучении», неожиданно овладел Минском, не оставив там «ни челяднина, ни скотины»². Скорее, это событие можно отнести к 1085 г. Общий враг объединил Ярополка и Всеслава.

Что касается зятя Ярополка Глеба, то трудно сказать выделил ли престарелый Всеслав столы своим шести или семи сыновьям еще при своей жизни. В 90-е гг. XI в. о Всеславе после бурных 60-70-х гг. не слышно. Скорее, да. Это не было в этот период чем-то исключительным. Тогда это может объяснить брачный союз именно с минским князем, враждебно настроенным к Мономаху. Точно не известно старшинство сыновей Всеслава и среди исследователей царит полное несогласие в данном вопросе. Глеб обычно помещают на третье или четвертое место (после Давыда, Рогволода-Бориса и Романа)³. Не ясно, был ли это его первый брак, но его возраст должен быть близок к возрасту невесты. Очевидно, что Глеб был одним из старших сыновей. Предположение основывается на том большом значении, которое имел Минск в летописях во второй половине XI – начале XII вв. Он упоминается едва ли не чаще, чем сам Полоцк. Его князь силен, владения в Полоцкой земле велики, а его потомство постоянно претендует на ведущую роль среди Всеславичей. Фактически Минск – очень значительный город Полоцкого княжества. Следовательно, Глеб – скорее, третий из здравствующих на 1101 г. сыновей своего отца. Вероятно, если бы не драматические обстоятельства его жизни, о чем мы напомним ниже, он занял бы со временем старший стол.

Обращает на себя внимание слишком юный возраст брака княжны. Во-первых, следует отметить, что упоминание возраста на момент смерти иногда не совпадает с летописной датой. Так, если быть точным, княгиня была вдовой не 40, а 39 лет (Глеб умер в 1119 г.)⁴. Возможно, Ярополковна родилась в 1073 г. Во-вторых, ранние браки среди Рюриковичей не были чем-то исключительным. Ради политических интересов выдавали замуж 8-летних княжон и 11-летних княжичей, не считаясь с византийской традицией. Так было с Верхуславой, дочерью и сыном Всеволода Большое Гнездо и его сыном Константином⁵.

Но мир не наступил. Своими врагами Ярополк считал Ростиславичей, захвативших половину территории ранее принадлежавших ему владений. С другой стороны, вражда с Ростиславичами уводила Ярополка от противостояния с Всеволодом и была выгодна последнему, который поддерживал их своей пассивностью. Уже вскоре (ноябрь 1086 г.) после возвращения и реставрации во Владимире Ярополк отправился против них в поход на Звенигород. Как известно, по дороге, 22 ноября, когда он лежал в санях, один из дружинников Нерадец коварно пронзил его саблей. Удар оказался смертельным. Л.Е. Махновец и П.П. Толочко датируют смерть 22.11.1087 г.⁶ Убийца бежал к князю Рюрику Ростиславичу в Перемышль, а дружинники повезли тело Ярополка сначала во Владимир, а потом на погребение в Киев⁷. Видимо, многие были шокированы таким жестоким преступлением, которому немного аналогов в отечественной истории. По феодальным представлениям, и Русь не была исключением, убийство своего господина вассалом – тяжкий грех. Однако, трудно не согласиться, но устранение князя было выгодно многим его родственникам как в регионе, так и в Киеве. Похоже, что волынский князь пал в результате заговора. От него избавились, а его обширное княжество разошлось по другим рукам.

В столице 5 декабря в присутствии великого князя, его сыновей, митрополита, бояр священников и киевлян состоялись торжественные похороны убитого. Тело Ярополка погребли в мраморном саркофаге в церкви св. Петра, возведенной покойным в честь своего патронального святого. Летописец посвятил убитому сентенцию, перечисляя его добродетели и незавидную судьбу, хваля за пожертвования на церковь. Всеволод, видимо, в отместку за смерть Ярополка предпринял поход на Перемышль, но его результат летопись умолчала⁸. Не была ли это только имитация наказания. Вдова князя с младшей дочерью уехала в Германию, где снова вышла замуж и имела детей⁹. Это еще один аргумент в пользу того, что брак дочери Ярополка был заключен еще при его жизни. Очевидно,

¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 184.

² Володимир Мономах. Повчання. С. 41.

³ В научной литературе царит полное несогласие по определению старшинства Всеславичей. Различные позиции историков по данной проблеме см: Войтович Л.В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів, 2000. С. 130–132). По вопросу тождества Рогволода и Бориса историков, кажется, больше всего смущает тот факт, что сын Бориса носил имя Рогволод, то есть повторил имя отца, а это не было тогда принято. Считается, что два старших сына Всеслава, упомянутые без имени в 1068 г., это Давыд и Рогволод, однако за 30 лет старшие сыновья легко могли и умереть, как часто бывало при высокой средневековой смертности во всех слоях общества (Ипатьевская летопись. Стб. 156.).

⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 285.

⁵ Соловьев С.М. История. Т. 2. С. 13.

⁶ Махновец Л.Е. Летопись. С. 126; Толочко П.П. Древняя Русь. С. 93.

⁷ Ипатьевская летопись. Стб. 197–198.

⁸ Ипатьевская летопись. Стб. 199.

⁹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 526–527.

что старшая дочь осталась на Руси, так как уже была женой Глеба Всеславича. Ничего не говорится о сыновьях Ярославе и Вячеславе, которые по расчету были еще детьми.

Однако история на этом не закончилась. В начале XII в. мы наблюдаем краткую активность братьев Анастасии и затем странную агрессивность минского князя Глеба Всеславича, стоившего ему свободы и жизни. Видимо, Ярослав Ярополкович был обделен вовсе или имел совсем маленькую волю. В 1101 г. он предпринимает попытку закрепиться в Берестье, которое ранее частью владений отца и деда. Однако его дядя киевский князь Святополк изловил в этом городе князя Ярослава и в оковах привел его в Киев. Едва митрополит и духовенство спасли сына Ярополка от еще более сурового наказания. Взяв с него клятву у гробницы Бориса и Глеба, Святополк освободил племянника, однако не видно его желания наделить его чем-то. Молодой князь оставался жить в Киеве, откуда 1 октября бежал опять к западной границе. Однако на реке Нуре, притоке Западного Буга, он был обманом захвачен двоюродным братом Ярославом Святополковичем¹. Похоже, что он умер бездетным.

Впрочем, среди историков нет единого мнения о том, от кого из сыновей Изяслава: Ярополка или Святополка происходит клецкий (клевеский) князь Вячеслав Ярославич, упомянутый под 1127 г. Н.М. Карамзин считал его Святополчичем, и это мнение до недавнего времени преобладало². В другом месте, посвященном брачной политике на Руси Володимира Мономаха и его сына Мстислава, мы вернемся к аргументации, но, по нашему мнению, этот Вячеслав был сыном Святополчича и по матери, скорее, внуком Мстислава Великого, чем внуком Ярополка Изяславича. Совсем мифической фигурой, не известной летописям, следует признать приписанного Ярославу Ярополковичу сына Юрия (1102 г.)³. Это явная татищевская ошибка, кочующая из одной генеалогической таблицы в другую. Здесь имеет место дублирование с Юрием Ярославичем Святополчича.

В 1103 г. в походе на половцев упоминается другой сын Ярополка Вячеслав. Как отмечается, участие в походе свидетельствует о его владетельном статусе и наличии собственной дружины. Датой его смерти следует признать 13 декабря 1104 г.⁴

Вслед за этим сообщением сразу говорится о походе в феврале 1105 г. ратей воеводы Святополка Изяславича и Ярополка Владимировича на князя Глеба Всеславича в Минск, в чем нельзя не увидеть связи с предыдущим известием. Киевский князь начал войну с мужем родной племянницы. К ним присоединился черниговский князь Олег Святославич, который прихватил с собой полоцкого князя Давыда, брата Глеба⁵. Поход не имел успеха. Летописи не объяснили причин этого военного конфликта. По нашему мнению, он связан с претензиями Глеба и его жены на некоторые волости из наследства Ярополка Изяславича, которые хотел захватить минский князь. О том, что это была его частная инициатива, а не дело полоцких Всеславичей говорит тот факт, что его старший брат оказался во враждебном ему лагере. Вообще, судя по отрывочным данным, среди Всеславичей в это время не все было благополучно⁶. Но ресурсы Глеба, а они, судя по финансам и воинскому потенциалу, позволяли ему на первых порах оказывать достойное сопротивление коалиции князей.

Затем долго мы ничего не слышим о Глебе Минском, кроме известий о его заботе о Печерском монастыре. Но в конце 1115 или в самом начале 1116 г. Глеб совершает нападение на землю дреговичей на Туровщине. В этом походе он сжег город Слуцк. Любопытно замечание летописца, что минский князь не каялся и не покорялся, а еще говорил слова осуждения в адрес Владимира Мономаха, занявшего киевский престол после смерти Святополка в 1113 г.⁷ Но в чем же заключались слова осуждения? Вероятно, они вновь касались судьбы туровских волостей, перешедших к незаконным, по мнению Глеба и его жены, владельцам. Татищев прямо говорит, что минские князь хотел отнять земли киевского князя⁸, не иначе, как туровские. Себя через супругу он считал единственным наследником этих земель. Минский князь явно планировал расширить свои собственные земли к югу. Преемственность с Ярополком Глеб с женой проявлял, как помним, и в отношении к Печерскому монастырю. За время совместной жизни в виде пожертвований, как помним, князь и княгиня передали монастырю в пересчете на киевские гривны 8 кг золота и 96 кг серебра⁹.

Владимир Мономах решил положить конец притязаниям Глеба. В январе 1116 г. большая рать во главе с самим киевским князем, его сыновьями, черниговскими князьями вторглись во владения минского князя. Союзники взяли Оршу, Копыс и Друцк (этот крупный город Полоцкого княжества прямо или опосредованно оказался во власти Глеба), а основные силы киевского князя, как в 80-е гг. XI в. вновь осадили Минск. Киевский князь начал серьезные приготовления к осаде, после

¹ Ипатьевская летопись. Стб. 250-251.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2-3. М., 1991. С.106.

³ Татищев В.Н. История. С. 123.

⁴ Скорее можно предположить его владения в Туровской земле, как считает Л.В. Войтович (Войтович Л.В. Княжа доба. С. 356); Ипатьевская летопись. Стб. 256.

⁵ Ипатьевская летопись. Стб. 256.

⁶ Так, родной брат Глеба Роман умер в изгнании (Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9-10. М., 1963. С. 143).

⁷ Ипатьевская летопись. Стб. 282.

⁸ Татищев В.Н. История. С. 133.

⁹ Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984. С. 131.

чего Глеб «ужаснулся всем сердцем» и запросил мира. Владимир Мономах, по словам летописца, не стал проливать кровь в великий пост и согласился на мир. Глеб вышел из города с сыновьями и женой и «обещался во всем слушаться Владимира». После нравоучения Мономах отдал ему Минск назад, а сам вернулся в Киев¹. Очевидно, что такой вынужденный мир не мог быть прочным.

Под 1117 г. и 1119 г. (правильно) дважды сообщается об одном и том же событии: Владимир Мономах лишил Глеба Минска, а самого привел пленником в Киев, как ранее там оказался шурин Ярослав Ярополкович². Вероятно, Всеславич продолжал агрессивные действия (Татищев сообщает о его набегах на смоленские и новгородские земли³). Конфликт Владимира Мономаха и его сына Мстислава с волынским князем Ярославом Святополчицем, двоюродным братом жены Глеба создавал общую линию дестабилизации в этом регионе, что и привело к устранению минского князя. Оба, и Ярослав, и Глеб были недовольны засильем Мономашичей. Буквально в следующем предложении после известия о пленении Глеба, говорится о его смерти в Киеве 13 сентября, хотя прямо и не сказано, что он умер в тюрьме. Как помним, он был погребен в Печерском монастыре⁴. Таким образом, попытка Глеба занять хотя бы часть владений тестя потерпела поражение, натолкнувшись на сопротивление киевских князей: сначала Святополка, а затем Мономаха. Вдова умершего прожила еще долгую жизнь, располагая, как средствами, так и земельными владениями, сохранив связи, как и отец, и муж, с Печерским монастырем. Ее сыновья и потомки смогли отстоять свое право на Минское княжество, периодически занимая Полоцк. Трудно признать убедительным предположение о правлении вдовы Глеба до своей смерти в Минском княжестве⁵.

Выводы. Брак между Глебом Всеславичем и дочерью волынского князя Ярополка Изяславича был заключен около 1085 г. в период острой политической борьбы на юго-западе Руси. При всем антагонизме между двумя линиями потомков святого Владимира он стал первым в истории Рюриковичей и был направлен против киевского князя Всеволода Ярославича. Он сыграл важную роль в раскладе политических сил на русских землях в середине 80-х гг. XI в. Союз Всеславича и Ярополковны способствовал укреплению позиций Ярополка и видимо, был удачен в семейном плане, но тестю не дали воспользоваться его плодами. Брак открыл серию внутрдинастических браков между Рюриковичами, рассвет которых наступил в Киевской Руси во второй половине XII-начале XIII вв.

В дальнейшем брачный союз с дочерью Ярополка стал основанием для претензий минского князя на часть владений давно умершего тестя и его сыновей. Преемственность с волынским князем минские князь и княгиня демонстрировали и в дальнейшем в своих дарениях Печерскому монастырю. Но сил Глеба Всеславича, ввязавшегося в борьбу с киевскими князьями, оказалось недостаточно для победы, и его попытки расширить свои владения на основании династического родства с Ярополком потерпели крах.

Вопрос изучения внутрдинастических браков Рюриковичей и их влияния на междукняжеские отношения в Древней Руси представляется перспективным для исследования.

Библиография

- Войтович Л. Галицько-Волинські етюди. Біла Церква: Вид. Пшонківський О.В., 2011.
Войтович Л.В. Княжа доба на Русі. Портрети еліти. Біла Церква: Вид. Олександр Пшонківський, 2006.
Войтович Л.В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Львів: Інститут українознавства ім. І.Крип'якевича, 2000.
Володимир Мономах. Повчання. Статут Володимира Всеволодовича. Київ: МАУП, 2006.
Высоцкий С.А. Древнерусские граффити Софии Киевской // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М.: Ин-т археологии РАН, 1962. С. 147-182.
Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М.: ЯРК, 2001.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2-3. М.: Наука, 1991.
Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Просвещение, 1984.
Кучкин В.А. «Съ тоя же Каялы Святопѣлкъ ...» // Russia Mediaevalis. München, 1995. Т. VIII. 87-117 с.
Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Внутрдинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3(49). С. 45-68.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2013. Т. LVIII. С. 308-325.
Махновець Л.Є. Літопис Руський. Київ: Дніпро, 1989.
Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки, культурных, торговых, политических отношений IX—XII веков. М.: Языки Русской Культуры, 2001.

¹ Ипатьевская летопись. Стб. 282-283.

² Там же. Стб. 285.

³ Татищев В.Н. История. С. 133.

⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 285.

⁵ García de la Puente Ines. Gleb of Minsk's Widow: Neglected Evidence on the Rule of a Woman in Rus'ian History? // Russian History. Vol. 39. Issue 3, 2012. pp. 347-378.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.

Назаренко А.В. «Псалтирь Гертруды: судьба кодекса и династические коллизии XI-XII вв. на Руси, в Польше и Германии // IV круглый стол «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yIWtV_1QwzM.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9-10. М.: Наука, 1965.

Поппе А. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. К.: Институт історії України, 2011.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: МГУ, 1977.

«Синопис» 1674 г. URL: <http://litopys.org.ua/synopsis/syno4.htm>

Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

Толочко П.П. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.

Щавелева Н.И. К изучению молитвенника княгини Гертруды // Восточная Европа в древности и средневековье: проблемы источниковедения: Чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 18-20 апр. 1990 г. Тез. докл. М.: Ин-т истории СССР, 1990. С. 147-150.

Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. 4. М.: Наука, 1963. С. 142-164.

Garcia de la Puente Ines. Gleb of Minsk's Widow: Neglected Evidence on the Rule of a Woman in Rus'ian History? // Russian History. Vol. 39. Issue 3, 2012 pp. 347-378.

References

Garcia de la Puente Ines. Gleb of Minsk's Widow: Neglected Evidence on the Rule of a Woman in Rus'ian History? // Russian History. Vol. 39. Issue 3, 2012 pp. 347-378.

Ianin V.L. Russkaia kniagina Olisava-Gertruda i ee syn Iaropolk // Numizmatika i epigrafika. T. 4. M.: Nauka, 1963. S. 142-164.

Ipat'evskaia letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. M.: IAR, 2001.

Karamzin N.M. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo. T. 2-3. M.: Nauka, 1991.

Kobrin V.B., Leont'eva G.A., Shorin P.A. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. M.: Prosveshchenie, 1984.

Kuchkin V.A. «S' toia zhe Kaialy Sviatop"lk" ...» // Russia Mediaevalis. München, 1995. T. VIII. 87-117 s.

Lavrent'evskaia letopis' // PSRL. T. 1. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001.

Litvina A.F., Uspenskij F.B. K utochneniju semantiki drevnerusskogo «svatatisja» / «svatitisa» i «svat(')stvo» // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. 2013. T. LVIII. S. 308-325.

Litvina A.F., Uspenskij F.B. Vnutridinasticheskie braki mezhdru trojurodnymi brat'jami i sestrami v domon-gol'skoj Rusi // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2012. № 3(49). S. 45-68.

Makhnovets' L.E. Litopis Rus'kii. Kii: Dnipro, 1989.

Nazarenko A. V. Drevniaia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia). (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2007 god) / In-t vseobshchei istorii. M.: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke, 2009.

Nazarenko A.V. «Psal'tir' Gertrudy: sud'ba kodeksa i dinasticheskie kollizii XI-XII vv. na Rusi, v Pol'she i Germanii // IV kruglyi stol «Drevniaia Rus' i germanskii mir v filologicheskoi i istoricheskoi perspektive. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yIWtV_1QwzM.

Nazarenko A.V. Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki, kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh otnoshenii IX–XII vekov. M.: Iazyki Russkoi Kul'tury, 2001.

Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshogo izvodov // Polnoe sobranie russkikh letopisei. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1950.

Patriarskaia ili Nikonovskaia letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 9-10. M.: Nauka, 1965.

Poppe A. Istoki i nachal'naia istoriia Kievo-Pecherskogo monastiria. K.: Institut istorii Ukraïni, 2011.

Rapov O.M. Kniazheskie vladeniia na Rusi v X – pervoi polovine XIII v. M.: MGU, 1977.

«Sinopsis» 1674 g. URL: <http://litopys.org.ua/synopsis/syno4.htm>

Shchavaleva N.I. K izucheniiu molitvennika kniagini Gertrudy // Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: problemy istochnikovedeniia: Chteniia pamiati V. T. Pashuto, Moskva, 18-20 apr. 1990 g. Tез. dokl. M.: In-t istorii SSSR, 1990. S. 147-150.

Tatishchev V.N. Istoriia Rossiiskaia. T. 2. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1963.

Tolochko P.P. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Kiev: Naukova dumka, 1987.

Voitovich L. Galits'ko-Volins'ki etiudi. Bila Tserkva: Vid. Pshonkivs'kii O.V., 2011.

Voitovich L. V. Kniazha doba na Rusi. Portreti eliti. Bila Tserkva: Vid. Oleksandr Pshonkivs'kii, 2006.

Voitovich L.V. Kniazivs'ki dinastii Skhidnoi Evropi (kinets' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politichna rol'. Istoriko-genealogichne doslidzhennia. L'viv: Institut ukrainoznavstva im. I. Kryp'iakevicha, 2000.

Volodimir Monomakh. Povchannia. Statut Volodimira Vsevolodovicha. Kii: MAUP, 2006.

Vysotskii S.A. Drevnerusskie graffiti Sofii Kievskoi // Numizmatika i epigrafika. T. 3. M.: In-t arheologii RAN, 1962. S. 147-182.

УДК 94(47).072

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЙ КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОГО ИМЕНИЯ ГРАФОВ БУТУРЛИНЫХ**PECULIARITIES OF ADMINISTRATIVE GOVERNING, NATIONAL COMPOSITION AND ECONOMY BUSINESSES OF THE VORONEZH MANOR OF COUNTS BUTURLINS****Е.Н. Бунеева, А.В. Перепелицын**
E.N. Buneeva, A.V. Perepelitsyn*Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86.**Voronezh state pedagogical university,
86 Lenin St., Voronezh, 394043, Russia**E-mail: buneevaelena@mail.ru, avp64@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа архивных материалов дается характеристика различных аспектов истории крупной вотчины графов Бутурлиных, существовавшей в Воронежской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Главное внимание уделено выяснению административно-территориального и национального состава вотчины, особенностей сложившейся системы управления и хозяйственных занятий ее населения. Данная вотчина управлялась владельцами в основном не непосредственно, а через поверенных и управляющих. Население вотчины составляли малороссийские (преимущественно) и великорусские крестьяне, основной формой эксплуатации которых являлся оброк, а главным занятием – земледелие.

Resume. The different aspects characteristics of the counts Buturlins large ancestral lands in the second half of 18-th – the first half of 19-th centuries of the Voronezh governorate are expounded on a basis of archive materials. In a focus are recognition of the ancestral lands administrative-territorial and national structures, features of traditional systems for governing and economical businesses of population. This patrimony was managed by owners indirectly through attorneys and managers. Population of ancestral lands was from malorussian (in main) and velicorussian peasants, a principal form of exploitation was a quitrent, and a principal business was an agriculture.

Ключевые слова: графы Бутурлины, вотчина, имение, крестьяне.

Key words: counts Buturlins, ancestral lands, manor, peasants.

Вотчина графов Бутурлиных сформировалась и функционировала в Воронежской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Ее первым владельцем являлся генерал-фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин, получивший в Бобровском уезде в дар от императрицы Елизаветы Петровны черноземные земли в районе реки Осередь. Именно А.Б. Бутурлин начал заселение и строительство вотчины. После его смерти в 1767 г. имение перешло к сыну Петру Александровичу, а затем – к внуку Дмитрию Петровичу. Сенатор Д.П. Бутурлин скончался во Флоренции в 1829 г., оставив своим наследникам 21 населенный пункт, входивший в состав имения¹. В данной статье на основе сохранившихся архивных материалов исследуется сложившийся механизм управления этой крупной родовой вотчиной, а также особенности национального состава и хозяйственных занятий ее крестьян.

В воронежской вотчине Бутурлиных выделялось четыре относительно обособленных группы поселений со своими центрами – слободами, к которым в хозяйственном и религиозном отношении тяготели другие населенные пункты. К первой группе, являвшейся центром графского имения, относилась слобода Бутурлиновка и хутор Дмитриевский. В Бутурлиновке напротив входа в Преображенскую церковь находился господский дом «на каменном фундаменте, дубового пластового леса, о 13 комнатах, покрыт железом»². На расстоянии сорока метров от него располагалось другое капитальное здание, в котором пять комнат были отведены вотчинному правлению, одна использовалась как арестантская, а подвал занимала кладовая. Фасады обоих домов были

¹ Бунеева Е.Н. Крупное помещичье хозяйство России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 181 с.

² Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. 24. Оп. 4. Д. 25. Л. 37 об.–38.

обращены к церкви. Во внутреннем дворе за домами размещалось семь флигелей, предназначенных для проживания дворовых людей, а также несколько хозяйственных и бытовых построек: амбары, погреба, ледник, каретный сарай и т.д. Вторую группу поселений составляли слобода Великоархангельская и хутора Тюников, Макогонов и Патокино. В третью группу входили слобода Васильевка и хутора Кучерявый, Бражников, Сериков, Крутинский, Терехов, Хорольский и Колодеев. Четвертую группу образовывали слобода Филиппенкова и хутора Петренков, Масычев и Елисаветин. В несколько обособленном положении находились деревни Марьинская, Толучеева с господским деревянным домом и Колодеева. По имеющимся данным, Бутурлиным принадлежало в Воронежской губернии 77867 десятин 2349 сажень земли¹.

Управление воронежским имением графов Бутурлиных представляло собой довольно сложную систему, охватывавшую более двадцати населенных пунктов с тысячами крепостных крестьян. Полным собственником вотчины, главным распорядителем всех дел являлся сам граф. Он выступал единственным повелителем своих крепостных крестьян, хозяином вотчинной земли и всего находившегося на ней имущества. Для постоянного руководства хозяйственными делами требовался особый центральный орган. Граф опирался на работавшую в Москве собственную контору, в которую сходились все нити управления не только воронежской вотчиной, но и костромским имением, домами в Москве и другим имуществом.

Перед отъездом Дмитрия Петровича Бутурлина в 1817 г. во Флоренцию он оставил доверенность действительному тайному советнику Ф.А. Голубцову, в которой передавал ему в Воронежской губернии под главный надзор, полное и хозяйственное распоряжение слободу Бутурлиновку «со всеми принадлежащими к ней хуторами и селениями, в коих во всех числится за мною мужеска полу девять тысяч душ»². Граф рекомендовал Ф.А. Голубцову «приучить старшего моего сына к хозяйству» с тем, чтобы в последующем «отдать все мое имение в полное его управление»³. Известно, что главным доверенным лицом Ф.А. Голубцов оставался вплоть до 1824 г., неоднократно закладывая воронежских крестьян под взятые денежные займы, но сам лично слободу не посещал. В его подчинении в качестве управляющего имением находился отставной поручик И.А. Кавецкий, постоянно проживавший в Москве и руководивший путем посылки на места письменных распоряжений. Уже в документах за 1819 г. он именовался управляющим и в той или иной мере, с перерывами, был причастен к управлению вотчиной вплоть до ее ликвидации.

В самой Бутурлиновке было организовано вотчинное правление, в котором работали должностные лица, назначенные графом или избранные самим населением. Главным представителем помещика непосредственно в вотчине считался его поверенный. Из документов, относящихся к 1819 г. и последующим годам, видно, что поверенным Д.П. Бутурлина в слободе до 1831 г. являлся крестьянин Дмитрий Самойлович Кащенко, характеризовавшийся как расторопный, сметливый человек, обладавший деловой хваткой.

Незадолго до своей кончины Д.П. Бутурлин принял на работу нового управляющего имениями В.А. Инсарского. Наследники графа, сыновья Петр и Михаил, оставили этого управляющего, выдав ему в апреле 1830 г. «верующее письмо». В нем они рекомендовали В.А. Инсарскому «управляющих и прикащиков по вотчинам переменять, если то нужным признаете, и с новыми управляющими контракты от имени нашего заключать, предписания к управляющим вотчинами и домами нашими именем нашим посылать и смотреть, дабы доходы исправно поступали, и чтоб в выполнении расходов не было остановки»⁴. Кроме того, они указывали управляющему «при бываемых рекрутских наборах крестьян и дворовых людей в рекруты отдавать, рекрутские квитанции получать, дворовых людей и крестьян за неповиновение и буйство к суду отдавать»⁵.

После смерти Д.П. Бутурлина вотчина некоторое время находилась в общем владении всех наследников. В 1833 г. был утвержден раздельный акт, по которому на месте воронежской вотчины было создано три самостоятельных имения, принадлежавших графине-матери А.А. Бутурлиной, старшему сыну Петру и дочери Елене. Эти владельцы решили держать на все три имения одного управляющего. Сначала им был В.А. Инсарский, а в 1835 г. снова привлекли И.А. Кавецкого. П.Д. Бутурлин выдал ему доверенность, в которой отмечалось: «Покорнейше прошу принять все оное имение как мое собственное, равно родительницы и сестры моей, также и купленную мною особо от гг. Казаковых деревню Новоселки, в ваше полное ведение»⁶. И.А. Кавецкий занял место управляющего с правом передоверия части своих полномочий другому лицу. Этим правом он воспользовался, поручив немцу А.Ф. Дербергу в июне 1835 г. принять в свое полное ведение все три графских имения, объясняя свое решение «постоянным отсутствием в них и выполнением других поручений графа»⁷. И.А. Кавецкий поручал А.Ф. Дербергу руководить согласно выданным им вотчин-

¹ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1370. Л. 1 об., 7 об., 8 об., 9; Д. 1474. Л. 13; Д. 1583. Л. 1, 37 об.

² ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1318. Л. 36–36 об.

³ Там же.

⁴ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1317. Л. 3 об.

⁵ Там же.

⁶ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1583. Л. 27 об.

⁷ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1880. Л. 3–3 об.

ному правлению инструкциям, по своему усмотрению давать нужные распоряжения, получать с имений доходы, находить новые доходные статьи, а полученные средства высылать либо ему, либо тому, кому он предпишет. Свою работу А.Ф. Дерберг успешно выполнял до 1841 г. Интересно, что до него обязанности управляющего некоторое время исполнял местный крестьянин Яков Осипович Ильченко, получивший по распоряжению И.А. Кавецкого вместе с семьей в 1837 г. освобождение от крепостной зависимости.

Непосредственно в имениях на различные должности часто назначались крестьяне. В Бутурлиновке находился вотчинный атаман. Он ведал, прежде всего, хозяйственно-финансовыми делами и исполнением крестьянами различных повинностей. Известно, что в 1840-е гг. вотчинными атаманами служили Никита Гаранжин, Степан Дмитренков. Важной фигурой местной администрации являлся вотчинный писарь. В источниках сохранились фамилии некоторых писарей из местных крестьян – Иван Саввич Посекунов, Василий Дмитриевич Кащенко, Василий Гаврилович Вернитский. В конкретных населенных пунктах представителями администрации являлись слободские атаманы, сотские, сборщики податей, судьи, писари. Известно, что слободские атаманы избирались взрослым мужским населением на сходах всех четырех слобод, они занимались проблемами землепользования и выполнения рекрутской повинности, контролем за сбором податей, организацией ремонта дорог и гатей, поддержанием общественного порядка. Избирая атаманов и сотских, крестьяне старались принимать во внимание их деловые и личные качества.

Раздел единого имения между тремя наследниками экономически ослабил и ускорил ликвидацию вотчины. Покупка П.Д. Бутурлиным в 1837 г. имения Е.Д. Бутурлиной не смогла улучшить ситуацию. Испытывая финансовые трудности, с 1836 г. А.А. Бутурлина начала длительную процедуру перевода своих крепостных в состояние свободных хлебопашцев, а с 1841 г. к этому же приступил П.Д. Бутурлин. Окончательной датой официальной ликвидации вотчины графов Бутурлиных можно считать 1851 г.

После выхода крестьян в свободные хлебопашцы в бывших графских имениях некоторое время продолжала действовать прежняя система управления: крестьяне не испытывали острой потребности в ее немедленном изменении, а местные власти ожидали, когда освобождавшееся от крепостной зависимости население будет принято в ведомство министерства государственных имуществ. Изменения в управлении начинались с приема получивших волю крестьян в ведение органов государственных имуществ. Тогда же стали выдвигаться предложения будущего административно-территориального деления бывших имений. Так, принимая в 1842 г. принадлежавших ранее А.А. Бутурлиной крестьян Васильевки и приписанных к ней хуторов, начальник Бобровского окружного управления считал возможным создать Васильевскую волость с волостным правлением в слободе. На деле в 1846 г. было образовано Васильевское сельское общество свободных хлебопашцев с правами волости. Параллельно этому происходило упразднение старых органов вотчинного управления и прежних названий должностных лиц.

Прием крестьян, освобождаемых от крепостной зависимости графом П.Д. Бутурлиным, в управление Воронежской палаты государственных имуществ состоялся в 1847 г. Начальник Бобровского окружного управления в передаточной ведомости указывал: «В бытность мою при приеме имения я заметил, что имение это в настоящее время управляется атаманами, не имеющими к тому же надлежащих способностей и действующими без всякого основания. Вотчинный же атаман в слободе Бутурлиновке и вотчинного правления писарь Пивоваров к отправлению этих должностей решительно не имеют никакой способности, а писарь, кроме того, человек нетрезвой жизни и чрез это в делах вотчинного правления замечен беспорядок; и таковые беспорядки по времени еще больше увеличатся при служении этих должностных лиц; тем более что по Бутурлиновскому вотчинному правлению обращается значительное количество сумм, а потому до учреждения в этом имении волостных и сельских управлений и до избрания вновь начальствующих лиц не предстоит никакой возможности к восстановлению должного порядка»¹. Этот же чиновник отмечал, что «со времени увольнения управляют имением сами крестьяне чрез избранных из себя старшин». Управляющий имения уже отсутствовал, и крестьяне без сожаления расставались с прежними должностными лицами. Сохранился приговор сельского схода от 15 июля 1847 г. о замене вотчинного писаря П. Пивоварова ввиду его нетрезвого образа жизни. Приговор подписали 139 крестьян, в том числе вотчинный атаман Ф. Штурба, помощник вотчинного писаря Чекмез, трое вотчинных старшин: Т. Моловец, Е. Дорошенко, П. Олейник. К документу была приложена печать вотчинного правления Бутурлиновки².

По материалам, исходивших от крестьян, можно заметить, что они добивались открытия у них органов управления, аналогичных тем, что существовали у государственных крестьян. Так, в приговоре схода 464 бутурлиновских крестьян от 26 августа 1847 г. содержалась просьба к палате государственных имуществ «учредить у нас сельские власти, какие законом и другими постановлениями учредить дозволено»³. Проявлялось стремление крестьян ускорить затянувшееся созда-

¹ ГАВО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 13. Л. 83 об.

² ГАВО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 13. Л. 117, 119.

³ ГАВО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 13. Л. 134.

ние новых органов управления, что должно было содействовать завершению оформления их нового статуса. В августе 1848 г. была создана Бутурлиновская волость в составе Бутурлиновского и Великоархангельского сельских обществ, для руководства которыми образовывалось одно волостное и два сельских управления. Крестьяне из свободных хлебопашцев переименовывались в государственных крестьян, водворенных на собственных землях.

Национальный состав крестьян, составлявших население графской вотчины, не был однородным. В первую, самую большую группу входили бывшие переселенцы с Малороссии или же их потомки. В материалах различных учреждений они именовались по-разному: «подданными черкасами», «подданными малороссианами», «подданными малороссиянами», «малороссийскими подданными»¹. Причем первое название в первой половине XIX в. постепенно стало выходить из употребления, все чаще начинали использовать общее наименование «крестьяне», лишенное национального оттенка.

Вторую группу крестьян вотчины составляли великорусские крестьяне, называвшиеся в документах «крестьянами», «великороссийскими крестьянами», «великороссиянами». Они в небольшом количестве проживали в слободе Бутурлиновке. Скорее всего, это были потомки тех переселенцев, которых привез основатель вотчины А.Б. Бутурлин. Гораздо больше великорусских крестьян отмечалось в деревнях Марьинской, Толучеевой и Колодеевой, но выходцами из каких мест они были, остается неясным. На волю великорусские и малорусские крестьяне выкупались вместе, в одно и то же время.

Основными хозяйственными занятиями крестьян вотчины являлись земледелие и животноводство, определенную роль играли торговля и промыслы. Великорусские крестьяне, согласно документам 1820-х гг., преимущественно находились на барщине, а малороссияне – на оброке². Материалами 1829 г. на оброке было зафиксировано 5446 крестьянских тягол, а на барщине – лишь 237. Малороссияне ежегодно засевали 31870 десятин разных озимых и яровых хлебов, тогда как великорусские крестьяне – 480. Можно констатировать, что в вотчине Бутурлиных в основном велось оброчное хозяйство, что вполне согласуется с образом жизни и деятельности ее владельцев.

В земледелии вотчины, как и в других местах, преобладало трехполье, при котором, как известно, два поля засеивались озимыми и яровыми культурами, а третье – определялось «под толоку», или, по выражению крестьян, «гуляло», «перегуливалось», «отдыхало». С появлением травы на «толоке» пасли скот, что способствовало уплотнению почвы и изменению ее структуры. Ежегодно в целях повышения урожайности поля менялись, происходило чередование культур. Вспашка земли осуществлялась плугами на волах (великорусские говорили и писали – «на быках»). Одна плужная упряжка могла состояться из трех пар волов, впряженных попарно гуськом, цугом. Скородили пашню ралом, которое тянула пара волов. Рало представляло собой простейшее земледельческое орудие: массивный деревянный длиной около двух метров брус с насквозь продолбленными на расстоянии до 20–25 сантиметров друг от друга отверстиями, в которых наглухо крепились железные зубья, напоминавшие лапы культиватора. Ралом хорошо размельчались большие комья земли, выравнивалась поверхность. Затем землю обрабатывали деревянными с железными зубьями бородами. Засеянную от руки пашню сразу волочили бородами, впрягая в них опять-таки волов.

Лошадей в хозяйствах малороссиян имелось совсем мало. В одном из крестьянских прошений за 1842 г. писалось: «В слободе нашей Бутурлиновке и прочих приписных к ней хуторах малороссияне наши в домах своих лошадей не держат, а имеют для обрабатывания своих земель плугами волов; а если некоторые по богатому своему состоянию и имеют для дома своего одну или две лошади, то таких весьма мало; и из тех по прошествии зимы многие продают, ибо с наступления весны лошади в нашем быту совершенно не нужны бывают, и всю полезную работу и езду исправляют на волах»³.

В структуре посевных культур доминировали рожь, пшеница, ячмень, гречиха, просо, овес. Среди огородных культур преобладали бураки, капуста, лук, чеснок. С конца 1830-х гг. стал распространяться картофель. «Уборка хлебов, – сообщалось в источнике, – производится неумотомо большей частью в августе и сентябре; озими, хорошо родившиеся, жнут, а дурно родившиеся, равно яровые хлеба, преимущественно косят; убранный хлеб по связке в снопы складывается в копны и потом в хорошую погоду свозится в гумны, где складывается в кладушки... Молотьба хлеба производится цепями»⁴. Хлеб обмолачивался малороссиянами обычно осенью, а великорусскими крестьянами – зимой. Зерно ссыпали в амбары с таким расчетом, чтобы, по словам крестьян, «для прокормления их семейств» было достаточно. Часть хлеба продавалась на месте купцам-скупщикам или же отвозилась в Бутурлиновку. Избыток хлеба случался далеко не всегда, периодически бывали неурожайные годы, происходили различные стихийные бедствия.

¹ ГАВО. Ф. 167. Оп.1. Д. 1318. Л. 1 об.–3; Д. 1370. Л. 8–8 об.

² ГАВО. Ф. 24. Оп.4. Д. 25. Л. 33 об.

³ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

⁴ ГАВО. Ф. 167. Оп. 8. Д. 1. Л. 47–47 об.

Тяжелая работа на земле была невозможной, как уже отмечалось, без достаточного количества рабочего скота. Лощины, балки, овраги, солонцы, другие угодья использовались крестьянами для летнего выпаса продуктового и производственного скота. Кроме волов и лошадей в их хозяйствах содержались также коровы, овцы, свиньи.

В весенне-летний период все трудоспособные члены крестьянских семей малороссиян были загружены работой в поле или домашнем хозяйстве. С окончанием полевых работ интенсивный трудовой ритм ослабевал, наступало время отправления в извоз, торговли, кустарных промыслов. В документе 1829 г. отмечалось по этому поводу: «Промышленность крестьян, сверх хлебопашества, ското- и овцеводства, – извоз в разные губернии на волах хлеба, соли и протчаго, кузнечное, кожевенное, сапожное и простое портное мастерство, в значительном количестве торговля разными изделиями по разным местам и в своей слободе Бутурлиновке, в которой бывает в каждую неделю по два базара и по семи в год ярмонок»¹. Для занятий извозом нужно было в вотчинном правлении в Бутурлиновке получить проходные билеты, без которых чумаков в чужих краях могли принять за беглых крестьян, арестовать и препроводить обратно.

Хозяйственная деятельность великороссийских крестьян вотчины протекала несколько по-иному. Они находились «на господской пашне», то есть на барщине. Их участь была не лучшей, чем доля малороссиян. Помимо своих земельных наделов они обрабатывали господскую пашню, площадь которой в 1820-е – 1830-е гг. доходила до 500 десятин. Какая-либо заинтересованность в обработке этой земли у крестьян совершенно отсутствовала, все держалось на силе внеэкономического принуждения.

Большинство собственных хозяйственных заведений владельца вотчины и господская пашня были сосредоточены в Аннинской экономии. «На степи, при экономическом хуторе Аннинском – конный, овчарный и рогатого скота заводы и для сих имеются каменные здания манеж, конюшни, овчарни, деревянный дом с разными службами, где производится господское хлебопашество»². Кроме обработки господской пашни, великорусские крестьяне занимались также повседневным уходом за содержащимися на заводах животными, пастьбой их в степи, заготовкой для них кормов на зиму.

Итак, воронежское имение графов Бутурлиных просуществовало около ста лет. Сложившаяся система управления вотчиной должна была обеспечивать максимально возможную доходность вотчины и защищать интересы владельца. Этой же цели служило сочетание назначенных и выборных должностных лиц, стремление иметь представителя владельца в каждом населенном пункте. Изменения в управлении происходили при смене юридического статуса крестьян, а именно при переводе крепостных в вольные хлебопашцы, а затем в разряд государственных крестьян, водворенных на собственных землях. Крестьяне воронежской вотчины Бутурлиных формировались из малороссийских и великорусских источников. Общность хозяйственных занятий и правового статуса сочеталась с определенными различиями в организации жизни и производственной деятельности крестьян разных национальностей, формах их зависимости от помещика, бытовом укладе. В вотчине преобладал денежный оброк, барской запашки было немного. Основными хозяйственными занятиями крестьян являлись земледелие и скотоводство, но с течением времени крестьяне все больше стали отрываться от земли: уходить на заработки в другие местности, вести мелкую торговлю, заниматься извозом, организовывать небольшие мастерские, развивать различные ремесла (особенно, кожевенное и сапожное производство).

Библиография

Бунеева Е.Н. Крупное помещичье хозяйство России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

References

Buneeva E.N. Krupnoe pomeshchich'e khoziaistvo Rossii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2002.

¹ ГАВО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 1474. Л. 13 об.

² ГАВО. Ф. 254. Оп. 1. Д. 131. Л. 2 об.–3.

УДК 94(47+57)+351.742+351.711-048.35

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКИМ РЕГИОНОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ УНИФИКАЦИИ К СПЕЦИФИКАМ (20-е ГОДЫ XIX ВЕКА)*

MODELS OF THE VOLGA-URALS REGION MANAGEMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE: FROM UNIFICATION TO THE SPECIFICITY (THE TWENTIES OF 19-TH CENTURY)

А.Н. Бикташева
A.N. Biktasheva

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20*

*National Research University Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000*

E-mail: abiktasheva@hse.ru

Аннотация. В статье освещается реализация правительством Александра I «наместнической программы» (1816). Предметом анализа является текст «проекта учреждения горного генерал-губернаторства» В.Ю. Соймонова, история его создания и причины последующей трансформации. По мнению автора, он лег в основу полномочий начальника заводов Уральского хребта (1827), сохранив тем самым предложенную модель управления, соответствующую экономической региональной специфике.

Resume. This article deals with the problem of «vicegeral program», realized by the government of Alexander the First. The subject of scientific analysis is V.U. Soimonov' text of the «project of the establishment of the mountain general-governorship», the history of its creation and the reasons of subsequent transformation. According to the author, it was the basis of authority of the Ural mountains plants chief (1827), thus maintaining the proposed management model, that was correspondent to the economic regional specificities.

Ключевые слова: Российская империя, генерал-губернатор, Волго-уральский регион, управление различиями.

Key words: Russian Empire, governor-general, Volga-Ural region, differences in management.

Взгляд исследователя на российскую «имперскую ситуацию»¹ не с высоты птичьего полета, а с локального уровня приводит к убеждению, что Российская империя представляла собой сложно организованное административное пространство. Устойчивость ее внутреннего устройства можно объяснить поливариантностью властных структур, многообразием управленческих практик, локальными знаниями. Но само наличие многоуровневого разнообразия земель не программировало появление территориально-ориентированного управления. Формирование имперской региональной политики происходило постепенно, через отказ от «программного» унифицированного управления по выдуманым или импортируемым моделям, игнорировавшим локальные различия.

Генерал-губернаторская модель управления применялась в Российской империи почти полтора столетия. Важной вехой в ее развитии стало «Учреждение наместничеств» (1816). Реализация этого проекта происходила по итогам введения министерской системы с целью дальнейшего реформирования местной власти. Вопрос о необходимости повсеместного введения генерал-губернаторств неоднократно поднимался Негласным комитетом, Государственным советом и Сенатом. Идея «наместнического проекта» получила первоначальную апробацию в пяти центральных губерниях под управлением А.Д. Балашова (1819). Государственная уставная грамота Российской империи (1820), известная как проект общероссийской конституции, помимо федеративного устройства также провозглашала сочетание централизма государственного управления с интересами местного представительства. При этом больше трети статей документа были посвящены местному управлению², которое в соответствии с проектом «Учреждения наместничеств» должно

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0105), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015 – 2016 гг.

¹ Подробнее об этом см.: Исторический курс «Новая история Северной Евразии». Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 254-264.

² МIRONENKO C.B. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С 192.

было получить новое оформление. Подтверждением тому могут быть последовавшие затем реформы М.М. Сперанского по управлению сибирских губерний¹, признававшие локальные исключения как правовую норму. С 1822 года в эту программу включились поволжские губернии (нижегородская, казанская, симбирская, саратовская и пензенская) под общим руководством генерал-губернатора А.Н. Бахметева.

В последнее десятилетие названные сюжеты стали активно разрабатываться в исследовательской литературе. Тому способствовало появление новых подходов², стимулирующих интерес отечественных историков к институту генерал-губернаторства в целом³ и по отдельным губерниям⁴. Но поволжский случай учреждения власти генерал-губернатора до сих пор остается темой малоизученной⁵. Мы очень мало знаем о причинах возврата к наместнической программе при Александре I, ее жизнестойкости и, тем более, о причинах ее свертывания при Николае I. В этой связи отдельной проблемой может стать обсуждение соотношения отраслевого (министерского) и территориального (областного, окружного) управления.

В данной статье я хочу обратиться к обстоятельствам создания «Проекта образования горного генерал-губернаторства, составленного Владимиром Юрьевичем Соймоновым по повелению Императора Александра I»⁶, выявить связь между этим проектом и содержанием «Инструкции главному начальнику заводов Уральского хребта» (1826). История появления этого документа и, главным образом его трансформация может свидетельствовать о значимости и даже главенстве региональной специфики при выборе форм управления данной территорией.

Автор проекта был обозначен в самом его названии – тайный советник, сенатор В.Ю. Соймонов (1772–1825). Вся его жизнь была посвящена развитию горного дела в России. Будучи племянником директора берг-коллегии М.Ф. Соймонова, получил хорошее профессиональное образование. Обучался горному делу не только в России, но и в Европе. Во Фрайберге в горной академии познакомился с Александром фон Гумбольдтом, с которым долгие годы сохранял дружеские отношения. По возвращению быстро продвигался по карьерной лестнице. В 1800 году он вице-президент берг-коллегии, через два года перешел на службу в департамент министерства финансов по горному ведомству. После преобразования горного управления (1806) становится московским берг-инспектором. С 1812 по 1821 годы находился в Коломне, куда было переведено Московское горное правление.

30 июня 1822 г. именным указом В. Ю. Соймонов был наделен правами генерал-губернатора и направлен в Казанскую губернию для прекращения там «злоупотреблений и беспорядков» до полного «устройства той губернии»⁷. Безусловно, его назначение носило чрезвычайный характер. Не случайно оно совпало с начавшейся повсеместной реализацией наместнического проекта. По прибытии в Казань, он не стал там оставаться «до полного ее устройства», и уже весной 1823 года был направлен на Урал, чтобы возглавить Екатеринбургскую временную горную комиссию. Создается впечатление, что его назначение в Казань было лишь поводом для более важных дел.

Инициатива создания Екатеринбургской горной комиссии принадлежала новому министру финансов Е.Ф. Канкрину, сменившего на этом посту Д.А. Гурьева. Оздоровление экономики страны он видел в возрождении былых возможностей Уральского региона, поскольку с начала XIX века здесь значительно сократилась добыча золота, а изъяны в управлении уральской металлургией

¹ Дамешек И.Л. Сибирская ревизия реформы М.М. Сперанского 1822 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1(2). С. 66–72.

² Le Donne J.P. Russian Governors General. 1775–1825. Territorial or Functional administration? // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2001. №43/1. P. 5–30; Idem. Administrative regionalization in the Russian empire. 1802 – 1826 // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2002. №43/1. P. 5–33; Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. №1. С. 15–32; Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от пространственного к региональному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 427–458.

³ Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997. С. 52–66; Раскин Д.И. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. – 456 с.; Акулышин П.В. Генерал-губернатор А.Д. Балашов // Отечественная история, 2004. № 2. С. 170–180; Рассолов Г.Н. Институт генерал-губернаторства в Российской империи: 1775 г. – конец XIX в. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. – 266 с.; Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства при Александре I: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. – 268 с.; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 332–360;

⁴ Ефимова В.В. Олонекская губерния под управлением генерал-губернатора А. Ф. Клокачева // Российская история. 2009. № 3. С. 143–156; Она же. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 3. С. 145–162; Плех О.А. Институт генерал-губернаторства в системе местного управления Вологодской губернии 1820–е гг. // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности проблемы и перспективы. Вологда, 2014. С. 44–53.

⁵ Бикташева А.Н. Практика введение генерал-губернаторства в Поволжье (20–е годы XIX века) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 78–82; Она же. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. М., 2014. С. 133–212.

⁶ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3–68.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. (Собрание 1-е). СПб., 1830. Т. 38. № 29098.

привели к закрытию нескольких крупных заводов¹. Назрела необходимость изменения системы горного управления, чтобы преодолеть застой в горнозаводской промышленности. К тому же в самом начале 1820-х годов на Урале были обнаружены новые россыпи золота и платины.

Временная горная комиссия под руководством казанского генерал-губернатора должна была не только заниматься изысканием «новых признаков государственного богатства в царстве ископаемых», но и бороться с укоренившимся там казнокрадством. В ее состав входили все начальники казенных уральских заводов. Действовали в соответствии с инструкцией, которую составил сам министр финансов с одобрения императора. Отчеты о деятельности комиссии и предлагаемые меры исправления состояния горнорудной промышленности регулярно поступали на рассмотрение Е.Ф. Канкрин. Думается, их содержание было неутешительным, поэтому осенью 1824 года Александр I решил посетить уральские горы и лично убедиться в происходящем. Его поездка многое изменила. Прежде всего, он убедился в правоте позиции В.Ю. Соймонова. Позднее император признавался, что если бы он не отправил его туда и не поехал сам, то золота было бы столь же мало, как и прежде². Для «пресечения воровства» предлагалось отделить Урал «особым генерал-губернаторством» со столицей в Екатеринбурге с должным положением нового начальника. Оно должно соответствовать положению таких генерал-губернаторов «как Эссен, Балашов, кн. Репнин»³. Получается, что проект В.Ю. Соймонова создавался не без участия самого императора. Во всяком случае, его политический контекст, пусть даже с отсылкой на мнение императора, вполне очевиден.

Проект именовался по-разному: «проект учреждения горного генерал-губернаторства», «проект об образовании Уральского генерал-губернаторства». В документах личного фонда Соймоновых он значится как «Проект образования горного генерал-губернаторства, составленного Владимиром Юрьевичем Соймоновым по повелению Императора Александра I»⁴. Начинался он с изложения причин, приведших к упадку казенные заводы. Прежде всего, отмечались разногласия между управлением горной части и гражданской, которая к тому же не подчинялась. Он подчеркивал, что все становилось на свои места, когда обе части оказывались под управлением одного лица. В качестве примера приводит прежние генерал-губернаторства, а также опыт соединения званий горного начальника и губернатора в Колыванской и Томской областях. Кроме этого, отмечалось малое влияние на уральские заводы отраслевых ведомств – горного правления, берг-инспектора. На местах оптимизации управления мешало раздробленность заводского управления, бухгалтерская безотчетность, превышения власти горных начальников, частая их сменяемость, отсутствие сдельной платы мастеровым, злоупотребления по судной горной части и многое другое.

Выявленные недостатки, по мнению главы правительственной комиссии преодолимы учреждением на Урале специального горного округа под управлением генерал-губернатора. Он просит назвать его «Горным – Уральским» и при этом делает отсылку на инициативу правительства по реализации «наместнического проекта», что подтверждается «Расписанием губерний, входивших в генерал-губернаторские округа»⁵. В его представлениях в Горный округ должна была входить вся Пермская губерния (поскольку она располагалась по обеим сторонам Уральского хребта и здесь находились 88 частных и 16 казенных металлургических заводов) и отдельные части Оренбургской и Вятской губерний⁶. Пермь, Екатеринбург и Уфу Соймонов предлагал сделать губернскими городами. Центром округа становился Екатеринбург.

Следующая часть «проекта» была посвящена распределению полномочий между горным генерал-губернатором, берг-инспектором и тремя гражданскими губернаторами. Неоднократно упоминался опыт правления бывшего Пермского и Вятского генерал-губернатора Модераха, когда надзор за делами гражданскими и горными был отделен от непосредственного управления заводами, которое осуществляло пермское горное управление во главе с берг-инспектором. Этот баланс был нарушен в 1811 году после повсеместной ликвидации генерал-губернаторской должности во внутренних губерниях. Что же касается власти военной, то ее предполагалось оставить в руках Оренбургского военного губернатора. Кроме того, Соймонов отстаивал ряд мер, направленных на улучшение положения мастеровых, а для обсуждения текущих проблем предлагал учредить особый комитет из лучших горных чиновников под председательством генерал-губернатора.

Объем полномочий генерал-губернатора по гражданскому управлению должен был быть такими же, как у других генерал-губернаторов в империи, а по части горной распространяться на все заводы вверенного округа. Берг-инспектор должен был держать под контролем все горные правления на правах гражданского губернатора, и во всем быть ближайшим помощником генерал-губернатора. Генерал-губернатор должен был ежегодно объезжать все казенные заводы или посылать вместо себя берг-инспектора. Все горные начальники должны были подчинены пермскому

¹ Новиков И.А. Александр I и реформа системы управления горными заводами Урала // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV - XX вв. Челябинск, 1995. С. 29.

² ОПИ ГИМ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 14. Записка В.Ю. Соймонова о встрече с императором 25 января 1825 г. Л. 35-38 оборот.

³ Там же.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 3-68.

⁵ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 405-406.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 17. Л. 29 оборот.

правлению, ему же надлежало направлять в департамент горных и соляных дел ведомости о действиях казенных заводов. В делах горных генерал-губернатор должен был обращаться и вести переписку «единственно» с министром финансов. В исключительных случаях имел возможность обратиться непосредственно к императору. Иными словами делегируемые генерал-губернатору полномочия, позволяли своевременно разрешать возникающие противоречия ведомственного и территориального характера, поскольку, согласно отдельным положениям проекта, территориальное управление подчинялось горному. Таковы основные положения проекта образования горного генерал-губернаторства.

Последняя встреча В.Ю. Соймонова с Александром I состоялась в январе 1825 г. Умер он 20 августа, а вскоре не стало и самого императора. Назначение на должность нижегородского, казанского, симбирского, саратовского и пензенского генерал-губернатора получил Алексей Николаевич Бахметьев. При таких обстоятельствах проектная деятельность казанского генерал-губернатора могла окончательно затеряться. Но покровительство министра финансов сделало свое дело. 22 ноября 1826 г. издается сенатский указ «для лучшего устройства Горных заводов хребта Уральского». Там было написано, что «по представлению министра финансов учреждается должность главного начальника заводов Уральского хребта, обязанности и принцип взаимодействия которого с другими властными структурами определяются инструкцией или же «наставлением», рассмотренным и одобренным Комитетом министров»¹.

Если сравнить² содержание горного проекта с «положением о главном начальнике заводов Уральского хребта» (состоит из 51 статьи), то выявляется прямое сходство модели управления Соймонова с «инструкциями» министра финансов. Так, главный начальник заводов Уральского хребта назначался императором и подчиняется исключительно министру финансов, являлся главным командиром заводов и директором пермского горного правления по обоим департаментам. Берг-инспектор оставался вице-директором правления и помощником главного начальника. Горные заводские начальники потеряли право делать представления непосредственно министру финансов. В соответствии с новым порядком они должны были сначала передавать их на рассмотрение Горного правления, и если главный начальник мог разрешить вопрос на месте, то в дальнейшем он не отсылался в министерство.

Как и «горный генерал-губернатор» главный начальник не имел права вступать в переписку с другими министрами, подчиняясь непосредственно министерству финансов. Аналогично горному генерал-губернатору он должен следить за заблаговременностью и максимальной экономией заготовления заводских потребностей, ему вверялась забота о мастеровых, об эффективном разделении прибыли. Все также не должен был вмешиваясь во внутренние дела частных заводов, но должен был следить за соблюдением законов, отвращать «жестокости и притеснения», заботиться о своевременном поступлении горных податей. И таких совпадений в обоих документах большое множество. Но сами эти параллели не столь важны. Главным образом были сохранены предлагаемые принципы разделения властей. Отделение надзора от управления уральской горнорудной промышленностью, введение единоначалия будь то в лице генерал-губернатора или главного начальника уральских заводов, введение отраслевой соподчиненности в интересах головного ведомства. Выходит проект В. Ю. Соймонова, как и предполагалось, был доработан в министерстве финансов и выведен из плоскости политических обсуждений в плоскость экономическую.

Значимость выявленной преемственности усиливается в контексте административных преобразований начального периода правления Николая I. Практически одновременно с введением «положения о главном начальнике заводов Уральского хребта» начал свою работу комитет 6 декабря 1826 года. Согласно его решению все «внутренние» генерал-губернаторства были ликвидированы, но на окраинах Российской империи этот институт власти продолжал функционировать. В ряде губерний, подчиненных прежде генерал-губернаторам, учреждались военные губернаторы. Так, указом 27 января 1832 г. в губерниях Казанской и Тульской вместо гражданских губернаторов были назначены военные губернаторы³. Управление Нижегородской⁴ и Астраханской⁵ также передавалось военному губернатору. Для выработки общегосударственных стратегических решений в области регионального управления создавались так называемые территориальные комитеты. В своем большинстве они были созданы в 1830-1840-е годы: комитет по делам Царства Польского (1831-1841 и 1864-1881), комитет Западных губерний (1831-1848), Кавказский комитет (1833-1840, 1840-1842, 1842-1882), Сибирские комитеты по управлению азиатской Россией (1819-1838 и 1853-1864). Логика таких институциональных решений приводит к пониманию, что преобразования первоначально ориентированные на унификацию и универсальность управления стали детализироваться имперской реальностью. Обозначившейся поворот к проблемам местных властей, может

¹ ПСЗ – 2. Т. 1. № 687.

² Впервые это было сделано аспиранткой Школы исторических наук гуманитарного факультета НИУ ВШЭ Сысоевой Елизаветой Анатольевной.

³ ПСЗ – 2. № 5108.

⁴ Там же. № 5478.

⁵ Там же. № 5060.

свидетельствовать в пользу формирования имперской многовариантной модели «управления разнообразием».

Вернемся к судьбе создаваемого горного генерал-губернаторства. В отличие от проектов М.М. Сперанского и А.Д. Балашова проект В.Ю. Соймонова не получил широкой огласки. О нем знали лишь в узких ведомственных кругах. Реализация всех трех проектов соответствовала замыслу Александра I, намеревающегося провести общероссийскую реформу местного управления, с учетом специфики управляемых территорий¹. В этой связи проект Соймонова удачно вписался в общий контекст наместнических преобразований, являясь профессиональным описанием тех самых региональных нужд и специфик. Не случайно проект после смерти его автора был оперативно адаптирован ведомством министра финансов и введен законопроектом на высочайшее утверждение 22 ноября 1826 года. Правомерность этого административного решения прошла проверку времени. Должность начальника заводов Уральского хребта практически без изменений сохранилась вплоть до 1917 года.

Итак, с начала 20-х годов XIX века в связи с упадком в горнорудной промышленности, российское правительство вынуждено было искать новые способы оптимизации управления Уралом. В географических, военных и стратегических интересах государства этот регион всегда находился на особом положении. Ситуация стала меняться с приходом на пост министра финансов Е.Ф. Канкрин. Согласно Горному положению 1806 года хозяйственными делами Уральского горного округа ведало пермское горное правление, административными (до 1811 года) генерал-губернатор, а затем пермский и вятский губернаторы, судебными – местные органы министерства юстиции. Такое разделение властей, усугубленной ведомственными трениями, казнокрадством, канцелярской неразберихой сказалось и на промышленных показателях и на состоянии местной власти в целом. Выход виделся в восстановлении на новых основаниях института наместничества.

Специально для Уральского региона был разработан проект преобразования управления горнорудной промышленностью. В этом, думается, и состояла его уникальность. Впервые знания о локальных своеобразиях оказались востребованными, нашли отраслевую поддержку со стороны министерства финансов и были воплощены в правление Николая I.

Библиография

- Акульшин П. В. Генерал-губернатор А.Д. Балашов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 170–180.
- Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I: Дис. канд. ист. наук. М., 2008.
- Бикташева А. Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
- Бикташева А. Н. Практика введение генерал-губернаторства в Поволжье (20-е годы XIX века) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 78–82.
- Дамешек И. Л. Сибирская ревизия реформы М.М. Сперанского 1822 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1(2). С. 66–72.
- Ефимова В. В. Олонекская губерния под управлением генерал-губернатора А. Ф. Клокачева // Российская история. 2009. № 3. С. 143–156.
- Ефимова В. В. Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 3. С. 145–162.
- Исторический курс «Новая история Северной Евразии». Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: империя и реформы, XIX век // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 254–264.
- Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 15–32.
- Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от пространственного к региональному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр Исследований Национализма и Империй, 2004. С. 427–458.
- Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989.
- Новиков И. А. Александр I и реформа системы управления горными заводами Урала // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV – XX вв. Челябинск, 1995. С. 27–40.
- Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012.
- Плех О. А. Институт генерал-губернаторства в системе местного управления Вологодской губернии 1820-е гг. // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности проблемы и перспективы. Вологда: Изд-во РАНХиГС, 2014. С. 44–53.
- Раскин Д. И. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
- Рассолов Г. Н. Институт генерал-губернаторства в Российской империи: 1775 г. – конец XIX в.: Дис. канд. ист. наук. М., 2005.

¹ См.: Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 353.

Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М.: Первый печатный двор, 1997. С. 52–66.

Le Donne J. P. Administrative regionalization in the Russian empire. 1802 – 1826 // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2002. № 43/1. P. 5–33.

Le Donne J. P. Russian Governors General. 1775-1825. Territorial or Functional administration? // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2001. № 43/1. P. 5–30.

References

Akul'shin P. V. General-gubernator A.D. Balashov // Otechestvennaia istoriia. 2004. No 2. Pp. 170–180.

Arutiunian V. G. General-gubernatorstva pri Aleksandre I: Dis. kand. ist. nauk. Moscow, 2008.

Biktaşheva A. N. Kazanskoe gubernatorstvo pervoi poloviny XIX veka: Bremia vlasti. Moscow.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2014.

Biktaşheva A. N. Praktika vvedenie general-gubernatorstva v Povolzh'e (20-e gody XIX veka) // Imperskie i natsional'nye modeli upravleniia: rossiiskii i evropeiskii opyt. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2007. Pp. 78–82.

Dameshek I. L. Sibirskaiia reviziia reformy M.M. Speranskogo 1822 g. // Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "History". 2012. No 1(2). Pp. 66–72.

Efimova V. V. Olonetskaia guberniia pod upravleniem general-gubernatora A. F. Klokacheva // Rossiiskaia istoriia. 2009. No 3. Pp. 143–156.

Efimova V. V. Prichiny vvedeniia i otmeny general-gubernatorstv pri Aleksandre I // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. No 3. Pp. 145–162.

Istoricheskii kurs «Novaia istoriia Severnoi Evrazii». Glava 8. Dilemma stabil'nosti i progressa: imperiia i reformy, XIX vek // Ab Imperio. 2015. No 2. Pp. 254–264.

Kappeler A. «Rossiia – mnogonatsional'naia imperiia»: Nekotorye razmyshleniia vosem' let spustia posle publikatsii knigi // Ab Imperio. 2000. No 1. Pp. 15–32.

Le Donne J. P. Administrative regionalization in the Russian empire. 1802 – 1826 // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2002. № 43/1. P. 5–33.

Le Donne J. P. Russian Governors General. 1775-1825. Territorial or Functional administration? // Cahiers du Monde russe. Janvier-mars. 2001. № 43/1. P. 5–30.

Matsuzato K. General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot prostranstvennogo k regional'nomu podkhodu // Novaia imperskaia istoriia postsovetского prostranstva. Kazan: Tsentr Issledovaniia Natsionalizma i Imperii, 2004. Pp. 427–458.

Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy: politicheskaiia bor'ba v Rossii v nachale XIX v. Moscow: Nauka, 1989.

Novikov I. A. Aleksandr I i reforma sistemy upravleniia gornymi zavodami Urala // Problemy sotsial'no-politicheskoi i etnicheskoi istorii Rossii XIV – XX vv. Cheliabinsk, 1995. Pp. 27–40.

Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie. Moscow: Novyi khronograf, 2012.

Plekh O. A. Institut general-gubernatorstva v sisteme mestnogo upravleniia Vologodskoi gubernii 1820-e gg. // Upravlenie i ekonomika v usloviakh ekonomicheskoi nestabil'nosti problemy i perspektivy. Vologda: RANKhiGS, 2014. Pp. 44–53.

Raskin D. I. Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiiskoi imperii. Vol. 3. Sankt-Petersburg: Sankt-Petersburg State University, 2001.

Rassolov G. N. Institut general-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: 1775 g. – konets XIX v.: Dis. kand. ist. nauk. Moscow, 2005.

Remnev A.V. General-gubernatorskaia vlast' v XIX stoletii. K probleme organizatsii regional'nogo upravleniia Rossiiskoi imperii // Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX veka). Moscow: Pervyi pechatnyi dvor, 1997. Pp. 52–66.

УДК 271.2-788-055.2:94(470.32)|18/19|

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЕЙ КУРСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ECONOMIC CONDITION OF KURSK AND TAMBOV PROVINCES CONVENTS IN THE SECOND HALF OF 19-TH – THE BEGINNING OF 20-TH CENTURIES

В.Л. Колесникова
V.L. Kolesnikova

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, Королева, 7*

*Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: biz_k@bgiik.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ведения монастырского хозяйства на примере экономического состояния женских монастырей Курской и Тамбовской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. Они имели достаточно стабильное экономическое положение, так как одновременно располагали несколькими источниками дохода. Все эти источники дохода по отдельности, были нестабильными и обусловленными рядом обстоятельств, например, природными условиями, изменением демографической ситуации и пр. Практически в 100% женских монастырей были учебные заведения, которые приносили доход, состоявший из платы за обучение; все монастыри занимались рукоделием, продукты которого торговались; многие монастырские хозяйства вели сельскохозяйственную и др. деятельность.

Resume. The paper considers an economic condition of Kursk and Tambov provinces convents (in the second half of 19-th – the beginning of 20-th centuries). They had quite stable economic situation as they had some several sources of the income simultaneously. All these sources of the income were caused by change of a demographic situation, the environment or something another. Practically in 100% of convents there were profitable educational institutions. All nunneries were engaged in needlework, the product of these activity is on sell. Many conventual farms did agricultural and other activity.

Ключевые слова: Женщина, духовное сословие, монахиня, монастырь, экономика, монастырское хозяйство.

Keywords: Woman, clergy, nun, monastery, economy, monastic economy.

В XIX и особенно в начале XX вв. материальное положение монастырей страны существенно улучшилось. Были увеличены денежные пособия от казны, монастыри вновь стали превращаться в крупных землевладельцев, благодаря чему смогли значительно расширить хозяйственную деятельность.

Согласно учению современной экономической науки, хозяйство есть деятельность, совершаемая хозяйствующим субъектом, «economic man», который и есть центральное понятие¹. Каждая хозяйственная эпоха имеет свой собственный хозяйствующий субъект.

Экономический человек, хозяйственный деятель в христианстве, определяется его верою. Это отнюдь не значит, чтобы человек через это освобождался от внешнего бремени хозяйственной необходимости, ибо и апостолы Христовы должны были рыбачить, как и апостол Павел, заниматься деланием палаток, но изнутри это бремя принимается для Господа, ради христианского «послушания»². Послушанием в православных монастырях называются всякие работы, возлагаемые на иноков монастырским начальством, и все они одинаково рассматриваются как совершаемые по воле Божией во спасение души. И эта религиозная установка определяет духовный тип хозяйственного деятеля, который должен проходить свое хозяйственное служение, в каком бы социальном положении он ни был, с чувством религиозной ответственности³.

Как было отмечено выше, монастыри в пределах губерний делились по характеру уставной жизни на общежительные и необщежительные. Все доходы в необщежительных монастырях разделя-

¹ Булгаков С.Н. Православие. М., 2011. С.345.

² Послушание – в монастырях: обязанность, которая возлагается на каждого монаха, а также специальная работа, назначаемая в искупление греха, проступка. (Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1988. С.461).

³ Булгаков С. Н.Православие. С.353.

лись на три категории: 1) «общемонастырские» – они шли на нужды обители, 2) «братские», делившиеся между братией, и 3) «поручные» – доходы отдельных иноков, всецело им принадлежавшие. Монахи (монахини) общинных монастырей могли иметь собственные сбережения помимо монастырской казны. Перед смертью монах (монахиня) был обязан все свое имущество завещать монастырю. В 1862 г. Синод рекомендовал переводить необщественные монастыри в общественные, рекомендация была повторена в 1869 г. Новые монастыри основывались только как общественные. На первое января 1914 2/3 всех российских монастырей были общественными, причем большинство из них были женскими¹.

Женские монастырские хозяйства отличались от мужских большей разнообразностью видов трудовой деятельности. Для ведения своего хозяйства монастыри применяли и наемный труд. В 1889 г. в 476 монастырях было 26 тыс. чел., работавших по найму. В.А. Федоров в своей работе о монастырском хозяйстве приводит специальное исследование Д.И. Ростислава об имущественном положении монастырей, где тот перечисляет до 20 других источников доходов: даяния на поминовение усопших, «кружечный сбор», «кошельковый», «молебный», «просфорный», от продажи свечей и лампадного масла, от часовен, от крестных ходов, типографско-издательский, от продажи картин духовного содержания, от площадей под ярмарки и торжки на монастырской земле, от лавок и т. д.²

Значительная часть монастырских земель, а также принадлежавшие монастырям мельницы, торговые лавки, пристани и прочие «оброчные статьи» сдавались в аренду и приносили монастырям немалый доход. Монастыри занимались и торгово-промышленной деятельностью, ссужали деньги под проценты, имели вклады в банках. Почти в каждом монастыре имелась особо чтимая икона или мощи местного святого (обычно основателя этого монастыря), что привлекало в монастырь многочисленных паломников.

По неполным данным, ежегодные доходы монастырей составляли: в 1861 г. 650 тыс. руб., в 1881 г. – 1,8 млн., в 1891 г. – 3,6 млн., а в 1913 г. – 20 млн. руб.³ В конце XIX в. монастыри стали вкладывать свои капиталы в городские доходные дома. Монастыри владели жилыми домами, кроме того, они имели подворья, постоянные дворы, торговые склады, обширные огороды как в черте города, так и в его окрестностях и т.д.

Рассмотрим монастырское хозяйство Тамбовской губернии на примере среднего по достатку Кадомского женского Милостиво-Богородицкого монастыря⁴:

1. Библиотека и архив.
2. Игуменский корпус, 38 арш. длиной и 24 1/2 арш. шириной. Находится на западной стороне обители, около ворот, одноэтажный с мезонином, на каменном фундаменте и покрыт железом. Этот корпус выстроен в русско-византийском стиле.
3. Двухэтажный корпус на каменном фундаменте крытый железом, величина которого 36 1/2 арш. в длину и 42 арш. в ширину. Этот корпус делился на 2 половины. В одной половине его как вверху, так и внизу располагались кельи для сестер, а в другой внизу находилась трапеза, а вверху женское училище.
4. Каменный корпус двухэтажный, крытый железом, 28 арш. в длину и 14 арш. в ширину. Вверху расположены кельи для сестер, а внизу хлебопекарня.
5. Пять деревянных флигелей с крыльцами и сенями, покрытые тесом, где помещаются кельи для сестер. Два из них новые, остальные – ветхие. Новые флигели каждый 35 арш. длиной, 12 арш. шириной.
6. Пять амбаров под одной крышей 38 арш. длиной и 9 арш. шириной.
7. Два ледника.
8. Баня.
9. Два сарая.
10. Конюшня.
11. Каменная ограда вокруг обители с трех сторон, покрытая тесом.
12. Дом для священника на каменном фундаменте, с мезонином, покрытый тесом с надворными постройками.
13. Дом для диакона, такой же, как для священника.
14. Скотный двор, покрытый тесом, со всеми удобствами и необходимыми помещениями, который располагается на расстоянии около полверсты от обители. При нем находится огород, где выращивают овощи для монастыря.
15. Монастырское подворье находится в 3-х верстах от города, где расположена обитель, состоящее из дома с надворными постройками. При нем усадьба и огород в количестве трех десятин.
16. Монастырский хутор, в 12 верстах от монастыря, где расположены три флигеля, крытые тесом. Летом здесь размещаются сестры обители, которые занимаются полевыми работами. При флигелях находятся строения, покрытые соломой:

¹ См.: Федоров В.А. Монастырское землевладение и хозяйство. URL: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>.

² Федоров В.А. Монастырское землевладение и хозяйство. URL: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>.

³ Там же.

⁴ Историко-статистическое описание Кадомского женского Милостиво-Богородицкого монастыря. С. 27, 28.

- сараи и другие помещения для скота;
- амбар для хлеба;
- погреб;
- баня;
- плодовый сад в 3 десятины земли;
- молотильный сарай с молотильной и веяльной машинами;
- овин и рига.

17. Пчельник с необходимыми для пчеловодства строениями, находящийся в 10 верстах от монастыря. При нем имеется флигель для помещения сестер, занимающихся пчеловодством, покрытый соломой.

Средства к содержанию обители были следующие.

1. Доходы от земли. Всей земли – 570 десятин, из них пахотной – 252 дес., сенокосной – 31 дес., а остальная земля находится под кустарниками и усадьбой¹. Грунт большей частью иловатый и песчаный, поэтому возделывание каких-то растительных культур особого дохода не приносит. Не было ни одного года, чтобы обитель могла обеспечить себя хлебом на год со своих полей, в среднем его хватало на 3–4 месяца. Следовательно, земледельческие занятия монахинь оказываются весьма неблагоприятными.

2. Подаяния, размер которых, как отмечает И.Кобяков, «определить в точности нельзя», однако их не хватает «даже для приличного жалования своим священникам»².

3. Доходы от рукоделия сестер весьма невысокие, так что их недостает на удовлетворение самых вопиющих нужд обители³.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что Кадомский женский монастырь можно отнести к числу нуждавшихся и по средствам своим, и способу их добывания. Все работы по хозяйству выполняли сами женщины, проживавшие в монастыре и проходившие послушание. Обязанности строго разделялись по сфере деятельности и по количественному составу послушниц, выполнявших их: просфирни и пономарки составляли около 7%, хлебницы – около 21%, скотницы – около 36%, клиросные – примерно 29% и др.⁴.

В монастырях Курской губернии средства к существованию обители можно было изыскать от оплаты за обучение в женском училище, например в Борисовской Девичьей Тихвинской пустыни в год за обучение девиц монастырь получал примерно 700 руб., еще 131 руб. 62 коп. шли ежегодно на содержание училища от графа Шереметева, что составляет примерно 76% от суммы⁵, требовавшейся для содержания школы, причем примерно 60% пополнялось средствами, собираемыми с монастырей Курской епархии на содержание приютов⁶. Итого, с этого рода деятельности монастырь получает около 36% прибыли, что составляет примерно 1200 рублей в год. На половину этой суммы можно было содержать больницу и богадельню, как например, при Курском Свято-Троицком женском монастыре, где такие затраты составляли 535 руб. 58 коп.⁷

Экономическое положение монастырей, как в целом по России, так и в Тамбовской и Курской губерниях, отмечалось положительной динамикой с середины XIX к началу XX вв. Это время было для православной церкви Тамбовской епархии триумфальным. Так, за период с 1850 по 1904 гг. в епархии было построено 8 женских монастырей, 5 женских общин⁸.

Несмотря на то, что с начала XX в. наблюдается напряженная социальная обстановка у духовного сословия в целом по стране (например, в 1905–1907 гг. было совершено около 500 выступлений крестьян против церкви и духовенства, убит 31 священник, разгромлено 12 церквей и 2 монастыря), в Тамбовской епархии в 1912 г. вновь возникла еще одна женская община⁹.

Таким образом, экономическое положение женских общин и монастырей Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. было достаточно стабильным. Например, Кирсановский Тихвино-Богородицкий женский монастырь (Тамбовская губерния), основанный еще в начале XIX века, был самодостаточным¹⁰. Более чем за сто лет обитель трудами всех ее насельниц выросла настолько, что к началу XX века занимала в городе целый квартал. Доступ в монастырь днем для всех был свободным. Родственники и знакомые могли приходить и навещать монахинь даже в кельях. Общая трапеза была установлена только для послушниц. Кормили неплохо, 3–4 раза в день.

¹ Историко-статистическое описание Кадомского женского Милостиво-Богородицкого монастыря. С. 29.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 181. Оп.1. Д.1777.

⁵ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф.20. Оп. 2. Д.371. Л.9.

⁶ О состоянии Курских Александровских епархиальных детских приютов в 1890/91 уч. годов // Курские епархиальные ведомости. 1890. №51. С. 840.

⁷ ГАКО. Ф. 20. Оп.2. Д.375. Л.7 об.

⁸ Чигринская Л.Ф. Причины преодоления сословности в социальной структуре православного духовенства Тамбовской епархии. С.114.

⁹ Чигринская Л.Ф. Причины преодоления сословности в социальной структуре православного духовенства Тамбовской епархии. С.114.

¹⁰ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов Православный: URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/author.php?id=part1>.

К 1914 году монастырский комплекс объединял: Тихвинскую церковь с трапезной и нижним храмом, домовую церковь в двухэтажном деревянном больничном корпусе, школу, приют, 16 корпусов, где размещались мастерские и келии сестер, хозяйственные постройки, скотный и конный двор, сад, гостиница на 45 мест. По материальной обеспеченности к 1917 году Тихвинский монастырь занимал второе место среди двенадцати женских обителей Тамбовской епархии.

Земельные владения монастыря выросли к 1917 году до 1049 десятин. Первое пожертвование было поднесено от М.П. Колычевой – 100 десятин. От казны при с. Перевоз – 150 дес. в 1853 г. В 1872 г. при д. Беклемищевке – 100 дес. от М.Н. Дубровской-Сипягиной, при с. Рамза – 48,5 дес. Вся эта земля сдавалась в аренду крестьянам. А главный участок в 650 дес. при с. Кипец сестры обрабатывали сами и только в страдную пору нанимали работников. В летнее время здесь работали практически все способные к труду сестры¹.

Кроме пахотной земли монастырю принадлежали 21 дес. мелкого дровяного леса и 109 дес. сеносов по р. Вороне. Выращиваемого на монастырской земле хлеба хватало на всех, поэтому особой нужды монастырь не испытывал. Трудности появились только в 1891 году, когда урожай выдался плохой и пришлось купить семь вагонов зерна. Но в 1892 году положение выправилось². В 1904–1905 гг., в связи с волнениями крестьян, возникло новое осложнение: «Крестьяне непрестанно грозились уничтожить хутор (в с. Кипец), увозили хлеб, уводили скот и поджигали постройки»³. Однако со временем эти страсти утихли.

Помимо земельных владений к 1907 году у монастыря имелись пекарня и золотошвейная мастерская. Сестры пряли лен и пух, вязали платки, шарфы, рубашки, писали иконы и украшали их цветами, делали ризы из фольги, вышивали гладью по полотну, шили белье, простыни, производили ремонтные работы в домах горожан⁴. В конце XIX в. монастырь приобрел ткацкие станки. Некоторых сестер посылали обучаться высокому мастерству и художеству в Петербург.

Обитель жила на полном самообеспечении, вступала в торговые отношения. В монастыре делались вещи на заказ. Специально для этого освоили шитье по канве (салфетки), открыли башмачную мастерскую. Мастерская кройки и шитья принимала заказы на светские платья по журналам мод того времени⁵.

Еще один источник доходов можно рассмотреть на примере Оржевского Тишениновского Боголюбовского женского монастыря Тамбовской губернии, самого крупного землевладельца в епархии. В начале XX века монастырь начал ощущать значительную скудость средств. Объяснялось это все тем же земельным вопросом. В отличие от Кирсановского монастыря, главный источник здешних доходов – арендная плата за землю, 388 дес. которой располагались рядом с обителью, а 2137 дес. – при д. Воронцовке. У крестьян этой деревни в личном пользовании было всего 207 дес. (на 208 душ). Причем их наделы со всех сторон были окружены монастырской землей. Зачастую у монастыря брали землю в аренду арендаторы-посредники, а затем передавали ее крестьянам. Крестьяне постоянно терпели притеснения от арендаторов. Отношения обители были напряженными как с арендаторами, так и с крестьянами, и всегда грозили перерасти в конфликт. При урожае зерновых местные «крестьяне бывали исправными плательщиками, а когда нет – не платили»⁶.

Таким образом, у женских монастырей спектр источников дохода, с использованием физического труда, был не так велик, как у мужских монастырских хозяйств, в силу разницы в физических возможностях и выносливости мужского и женского организмов⁷.

Основными источниками доходов женских монастырей Курской и Тамбовской губерний можно назвать следующие:

- платное обучение;
- пожертвования;
- земледелие;
- торговля – доход от рукоделий (шитье по канве (салфетки), шитье золотом, шитье белья, простыней, пошив и починка обуви, пряжа льна и пуха, вязание платков, шарфов, рубашек, письмо икон и украшение их цветами, изготовление ризы из фольги, вышивка гладью по полотну и т.д.);
- сдача в аренду земли;
- наемный труд (производили ремонтные работы в домах горожан).

Все эти источники дохода по отдельности, на наш взгляд, были нестабильными и обусловленными рядом обстоятельств, например, природными условиями, изменением демографической ситуа-

¹ Там же.

² Тамбовские Епархиальные ведомости. 1907. № 51. С. 2374–2380.

³ Там же. 1910. № 31. С. 1094–1098.

⁴ Там же. 1907. № 1. С. 25–28.

⁵ Там же. 1907. № 52. С. 2397–2401.

⁶ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов Православный: URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/author.php?id=part1>.

⁷ Морфология человека: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. / под ред. Б.А.Никитюкова, В.П.Чтецова. М., 1990. С.55–67.

ции и пр. Так, взимание платы за обучение будет иметь прибыль лишь тогда, когда в монастырской школе будет максимально высокий процент обучающихся из зажиточных семей и количество мест будет расти. Что касается пожертвований, то предсказать или спланировать их вообще невозможно. Торговля рукодельными товарами – самое малоприбыльное занятие (затраты времени на изготовление изделия высокие, а стоимость невелика). Сдача в аренду земли – более выгодное дело, но зависит от природных условий и правильности и своевременности выполнения земельных работ арендаторами, которыми зачастую выступали крестьяне (в случае неурожая, арендная плата не взималась). А монашеский наемный труд – это сезонное явление и не массовое, так как монастырское хозяйство нуждалось в постоянном внимании.

Тем не менее, женские монастыри Курской и Тамбовской губерний в изучаемый период имели достаточно стабильное экономическое положение, так как одновременно располагали несколькими источниками дохода. Практически в 100% женских монастырей были учебные заведения, которые приносили доход, состоявший из платы за обучение; все монастыри занимались рукоделием, продукты которого торговались; многие монастырские хозяйства вели сельскохозяйственную деятельность и др.

Библиография

- Булгаков С.Н. Православие. М.: «Издательство Белорусского Экзархата - Белорусской Православной Церкви», 2011.
- Историко-статистическое описание Кадомского женского Милостиво-Богородицкого монастыря. Тамбов: «Губернская земская типография».
- Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов Православный. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/author.php?id=part1>.
- Морфология человека: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. / под ред. Б.А.Никитюкова, В.П.Чтецова. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- О состоянии Курских Александровских епархиальных детских приютов в 1890/91 уч. годов // Курские епархиальные ведомости. 1890. №51. С. 840.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988.
- Тамбовские Епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 25-28.
- Тамбовские Епархиальные ведомости. 1907. № 51. С. 2374-2380.
- Тамбовские Епархиальные ведомости. 1907. № 52. С. 2397-2401.
- Тамбовские Епархиальные ведомости. 1910. № 31. С. 1094-1098.
- Федоров В.А. Монастырское землевладение и хозяйство. URL: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>.
- Чигринская Л.Ф. Причины преодоления сословности в социальной структуре православного духовенства Тамбовской епархии // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья: тез. докладов и сообщений II Межвузовской науч. конф. по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 1992. С. 54-59.

References

- Bulgakov S.N. Pravoslavie. M.: «Izdatel'stvo Belorusskogo EHkzarhata - Belorusskoj Pravoslavnoj Cerkvi», 2011.
- Istoriko-statisticheskoe opisanie Kadomskogo zhenskogo Milostivo-Bogorodickogo monastyrya. Tambov: «Gubernskaya zemskaya tipografiya».
- Levin O.YU., Prosvetov R.YU., Allenov A.N. Kirsanov Pravoslavnyj. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/author.php?id=part1>.
- Morfologiya cheloveka: Ucheb. posobie. 2-e izd., pererab., dop. / pod red. B.A.Nikityukova, V.P.CHtecova. M.: Izd-vo MGU, 1990.
- O sostoyanii Kurskih Aleksandrovskih eparhial'nyh detskih priyutov v 1890/91 uch. godov // Kurskie eparhial'nye vedomosti. 1890. №51. S. 840.
- Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57000 slov / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N.YU.SHvedovoj. 20-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1988.
- Tambovskie Eparhial'nye vedomosti. 1907. № 1. S. 25-28.
- Tambovskie Eparhial'nye vedomosti. 1907. № 51. S. 2374-2380.
- Tambovskie Eparhial'nye vedomosti. 1907. № 52. S. 2397-2401.
- Tambovskie Eparhial'nye vedomosti. 1910. № 31. S. 1094-1098.
- Fedorov V.A. Monastyrskoe zemlevladenie i hozyajstvo. URL: <http://ezh.sedmitza.ru/index.html?did=586>.
- CHigrinskaya L.F. Prichiny preodoleniya soslovnosti v social'noj strukture pravoslavnogo duhovenstva Tambovskoj eparhii // Formirovanie i razvitie social'noj struktury naseleniya Central'nogo CHernozem'ya: tez. dokladov i soobshchenij II Mezhhvuzovskoj nauch. konf. po istoricheskoy demografii i istoricheskoy geografii Central'nogo CHernozem'ya. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R.Derzhavina, 1992. S. 54-59.

УДК 332.05

**СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»****SOCIAL AND HISTORICAL THEMES IN THE NOVEL BY F.M. DOSTOEVSKY
«CRIME AND PUNISHMENT»****Е.А. Волкова
E.A. Volkova***Воронежский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия, 394021, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84**Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
84 St. October 20 anniversary, Voronezh, 394021, Russia**E-mail: volkne@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируются социально-исторические воззрения Ф. М. Достоевского, в частности, исследование и оценка социально-исторических взглядов в романе «Преступление и наказание». Автор приходит к выводу, что писатель стремился изобразить русский народ единым, примирить классовые, сословные противоречия, представить подобное состояние русского общества как особый исторический путь России. Однако, будучи писателем-реалистом, стремившимся рисовать правду жизни русского народа, писатель постоянно наталкивался на вопиющее несоответствие собственной доктрины реальным картинам российской действительности. Достоевский возлагал вину за создавшееся положение на русскую интеллигенцию.

Resume. The article analyzes the social and historical views of Fyodor Dostoevsky, in particular, research and assessment of the socio-historical sights in the novel "Crime and Punishment." The author concludes that the writer tried to portray Russian people united, to reconcile the class, class contradictions, and imagine such a state of Russian society as a special historical path of Russia. However, being a realist writer who sought to draw the truth of life of the Russian people, the writer constantly ran into glaring discrepancy own doctrine of the real picture of Russian reality. Dostoevsky blamed the Russian intelligentsia for this situation.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, нигилизм, исторические взгляды, история России, реформы.
Keywords: Fyodor Dostoyevsky, nihilism, historical sights, the history of Russian reforms.

Конец 1860-х годов в творчестве Достоевского ознаменовался написанием первого из серии его великих романов. Роман «Преступление и наказание» (впервые опубликован в «Русском вестнике» за 1866 год, №1,2,4,6-8,11,12) носил сугубо социальный характер.

В исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, этот роман в целом, равно как отдельные аспекты произведения, подвергнуты научному анализу¹. Обстоятельный разбор произведения был сделан В.Я. Кирпотин в монографии «Разочарование и крушение Родиона Раскольникова» (книга выдержала четыре издания). Однако отметим, что социально-историческая составляющая романа не нашла должного отражения в научной литературе.

Вследствие реформы 1863 года произошли изменения в системе российского образования. Последовавшие за крестьянской реформой 1861 года крупные преобразования всех сфер общества на новых принципах требовали образованных людей, способных осуществлять начатые правительством реформы. «Общий устав российских императорских университетов» от 18 июня 1863 года разрешил поступать в университеты представителям всех сословий, успешно окончившим гимназический курс. Лекции могли посещать все желающие. Образование перестало быть привилегией высших сословий.

В сфере образования Россия существенно отставала от Европы. В Западной Европе первые университеты были открыты в XII-XIII веках. В Болонской школе права в середине XII века училось 10

¹ Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966; Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание» Сб./Под ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридлендера. Л., 1971. С. 166-195; Кожин В.В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского / Три шедевра русской классики.- М., 1971. С. 107-186; Карякин Ю.Ф. Самобман Раскольникова. М., 1976; Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. 4-е изд. М., 1986; Сыромятников О.И. Особенности воплощения русской идеи в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004; МаВэньин. Антропонимика романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015, и др.

тысяч студентов со всей Европы. В России Московский университет был открыт лишь в 1755 году, в нем в 1765 году на юридическом факультете учился один (!) студент¹. Тема просвещения, образования, в том числе женского, выдвигалась на передний план общественной борьбы. В общественной жизни ключевую роль стали играть студенты-разночинцы, выходцы из небогатой социальной среды. Они несли в общество новые социальные идеи, нравственные нормы. Студенты-разночинцы стали основными действующими лицами последующих художественных сочинений Достоевского.

Главный герой романа – бедный, почти нищий студент Родион Романович Раскольников (три буквы «Р» усиливают восприятие образа). Достоевский вводит в обиход ряд говорящих фамилий, с еще большей силой подчеркивавших своеобразие его героев. В данном случае фамилию Раскольников можно трактовать двояко – «раскол» или «раскаяние». В своей статье «Два лагеря теоретиков», написанной в 1862 году, Достоевский называл раскол крупным явлением в нашей исторической жизни².

Образом Раскольникова Достоевский стремился раскрыть диалектику социальных отношений в духе макиавеллизма: оправдывает ли цель средства? Раскаялся ли Раскольников после совершенного преступления? В эпилоге романа Достоевский пишет о чувствах Раскольникова на каторге: «И хотя бы судьба послала ему раскаяние... Но он не раскаивался в своем преступлении». «Совесть моя спокойна»³. Раскаяния, таким образом, не произошло. Принесенное Соней Евангелие лежало у Раскольникова под подушкой, он его не раскрывал. Еще не пришло время. «Вместо диалектики наступила жизнь...»⁴.

В романе трагедия личности Раскольникова запечатлена на фоне острого общественного кризиса пореформенной России. Бедный студент Родион Раскольников, честный, совестливый, выдвинул свою социальную теорию: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею...». ⁵ Он посчитал себя своеобразным русским Наполеоном, сверхчеловеком, имеющим право распоряжаться судьбами других людей, презирать законы и нормы общества. Раскольников разделял общество на тех, кому всё дозволено, и простых людей, вождей и стадо. Именно этой теме была посвящена статья Раскольникова в юридическом журнале. «...Все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные», – разъяснял теорию Раскольникова следователь Порфирий Петрович.⁶

Посредством раскрытия характера личности главного героя романа Достоевский раскрывает социальный конфликт общественного строя, в котором царит нищета, социальная несправедливость, обман. Вину за состояние общества Достоевский возлагает, прежде всего, на само общество, а не на личность. Пьянство, преступность, проституция, социальное неравенство порождены социальными условиями жизни пореформенной России.

Характерной чертой романа «Преступление и наказание» является конфликтность героев и ситуаций. На протяжении всего романа его герои вступают в бесконечную череду социальных и бытовых конфликтов – конфликт Раскольникова со старухой-процентщицей, конфликт в семье Мармеладовых, конфликт сестры Родиона Дуни с Лужиным и Свидригайловым, конфликты богатых и бедных, взрослых и детей, мужчин и женщин, даже конфликт города и его жителей.

Родион Раскольников и Соня Мармеладова – главные герои романа. Вокруг них строится не только сюжетное повествование, но и раскрываются характеры остальных персонажей второго ряда – типичные представители определенных социальных слоев пореформенной России, которых постоянно наблюдал Достоевский (многие из них также с говорящими фамилиями). Среди них – приятель Родиона Раскольникова студент Разумихин, помещик Свидригайлов, капиталист Лужин, следователь Порфирий Петрович, бедный чиновник Мармеладов, «служащий в министерстве» Лебезятников.

Бывший студент Дмитрий Прокофьевич Разумихин, дальний родственник Порфирия Петровича. «Это был необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты. Впрочем, под этой простотой таились и глубина, и достоинство. Лучшие из его товарищей понимали это, все любили его. Был он очень неглуп, хотя и действительно иногда простоват. Наружность его была выразительная – высокий, худой, всегда худо выбритый, черноволосый»⁷. По натуре своей он более волевой, целеустремленный человек, чем Раскольников, не сидит без дела, ищет возможности заработать, строит разнообразные проекты. Разумихин – сугубо положительный герой повествования. Он постоянно заботится о Раскольникове, В конце романа Разумихин женится на сестре Раскольникова Авдотье Романовне и становится родственником Родиона. По своему типу Разумихин близок к представителям демократической молодежи, группировавшейся вокруг Чернышев-

¹ Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861-1863. 1972. С. 31.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 417.

⁴ Там же. С. 422.

⁵ Там же. С. 321.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Там же. С. 43

ского. Не случайно в черновых материалах к роману Достоевский вместо «Разумихин» сознательно написал «Рахметов».

Целостный характер получил в романе образ «человека делового и занятого» Петра Петровича Лужина – надворного советника, жениха Дуни Раскольниковой. «Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво ступались возле светловыбритого блиставшего подбородка. Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах, ибо придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец. Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и отталкивающее, то происходило уж от других причин»¹.

Лужин имел в жизни единственную страсть – поклонение деньгам, капиталу. «Но более всего на свете любил и ценил он, добытые трудом и всякими средствами, свои деньги: они равняли его со всем, что было выше его»². Это обстоятельство, по-видимому, позволяло ему свысока относиться к окружающим людям, даже совершать подлые поступки (обвинение Сони в краже ста рублей). В пореформенной России происходил интенсивный процесс формирования слоя капиталистов, к числу которых принадлежал и Лужин. Посредством отношения Раскольникова к Лужину писатель раскрыл мелочный, тщеславный характер своего героя. Лужин трижды изгонялся из дома – первый раз Раскольниковым, второй – Дуней, третий – Лебезятниковым. Дуня, в конечном счете, отказала своему богатому жениху, предпочтя бедного, но порядочного и доброго Разумихина. Лужин как хозяин жизни непотопляем по причине ущербной нравственности. Представителей буржуазного сословия Достоевский развенчивал в своих более ранних и более поздних работах. В пореформенной России Лужины приходили на смену гоголевскому Чичикову, прокладывая мостик к чеховскому Лопухину, героям-купцам Островского, Горького, Шишкова.

К другому социальному типу принадлежит помещик Аркадий Иванович Свидригайлов. Первое упоминание о нем содержится в письме матери Пульхерии Александровны к Родиону Раскольникову, в котором она говорит о преследовании им Дуни, служившей гувернанткой в доме Свидригайловых. «Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно, пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет»³.

В образе Свидригайлова Достоевский продолжил поиск феномена двойника, начатый им в романе «Двойник». Образ Свидригайлова более сложен и противоречив, чем образ Якова Голядкина. В нем соединены двуличность, подлость, похотливость, шулерство. Случайно подслушав исповедь Раскольникова Соне об убийстве им старухи, Свидригайлов начинает шантажировать этим его сестру Дуню. Он потерял ощущение границ между добром и злом, утратил смысл жизни. В нем подлость часто берет верх над другими нравственными качествами. Свидригайлов вместе с тем сознает никчемность собственного существования, понимает, что только Дуня может спасти его от смерти. Однако Дуня презирает его всей душой, с негодованием и отвращением отвергает всяческие надежды на взаимность. Как следствие собственного поведения Свидригайлова часто посещают кошмары.

Предчувствуя собственную смерть, Свидригайлов оказывается способным на великодушие. Он стремится совершать благородные поступки – оплачивает похороны Катерины Ивановны, выделяет деньги на обустройство ее детей-сирот, предлагает Раскольникову 10 тысяч рублей для Дуни во избежание ее брака с Лужиным, дарит три тысячи рублей Соне для поездки вслед за Раскольниковым в Сибирь, 15 тысяч молодой девушке – своей будущей невесте. Свидригайлов, сознавая свою никчемность, отсутствие социально значимой жизненной цели, стал первым самоубийцей в череде романов Достоевского.

Андрей Семенович Лебезятников (говорящая фамилия) – «молодой друг» Лужина и сосед Мармеладовых. Характерен портрет героя: «Этот Андрей Семенович был худосочный и золотушный человек, малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, в виде котлет, которыми он очень гордился. Сверх того, у него почти постоянно болели глаза. Сердце у него было довольно мягкое, но речь весь самоуверенная, а иной раз чрезвычайно даже заносчивая, – что, в сравнении с фигуркой его, почти всегда выходило смешно»⁴. Портрет пародийный, карикатурный.

На примере Лебезятникова Достоевский обратился к образу одного «из самых передовых молодых прогрессистов», представителю новой молодежи пореформенной России, не до конца

¹ Там же. С. 114.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С.189.

понятной писателю. Очевидно, поэтому он изображен сатирическими красками, доходившими до оскорбления. Этот образ – одно из первых обращений писателя к российским нигилистам, развитое им впоследствии. По всем позициям он проигрывал другим героям романа. Он был «действительно глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к «молодым поколениям нашим» – по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуrow, которые мигom пристают непременно к самой модной горячей идее, чтобы тотчас же опoшлить ее, чтобы мигom окарикатурить все, чему они же иногда самым искренним образом служат»¹.

Среди тем, интересовавших Лебезятникова, второстепенные проблемы России 1860-х годов – может ли член коммуны входить к другому без стука, надо ли целовать женщине руку и т.п. на фоне массы животрепещущих тем. Достоевский, изображая Лебезятникова, направлял сатирические критические стрелы против своих идейных оппонентов – Чернышевского, Писарева, Серно-Соловьевича. Вторая половина 1860-х годов в России отмечена обострением идейно-политической борьбы, появлением революционных кружков, в которых участвовали многие молодые люди. Обсуждали они чаще всего не второстепенные, а актуальные и острые проблемы российского общества, возможные пути его изменения. Оценки революционных демократов, их взглядов Достоевским нередко оказывались не справедливыми, предвзятыми. Более того, Достоевский посвятил революционным демократам сатирический рассказ «Крокодил», направленный, как считали критики, против находившегося в сибирской ссылке Чернышевского.

Достоевский, тем не менее, при всем критическом отношении к своему герою, стремится отчасти оправдать его. Лебезятников совершает благородный поступок, выступив свидетелем и разоблачителем неблагоприятного поведения Лужина, обвинившего Сою в краже его денег.

Особый интерес вызывает образ следователя Порфирия Петровича – дальнего родственника Разумихина. Это – первый опыт обращения Достоевского к подобному социальному типу – представителю правосудия. Писатель проявлял живой интерес к разного рода судебным процессам, внимательно следил за их ходом, к практической реализации российской судебной реформы 1864 года.

Достоевский дает портрету Порфирия Петровича сложную, противоречивую характеристику, состоящую из контрастов. «Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать»².

Порфирий Петрович – умный, опытный следователь, умело расставляющий словесные логические ловушки-намеки, в которые время от времени попадает Раскольников. Именно в ходе бесед с Раскольниковым следователь заставляет его признаться в совершенном преступлении. Он – единственный из основных героев романа не имеет фамилии, только имя-отчество. В Петербурге тех лет был известный юрист с подобным именем, который не нуждался в особой фамилии.

Итак, в романе «Преступление и наказание» масса образов, представителей различных социальных сословий, объединенных преступлением Раскольникова.

Социальный аспект романа связан не только с его героями, а с городом, в котором они живут.³ Капитализм создал новый, особый социальный мир – город, населенный в основном выходцами из деревни, городской образ жизни. Петербург, по выражению Свидригайлова, – «город полусумасшедших». «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге»⁴. Город давил, принижал и разлагал людей, отбирал у них последние жизненные силы. Основные события романа происходят преимущественно в районе одного из самых криминальных, злачных мест Петербурга – Сенной площади – места обитания самых антисоциальных элементов. Посредством показа города, различных оттенков городской жизни писатель еще более обостряет социальный характер романа.

На фоне города-призрака Достоевский изображал детей в продолжение вечной для него темы детства. В романе писатель создал несколько детских образов. Как и в других произведениях, дети несчастны – больны, голодны, неухожены, лишены нормального детства. Характерный прием повествования – изображение плачущих, дрожащих – от страха, холода и т.п., детей: «Девочка только дрожала»⁵, «Мальчик... весь дрожал в углу и плакал»⁶. Подобного рода сцен, изображаю-

¹ Там же. С.139.

² Там же. С.192.

³ Ветловская Е.В. Достоевский и Пушкин: петербургская тема в «Преступлении и наказании». Материалы и исследования: вып.19. 2010. С. 152.

⁴ Там же. С.357.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 22.

щих страдающих маленьких детей, в романе много. Тема детей стала сквозной во всех последующих художественных сочинениях Достоевского.

Значительную роль во многих произведениях Достоевского играют сновидения. Нередко они бывают вещими, пересказываются вслух, предвещают события в жизни персонажей. В «Преступлении и наказании» сны героев носят также пророческий характер. Посредством снов писатель передавал сложные социальные отношения, в которых взаимодействовали его герои.

Сон Раскольникова имел трагические последствия. Он виделся себе маленьким мальчиком, ставшим свидетелем жестокого избиения и убийства лошади. Лошадь били кнутах, палками, оглоблей. «Эх, ешь те комары! Расступись! - неистово вскрикивает Миколка (хозяин клячи.- Авт.), бросает оглоблю, снова нагибается в телегу и вытаскивает железный лом.- Берегись! - кричит он и что есть силы огорошивает с размаху свою бедную лошадедку. Удар рухнул; кобыленка зашаталась, осела, хотела было дернуть, но лом снова со всего размаху ложится ей на спину, и она падает на землю, точно ей подсекли все четыре ноги разом»¹.

В жестокой разухабистости простого парня Миколки – хозяина лошади, видится то состояние русского бунта, о котором говорил в совет время Пушкин – «бессмысленный и беспощадный». Кроме того, дополнить это состояние можно пьянством, желанием покуражиться на глазах такой же, как и Миколка, пьяной толпы городских обывателей. Возможно, через какое-то время он будет сожалеть о случившемся, раскаиваться, горевать о напрасно загубленном животном, произойдет отрезвление. Но в настоящем времени таких чувств он не испытывал.

Некрасов и Достоевский с разных сторон подходили к одной и той же проблеме – положению простого человека в русском обществе – в дореформенной и пореформенной России. Сам Достоевский во время пребывания на каторге в омском остроге неоднократно был свидетелем различных телесных наказаний арестантов и подробно описал это в «Записках из Мертвого дома». Писатель дал характеристику не только жертвам наказания, но и их палачам.

В течение нескольких веков в России широко применялись телесные наказания для податных сословий. Дворяне, купцы первой и второй гильдий, духовенство освобождались от наказаний. В 1863 году в ходе либеральных реформ были частично отменены телесные наказания (женщины полностью освобождались от телесных наказаний). Для мужчин телесные наказания применялись лишь в пяти оговоренных законом случаях: наказания крестьян по приговору волостных судов до 20 ударов розгами; наказания арестантов розгами до ста ударов с санкций губернатора и др. Только в 1903 году телесные наказания были полностью отменены для ссылокаторжных и ссылокоселенцев, а в 1904 году – для всех крестьян, солдат и матросов².

Первоначально Достоевский хотел назвать свой роман «Пьяненькие». Действительно, в ходе повествования в произведении повсеместно встречаются кабаки, пьяные люди из простонародья, совершаются преступления на пьяной почве. «Все пьяны, все поют песни...»³. В письме к А.А. Краевскому от 8 июня 1865 года Достоевский отмечал: «Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейственные, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.»⁴. Кабак как явление социальное был центром повседневной жизни простого народа в городе и в деревне (женщин в кабаки не пускали), где люди не только потребляли спиртное, но и обменивались новостями, встречали приятелей и знакомых, обсуждали насущные жизненные проблемы. Беспорочно пьянствует Мармеладов, пропивая последние копейки своих нищих и голодных детей. Пьют простые ремесленники, мещане, мастеровые, молодые девушки, женщины и старухи. И до «Преступления и наказания» писатель часто изображал пьянство в его разнузданном и безобразном виде. Водка губила многих сильных людей. Постоянно предавался пьянству положительный герой Маслобоев («Униженные и оскорбленные»). Пьют, хотя и редко, Раскольников и Разумихин. А сколько известных литераторов, композиторов, художников погубило в России пьянство.

По поводу пьянства как продукта социальной среды обитания в романе очень точно высказался Г.С. Померанц: «...Не хватает здоровой среды. <...> Сама среда у Достоевского повредила. Роман Достоевского – это роман гения, окруженного людьми, потерявшими свою примитивность, тронутыми теми же процессами мышления, которые мучают его...»⁵. Очевидно, в том числе и поэтому, Достоевский столь сурово ополчился против такого социального зла, порожденного социально-экономическим строем, каким было пьянство на Руси.

Исходя из собственной идейно-политической концепции, Достоевский стремился изобразить русский народ единым, примирить классовые, сословные противоречия, представить подобное состояние русского общества как особый исторический путь России. Однако, будучи писателем-реалистом, стремившимся рисовать правду жизни русского народа, писатель постоянно наталкивался на вопию-

¹ Там же. С. 49.

² История и историческое сознание / под ред. И.М. Клямкина. 2011. С. 58-59.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1972. С. 54-55.

щее несоответствие собственной доктрины реальным картинам российской действительности. Достоевский возлагал вину на создавшееся положение на русскую интеллигенцию.

Подготовка и публикация романа «Преступление и наказание» совпали со знаковым событием в истории России – 4 апреля 1866 года в Петербурге студентом Д. Каракозовым было совершено первое и далеко не последнее покушение на императора Александра II. Достоевский, буквально идеализировавший самого императора и членов его семьи, тяжело переживал случившееся¹. В письме к издателю журнала «Русский вестник», в котором печатался роман, М.Н. Каткову от 25 апреля 1866 года Достоевский отмечал: «...4-е апреля математически доказало могучее, чрезвычайное, святое единение царя с народом. А при таком единении могло бы быть гораздо более доверия к народу и к обществу в некоторых правительственных лицах. А между тем со страхом ожидают теперь стеснения слова, мысли. Ждут канцелярской опеки. А как бороться с нигилизмом без свободы слова?»².

Действительно, после покушения Каракозова усилилась правительственная цензура – были закрыты журналы «Современник» и «Русское слово», произошли аресты в Москве, Петербурге и других городах.

Покушение Каракозова на императора Александра II окончательно утвердило Достоевского в качестве решительного противника любых форм революционного насилия, выраженных в нигилизме, социализме, бунтарстве, атеизме. Если в «Преступлении и наказании» нигилизм представлен в сатирическом образе Лебезятникова, то в романе «Бесы» писатель раскрыл целую галерею революционеров разных оттенков.

Библиография

- Ветловская Е.В. Достоевский и Пушкин: петербургская тема в «Преступлении и наказании». Достоевский: Материалы и исследования: вып.19. СПб.: Наука, 2010.
- Волгин И.Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования, 1998.
- История и историческое сознание / под ред. И.М. Клямкина. М.: Либеральная миссия, 2011.
- Карякин Ю.Ф. Самообман Раскольникова. М.: Худ.литература, 1976.
- Кирпотин В.Я. Достоевский в шестидесятые годы. М.: Худ.литература, 1966; Карякин Ю.Ф. О философско-этической проблематике романа «Преступление и наказание». Сб. / Под ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. С.166-195.
- Кирпотин В.Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова. 4-е изд. М.: Худ.литература, 1986.
- Кожин В.В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М.: Б.и., 1971. С.107-186;
- МаВэньин. Антропонимика романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время»: 1861-1863. М.: Наука, 1972.
- Померанц Г.М. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М.: Советский писатель, 1990.
- Сыромятников О.И. Особенности воплощения русской идеи в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004.
- Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854-1862). Л.: Наука, 1980.

References

- Istoriya i istoricheskoe soznanie / pod red. I.M. Klyamkina. M.: Liberal'naya missiya, 2011.
- Karyakin YU.F. O filosofsko-ehricheskoy problematike romana «Prestuplenie i nakazanie». Sb. / Pod red. V.G. Bazanova i G.M. Fridlendera. L.: Nauka, 1971. S.166-195.
- Karyakin YU.F. Samoobman Raskol'nikova. M.: Hud.literatura, 1976.
- Kirpotin V.YA. Dostoevskij v shestidesyatye gody. M.: Hud.literatura, 1966.
- Kirpotin V.YA. Razocharovanie i krushenie Rodiona Raskol'nikova. 4-e izd. M.: Hud.literatura, 1986.
- Kozhinov V.V. «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo // Tri shedevra russkoj klassiki.M.: B.i., 1971. S.107-186.
- MaVehn'in. Antroponimika romana F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» kak hudozhestvennaya sistema: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015.
- Nechaeva V.S. Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskih «Vremya»: 1861-1863. M.: Nauka, 1972.
- Pomeranc G.M. Otkrytost' bezdne: Vstrechi s Dostoevskim. M.: Sovetskij pisatel', 1990.
- Syromyatnikov O.I. Osobennosti voploshcheniya russkoj idei v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» dis. ... kand. filol. nauk.Perm', 2004.
- Tunimanov V.A. Tvorchestvo Dostoevskogo (1854-1862). L.: Nauka, 1980.
- Vetlovskaya E.V. Dostoevskij i Pushkin: peterburgskaya tema v «Prestuplenii i nakazanii». Dostoevskij: Materialy i issledovaniya: vyp.19. SPb.: Nauka, 2010.
- Volgin I.L. Koleblyas' nad bezdnioj: Dostoevskij i russkij imperatorskij dom. M.: Centr gumanitarnogo obrazovaniya, 1998.

¹ Волгин И.Л. Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. М., 1998.

² Туниманов В.А. Творчество Достоевского (1854-1862) / В.А. Туниманов. Л., 1980. С.171.

УДК 94(470.67) «18/19»:323

**ДАГЕСТАН В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)****DAGESTAN IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATIONAL PROCESSES IN RUSSIA
(IN THE SECOND HALF OF THE 19-TH – EARLY 20-TH CENTURIES)****Л.А. Труженикова
L.A. Truzhenikova***Дагестанский государственный университет,
Россия, 367002, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43-а**Dagestan State University,
43-a M. Gadzhiev St., Makhachkala, 367002, Russia**E-mail: lyuda-74@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты развития Дагестана в составе России с момента образования Дагестанской области в 1860 году и вплоть до революционных событий и провозглашения автономии Дагестана. Автор предлагает краткий экскурс в историю русско-дагестанских взаимоотношений, отмечая, что они насчитывают не одно столетие. В 1813 году после подписания Гюлистанского договора Дагестан окончательно вошел в состав России. После окончания Кавказской войны и образования области Дагестан был активно вовлечен в орбиту быстро развивающегося российского капитализма. После Февральской революции 1917 года народы Дагестана на фоне стремительно размежевывающихся противоборствующих политических сил оказались перед судьбоносным выбором: каким путем развиваться далее? Из имеющихся альтернатив дагестанцы выбрали путь общенационального самоопределения в составе Российской Советской Республики.

Resume. The article considers the key development aspects of Dagestan as part of the Russian Federation since the formation of Dagestanian Province in 1860 and up to the revolutionary events and the proclamation of its autonomy. The author offers a brief overview of Russian-Dagestani relations that have lasted for over two centuries. In 1813, after signing the Gulistan Treaty, Dagestan finally became part of Russia. After the end of the Caucasian War and the province formation, Dagestan was actively involved in the rapid development of Russian capitalism. After the February Revolution of 1917, the peoples of Dagestan faced a landmark choice: which way to develop further? Of the options available Dagestan chose the path of national self-determination within the Russian Soviet Republic.

Ключевые слова: Дагестан, Гюлистанский договор, Кавказская война, Дагестанская область, капитализм, революция, республика.

Key words: Dagestan, Gulistan Treaty, the Caucasian war, Dagestanian province, capitalism, revolution, republic.

В январе 2016 года Дагестан отметил 95-летие образования республики в составе России. В непростых реальностях тех далеких переломных лет своей истории дагестанским народом был сделан выбор – жить и развиваться в составе многонациональной России. Вместе с тем сегодня Дагестан, как и в начале XX века, вновь оказался в сфере геополитических интересов западных стран, предпринимаются попытки дестабилизировать ситуацию в республике. Несмотря на это, Дагестан, самый уникальный в своем этническом многообразии субъект Российской Федерации, неуклонно продолжает динамично развиваться в составе России, оставаясь верным своему историческому выбору.

20 января 1921 года Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом был принят Декрет об образовании Дагестанской АССР. Дагестанские народы впервые в своей многовековой истории объединились в республику – единое государственное образование, сплотившее в своих границах народы, исторически связанные совместным проживанием, хозяйственными отношениями, общим историческим и культурным наследием. Фактически эта дата означала окончательное оформление продолжавшегося веками сближения дагестанских народов с Россией.

Российско-дагестанские взаимоотношения формировались не один век: в процессе укрепления многонационального централизованного государства еще с середины XVI века Россия, устанавливая через Волгу торговые отношения со странами Востока, пыталась завладеть западным побережьем Каспийского моря. Правители России активно стремились утвердиться на этой территории, однако процесс покорения северокавказских земель оказался долговременным и достаточ-

но сложным. Первым из российских правителей, оценившим экономическое и стратегическое значение Кавказа для укрепления и роста Российской империи, был Петр I, однако сама империя стала реализовывать здесь прежде всего свои колониальные интересы.

В XVIII веке Северный Кавказ дробился на этнически неоднородные самостоятельные и полусамостоятельные образования. Значительное их число было на территории Дагестана: Тарковское шамхальство, Костековское, Аксаевское и Эндиреевское владения, Кайтагское уцмийство, земли кадия Табасарана, Табасаранское майсумство, Аварское, Мехтулинское и Казии-Кумухское ханства и ряд аварских, лезгинских, даргинских и других союзов сельских общин, известные в исторической литературе под названием «вольных обществ». Указанные феодальные владения не были однородны этнически, государственно-политического единства в это время не имел и сам Дагестан: его народы объединяли хозяйствование, культура, традиции, религия.

По Гюлистанскому договору 1813 года, подписанному после победы в русско-иранской войне 1804 – 1813 годов, Ираном России были уступлены Шекинское, Гянджинское, Карабахское, Талышское, Ширванское, Бакинское и Кубинское ханства Азербайджана, а также Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия, Абхазия и Дагестан, который с этого времени стал частью России де-юре. После подписания договора царское правительство считало Дагестан «законной» частью империи, приступив к наведению «внутреннего порядка» на этой территории.

Народы Дагестана, Чечни и Адыгеи, в ответ на стремление самодержавия распространить свое влияние на всей территории Кавказа, оказали серьезное сопротивление, вылившееся в начавшуюся в 1820-е годы Кавказскую войну и стоившую империи немалых сил и средств. С 1834 года третий имам Дагестана и Чечни Шамиль возглавил борьбу горцев против самодержавия. В созданном им в годы войны государстве Имамат было четко разработанное административно-территориальное управление и действовало унифицированное законодательство – шариат и низамы. Тем самым впервые на территории Чечни, Дагестана и части Северо-Западного Кавказа имамом Шамилем было создано единое теократическое государство Имамат с единым правом¹.

Завершив в 1864 году Кавказскую войну, российское правительство начало проводить последовательную политику утверждения своей власти на Кавказе. Присоединение Кавказа к Российской империи имело в целом прогрессивное значение, способствуя его социально-экономическому, политическому и культурному развитию, а также постепенному вовлечению экономики всего региона в систему товарно-денежных отношений.

Поиск приемлемых методов и форм управления регионом шел в направлении унификации всех государственных институтов в центре и на местах, для удобства управления всей империей. В результате российское правительство создало своеобразную и оригинальную систему власти, известную как «военно-народное управление» и вызванную особой на тот момент геополитической ситуацией в Кавказском крае².

Дагестанская и Терская области были образованы на территории, где находилось Левое крыло Кавказской армии. В качестве административного центра Дагестанской области был выбран город Темир-Хан-Шура. Согласно Положению от пятого апреля 1860 года по управлению Дагестанской областью и Закатальским округом основными принципами управления краем были: 1) власть сохранялась в руках царского военного командования; 2) высшему сословию горцев предоставлялась поддержка; 3) было ликвидировано действие шариата и восстановлено действие адатов.

Управление Дагестанской областью разделялось на военное и гражданское. К последнему принадлежали управление города Петровска и Дербентское градоначальство. Все другие земли Дагестанской области находились в военном управлении и делились на военные отделы: Северный, Средний, Верхний и Южный Дагестан, которые подразделялись на округа (Геворкян 2011: 66). Кайтаго-Табасаранский, Даргинский, Казии-Кумухский, Самурский, Бежтинский и Гунибский округа входили в состав этих военных отделов первоначально. В 1861 году был образован Андийский округ, в 1864 году – Аварский округ, в 1865 году – Кюринский округ.

В Дагестане в начале 1860-х годов была восстановлена ханская власть: правитель ханства обладал правами окружного начальника. Однако 20 апреля 1867 года, с упорочением самодержавия на Кавказе, ханства упразднили как переставших играть самостоятельную политическую роль. В созданный вместо них Темир-Хан-Шуринский округ вошло шесть наибств. Всего же в Дагестане было 42 наибства, входивших в состав девяти округов. Таким образом, Дагестанская область со своей уникальной системой управления была окончательно сформирована к концу 1867 года, став составной частью Российского многонационального государства.

Начальник, стоявший во главе области, подчинялся непосредственно Главнокомандующему Кавказской армией. Он сосредоточил в своих руках как военную (на правах командира корпуса команду войсками области), так и административно-политическую власть (будучи наделенным правами генерал-губернатора области и определяемыми особым положением правами по управ-

¹ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 152.

² Абдулаева М.И. Проекты российской военной элиты по гражданскому обустройству Кавказа // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан / отв. ред. Э. М. Далгат, Л. О. Урдашева. Махачкала, 2011. С. 41.

лению «туземными племенами»¹. Также после образования области был учрежден Дагестанский областной суд, заменивший Дербентский губернский суд. Население области, которое состояло в военном управлении, подпадало под юрисдикцию окружных судов.

Вместе с тем все проводимые на Северо-Восточном Кавказе преобразования вводились на срок до первого января 1863 года в виде опыта. В 1865 году создается Кавказское горское управление, в 1880 году оно переименовывается в Кавказское военно-народное управление и в 1883 году переходит из военного в гражданское ведомство, став Канцелярией главноначальствующего гражданской частью на Кавказе по военно-народному управлению; при этом военный губернатор области в своих правах уравнивался с правами других губернаторов.

Тем самым после образования области Дагестан окончательно вошел в общероссийскую административную, политическую и экономическую систему. Проводимая царским правительством целенаправленная политика также способствовала вовлечению области в орбиту общеимперской культурной жизни. Развернувшийся процесс имел для населения области прогрессивные последствия: в крае возникают промышленные очаги (в основном ориентированные на переработку местного сырья); появляются и развиваются города; в регионе зарождается и стремительно растет рабочий класс. Морской порт города Петровска и Владикавказская железная дорога, проложенная в 90-е годы XIX века, способствовали развитию промышленных и культурных связей Северного Кавказа и Закавказья с Центральной Россией². Присоединение к России способствовало появлению в Дагестане светских школ, медицинских учреждений, типографий, библиотек и других очагов культуры и просвещения. Проникновение товарно-денежных отношений в горные районы Дагестана давало возможность расширения экономических и политических связей региона с центральными районами страны³.

Однако при создании Дагестанской области не удалось избежать крупные недочеты: искусственно соединяли одни народы, а другие – разъединяли⁴. Военно-народное управление, проводя аграрно-национальную политику, зачастую не учитывало нужды населения региона, экономические и национально-культурные запросы местного населения. Все это впоследствии привело к национальной и социальной нестабильности. Усиливались антиправительственные настроения. Так, забастовки, митинги, стачки, выступления солдат, крестьянские волнения прошли в Дагестане во время первой русской революции. Напряженная борьба порт-петровских рабочих (текстильщиков, железнодорожников, бондарей) и матросов во многом способствовала тому, что в результате забастовок правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки, тем самым несколько улучшив условия существования работающего населения. Быстрыми темпами повсеместно нарастал и продовольственный кризис⁵. Однако в начале XX столетия Дагестан продолжал оставаться одним из самых слабых регионов в промышленном отношении регионов страны. Тем не менее институт военно-народного управления функционировал до 1917 года, подвергаясь периодически несущественному реформированию.

Во втором десятилетии XX века Дагестан был вовлечен в политическую борьбу, стремительно разворачивавшуюся по всей империи. В условиях развала царского самодержавия в России в феврале 1917 года на первый план вышла задача национально-государственного устройства страны. Она стала актуальной и для окраин Российского государства, в том числе и Северного Кавказа⁶.

В Дагестане, оказавшемся в крайне непростой обстановке, установившееся двоевластие имело своеобразные, характерные для региона, черты. В состав Временного областного исполнительного комитета, созданного в Темир-Хан-Шуре девятого марта, вошли представители интеллигенции, мусульманского духовенства, помещиков, буржуазии. В Дербенте несколькими днями ранее были созданы гражданский исполком и Совет рабочих и солдатских депутатов. В Порт-Петровске образованные 11 марта Совет рабочих депутатов и Совет солдатских и офицерских депутатов позднее объединились в Совет рабочих и солдатских депутатов. Все Советы возглавляли эсеры и меньшевики, и практически все Советы поддерживали Временное правительство. В городах параллельно с Советами появлялись различные организации, объединившие представителей разных национальностей по этническому признаку.

В конце марта Особый Закавказский комитет – орган Временного правительства – принял на себя функции наместника царя на Кавказе. Шестого апреля ОЗаКомом был образован Особый комиссариат для управления Дагестанской областью, в состав которого вошли И. Гайдаров и М.

¹ Гамзаева Г.Ш. О предпосылках и проведении административно-политической реформы в Дагестане в 60-х гг. XIX в. // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан / отв. ред. Э. М. Далгат, Л. О. Урдашева. Махачкала, 2011. С. 81.

² Каймарзов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 27 - 28.

³ Мирзабеков М.Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX века - 30-е годы XX века). Махачкала, 2010. С. 79.

⁴ Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX - начале XX веков: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимодействия. Махачкала, 2003. С. 212.

⁵ См.: Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). Выпуск 34. С. 164.

⁶ Тетуев А.И. Национально-государственное строительство в Кабардино-Балкарии // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 87.

Далгат, бывшие депутаты Государственной думы от Дагестана. Однако Дагестанский областной исполком, проведя ряд административных преобразований, фактически ничего не сделал для улучшения экономической ситуации и помощи трудовым массам региона¹.

Тем временем нарастание социально-экономического кризиса, критическое положение населения всей России, ослабление авторитета Временного правительства способствовали тому, что на окраинах страны набирали обороты центробежные силы, стремясь, воспользовавшись слабостью Центра, создать независимые государства. Северный Кавказ не явился исключением.

Ряд представителей горской интеллигенции, собравшихся во Владикавказе в марте 1917 года, предпринял первую попытку создать в регионе суверенное государство. Вопрос о самостоятельном национально-государственном образовании должен был быть решен на Съезде горских народов Северного Кавказа, где также предполагалось рассмотреть Политическую платформу, Программу, Конституцию, проект реформы земского самоуправления, школьного образования, местного суда и т.д. Состоявшийся 1 – 10 мая первый Съезд горских народов Кавказа обсудил вышеуказанные документы и вопрос о создании «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана». Съезд сформировал Временный Центральный Комитет. Его членами от Дагестана стали И. Гайдаров, Н. Тарковский, Н. Гоцинский, Р. Капланов, Б. Далгат, А. Далгат и другие².

В созданный 20 августа во Владикавказе «Юго-Восточный Союз» вошли казачество Кубани, Дона, Терек и Астрахани, горцы Северного Кавказа и Дагестана, ногайцы, калмыки и туркмены Ставропольской и Астраханской губерний. В объединенное правительство «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» – Горское правительство, сформированное в Екатеринодаре 16 ноября, были включены и члены «Союза». Свою основную задачу «Союз» видел в создании Горской национально-территориальной автономии на Северном Кавказе (включая и Абхазию), которая войдет в состав Российской Федеративной Демократической Республики; ее, как ожидалось, должны были провозгласить на Всероссийском Учредительном собрании в январе 1918 года.

«Союз» за время своего существования с мая по ноябрь 1917 года был законодательным и исполнительным органом на территории Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Черноморской и Ставропольской губерний, Абхазии и Закатальского округа. «Союз» (Горское правительство), определив основные направления своей деятельности и разработав ряд основополагающих документов (конституцию, проекты реформ и т.д.), стремился разрешить обострившиеся конфликты, установить тесные и дружественные отношения между казаками и горскими народами. «Союзом» были провозглашены свобода, равенство и мирное (без национальных и религиозных различий) сожительство всех проживавших в Северо-Кавказском регионе народностей России. Единственным представителем верховной власти до созыва Учредительного собрания «Союз» признавал Временное правительство. Однако «Союз» не решил самую острую проблему – земельную, что и явилось одной из главных причин разочарования горцев в его деятельности.

Вместе с тем «Союз» явился второй, после Имамата Шамиля, попыткой создания в многоконфессиональном и многонациональном регионе объединенной государственности горцев края. Этот процесс был продолжен в мае 1918 года (уже в ходе развернувшейся гражданской войны), когда была предпринята попытка создания Горской республики, поставившей задачу отделиться от молодого Советского государства.

Одновременно ряд представителей исламских кругов Дагестана и Чечни выступали за восстановление на Северном Кавказе шариатского государства – Имамата – для объединения горцев и предотвращения распада. Однако народы региона в большей мере придерживались тенденции к объединению на основе политических и экономических интересов, общности своих исторических судеб и традиций. В многонациональном регионе, населенном представителями разных конфессий, возникающие союзы и объединения базировались чаще всего именно на экономической и территориальной общности населения.

В апреле 1918 года «Союз» обратился к европейским государствам с просьбой признать правительство Горской Республики. Стремительно развернувшиеся события (объявление 11 мая на Батумской международной конференции о создании Горской Республики, признание ее Германией и Оттоманской Турцией, провозглашение Декларации об объявлении независимости республики, Нота правительства республики Правительству РСФСР от 13 мая о создании Горской республики и отделении ее от России) привели к тому, что 15 мая Советское правительство в своем Протесте отказало в признании независимости Горской Республики. Отказ был мотивирован тем, что ранее

¹ Османов А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Книга 2: Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала, 2007. С. 34 - 35.

² Политическая платформа и Программа Союза объединенных горцев Кавказа, принятая на Съезде 7 мая 1917 года; Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, принятая на I Съезде // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 - 1918 годы), Горская республика (1918 - 1920 годы): Документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала, 1994. С. 47 - 53.

на национальных съездах проживающие на этой территории народы подтвердили свою неразрывную связь с Россией¹.

Вместе с тем приближающаяся к концу гражданская война, разгром деникинской армии, установление на Северном Кавказе Советской власти привели к тому, что большинство членов руководства Горской Республики эмигрировало в европейские страны и Турцию. Таким образом, попытка создания после Февральской революции 1917 года единого независимого демократического государства на территории Кавказа – Горской республики – не имела успеха. Главными причинами неудачи образования республики явились: внешние (противодействие, в основном, со стороны деникинских войск; отсутствие поддержки со стороны стран Антанты) и внутренние (неспособность решить актуальный для горской бедноты земельный вопрос; активная поддержка новой советской власти местным населением). В результате произошедших радикальных перемен в регионе было образовано несколько национально-государственных образований, среди них – Дагестанская АССР.

Таким образом, необходимо отметить, что в 1917 – 1918 годах, времени, когда Россия перешла от монархии к республике, от унитарного государства – к федерации, идеи национально-государственного самоопределения решительно овладели массовым сознанием народов бывшей империи. При этом перед народами Дагестана были обозначены и альтернативы для самоопределения: или войти в «Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана» как федеративная единица, или образовать функционирующее под покровительством Турции государство. Народы Дагестана выбрали свой путь, путь, подготовленный всем ходом истории многонационального Дагестана – общенациональное самоопределение в составе России. 20 января 1921 года выбор дагестанского народа был законодательно закреплён Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании Дагестанской АССР.

Можно констатировать, что государственность в разных ее формах и проявлениях на территории Дагестана существовала на протяжении столетий, но единого государства, учитывающего интересы всех проживающих здесь народов, не было создано вплоть до XX века. Отсутствие политического единства сдерживало цивилизационное развитие Дагестана, формирование гражданственности, восприятие достижений мировой цивилизации. Впервые нагорный и равнинный Дагестан был объединен в составе Российской империи в 1860 году. И это сразу же возымело положительные последствия: принесло стабильность и обеспечило возможность развития экономики и культуры края. Дагестан был вовлечен в передовую русскую культуру, а через нее – в общемировой культурный процесс. Тысячи дагестанцев интегрировались в пределах огромной Российской империи, впитывая культуру ее народов. В Дагестанской области появились светские школы, библиотеки, больницы, зарождалась национальная интеллигенция.

После Февральской революции 1917 года перед дагестанскими народами встал вопрос о выборе пути своего дальнейшего государственного и цивилизационного развития. Дагестанцы отвергли сепаратизм, реставрацию феодального прошлого и «шариатское государство», с оружием в руках отстояв будущее Дагестана как светской республики в составе России.

Библиография

Абдулаева М. И. Проекты российской военной элиты по гражданскому обустройству Кавказа // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан / отв. ред. Э. М. Далгат, Л. О. Урдашева. Махачкала: Издательство «Наука» ДНЦ, 2011. С. 41 – 46.

Бабаев А.-М. Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX века. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005.

Гамзаева Г. Ш. О предпосылках и проведении административно-политической реформы в Дагестане в 60-х гг. XIX в. // Дагестан в составе Российского государства: от Дагестанской области до Республики Дагестан / отв. ред. Э. М. Далгат, Л. О. Урдашева. Махачкала: Издательство «Наука» ДНЦ, 2011. С. 73 – 90.

Каймаразов Г. Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2007.

Мирзабеков М. Я. Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX века – 30-е годы XX века). Махачкала: Издательство «Наука» ДНЦ, 2010.

Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. Книга 2: Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала: Издательство ООО «ДИНЭМ», 2007.

Оськин М. В. Продовольственный вопрос в России в 1917 году: слабое место новой власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204). Выпуск 34. С. 164 – 171.

Рамазанов А. Х. Россия и Дагестан в XIX – начале XX веков: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния. Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2003.

Рамазанов Х. Х. Эпоха Шамиля. Махачкала: Типография «Ихлас», 2004.

Политическая платформа и Программа Союза объединенных горцев Кавказа, принятая на Съезде 7 мая 1917 года; Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, принятая на I Съезде

¹ Бабаев А.-М.Б. Кавказ в геополитике мировых держав в первой половине XX века. Махачкала, 2005. С. 61.

// Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917 – 1918 годы), Горская республика (1918 – 1920 годы): Документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994.

Тетугев А. И. Национально-государственное строительство в Кабардино-Балкарии // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 87 – 97.

References

Abdulaeva M. I. Proekty rossiiskoi voennoi elity po grazhdanskomu obustroistvu Kavkaza // Dagestan v sostave Rossiiskogo gosudarstva: ot dagestanskoi oblasti do Respubliki Dagestan / отв. ред. Е. М. Далгат, Л. О. Урдасхева. Махачкала: Izdatel'stvo «Nauka» DNTs, 2011. Pp. 41 – 46.

Babaev A.-M. B. Kavkaz v geopolitike mirovykh derzhav v pervoi polovine XX veka. Махачкала: IPTs DGU, 2005.

Gamzaeva G. Sh. O predposylkakh i provedenii administrativno-politicheskoi reformy v Dagestane v 60-kh gg. XIX veka // Dagestan v sostave Rossiiskogo gosudarstva: ot dagestanskoi oblasti do Respubliki Dagestan / отв. ред. Е. М. Далгат, Л. О. Урдасхева. Махачкала: Izdatel'stvo «Nauka» DNTs, 2011. Pp. 73 – 90.

Kaimarazov G. Sh. Obrazovanie i nauka v Dagestane v XX veke. Махачкала: GUP «Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2007.

Mirzabekov M. Ia. Modernizatsionnye protsessy v kul'ture narodov Dagestana (90-e gody XIX veka – 30-e gody XX veka). Махачкала: Izdatel'stvo «Nauka» DNTs, 2010.

Osmanov A. I. Dagestan v XX veke: istoricheskii opyt regional'nogo razvitiia. V 2-kh knigakh. Kniga 2: Obshchestvenno-politicheskaiia zhizn' i sotsiokul'turnoe razvitiie narodov Dagestana. Махачкала: Izdatel'stvo OOO «DINEM», 2007.

Os'kin M. V. Prodovol'stvennyi vopros v Rossii v 1917 godu: slaboe mesto novoi vlasti // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiiia. 2015. № 7 (204). Vypusk 34. Pp. 164 – 171.

Ramazanov A. Kh. Rossiia i Dagestan v XIX – nachale XX vekov: gosudarstvenno-politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye vzaimovliianiia. Махачкала: GUP «Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2003.

Ramazanov Kh. Kh. Epokha Shamiliia. Махачкала: Tipografiia «Ikhlas», 2004.

Politicheskaiia platforma i Programma Soiuzа ob"edinennykh gortsev Kavkaza, priniataia na S"ezde 7 maia 1917 goda; Konstitutsiia Soiuzа ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana, priniataia na I S"ezde // Soiuz ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana (1917 – 1918 gody), Gorskaia respublika (1918 – 1920 gody): Dokumenty i materialy / отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1994.

Tetuev A. I. Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii // Voprosy istorii. 2013. № 3. Pp. 87 – 97.

УДК 94 «18/19»(470.32):281.92

**УЕЗДНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЕПАРХИАЛЬНЫХ УЧИЛИЩНЫХ СОВЕТОВ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА***

**THE DISTRICT BRANCHES OF EPARCHY SCHOOLS COUNCILS:
THE HISTORICAL EXPERIENCE OF REGIONAL CHURCH EDUCATIONAL
SYSTEM MANAGEMENT IN RUSSIA AT THE END
OF 19-TH – THE BEGINNING OF 20-TH CENTURY**

**К.В. Козлов
K.V. Kozlov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: kozlov@bsu.edu.ru

Аннотация. В связи с увеличением количества церковно-приходских школ в России в конце XIX – начале XX века возникла необходимость в совершенствовании системы управления церковным образованием. Изменения коснулись в первую очередь региональной системы управления церковными школами, в которой наряду с епархиальными училищными советами были созданы учреждения, осуществлявшие управление церковным образованием в границах уезда – уездные отделения епархиальных училищных советов. В состав уездных отделений входили светские и духовные лица, задействованные в сфере народного образования. В компетенцию уездных отделений епархиальных училищных советов входило осуществление деятельности связанной с финансовым, методическим, кадровым обеспечением учебно-воспитательного процесса в церковных школах, а также развитием внешкольного православного образования на базе действующих образовательных учреждений.

Resume. Due to the increase of parish schools amount in Russia at the end of 19-th – the beginning of 20-th century it became necessity in the improvement of church education management in Russia. The changes first of all concerned the regional system of church school management which included the establishment of institutions in charge of church education within the district – the district branches of eparchy school councils together with eparchy school councils. The district branches comprised secular men and clergymen engaged in public education. The district branches were in charge of financial, methodological and manpower support of educational process at church schools and the development of extracurricular orthodox education received from the existing educational institutions.

Ключевые слова: церковно-приходская школа, школа грамоты, уездное отделение епархиального училищного совета, православное духовенство.

Keywords: parish school, literacy school, the district division of the eparchy school council, Orthodox clergy.

Совершенствование системы регионального управления церковными школами в России в конце XIX – начале XX века осуществлялось в направлении усложнения ее структуры и диверсификации функционала. Разворачивавшаяся сеть начальных церковных школ предполагала расширение системы управления за счет появления новых учреждений, в ведении которых было бы отнесено решение оперативных вопросов деятельности этих образовательных учреждений. Такие задачи были возложены на уездные отделения епархиальных училищных советов, которые создавались как коллегиальные органы и занимались организацией образовательной деятельности церковных школ в границах уездов.

В состав уездного отделения, возглавляемого председателем, входили 8 постоянных членов, уездный наблюдатель церковных школ и благочинные уезда. Председатель отделения назначался епархиальным архиереем, и им, как правило, становился священник. Также председателем мог назначаться и уездный наблюдатель. Но количество уездных наблюдателей, совмещающих

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ подведомственным вузам в 2016 году (код проекта 327).

свою работу с председательством в отделении, было невелико. Так, по подсчетам делопроизводителя статистического отдела Училищного совета П.Н. Луппова, в 1901 г. из 12 уездных наблюдателей Воронежской епархии председателями отделений были 2, в Орловской из 12 – 1, в Тамбовской из 11 – 4. В Курской епархии ни один из 15 уездных наблюдателей не занимал должность председателя уездного отделения¹.

Председатель уездного отделения, вследствие своей неподотчетности отделению, занимал доминирующее положение, во многом отражавшееся на всей деятельности отделения. Так, епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской губернии А. Матюшенский в своем докладе по итогам инспекторской поездки в мае 1904 г., представленном Епархиальному училищному совету 23 августа 1904 г., указывал, что «в Валуйском отделении всё дело ведется, по-видимому, одним председателем отделения – протоиереем Сахаровым, по крайней мере, текущие дела все у него в руках и его руками делаются»². Его преемник П. Никольский в письме к В.И. Шемякину от 7 января 1907 г. подтверждал наблюдения А. Матюшенского: «в некоторых уездных отделениях царит возмутительный произвол их председателей»³.

Постоянные члены, в числе которых могли быть как священники, так и светские лица, назначались архиереем. Им же определялось соотношение числа духовных и светских членов. Кроме этого, в состав уездного отделения входил представитель от Министерства народного просвещения, как правило, инспектор народных училищ или директор какого-либо учебного заведения, подведомственного Министерству, назначаемый попечителем учебного округа. Так, в 1901 г. в составе Елецкого уездного отделения Орловского епархиального училищного совета от Министерства народного просвещения работал инспектор народных училищ А.А. Соколов, Дмитровского – заведующий Дмитровским двухклассным городским училищем И.В. Митропольский, Ливенского – учитель-инспектор городского училища М.П. Козловский⁴.

Также в состав уездных отделений входили представители органов местного самоуправления – городских дум и уездных земств. Представитель городской думы избирался на одном из ее заседаний, и, зачастую, им являлся городской голова. Но далеко не в каждом уездном отделении был представитель от городского самоуправления. Земство в уездных отделениях представляли все земские начальники уезда и один выборный представитель от уездного земского собрания.

Светские лица могли стать членами уездных отделений только будучи православными. Это совершенно естественное условие было подкреплено в 1912 г. определением Синода, так как включение инославных в уездные отделения противоречило бы главной задаче церковно-приходской школы – «распространять в народе образование в духе Православной церкви»⁵. В 1916 г. это требование для членов, входивших по должности, было еще раз подтверждено определением Синода от 16-30 сентября. Светские члены уездных отделений имели право на чинопроизводство, сразу получали VIII класс, а максимально могли получить VII класс (надворного советника)⁶.

С 1916 г. в состав уездных отделений начали входить по должности уездные миссионеры. Но практика включения миссионеров в состав уездных отделений, по-видимому, существовала и ранее. Так, в 1901 г. в числе постоянных членов Кромского уездного отделения Орловского епархиального училищного совета был епархиальный миссионер Л.И. Адамов⁷.

Такой достаточно разнородный состав уездных отделений должен был способствовать формированию церковно-общественного характера церковной школы. Но совмещение основной своей работы с работой в уездном отделении значительно осложняло деятельность отделений. Так, П. Никольский характеризовал данную ситуацию следующим образом: «Уездные отделения состояются из людей, занятых приходской или иной службой; от школьной деятельности эти люди ничего не получают. Они делают одолжение школе, что состоят председателями и членами отделений. Требований к ним предъявить нельзя, как и к благочинным; напротив, за даровой труд их надо благодарить. А между тем – это труд весьма и весьма часто очень сомнительного качества»⁸.

Зачастую членство в отделении было номинальным. Так, в течение 1896-1897 уч. г. на заседаниях Валуйского уездного отделения присутствовали 3-4 человека, на заседаниях Бобровского уездного отделения Воронежского епархиального училищного совета из 6 благочинных – один и из шести земских начальников – один. Воронежским епархиальным училищным советом на заседании 6 октября 1897 г. было приказано уездным отделениям в ноябре каждого года составлять

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 803. Оп. 4. Д. 1323. ЛЛ. 270 об. - 272.

² РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 61. Л. 140 об.

³ Там же. Д. 62. Л. 21.

⁴ См.: Извлечение из отчета Орловского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Орловской епархии за 1901 год // Орловские епархиальные ведомости. 1902. №№16-17. ч. оф. С. 706-711.

⁵ Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных с разъяснениями из решений Правительственного Сената, указов, определений и постановлений Святейшего Синода, ведомственными разъяснениями и алфавитно-предметным указателем / Сост. Н.Е. Серебрянников. СПб., 1914. С. 407.

⁶ Сборник узаконений и распоряжений о церковной школе ведомства православного исповедания / Сост. Ф.Федоров. СПб., 1907. С. 43.

⁷ См.: Извлечение из отчета Орловского епархиального училищного совета... // Орловские епархиальные ведомости. 1902. №№ 16-17. ч. оф. С. 710.

⁸ Никольский П. Управление церковно-приходскими школами // Народное образование. 1906. Т. 1. Кн. 4. С. 458.

график своих заседаний и рассылать его членам отделения¹. На Съезде уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии в качестве подобной меры было предложено согласовывать сроки заседаний отделений и съездов земских начальников².

В структуре уездного отделения, по определению Синода от 4-11 февраля 1898 г., могли создаваться школьные комиссии для оперативного решения возникающих проблем. В состав школьной комиссии входили председатель и два члена отделения, а также уездный наблюдатель. Решения комиссии должны были приводиться в исполнение, а на ближайшем заседании отделения о них сообщать остальным членам³.

Согласно «Положению» 1896 г., на канцелярские расходы уездным отделениям, с разрешения Епархиального училищного совета, отчислялось из местных поступлений 200 руб. Причем по различным епархиям эта сумма варьировалась и впоследствии была увеличена. Но трудности материального характера наблюдались на всём протяжении деятельности уездных отделений. И основной проблемой было отсутствие у отделений собственных помещений.

На Съезде председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета, уездных наблюдателей и благочинных, состоявшемся 27-31 сентября 1905 г., обсуждался вопрос о необходимости постройки административных зданий для уездных отделений. И на утреннем заседании 29 сентября было решено предложить отделениям составить проекты и сметы на строительство зданий, а Епархиальному училищному совету – ходатайствовать перед Училищным советом о финансировании этих проектов по причине нехватки денежных средств в епархии⁴.

Так, на Съезде уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии, проходившем с 24 по 28 августа 1906 г., на основании заявлений многих наблюдателей было предложено пристраивать здания для отделений к зданиям городских школ. А в качестве временной меры разместить канцелярию, архив и книжный склад отделений в одной из городских школ⁵.

В отличие от Епархиальных училищных советов, сфера деятельности их уездных отделений в «Положении об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г. была прописана достаточно определенно. В ведении уездных отделений находилось: 1) изыскание источников финансово-экономического обеспечения школ; 2) организация дополнительных классов по предметам, преподаваемым в одноклассных и двухклассных церковно-приходских школах, и ремесленных классов, воскресных школ, народных чтений; 3) комплектование школьных библиотек учебниками и учебными пособиями, рекомендованными Синодом, миссионерскими изданиями, а также создание в уездном городе книжного склада (книжного магазина) и его филиалов при приходских церквях; 4) организация педагогических курсов для учителей церковных школ; 5) предоставление к денежным и почетным наградам законоучителей и учителей церковных школ⁶. Кроме этого, синодальным определением от 7-17 ноября 1911 г. и разъяснением от 17-29 июля 1902 г. к компетенции уездных отделений была отнесена выдача свидетельств учащимся, окончившим церковные школы, на льготу по воинской повинности⁷.

Уездными отделениями назначались учителя в школы грамоты. В церковно-приходские школы ими подбирались кандидаты на учительские должности, в том случае, если заведующим школой священником, не было представлено своей кандидатуры. И кандидаты, предложенные уездным отделением, до их утверждения епархиальным архиереем работали в школе⁸.

В «Положении» 1896 г. был определен и механизм принятия отделениями административных решений. Постановления уездных отделений через Епархиальные училищные советы представлялись на утверждение епархиального архиерея. Но решения по отдельным вопросам, определенных епархиальным архиереем, уездные отделения принимали самостоятельно. В синодальном определении от 7-17 ноября 1911г. был конкретизирован комплекс вопросов, подлежащих исключительно ведению уездных отделений и требующих санкционирования Епархиальными училищными советами и епархиальным архиереем. Согласно этому определению, уездными отделениями могли самостоятельно решаться следующие вопросы: 1) организация образовательной деятельности школ грамоты; 2) проведение экзаменов и выдача свидетельств об окончании церковных школ с льготой по отбыванию воинской повинности; 3) изыскание местных источников финансирования церковных школ; 4) предоставление отпуска учителям на срок до 14 дней; 5) организация паломнических поездок учащихся; 6) комплектование школьных библиотек учебника-

¹ См.: ГАБО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 257-257 об.

² См.: Постановления съезда уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24-28 августа 1906 г., исправленные и дополненные Епархиальным училищным советом и утвержденные Его Преосвященством 20 декабря // Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Прил. С. 3.

³ Сборник узаконений и распоряжений о церковной школе ... С. 43.

⁴ См.: Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета уездных наблюдателей церковных школ Курской епархии и благочинных с 27 по 31 сентября 1905 г. // Курские епархиальные ведомости. 1905. №41. ч. оф. С. 426.

⁵ См.: Постановления съезда уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24-28 августа 1906 г. ... // Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Прил. С. 3.

⁶ См.: Законы и справочные сведения по начальному народному образованию/Сост. А. С. Пругавин. СПб., 1898. С. 389.

⁷ См.: Законы о православном духовенстве ... С. 408.

⁸ Законы и справочные сведения ... С. 389.

ми и учебными пособиями, рекомендованными Синодом, создание книжных складов и общедоступных библиотек при церковных школах; 7) организация народных чтений.

На утверждение непосредственно епархиальному архиерею, минуя Епархиальный училищный совет, уездными отделениями представлялись свои постановления, касающиеся: 1) назначения и перемещения учителей церковно-приходских школ; 2) утверждения попечителей церковных школ и установки в школах их портретов; 3) выделения пособий из средств уездных отделений; 4) избрания казначея и делопроизводителя отделения, а также членов школьной комиссии; 5) назначения заведующих и законоучителей церковно-приходских школ, находящихся при многоклирных церквях, и назначения законоучителя в школы, в которых священник сам не может преподавать Закон Божий.

Через Епархиальный училищный совет на утверждение епархиального архиерея поступали следующие постановления уездных отделений: 1) об избрании почетных и сверхштатных членов отделений; 2) об открытии и закрытии церковно-приходских школ; 3) об организации в церковно-приходских школах дополнительных уроков во внеучебное время по предметам, преподаваемым в школе, уроков для взрослых и ремесленных классов; 4) о назначении заведующих и педагогов воскресных школ; 5) об организации педагогических курсов для учителей церковных школ; 6) о покупке недвижимости для двухклассных школ; 7) об определении сроков начала и окончания учебного года; 8) о выдаче денежных субсидий из средств Советов и утверждения сметы отделения на предстоящий год; 9) о рассмотрении годового отчета уездного наблюдателя и докладов его и членов отделений; 10) о рассмотрении жалоб; 11) об утверждении почетных попечителей церковных школ уезда или благочиннического округа; присвоении школам особых наименований и представлении деятелей церковного образования к почетным наградам¹.

Необходимость в этом определении назрела давно, так как главную проблему в работе уездных отделений создавало то, что к компетенции Епархиального училищного совета были отнесены вопросы, требующие оперативного решения. Так, по заявлениям председателей уездных отделений Воронежского епархиального училищного совета, сделанных ими епархиальному наблюдателю А. Матюшенскому во время его поездки по епархии в мае 1904 г., «отделения не имеют той самостоятельности, какой им было бы желательно»². Прежде всего, это относилось к назначению учителей в школы грамоты и одноклассные церковно-приходские школы, которые назначались Епархиальным училищным советом. Но это приводило к затягиванию процедуры назначения на достаточно долгий срок, вплоть до 2-3 месяцев, если кандидатура, предложенная отделением, не утверждалась Советом. Более того, были случаи одновременного назначения учителей Епархиальным училищным советом и уездным отделением³.

И еще до определения Синода от 7-17 ноября 1911 г. в отдельных епархиях часть функций Епархиального училищного совета передавали уездным отделениям. Так, на заседании 29 сентября 1905 г. Съездом председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета, уездных наблюдателей и благочинных было решено передать в компетенцию уездных отделений все вопросы, связанные с образовательной деятельностью школ грамоты, утверждением экзаменационных комиссий для проведения выпускных экзаменов в церковных школах и выдачей льготных свидетельств по воинской повинности⁴. А Съездом уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии, состоявшемся 24-28 августа 1904 г., было признано необходимым «часть дел, в настоящее время передаваемых отделениями на рассмотрение Совета, передать в окончательное ведение отделений»⁵.

В целом, деятельность уездных отделений епархиальных училищных советов являлась достаточно эффективной в плане децентрализации системы управления начальными церковными школами. Широкий круг вопросов, подлежавших ведению уездных отделений епархиальных училищных советов, способствовал их органичному включению в систему регионального управления начальным церковным образованием. Нормативно определенный состав членов уездного отделения предполагал включение в организацию деятельности церковных образовательных учреждений в уезде представителей различных ведомств и органов общественного самоуправления. Данное обстоятельство по мысли синодального руководства должно было способствовать успешной интеграции церковных школ в образовательное пространство уезда. Однако, как показала практика, успешная реализация данной установки оказалась осложнена занятостью светских членов уездных отделений по основному месту работы. В связи с этим их участие в работе уездных отделений зачастую являлось формальным и ограничивалось статусом членства. Следующей проблемой было недостаточное материальное и финансовое обеспечение деятельности уездных отделений

¹ Законы о православном духовенстве ... С. 405.

² РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 61. Л. 141.

³ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 61. Л. 141; Никольский П. Управление церковно-приходскими ... // Народное образование. 1906. Т. 1. Кн. 4. С. 459.

⁴ См.: Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета... // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 41. ч. оф. С. 426-427.

⁵ Постановления Съезда уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24-28 августа 1904 г. ...// Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Прил. С. 3.

епархиальных училищных советов. Остроту этой проблеме придавало отсутствие в подавляющем большинстве случаев у отделений собственных административных зданий и безвозмездность труда их членов.

Библиография

Законы и справочные сведения по начальному народному образованию/Сост. А. С. Пругавин. СПб., 1898.

Законы о православном духовенстве и учреждениях духовных с разъяснениями из решений Правительственного Сената, указов, определений и постановлений Святейшего Синода, ведомственными разъяснениями и алфавитно-предметным указателем / Сост. Н.Е. Серебренников. СПб., 1914.

Извлечение из отчета Орловского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Орловской епархии за 1901 год // Орловские епархиальные ведомости. 1902. №№16-17. ч. оф. С. 706-711.

Никольский П. Управление церковно-приходскими школами // Народное образование. 1906. Т. 1. Кн. 4. С. 457-463

Постановления съезда уездных наблюдателей церковных школ Орловской епархии 24-28 августа 1906 г., исправленные и дополненные Епархиальным училищным советом и утвержденные Его Преосвященством 20 декабря // Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 8. Прил. С. 1-15

Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета уездных наблюдателей церковных школ Курской епархии и благочинных с 27 по 31 сентября 1905 г. // Курские епархиальные ведомости. 1905. №41. ч. оф. С. 417-432

Сборник узаконений и распоряжений о церковной школе ведомства православного исповедания/ Сост. Ф.Федоров. СПб., 1907.

References

Zakony i spravochnye svedeniya po nachal'nomu narodnomu obrazovaniju/Sost. A. S. Prugavin. SPb., 1898.

Zakony o pravoslavnom duhovenstve i uchrezhdenijah duhovnyh s razjasnenijami iz reshenij Pravitel'stvennogo Senata, ukazov, opredelenij i postanovlenij Svjatejshego Sinoda, vedomstvennymi razjasnenijami i alfavitno-predmetnym ukazatelem / Sost. N.E. Serebrennikov. SPb., 1914.

Izvlechenie iz otcheta Orlovskogo eparhial'nogo uchilishhnogo soveta o sostojanii cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty Orlovskoj eparhii za 1901 god // Orlovskie eparhial'nye vedomosti. 1902. №№16-17. ch. of. P. 706-711.

Nikol'skij P. Upravlenie cerkovno-prihodskimi shkolami // Narodnoe obrazovanie. 1906. T. 1. Kn. 4. P. 457-463

Postanovlenija sezda uezdnyh nabljudatelej cerkovnyh shkol Orlovskoj eparhii 24-28 avgusta 1906 g., ispravlennye i dopolnennnye Eparhial'nym uchilishhnym sovetom i utverzhdennye Ego Preosvjashhenstvom 20 dekabreja // Orlovskie eparhial'nye vedomosti. 1907. № 8. Pril. P. 1-15

Protokoly zasedanij Sezda predsedatelej uezdnyh otdelenij Kurskogo eparhial'nogo uchilishhnogo soveta uezdnyh nabljudatelej cerkovnyh shkol Kurskoj eparhii i blagochinnyh s 27 po 31 sentjabrja 1905 g. // Kurskie eparhial'nye vedomosti. 1905. №41. ch. of. P. 417-432

Sbornik uzakonenij i rasporjazhenij o cerkovnoj shkole vedomstva pravoslavnogo ispovedanija/ Sost. F.Fedorov. SPb., 1907.

УДК 37 (470/620) «18»

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИТЕЛЬСТВА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE TULA PROVINCE' TEACHERS IN THE LATE 19-TH – EARLY 20-TH CENTURY

Ю.В. Антонова
Yu.V. Antonova

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Центр образования № 27» г. Тулы,
Россия, 300026, г. Тула, ул. Демонстрации, 6*

*Municipal budget educational institution «Center obrazovaniya № 27» Tula,
6 Demonstrations St., Tula, 300026, Russia*

E-mail: juli.antonova.julia@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе архивных материалов и данных отчетов о деятельности Тульской мужской гимназии, Белевского земского научно-образовательного и художественного общества и музея им. П.В. Жуковского, комиссии по устройству народных чтений, педагогической комиссии, экскурсионной комиссии, мемуаров М.М. Голицына рассматривается содержание и формы культурно-просветительской деятельности учительства; проанализированы причины широкого участия учителей в просветительской деятельности (популярность идей просветительства в кругах интеллигенции, высокий профессионализм и альтруизм элиты учительства). Привлеченные автором материалы свидетельствуют о значимости деятельности учительства в формировании культурной среды Тульской губернии.

Resume: The paper considers the content and form of cultural and educational activities of teaching, analyzes the reasons of participation of teachers in educational activities (the popularity of the ideas of the Enlightenment in the Russian intelligentsia, high professionalism and altruism teaching elite) on the basis of archival materials and reports data for activity of such institutions as Tula gymnasium, Belevsky Zemsky scientific-educational and artistic societies, and museum named after P.V. Zhukovsky, Commission for the holding of public readings, pedagogical commission, sightseeing Commission, M.M. Golitsyn' memoirs. The materials attracted by the author evidence the importance of teaching activity in the formation of cultural environment of the Tula province.

Ключевые слова: учительство, Тульская губерния, просвещение, просветительская деятельность, педагогические музеи, народные чтения, педагогические комиссии, элита учительства.

Keywords: teaching, Tula province, education, educational activity, pedagogical museums, national readings, pedagogical commissions.

В дореволюционной России в понятие «просвещение» вкладывался смысл современного понятия «образование». Гораздо шире трактовалось понятие «просветительство». Так, историк русской педагогики П.Ф. Каптерев, рассуждая о путях укрепления связи человека с государством, писал: «Корень общественности для педагога есть вместе корень истинно гуманного, прекрасного и идеального в человечестве, так как ни добро, ни красота, ни идеал вне общества невозможны. Поэтому единственной задачей общественного воспитания может быть только подготовка энергичного борца за основные свойства человечности и главнейшие блага культуры»¹.

Просветительство как фактор формирования социокультурной среды провинции в центре внимания историков, занимающихся изучением России и Тульской губернии. Изучению различных сторон культурно-просветительской деятельности отечественной интеллигенции уделяется внимание в работах современных ученых Т.А. Вепренцевой, В.Г. Владимирцевой, И.В. Зубкова, Е.Г. Исаковой, О.М. Казаковой, Е.Г. Капрановой, Ю.В. Клешни, А.Н. Позднякова, Е.И. Самарцевой, Т.Б. Соломатиной, Л.П. Фроловой².

¹ Каптерев П.В. Об общественно-нравственном развитии и воспитании детей // Дидактические очерки. СПб., 1885. С. 235.

² См: Вепренцева Т.А. Общественно-политическая деятельность интеллигенции Тульской губернии в 60-е гг. XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Тула, 2003. 260 с.; Владимирцева В.Г. Гражданская просветительская инициатива в условиях пореформенной модернизации. Дисс. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2010. 245 с.; Зубков И.В. Учительская интеллигенция России в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 2008. 334 с.; Исакова Е. Г. Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Дисс. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2014. 349 с.; Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии. Дисс. . канд. истор. наук. Киров, 2009. 277 с.; Капранова Е.Г. Культурно-просветительная деятельность обществ и частных лиц в Нижегородской губернии. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Ижевск, 2011. 27 с.; Клешня Ю.В. Неполитическая деятельность провинциальной интеллигенции в Рос-

Современные авторы сумели не только преодолеть стереотипы классового подхода, но и существенно продвинуться в изучении культурно-просветительской деятельности российской интеллигенции. Но, несмотря на имеющийся широкий комплекс работ, это направление в деятельности провинциального учительства не стало предметом отдельного самостоятельного исследования.

Данная статья освещает содержание, формы и результаты просветительской деятельности учителей в Тульской губернии. Материалами для работы послужили: дела из фондов Государственного архива Тульской области: органов государственной власти (Тульского жандармского управления), органов местного самоуправления (Тульской Городской Управы). В статье использованы издававшиеся в конце XIX – начале XX в. отчеты различных образовательных учреждений (Тульской мужской классической гимназии), отчеты обществ (Белевского научно-образовательного и художественного общества, Белевского земского научно-образовательного и художественного музея им. П.В. Жуковского) и комиссий (Тульской комиссии по устройству народных чтений и Тульской экскурсионной комиссии), а также мемуары князя М.М. Голицына.

Большой вклад в организацию просветительской работы среди взрослого населения Тульской губернии внесла Тульская комиссия народных чтений, образованная в 1884 г. Средства на устройство чтений были выделены А.С. Баташевым. С посетителей чтений взималась небольшая плата – 5 коп. за билет. Председатель комиссии преподаватель Тульской мужской классической гимназии Н.А. Цветков смог заинтересовать городскую общественность, губернское земство и обществу были выделены субсидии, что позволило увеличить количество картин, открыть абонемент и предоставлять «световые картины учебным заведениям бесплатно»¹.

В марте 1902 г. Н.А. Цветков был переведен в Елецкую гимназию. Председателем комиссии был избран П.А. Верещагин, директор Коммерческого училища². В состав комиссии входили священнослужители, врачи, военнослужащие и около 50% состава, а в некоторые годы больше, составляли преподаватели тульских учебных заведений: Коммерческого и Реального училищ, Тульской мужской классической гимназии, Городского училища и некоторых начальных школ.

Общество занималось организацией чтений и литературно-музыкальных вечеров с «показом световых картин с волшебным фонарем». Мероприятия, как правило, проходили в местах, определенных тульским комитетом общества трезвости (в Чулкове, на Хлебной площади и на Арсенальной площади в частных домах), а также в Народном доме на улице Новопавшинской, в Александро-Невской школе и на сахарном заводе. Тематика чтений была чрезвычайно многообразна: духовно-нравственная, историческая, географическая, литературно-художественная. Наиболее активными лекторами были преподаватели Тульской мужской классической гимназии И.М. Платонов и преподаватель Реального училища Н.Н. Эльманович (цикл лекций о Смутном времени), преподаватели Коммерческого училища П.П. Смирнов и Т.П. Шаталов (лекции по страноведению и этнографии)³.

Трудно переоценить значение культурно-просветительской деятельности комиссии в провинциальном городе и подвижничество учителей. О росте познавательного интереса и любознательности слушателей свидетельствовало постоянное расширение тематики лекций, прежде всего, в естественно-научном направлении⁴.

Комиссия народных чтений обеспечивала многочисленных абонентов «световыми картинами», которые выдавались ежедневно в определенное время со склада, находившегося в здании Коммерческого училища. Среди наборов «световых картин» преобладали картины естественно-научной тематики – 1415 картин из 5137, литературной – 1371 и духовного содержания – 862, исторические – 734, разного содержания – 378, общая стоимость картин и брошюр составляла более 5000 руб.⁵ Городские и начальные сельские училища с 1906 г. пользовались складом бесплатно. Для остальных абонентов была предусмотрена плата до 10 руб. в полугодие. Предоставление картин не было основным источником доходов общества, его деятельность обеспечивалась пособиями от Тульского городского управления, тульского попечительства о народной трезвости, сахарного завода Терещенко, Епархиального училищного совета. Преподаватели читали лекции бесплатно.

В период Первой российской революции 1905-1907 гг. активность общества несколько снизилась: сократилось количество лекций и число абонентов, при этом в программе лекций стала преобладать духовно-нравственная тематика, среди лекторов преобладали священнослужители⁶.

И.В. Зубков, исследуя роль учительской интеллигенции в общественной жизни, ввел понятие «элиты учительства», подразумевая «совокупность социально активных индивидов, являвшихся носи-

сии в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Пятигорск, 2010. 300 с.; Поздняков А.Н. Государство и общество в формировании российского школьного образования. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Саратов, 2005. 44 с.; Самарцева Е.И. Интеллигенция Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1991. 16 с.; Соломатина Т. Б. Развитие общественно-педагогических инициатив в области начального образования в России второй половины XIX – начала XX веков. Дисс. ... докт. истор. наук. М. 1997. 387 с.; Фролова Л.П. К истории Тульского земства в 60–80 гг. XIX в. (Земство и некоторые вопросы народного образования в России): Вопросы экономической и социальной истории России XVIII – XIX вв. Тула, 1973. С. 42–52.; Фролова Л.П. Тульское земство 1864 г. – начало XX в. Тула, 2004. 125 с.

¹ См: Отчет комиссии по устройству народных чтений в городе Туле за 1902 г. Тула, 1903. 33 с.

² Отчет Тульской комиссии народных чтений за 1904 г. Тула, 1905. 35 с.

³ Отчет Тульской комиссии народных чтений за 1904 г. ... С. 9–11.

⁴ Отчет Тульской комиссии народных чтений за 1906 г. Тула, 1907. С. 21–33.

⁵ Там же. С. 3–4.

⁶ Там же. С. 33 с

телями культурных инноваций, которые со временем могли стать культурной нормой...»¹. Изучение деятельности тульского учительства подтверждает эту мысль. Именно талантливые учителя смогли сплотить вокруг себя культурные силы провинции. В Туле наибольшей просветительской активностью отличались преподаватели Тульской мужской классической гимназии, в которой регулярно проходили литературные вечера, вечера-развлечения лекционные чтения, благотворительные акции, спектакли. Все это было результатом активной деятельности инициативных преподавателей, таких как А.П. Веселовский, И.М. Платонов, А.И. Токарев, М. Зайбрлых и многих других².

Одним из ярких событий в жизни города стало публичное выступление учеников гимназии по гимнастике, которое состоялось 2 февраля в 1910 г. Оно стало возможно благодаря деятельности преподавателя М. Зайбрлыха³. В зале Дворянского собрания в присутствии митрополита, губернатора, начальников многих учреждений образования и преподавателей, а также многочисленной публики прошло «Сокольское утро»: многочисленные упражнения с булавами и гириями, построение пирамиды по «сокольской системе», игры и вольные упражнения⁴.

14 мая 1910 г. в конце учебных классных занятий был устроен «Сокольский день», который привлек также внимание жителей города. В полдень ученики собрались во дворе гимназии, откуда, построенные по классам со своими классными наставниками под руководством учителя гимнастики в сопровождении всего педагогического персонала, неся знамена и флажки из национальных цветов славянских государств, они двинулись под звуки оркестра военной музыки по улице Киевской к циклодрому. Вдохновленный успехами гимназистов, начальник губернии Д.Д. Кобеко пожертвовал 50 руб. на приобретение гимнастических костюмов для беднейших членов Сокольского кружка⁵.

Следует отметить, что деятельность по организации физического воспитания гимназистов сыграла важную роль в преодолении последствий «школьной смуты» (массовых волнений учащихся средних учебных заведений в 1905-1907 гг.) и способствовала укреплению авторитета преподавателей в глазах учащихся, направила энергию учеников в русло физического и нравственно-го самосовершенствования.

В Тульской мужской классической гимназии регулярно проводились экскурсии и паломнические поездки для воспитанников. В 1908–1909 учебном году гимназисты под руководством директора В.М. Комарницкого и преподавателя Д.В. Барциковского совершили поездки в Москву, Санкт-Петербург, Финляндию с осмотром достопримечательностей и путешествия в Крым⁶.

В 1909–1910 учебном году зимой была организована поездка в Финляндию, а весной – на юг России и в Константинополь⁷. В 1910–1911 учебном году под руководством А.О. Бунакова – экскурсия на Кавказ⁸.

Итогом этой деятельности стала просветительская инициатива преподавателей гимназии о создании в Туле постоянной местной комиссии по организации экскурсий, выдвинутая ими в 1911 г. Экскурсионные общества в 1911–1912 учебном году были созданы в 12 городах Московского учебного округа. 9 февраля 1911 г. в здании II женской гимназии прошло учредительное заседание экскурсионной комиссии. В ее состав вошли директор Тульской мужской классической гимназии О.А. Бунаков, преподаватели: А.И. Токарев, И.М. Платонов, А.П. и С.П. Веселовские; преподаватели Реального училища: К.С. Дубенский, И.И. Марченко; председатель педагогического совета I женской гимназии А.М. Покровский. Возглавил работу комиссии директор Реального училища К.В. Немыцкий⁹.

Главным направлением деятельности этой новой общественной структуры стало изучение Тульского края, подготовка открытия местного музея. С целью пропаганды деятельности общества и увеличения его средств устраивались публичные платные лекции, были опубликованы листы об организации ученических экскурсий и разосланы родителям. Члены общества вели переписку с администрацией заводов, фабрик, музеев и других учреждений Тулы об организации экскурсий, итогом которой стала разработка программы посещения учащимися Императорского оружейного завода, Патронного завода, мастерских Московско-Курской железной дороги, Казенного винного склада, Сахарного завода братьев Терещенко. Музея кустарной промышленности, Городской электрической станции, Самоварной фабрики братьев Шемариных, Тульской епархиальной палаты древностей, энтомологической и бактериологической станций¹⁰. Экскурсии носили систематический характер, их программа тщательно продумывалась с учетом образовательных, воспитательных задач, несомненно, экскурсионная деятельность способствовала и дальнейшему профессиональному самоопределению учащихся.

В июне 1911 года воспитанники IV–V классов Тульского Реального училища под руководством преподавателей И. Марченко и А.Д. Краснопевцева совершили поездку на Урал. В течение

¹ Зубков И. В. Учительская интеллигенция России в конце XIX- начале XX вв. Дисс. ... док. истор. наук. М., 2008. С. 2-3.

² См.: Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1909-1910 учебный год. Тула, 1910.

³ Милослав Матвеевич Зайбрлых окончил курс реального училища в г. Йичене в Чехии, двухлетний курс технической высшей школы в Праге и гимнастический курс «Чешского союза Сокольского». Он преподавал в Тульской мужской классической гимназии с 1910 г.

⁴ Там же. С. 60-62.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1908-1909 учебный год. Тула, 1909. С. 81

⁷ Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1909-1910 учебный год. Тула, 1910. С. 51.

⁸ Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1910-1911 учебный год. Тула, 1911. С. 26.

⁹ Отчет о деятельности Тульской экскурсионной комиссии за 1911/12 учебный год. Тула, 1912. С.2.

¹⁰ Там же. С. 4-5.

восемнадцать дней они посетили по дороге города Самару, Златоуст, Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь, на обратном пути – Нижний Новгород¹.

В июне 1912 г. под руководством Р.Р. Вихерта, Н. Руднева, А.Д. Краснопевцева воспитанники Реального училища осуществили поездку в Москву².

В июне 1911 г. воспитанницы I тульской женской гимназии под руководством К. Дубенского, назначенного Председателем педагогического совета, совершили поездку в Крым³.

Отчеты об этих поездках показывают серьезную подготовительную работу организаторов. Экскурсии были доступны для большинства учащихся: путешествие на Урал стоило 31 руб 50 коп. на человека, а экскурсия в Крым – менее 28 руб. Для подростков провинциального города эти поездки открыли новый мир, ведь большинство воспитанников, по отзывам педагогов, не были даже в Москве⁴.

Интересным начинанием была организация экскурсионной комиссии в Москве, сведения о деятельности которой, содержат как архивные документы (переписка Тульской городской управы с правлением комиссии)⁵, так и воспоминания князя М.В. Голицына, который как гласный Московской городской думы содействовал ее работе. Состав комиссии был немногочисленным: 4-5 человек, в том числе Н.С. Елагин, ранее учительствовавший в Тульской губернии. Комиссия вела переписку с земствами, которые изъявляли желание присылать в Москву экскурсии учащихся и учителей, как правило, во время каникул. За небольшую плату они могли посетить Кремль, музеи. М.В. Голицын вспоминал: «Дело было живое и хорошо налаженное, и через комиссию за два года моего в ней участия произошло немало сотен главным образом учащихся из Московской и соседних губерний»⁶. Услугами комиссии воспользовались в 1911-1912 гг. – 50 учащихся и 60 учителей, а в 1913 г. – 361 экскурсант Тульской губернии, в том числе 18 учителей⁷. В 1912 г. связи с отменой льгот в приобретении железнодорожных билетов (15 декабря были изданы новые тарифы и правила для экскурсий), стоимость билетов возросла почти в два раза. Комиссия столкнулась с проблемой резкого сокращения потока экскурсантов. Тульская городская управа настаивала на переговорах с Министерством транспорта и Министерством финансов, которые не дали положительных результатов⁸.

В просветительской деятельности активно участвовало и учительство уездных городов. В 1907 г. в Епифани силами было создано общество образования, которое организовывало лекции для местного населения по гигиене, бактериологии, астрономии, которые, как правило, проходили при Епифанском музее наглядных пособий, находившемся в ведении комитета трезвости; члены общества содействовали расширению подписки на журналы и газеты для земских школ, внедрению новых учебников (например, Вахтерова), организации педагогических курсов⁹.

Значительную роль в организации просветительской деятельности сыграли учителя Богородицкого уезда во главе с известным общественным деятелем, педагогом Н.В. Чеховым. Члены педагогического кружка собирались по вечерам в школах, устраивали диспуты, литературные чтения, концерты. К ним присоединялись и местные жители. Стараниями Н.В. Чехова в уезде была организована одна из первых библиотек читален при содействии Петербургского общества трезвости, практически во всех земских школах были устроены библиотеки¹⁰. Несмотря на то, что деятельность не носила антиправительственной направленности, Н.В. Чехов был на подозрении у полиции¹¹.

Ярким примером культурного подвижничества уездного учительства является деятельность Белевского земского научно-образовательного общества и художественного музея им. П.В. Жуковского, образованного в 1910 г.¹² Большое количество экспонатов, прежде всего педагогического отдела, требовало расширения музея, это неоднократно отмечал в отчетах. организатор музея Н.С. Елагин. Департамент народного образования поддерживал деятельность музея, в частности в 1912 г. было ассигновано на его развитие 500 руб.¹³ Вскоре музей приобрел двенадцать подлинных рисунков В.А. Жуковского 9 виды села Мишенского)¹⁴. Библиотека и экспозиция музея постоянно пополнялись за счет пожертвований библиотек и частных лиц. Н.С. Елагин отмечал большой вклад «личным трудом» в дело развития музея жителей уезда, среди которых было много учителей, а также то, что «большую услугу по примеру прежних лет оказывали музею многие учительницы и учителя земских школ Белевского уезда, снабжением музея интересными земскими работами»¹⁵.

¹ Отчет о деятельности Тульской экскурсионной комиссии за 1911/12 учебный год.... С. 23.

² Там же. С. 15-16.

³ Там же. С. 45-47.

⁴ Отчет о деятельности Тульской экскурсионной комиссии за 1911/12 учебный год...С. 35-47.

⁵ Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 174 Оп. 1. Т. 12. Д. 37007 Л. 20.

⁶ Голицын М. В. Мои воспоминания (1873-1917) / Князь Михаил Владимирович Голицын. М., 2007. С. 435-436.

⁷ ГУ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 12. Д. 37007. Л. 20.

⁸ ГУ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 1. Д. 37622. Л. 12 – 16.

⁹ См: Краткий обзор по народному образованию в Тульской губернии за 1907 г. (к 1 января 1908 г.). Тула, 1909.

¹⁰ Чехов Н.В. Сорок лет тому назад // Сборник статей. М., 1925. С. 30-31.

¹¹ Там же. С. 30-31.

¹² Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского за 3-й год существования (с 1 сентября 1912 по 1 сентября 1913 г.,). Белев, 1913. 16 с.

¹³ Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского за 3-й год существования (с 1 сентября 1912 по 1 сентября 1913 г.).... С. 2.

¹⁴ Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского с 1.IX 1913 по 01. IX 1914 г. Белев, 1914. С. 11-12.

¹⁵ Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского за 3-й год существования (с 1 сентября 1912 по 1 сентября 1913 г.).... С. 4.

Музей располагал и складом «световых картин». Число абонентов библиотеки и музея и склада постоянно росло: в 1912 г. – 54, а в 1913 г. – 68 школ, прежде всего земских, только в нескольких школах уезда не проводились чтения по причине тесноты помещения, эпидемий, отсутствия необходимого оборудования¹. Учителя, прежде всего, Белевского и Тульского уездов систематически организовывали экскурсии для учащихся и их родителей. Так, в 1913-1914 учебном году музей посетили 19861 учащихся и 8477 взрослых². В отчетах лекторов музея отмечалось стремление взрослого населения присутствовать на чтениях. Число посещений лекций взрослыми постоянно росло: в 1911 – 1912 учебном году – 24309, в 1912-1913 – 23974, 1914-1915 – 29058³. По инициативе Евдокии Георгиевны Арбузовой при музее было организовано научно-образовательное и художественное общество⁴. Содержанием его деятельности была организация публичных лекций за незначительную плату и показ спектаклей. Общество внесло большой вклад в развитие культуры уезда, большинство жителей которого не были не только за пределами России, но даже в столичных городах, да и в Тулу выезжали редко.

Культурно-просветительская деятельность тульского учительства выражалась в создании педагогических музеев, которые способствовали не только обеспечению профессиональной деятельности учителей, но и работали как местные культурно-просветительные центры. К 1913 г. таких музеев насчитывалось девять: два в Туле, в уездных городах Белеве, Елифани, Кашире, Новосиле, Ефремове, Новосиле, Одоеве, Алексине. Музеи располагали библиотекой, которой могли пользоваться местные жители, на их базе проводились чтения и другие мероприятия, но под жестким контролем Дирекции народных училищ⁵.

Реакция властей на просветительскую деятельность учительской интеллигенции была сдержанной. В отчете тульского жандармского управления за 1909 г. отмечалось: «Среди других публичных лекций и чтений для народа в истекшем году было очень мало, Комитеты попечительства о народной трезвости, вследствие сокращения денежных отпусков от казны, стали функционировать вяло, нет той работы, которая была при возникновении этих комитетов. Темы чтений были, преимущественно духовно-нравственного направления или способствовавшие ознакомлению с русской историей. Новых просветительских обществ не народилось, а существовавшие в Туле и Елифани «Общества Образования» не дали попыток использовать права устройства чтений и лекций для преступной пропаганды; лекторами как и в предшествовавшие годы, являлись профессора Московского университета, которые из желания расширить свои аудитории не отказывались от повторения чтений своих лекций, в городе незначительно отделенном от Москвы»⁶.

Но при этом государство постоянно осуществляло административный контроль в отношении просветительских обществ и при первой же возможности их закрывало. В 1911 г. по представлению тульского губернатора деятельность общества образования и «Лиги образования» в Туле была прекращена⁷. Причина закрытия, по мнению жандармов, состояла в антиправительственной направленности этих организаций.

Таким образом, интеллигенция, прежде всего учительство, внедряли в повседневность провинции новые формы культурной жизни (лекции, экскурсии, постановки спектаклей, организацию экспозиций, физкультурное движение). Просветительская деятельность тульского учительства на рубеже XIX – XX вв. отличалась стремлением создавать и участвовать в работе разнообразных комиссий и обществ, среди которых выделялись комиссия по организации экскурсий, Тульская комиссия народных чтений, образовательные общества и педагогические музеи. Участие в деятельности обществ способствовало совершенствованию профессиональных качеств учителей, было важнейшей формой профессионального общения, способствовало широкой просветительской деятельности в Тульской губернии.

Библиография

- Вепренцева Т.А. Общественно-политическая деятельность интеллигенции Тульской губернии в 60-е гг. XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. истор. наук. Тула, 2003.
- Владимирцева В.Г. Гражданская просветительская инициатива в условиях пореформенной модернизации. Дисс. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2010.
- Голицын М.В. Мои воспоминания (1873-1917) / Князь Михаил Владимирович Голицын. М.: Русский мир: Жизнь и мысль, 2007..
- Зубков И.В. Учительская интеллигенция России в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... док. истор. наук. М., 2008.
- Исакова Е.Г. Преподаватели средних учебных заведений Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Дисс. ... канд. истор. наук Кемерово, 2014.
- Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии. Дисс. . канд. истор. наук. Киров, 2009.

¹ Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского за 3-й год существования (с 1 сентября 1912 по 1 сентября 1913 г.)... С. 4-5; Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского с 1.IX 1913 по 01. IX 1914 г. С. 4.

² Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского с 1.IX 1913 по 01. IX 1914 г. С. 9.

³ Там же. С. 9.

⁴ Отчет Белевского научно-образовательного и художественного общества за 1913 г. Белев, 1914. 10 с.

⁵ Положение начального народного образования в Тульской губернии в 1913 г. Краткий обзор. Тула, 1915. С. 18-19.

⁶ ГУ ГАТО. Ф. 1300. Оп.1. Д. 408. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 12.

- Капранова Е.Г. Культурно-просветительная деятельность обществ и частных лиц в Нижегородской губернии. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Ижевск, 2011.
- Клешня Ю.В. Неполитическая деятельность провинциальной интеллигенции в России в конце XIX – начале XX вв. Дисс ... канд. истор. наук. Пятигорск, 2010.
- Отчет Белевского научно-образовательного и художественного общества за 1913 г. Белев: [б. и.], 1914.
- Отчет комиссии по устройству народных чтений в городе Туле за 1902 г. Тула, 1903.
- Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского за 3-й год существования (с 1 сентября 1912 по 1 сентября 1913 г.) Белев: [б. и.], 1913.
- Отчет о Белевском земском научно-образовательном и художественном музее им. П.В. Жуковского с 1.IX 1913 по 01. IX 1914 г. Белев: [б. и.], 1914.
- Отчет о деятельности Тульской экскурсионной комиссии за 1911/12 учебный год. Тула: Тип С.Н. Соколова, 1912.
- Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1908 – 1909 учебный год. Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1909.
- Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1909 – 1910 учебный год. Тула: Тип. П.Г. Фетисова, 1910.
- Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1910 – 1911 учебный год. Тула: [б. и.], 1911.
- Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Саратов, 2005..
- Положение начального народного образования в Тульской губернии в 1913 г. Краткий обзор. Тула, 1915.
- Самарцева Е.И. Встреча через столетие. Очерки истории интеллигенции Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. в контексте ряда теоретических замечаний. Тула: Изд-во Тул ГУ, 2005.
- Самарцева Е.И. Интеллигенция Тульской губернии на рубеже XIX-XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1991.
- Соломатина Т.Б. Развитие общественно-педагогических инициатив в области начального образования в России второй половины XIX–начала XX веков. Дисс. ... докт. истор. наук. М. 1997.
- Фролова Л.П. К истории Тульского земства в 60–80 гг. XIX в. (Земство и некоторые вопросы народного образования в России): Вопросы экономической и социальной истории России XVIII–XIX вв. Тула, 1973. С. 42-52.
- Фролова Л.П. Тульское земство 1864 г. – начало XX в. Тула: Изд-во Тул. Гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2004.
- Чехов Н.В. Сорок лет тому назад // Сборник статей. М.: [б. и.], 1925.

References

- Chehov N.V. Sorok let tomu nazad //Sbornik statey. M.: [b. i.], 1925.
- Frolova L.P. K istorii Tulsogo zemstva v 60–80 gg. XIX v. (Zemstvo i nekotoryye voprosy narodnogo obrazovaniya v Rossii): Voprosy ekonomicheskoy i sotsialnoy istorii Rossii XVIII–XIX vv. Tula, 1973. S. 42-52.
- Frolova L.P. Tulscoe zemstvo 1864 g. – nachalo XX v. Tula: Izd-vo Tul. Gos. ped. un-ta im. L. N. Tolstogo, 2004.
- Golitsyn M.V. Moi vospominaniya (1873-1917) / Knyaz Mihail Vladimirovich Golitsyn. M.: Russkiy mir: Zhizn i mysl, 2007.
- Isakova E.G. Prepodavateli srednih uchebnykh zavedeniy Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. Diss. ... kand. istor. nauk. Kemerovo, 2014.
- Kapranova E.G. Kulturno-prosvetitelnaya deyatel'nost' obshchestv i chastnykh lits v Nizhegorodskoy gubernii. Avtoref. diss... kand. istor. nauk. Izhevsk, 2011.
- Kazakova O.M. Provintsialnoe uchitel'stvo v XIX – nachale XX vekov: na materialakh Vyatskoy gubernii. Diss. ... kand. istor. nauk. Kirov, 2009.
- Kleshnya Yu.V. Nepochiticheskaya deyatel'nost' provintsialnoy intelligentsii v Rossii v kontse XIX - nachale XX vv. Diss ... kand. istor. nauk. Pyatigorsk, 2010.
- Otchet Belevskogo nauchno-obrazovatel'nogo i hudozhestvennogo obshchestva za 1913 g. Belev: [b. i.], 1914.
- Otchet komissii po ustroystvu narodnykh chteniy v gorode Tule za 1902 g. Tula, 1903..
- Otchet o Belevskom zemskom nauchno-obrazovatel'nom i hudozhestvennom muzee im. P.V. Zhukovskogo za 3-y god suschestvovaniya (s 1 sentyabrya 1912 po 1 sentyabrya 1913 g.). Belev: [b. i.], 1913.
- Otchet o Belevskom zemskom nauchno-obrazovatel'nom i hudozhestvennom muzee im. P.V. Zhukovskogo s 1.IX 1913 po 01. IX 1914 g. Belev: [b. i.], 1914.
- Otchet o deyatel'nosti Tulskey ekskursionnoy komissii za 1911/12 uchebnyy god. Tula:Tip S.N. Sokolova, 1912.
- Otchet o sostoyanii Tulskey muzhskoy gimnazii za 1908 – 1909 uchebnyy god. Tula: Tip. P.G. Fetisova, 1909.
- Otchet o sostoyanii Tulskey muzhskoy gimnazii za 1909 – 1910 uchebnyy god. Tula: Tip. P.G. Fetisova, 1910.
- Otchet o sostoyanii Tulskey muzhskoy gimnazii za 1910 – 1911 uchebnyy god. Tula: [b. i.], 1911.
- Polozhenie nachalnogo narodnogo obrazovaniya v Tulskey gubernii v 1913 g. Kratkiy obzor. Tula, 1915.
- Pozdnyakov A.N. Gosudarstvo i obshchestvo v reformirovanii rossiyskogo shkol'nogo obrazovaniya. Avtoref. diss. ... dokt. istor. nauk. Saratov, 2005.
- Samartseva E.I. Intelligentsiya Tulskey gubernii na rubezhe XIX - XX vv. Avtoref. diss. kand. ist. Nauk. M., 1991.
- Samartseva E.I. Vstrecha cherez stoletie. Ocherki istorii intelligentsii Tulskey gubernii na rubezhe XIX – XX vv. v kontekste ryada teoreticheskikh zamechaniy. Tula: Izd-vo Tul GU, 2005.
- Solomatina T.B. Razvitie obshchestvenno-pedagogicheskikh initsiativ v oblasti nachalnogo obrazovaniya v Rossii vtoroy poloviny XIX–nachala XX vekov. Diss. ... dokt. istor. Nauk. M., 1997.
- Veprentseva T.A. Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' intelligentsii Tulskey gubernii v 60-e gg. XIX – nachale XX vv. Diss. ... kand. istor. nauk. Tula, 2003.
- Vladimirtseva V.G. Grazhdanskaya prosvetitskaya initsiativa v usloviyakh poreformennoy modernizatsii. Diss. ... kand. istor. nauk. Orenburg, 2010.
- Zubkov I.V. Uchitelskaya intelligentsiya Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. Diss. ... dok. istor. nauk. M., 2008.

УДК 904 (470) «1904/1917»

ХАРАКТЕРИСТИКА ВОСПРИЯТИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

CHARACTERISTICS OF PERCEPTION OF EMPEROR NICHOLAS II IN THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE PEASANTS OF THE WESTERN REGION OF RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

В.В. Кулачков
V.V. Kulachkov

*Брянский государственный инженерно-технологический университет,
Россия, 241037, г. Брянск, пр. Станке Димитрова, 3*

*Bryansk state engineering-technological University,
3 Prospekt Dimitrova Machine, Bryansk, 241037, Russia*

E-mail: e-mail: vad2517@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается восприятие личности императора Николая II в правовом сознании крестьян Западного региона России периода первой мировой войны. Несмотря на определенную изученность указанной темы, остаются пробелы в рассмотрении региональной специфики данного вопроса. Поэтому введение в научный оборот новых архивных данных и анализ опубликованных материалов предоставляют возможность заполнить исследовательские лакуны. Автор статьи приходит к выводу, что патриотический подъем в начале первой мировой войны из-за военных неудач и связанных с ними трудностей быстро прекратился, что способствовало нарастанию процессов деформации правового сознания крестьянства. Это, прежде всего, выражалось в росте числа негативных претензий к императору, т.к. многие из крестьян считали Николая II политиком, ответственным за судьбу страны. В результате нарастающий системный кризис привел к окончательной девальвации императорского образа, что в будущем привело к отречению царя в марте 1917 г.

Resume. The article discusses the perception of the personality of Emperor Nicholas II in the legal consciousness of the peasants of the Western region of Russia during the First World War. In spite of some state of knowledge of the subject, it remains the gaps in consideration of regional specifics of the issue. Therefore, the introduction into scientific circulation the new archival data and analysis of published materials provide an opportunity to fill these research gaps. The author comes to the conclusion that the Patriotic upsurge at the beginning of the First World War due to military setbacks and the associated difficulties quickly stopped that contributed to the buildup of the processes of deformation of legal consciousness of the peasantry. This is primarily expressed in the increasing number of negative complaints about the Emperor, because many of the peasants believed Nicholas II politician responsible for the destiny of the country. As a result of the growing systemic crisis led to the devaluation of the Imperial final image that eventually led to the abdication of the Tsar in March 1917.

Ключевые слова: крестьянство, Западный регион России, первая мировая война, император, правовое сознание, системный кризис, деформация, образ.

Key words: the peasantry, Western region of Russia, world war I, the Emperor, the legal consciousness, systemic crisis, deformation, image.

Период первой мировой войны относится к одному из наиболее трагических этапов российской истории. Общеизвестно, что вступление России в этот мировой конфликт сопровождалось патриотическим подъемом практически всех слоев населения. Однако затянувшиеся военные действия, поражения на фронте, солдатские похоронки, разложение морального духа армии, продовольственные трудности способствовали нарастанию негативных общественных процессов. При этом первая мировая война обострила и усилила давно назревающее недовольство в политике, проводимой верховной властью. Происходило усиление процессов деформации правового сознания крестьянства, что выражалось в росте числа негативных выпадов в адрес императора. В изучаемый период многие из сельских жителей воспринимали царя в качестве политика, виновного в проблемах общественного развития страны.

Целью данной статьи является характеристика восприятия императора Николая II в правовом сознании крестьянства Западного региона России периода первой мировой войны. Многие

из исследователей относят к Западному региону Брянскую (1920-1929), Смоленскую (1708-1929) и Калужскую (1796-1929) губернии. До революции Брянский уезд входил в состав Орловской губернии, поэтому в статье используются архивные материалы по данной территории.

Материалами для статьи послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению историко-правовых аспектов развития страны и архивные материалы. Для достижения цели исследования автор использовал методы изучения, анализа и обобщения научной литературы. Предваряя рассмотрение темы статьи, необходимо остановиться на том, что подразумевается под правовым сознанием. В общем смысле правовое сознание определяется как осознаваемые личностью и обществом отношения по поводу существовавшей и существующей системы права. Понятие правового сознания является одним из наиболее сложных в науке, что обусловлено его комплексным характером. При этом от уровня его развития зависят как стратегия поведения государства, так и различных социальных групп.

Необходимо учитывать, что успешное и эффективное изучение правового сознания возможно лишь при применении междисциплинарного подхода. Историография указанного вопроса достаточно обширна, поэтому следует уделить внимание наиболее значимым работам. В частности, различные аспекты формирования правового сознания содержатся в исследованиях Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, П.А. Сорокина и др.¹. Отечественные историки также активно изучали особенности восприятия крестьянством императорской власти. Так, коллективная работа П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения» содержит комплексный анализ крестьянского общественного сознания. Авторы приходят к выводу, что к началу первой русской революции среди населения в массовом порядке происходило падение авторитета самодержавной власти².

В фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова по социальной истории России периода империи отмечалось, что по ряду причин к 1917 г. крестьяне разочаровались в Николае II. В результате к февралю 1917 г. царская власть перестала быть легитимной и легко была свергнута³. О.С. Поршнева исследовала содержательную сторону дел об оскорблении царской фамилии. Автор пришла к выводу, что в большинстве случаев негативной оценке подвергалась именно личность Николая II⁴.

Своеобразие и специфику оскорблений по обычному праву крестьян рассматривал В.Б. Безгин, который также отмечал нарастание антимонархических настроений⁵. П. П. Марченя на основе изучения массового правосознания революционной эпохи констатировал, что «...первая реакция крестьянских масс на свержение «батюшки-царя» была весьма умеренной, а в настроении его преобладали поначалу надежды на скорое улучшение своего положения...»⁶. В работе Б. И. Колоницкого проанализирован обширный фактический материал, содержащий разнообразную информацию о положении императорской семьи в годы первой мировой войны⁷.

Пристальное внимание вызывают работы, в которых присутствует региональный материал, касающийся формирования правового сознания крестьян⁸. В работах западных исследователей также затрагиваются различные аспекты, которые касаются восприятия крестьянством верховной власти⁹.

Таким образом, несмотря на определенные достижения в разработке темы, можно сделать вывод о том, что региональная специфика восприятия крестьянством верховной власти остается изученной недостаточно. Поэтому введение в научный оборот новых архивных данных и анализ опубликованных материалов будут способствовать восполнению исследовательских пробелов в данной сфере.

Очевидно, что характеристика восприятия императора как верховного правителя страны вносит достаточно большой вклад в формирование правового сознания ее подданных. Дореволю-

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб., 1991-1992.; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.; Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995.

² Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С.141-144.

⁴ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914 - 1918 гг.: дисс.... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2000.

⁵ Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2009. №12. С.22-24; Он же. «Царь – батюшка» и «народ – богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. науч. трудов. СПб., 2004. Вып. 2. С.24-28.

⁶ Марченя П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. М., 2005. С.128.

⁷ Колоницкий Б.И. "Трагическая эротика": Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁸ Барышкин В.П. Крестьянство Западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: По материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний: автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. Брянск, 1997; Крайкин В.В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дисс. ... кандидата исторических наук. Брянск, 2009; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914-февраль 1917 г. М., 2011; Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. М., 2014.

⁹ Шанин Т. Революция как момент истины: Россия, 1905-1907 гг.-1917-1922 гг. М., 1997; Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998; Московичи С. Машина, делающая богов. М., 1998; Рукетт М.-Л. Понимание масс. Очерки политической психологии. М., 1998.

ционную Россию закономерно называют крестьянской страной, т.к. большинство населения составляли сельские жители. При этом задолго до событий первой мировой войны стали наблюдаться антимонархические тенденции. В свою очередь бурные события первой русской революции 1905-1907 гг. способствовали тому, что реальное крестьянское восприятие Николая II стало противоречить «...их представлению об идеальном монархе, способном привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой»¹.

Далее В.Б. Безгин отмечает, что «в деревне увеличилось количество дел по обвинению крестьян в оскорбительных высказываниях в адрес Государя Императора»². Подтверждая свое наблюдение, автор опирается на донесения в департамент полиции МВД, поступившие из Орловской губернии в 1906 г.: «15 августа в деревне Дорожевой Брянского уезда, в торговой лавке, крестьянин Федор Ильин Жабин, произносил бранные слова по адресу императора»; «21 сентября крестьяне Мценского уезда Евтихий Толкачев и крестьянин Болховского уезда Яков Федяков позволили оскорбить словами Его Императорское Величество Государя Императора»; «10 октября в деревне Ивановской Богородицкой волости Мценского уезда при взыскании недоимок старостой села, крестьянин Лукьян Анохин позволил себе выругать скверными словами императора»³.

По дореволюционному имперскому «Уголовному Уложению» оскорбление членов правящей династии относилось к государственным преступлениям и наказывалось на срок до восьми лет каторги (ст.103). При этом оскорбление, совершенное «без цели возбудить неуважение» смягчало наказание. К облегчающим вину обстоятельствам также относились совершение преступления «по недоразумению, или невежеству, либо в состоянии опьянения»⁴. Однако «на местах блюстители порядка нередко перестраховывались и составляли протоколы даже в том случае, когда в помещении, где висел императорский портрет, нарушитель позволял себе безадресное ругательство. При этом составители протоколов отмечали, что зачастую крестьяне произносили ругательства «без всякого смысла, по привычке»⁵.

Одним из наиболее ценных материалов, показывающих рост крестьянского антимонархизма, считаются архивные данные об оскорблении личности императора. В период первой мировой войны данные архивов представлены судебными-следственными делами крестьян, которые привлекались к уголовной ответственности за оскорбительные высказывания в адрес представителей верховной власти. Изучение данного источника дает возможность не только рассмотреть факты недовольства крестьян, но и составить представление о его причинах.

В начале первой мировой войны в поле зрения полиции стали попадать случаи, содержащие оскорбительные высказывания о Николае II. Например, в фондах Государственного архива Брянской области сохранилось следственное дело за 1914 г., из которого ясна видна напряженная ситуация в обществе. Содержание произошедшего инцидента заключалось в том, что продавец канцелярскими принадлежностями позволил себе сказать по отношению к Николаю II следующее: «Правда ли, что он похож на дурака»⁶. Далее продавец предложил «купить портрет его императорского величества государя императора» и оценил его весьма дешево, при этом сказал: «покупайте сколько угодно, всего по пятаку, а Вильгельма за пятачок я не продам»⁷. Известны судебные последствия этого происшествия, однако весьма вероятно, что за продавцом был установлен полицейский надзор.

Падению авторитета императорской власти также способствовали связи Николая II с немецкими родственниками, что в обстановке военного конфликта вызывало острое раздражение. В частности, И.Б.Белова отмечает, что «крестьян беспокоило «германское» происхождение русской императрицы. Так, в чайной г. Воротынка Перемышльского уезда Калужской губернии в феврале 1915 г. в «разговоре по поводу войны» один из посетителей высказался что, когда «германцы наших бьют, то Государыня радуется»⁸. При этом встречались упреки императору в том, что его не совсем русское происхождение отрицательно отражается на имидже страны. В другой работе, автор, ссылаясь на Ф.А. Кудринского, приводит выдержку из разговоров немцев-колонистов: «Разве Россия государство? Настоящее государство только немецкое. И царь-то ваш не настоящий, а немецкий... Вот Вильгельм завоюет Россию, он покажет Вам хозяйство!»⁹.

По всей видимости, указанные признаки разочарования крестьян в политике верховной власти способствовали повышению уровня негативности в отношении к царю. Можно согласиться с мнением Б. И. Колоницкого, что «...именно в годы Первой мировой войны германофобия стала представлять для династии Романовых, и для правящей элиты в целом, особую опасность...»¹⁰. Со-

¹ Безгин В.Б. «Царь – батюшка» и «народ – богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.). С. 27-28.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Уголовное Уложение. СПб., 1903.С.35-37.

⁵ Аксенов В. Б. Первая мировая война в крестьянском мифологическом дискурсе 1914 – 1916 гг. URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (дата обращения 8.02.2016 г.)

⁶ Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф. 523. Оп. 1. Д. 845. Л. 177.

⁷ Там же.

⁸ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914-февраль 1917 г. М., 2011. С.174.

⁹ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. М., 2014. С.143.

¹⁰ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С.293.

бытия первой мировой войны усиливали проявления антимонархических тенденций на основе роста неприязни к лицам немецкого происхождения.

Сохранились и другие следственные дела, содержащие оскорбительные высказывания в адрес императора. В частности, в 1915 г. оскорбительные слова в адрес императора позволил себе произнести крестьянин дер. Дорогино Овстугской волости Брянского уезда Е. Евтишенков. В следственном деле указывается, что при разговоре с односельчанами он произнес фразу «Наш царь глумной, отдал было Варшаву германцу, спасибо уже Николаю Николаевичу, который хотел за это Царю голову снять шашкой и прогнал его, говоря – пошел ты, где был, мы без тебя здесь распорядимся»¹. В результате был за провинившимся учрежден особый надзор полиции «для пресечения способов уклонения от следствия и суда»².

В следующем, 1916 г., крестьянин хутора Бабинки Акуличской волости Брянского уезда Василий Архипов Федькин позволил себе «во время разговора произнести слова, заключающие оскорбление особы его императорского величества государя императора»³. И он был «отдан под особый надзор полиции по месту его жительства на хутор Бабинка Акуличской волости Брянского уезда Орловской губернии»⁴.

Таким образом, материалы данных следственных дел и анализ научной литературы по изучаемой теме позволяют сказать о том, что наблюдались явные признаки разочарования крестьян в верховной власти, которая в период первой мировой войны персонифицировалась в образе императора Николая II. Тяготы военного времени, нарастание повседневных трудностей и деградация представителей высшего сословия способствовали девальвации в правовом сознании крестьян идеального образа императора. Эти обстоятельства способствовали достаточно быстрому повышению уровня негативности в отношении крестьян к царю. В результате свержение монархии и отречение императора в марте 1917 г. было встречено сельскими жителями пассивно, что поставило страну перед нелегким выбором дальнейшего пути развития.

Библиография

- Аксенов В. Б. Первая мировая война в крестьянском мифологическом дискурсе 1914 – 1916 гг. URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (08.02.2016 г.)
- Барынкин В.П. Крестьянство Западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: По материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний: автореферат дисс. ... кандидата исторических наук. Брянск, 1997.
- Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2009. №12. С.22-24.
- Безгин В.Б. «Царь – батюшка» и «народ – богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сб. науч. трудов. СПб., 2004. Вып. 2. С. 24-28.
- Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914-февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011.
- Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914-1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014.
- Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990.
- Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988.
- Колоницкий Б.И. "Трагическая эротика": Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Крайкин В.В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дисс ... кандидата исторических наук. Брянск, 2009.
- Марченко П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. М.: Щит-М, 2005.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М.: Прогресс, 1995.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Московичи С. Машина, делающая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
- Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914 - 1918 гг.: дисс.... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2000.
- Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии. М.: Дом интеллектуальной книги, русское феноменологическое общество, 1998.
- Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Уголовное Уложение. СПб.: Сенатская типография, 1903.
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. СПб.: София, 1991-1992.
- Шанин Т. Революция как момент истины: Россия, 1905-1907 гг.-1917-1922 гг. М.: Весь мир, 1997.

¹ ГАБО. Ф.376.Оп.1.Д.301.Л.1.

² Там же. Л.11.

³ ГАБО. Ф. 376. Оп.1.Д.315.Л.13.

⁴ Там же. Л.21.

References

- Aksenov V. B. Pervaia mirovaia voina v krest'ianskom mifologicheskom diskurse 1914 – 1916 gg. URL: http://www.inion.ru/index.php?page_id=531 (08.02.2016 g.)
- Barynkin V.P. Krest'ianstvo Zapadnykh gubernii Tsentra Rossii nakanune Oktiabr'skoi revoliutsii: Po materialam Kaluzhskoi, Orlovskoi, Smolenskoi gubernii: avtoreferat diss. ... kandidata istoricheskikh nauk. Briansk, 1997.
- Bezgin V.B. Oskorblenie slovom ili deistviem po obychnomu pravu (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) // Istorii gosudarstva i prava. 2009. №12. S.22-24.
- Bezgin V.B. «Tsar' – batiushka» i «narod – bogonosets» (krest'ianskii monarkhizm kontsa XIX – nachala XX vv.) Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universitet: Sb. nauch. trudov. SPb., 2004. Vyp. 2. S. 24-28.
- Belova I.B. Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsii. 1914-fevral' 1917 g. M.: AIRO-XXI, 2011.
- Belova I.B. Vynuzhennyye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914-1925 gg. M.: AIRO-XXI, 2014.
- Berdiaev N.A. Sud'ba Rossii. M.: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990.
- Kabytov P.S., Kozlov V.A., Litvak B.G. Russkoe krest'ianstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniia. M.: Mysl', 1988.
- Kolonitskii B.I. "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny. M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Kraikin V.V. Pervaia mirovaia voina v vospriatii krest'ian: po materialam Orlovskoi gubernii: diss ... kandidata istoricheskikh nauk. Briansk, 2009.
- Marchenia P.P. Massovoe pravosoznanie i pobeda bol'shevizma v Rossii: Monografiia. M.: Shchit-M, 2005.
- Miliukov P.N. Ocherki po istorii russkoi kul'tury. T. 3. M.: Progress, 1995.
- Mironov B.N. Sotsial'naya istoriia Rossii perioda imperii (XVIII-XX v.). V 2 t. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1.
- Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskii traktat po psikhologii mass. M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998.
- Moskovichi S. Mashina, delaiushchaya bogov. M.: Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998.
- Porshneva O. S. Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'ian i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny, 1914 - 1918 gg.: diss.... doktora istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 2000.
- Rukett M.-L. Poznanie mass. Ocherki politicheskoi psikhologii. M.: Dom intellektual'noi knigi, russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998.
- Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiia. Obshchestvo. M.: Politizdat, 1992.
- Ugolovnoe Ulozhenie. SPb.: Senatskaia tipografiia, 1903.
- Fedotov G.P. Sud'ba i grekhi Rossii. V 2-kh t. SPb.: Sofiia, 1991-1992.
- Shanin T. Revoliutsiia kak moment istiny: Rossiia, 1905-1907 gg.-1917-1922 gg. M.: Ves' mir, 1997.

УДК 947.084.51.6:351.74(571.6)“192”

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИИ (НОЯБРЬ 1922 г. – МАРТ 1926 г.)****PERSONNEL MAINTENANCE OF MILITIA BODIES IN THE FAR EAST RUSSIA
(NOVEMBER, 1922 – MARCH, 1926)****Т.А. Орнатская
T.A.Ornatskaja***Академия метрологии, стандартизации и сертификации,
Россия, 680000, Хабаровск, ул. К. Маркса, 65.**Academy of metrology, standardization and certification,
65 K.Marx's St., Khabarovsk, 680000, Russia**E-mail: ota12@ya.ru*

Аннотация. Для обеспечения устойчивого развития государства в любые исторические периоды важную роль играет кадровый потенциал государственных структур. Дальний Восток в период гражданской войны и интервенции входил в состав Дальневосточной республики, созданной по внешнеполитическим причинам. Процесс формирования советских органов власти в регионе затянулся до середины 1920-х гг., и имел свои отличия от других регионов РСФСР черты. Удаленность Дальневосточной области от центра страны негативно сказывалась на ее кадровом обеспечении.

Статья раскрывает систему подготовки кадров среднего командного состава милиции в условиях советизации региона. Обращено внимание на невозможность комплектования правоохранительного органа преданными РКП (б) сотрудниками, отсутствие финансовых средств и профессиональных кадров преподавателей.

Resume. For maintenance of stable progress of the state during any historical periods the key role is played by personnel potential of the state structures. The Far East during civil war and intervention was a part of the Far East republic created for the foreign policy reasons. Process of formation of the Soviet authorities in region was tightened up to the middle of 1920th, and had the features distinct from another regions RSFSR. Remoteness of Far East area from the center of the country negatively affected its personnel maintenance.

The article deals with the system of a professional training of average command structure of militia in conditions of region sovietization. It is paid attention to impossibility of acquisition of law enforcement body betraid RKP employees, absence of financial assets and the professional staff of teachers.

Ключевые слова: Дальний Восток, подготовка кадров, милиция, средний командный состав.

Key words: The Far East, a professional training, militia, average command structure.

Дальний Восток в системе обеспечения безопасности нашего Отечества занимает одну из ключевых позиций. Немаловажную роль в охране государственных интересов в регионе играют правоохранительные органы. В условиях временного предоставления региону самостоятельности в 1920-1922 гг. партийные и государственные органы РСФСР руководили как внешней, так и внутренней политикой Дальневосточной республики. Исследователями истории Дальнего Востока неоднократно подчеркивался тезис о сложной кадровой ситуации в регионе¹. Его удаленность, влияние иностранных государств на экономику, практически полная размытость границ превращала дальневосточных милиционеров в ключевые фигуры, обеспечивающие безопасность.

В октябре 1922 г. японские войска покинули материковую часть русского Дальнего Востока, а 15 ноября буферная Дальневосточная республика (ДВР) была ликвидирована, ее территория вошла в состав РСФСР, образовав Дальневосточную область.

Задачи советизации региона были возложены на чрезвычайный орган государственной власти – Дальневосточный революционный комитет, состав которого был утвержден Президиумом ВЦИК РСФСР. Стоит напомнить, что революционные комитеты в Советской России выступали полноправными руководителями военной и общественной жизни, им в промежуточный период до формирования выборных Советов принадлежала вся полнота управления регионом. Учитывая особенности

¹ Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX века. Владивосток, 2000; Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.). Владивосток, 2000; Орнатская Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики. Хабаровск, 2008 и др.

функционирования органов государственной власти буфера, единовременный переход к советской форме был не возможен, поэтому руководство страны пошло на формирование Дальревкома¹.

Организация аппарата нового органа власти в регионе имела сложный характер и реализовывалась на основе постановлений ВЦИК и СНК РСФСР². Министерства буфера частично были упразднены, а частично преобразованы в отделы и управления Дальревкома. Так, например, министерство внутренних дел ДВР было реорганизовано и составило часть отдела управления ДРК, в котором сосредоточился весь административно-исполнительный аппарат Дальневосточной области.

Народная милиция Дальневосточной республики была реформирована в рабоче-крестьянскую милицию РСФСР, комплектование которой строилось строго на классовой основе под руководством РКП (б). В работу с личным составом дальневосточной милиции была введена партийно-политическая составляющая. При губернских управлениях милиции создавались политические сектора, на которые возлагалась задача организации и проведения воспитательной работы среди милиционеров на основе партийных установок.

Вхождение милиции региона в состав Советской России подразумевало и соблюдение ее законодательства. В ноябре 1922 г. ВЦИК РСФСР издал декрет «О пересмотре и доукомплектовании личного состава милиции»³. В соответствии с ним руководство регионов должно было в кратчайшие сроки создать межведомственные комиссии. В их состав должны были входить представители НКВД, Наркомтруда, Наркомата юстиции, ВЦСПС, партийных и профсоюзных организаций. Увольнению из рядов подлежали сотрудники, нарушавшие революционную законность и не годные к службе по социально-классовой сущности. В конце декабря 1922 г. Дальневосточный революционный комитет постановил пересмотреть штат областной милиции.

Для этого при губернских исполнительных комитетах были созданы комиссии, в круг обязанностей которых входили организация и проведение проверок милицейского аппарата в январе-феврале 1923 г. Отдел управления ДРК своим циркуляром указал, что при проведении пересмотра штатов личного состава милиции целесообразно учитывать мнение трудящихся, поэтому было рекомендовано комиссиям обсуждения проводить публично, на открытых собраниях милицейских работников⁴.

Стоит подчеркнуть, что кадровая ситуация в милицейском аппарате Дальнего Востока к моменту советизации региона была сложной. В ноябре 1922 г. начальник областной милиции докладывал в Дальневосточное бюро ЦК РКП (б), что «в милиции жалование платят не на 100 %, поэтому командированные партийные товарищи бегут»⁵. Зимнего обмундирования не имелось совсем, а вещевым довольствием дальневосточные сотрудники обеспечивались лишь на 70 %⁶.

Недостаток финансирования вынуждал милиционеров искать себе дополнительные средства к существованию. Сотрудники, имевшие опыт несения службы в милиции, но не годные по классовым соображениям – увольнялись, не дожидаясь «чистки» кадров. Учитывая партийный плюрализм, процветавший в буферной республике, некоторые милиционеры были вынуждены уйти по идеологическим соображениям.

В соответствии с указаниями Дальневосточного революционного комитета штат милиции и уголовного розыска Дальневосточной области на 1 января 1923 г. составлял 3071 чел., т.е. сокращения коснулись 686 чел.⁷.

Только в Приамурской губернской милиции было сокращено 269 должностей⁸. На совещании административно-милицейских работников Приморской губернии, проходившем в июне 1924 г. отмечалось, что в результате «чистки» было уволено около 70% сотрудников наружной и 30% внутренней службы⁹.

В Амурской губернии, подводя итоги пересмотра личного состава милиции в начале 1923 г. отмечали, что «из всех видов преступности особенно усилилась контрабанда и конокрадство. Милиция и пограничные войска, за своей малочисленностью, бороться с ними не могут»¹⁰. К весне 1923 г. штат дальневосточной милиции был обновлен на треть¹¹.

Положительными чертами проведенных мероприятий были названы: поднятие авторитета рабоче-крестьянской милиции и доукомплектование людьми, преданными Советской власти, а отрицательными – отсутствие подготовленных кадров, за которым последовал «временный перебой в работе»¹².

¹ Подробнее см.: Цуканов С.С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона. Хабаровск, 2011.

² Подробнее см.: Дальревком. Хабаровск, 1957.

³ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 78. ст. 982.

⁴ Воробьев Р. А. Советская милиция Приамурья (1917-1945 гг.) Хабаровск, 1989. С. 55-56.

⁵ Российский государственный исторический архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 372. Оп.1. Д. 188. Л. 38.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-393. Оп.48. Д. 70. Л. 5; Д. 72. Л. 3.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 48. Д. 72. Л. 13.

⁸ Худяков П.П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью. Автореф. дисс. канд. истор. наук. С. 14.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 390. Л. 52.

¹⁰ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф. Р.2422. Оп.1. Д. 188. Л. 611.

¹¹ Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917-1945 гг.) Хабаровск, 1989. С. 55.

¹² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 390. Л. 52.

Вхождение региона в состав РСФСР и последовавший за ним процесс перестройки работы государственных органов в соответствии с советским законодательством, обнажил еще несколько проблем. В Советской России еще в конце 1921 г. был установлен принцип грамотности при рассмотрении кандидатов на занятие должностей сотрудников милиции¹, поэтому во многих российских губерниях неграмотность среди милиционеров была ликвидирована к 1923 г., это позволило 1 февраля 1923 г. установить запрет на привлечение к службе неграмотных лиц.

В РСФСР существовало несколько типов учебных заведений, осуществлявших подготовку сотрудников милиции. Рядовых милиционеров в течение 3 месяцев готовили школы резервов. Обучение старших милиционеров, сотрудников уголовного розыска и политруков проходило на 6-8 месячных курсах в губернских школах. Средний руководящий состав, т.е. начальников городских и районных отделов милиции, готовили на протяжении 2 лет школы среднего командного состава. Все программы учебных дисциплин, реализуемых в губернских школах, обсуждались с ведущими специалистами из научных учреждений, рекомендовались ЦАУ НКВД, и сопровождалась методическими рекомендациями для преподавателей².

С 1923 г. в РСФСР специальные учебные заведения милиции, в т.ч. школы для подготовки среднего командного состава милиции, были сокращены с 50 в начале года до 13 в конце года³.

Центральная инструкторско-милицейская школа народной милиции Дальневосточной республики в этой классификации занимала промежуточное положение, т.к. по срокам подготовки подходила к губернской школе, а по уровню – к школам среднего комсостава. Приказом Главного управления рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока от 2 декабря 1922 г. Школа была переименована в Центральную милицейскую школу командного состава Дальнего Востока⁴.

В конце 1922 г. начальник Школы Н.В. Главацкий разработал положение об учебном заведении. В нем было отмечено, что школа командного состава в Чите является образовательным учреждением переходного типа⁵. Создание школы среднего командного состава с двухгодичным сроком обучения было «затруднено ввиду отсутствия для приема в такую школу лиц»⁶.

В начале февраля 1923 г. Центральное административное управление (ЦАУ) НКВД, в ведении которого находились все учебные заведения, входившие в структуру милицейского образования, утвердило положение о Школе, а месяцем ранее аналогичную процедуру проделал Дальревком, в ведении отдела управления которого находилась школа комсостава в Чите.

Учебный план Школы, после реорганизации, предполагал двухуровневую подготовку выпускников. На младшем курсе, обучение на котором длилось 12 недель, курсанты 2 часа в неделю изучали Основы Советской Конституции, а остальное время отводилось общеобразовательным и специальным предметам милицейской подготовки. На старшем отделении логика образовательного процесса также предусматривала изучение специальных предметов, и в течение 20 недель по 2 часа еженедельно изучали Основы советского права, уголовный кодекс, уголовный процесс и судостроительство⁷. Особенностью дальневосточной школы командного состава являлось отведение трети аудиторного обучения на групповые формы работы. Это способствовало развитию у курсантов коллективизма, умения слушать, принимать согласованные решения и положительно сказывалось на их дальнейшей практической работе.

Для дальневосточных курсантов реорганизация образовательного процесса повлекла за собой увеличение периода обучения. Набранные еще в сентябре 1922 г. на 6-месячные курсы слушатели завершили обучение только в мае 1923 г., т.к. обучение в школах такого типа в Советской России составляло 8 месяцев⁸.

Сложная экономическая обстановка не только на Дальнем Востоке, но и во всей стране, снижение финансирования государственных учреждений позволила организовать следующий набор 65 курсантов лишь в январе 1924 г.⁹ Сокращение контингента обучаемых было вызвано тем, что в течение всего 1923 г. процесс оптимизации штатной численности дальневосточной милиции продолжался. Уровень оплаты труда работников был крайне низок, вследствие чего наблюдалась текучка кадров. Имелось огромное количество вакантных должностей, увеличивался рост преступности среди милиционеров. Для выхода из сложившейся ситуации, руководство региона продолжило политику сокращения и «чистки» имеющегося штата сотрудников, с целью повышения окладов тем милиционерам, которые прошли переаттестацию.

Приказом начальника управления рабоче-крестьянской милиции Дальневосточной области Л. И. Проничева от 9 июля 1923 г. структура региональной милиции была оптимизирована, что позволило сократить 534 штатные единицы. Численность милиционеров к лету 1923 г. состав-

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 20. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 24. Л. 1-35.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 20. Л. 5.

⁴ Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 183.

⁵ Ходасевич А.П. Дальневосточная милицейская. (Хабаровская краевая школа милиции). Хабаровск, 1971. С.52.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 48. Д. 72. Л. 14.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 44. Д. 23. Л. 4-4 об.; Оп. 58. Д. 63. Л. 25.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1516. Л. 2.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1516. Л. 2, 3; Оп. 48. Д. 70. Л. 7; Д. 72. Л. 5.

ляла 2546 должностей. С учетом того, что в апреле 1923 г. была сформирована милиция Камчатской губернии численностью 65 чел.¹.

В январе 1924 г. Школе удалось сформировать четвертый набор курсантов. За 10 мес. их обучения преобразилась внутренняя структура учебного заведения. В нем, в соответствии с директивами ЦАУ НКВД, был создан педагогический совет, на котором обсуждались успехи курсантов в усвоении дисциплин, предусмотренных учебным планом. А также сокращение часов преподаваемых дисциплин в связи с переходом на новый учебный план, утвержденный Москвой. На заседаниях предметно-цикловых комиссий преподавательский состав обсуждал методики проведения занятий. Так, например, на одном из заседаний было определено, что «опрос курсантов не должен превышать 10 минут» из академического часа занятия².

В сентябре 1924 г. в Центральную милицмейскую школу командного состава Дальнего Востока прибыла комиссия Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), в итоговом отчете об инспектировании было отмечено низкое качество знаний у прибывавших для обучения сотрудников, значительное количество отчисляемых, недостаток, а по некоторым дисциплинам и отсутствие учебников и учебных пособий³.

В докладе начальника Школы в Дальревком о мерах, принятых по результатам проверки РКИ, отмечалась проведенная работа, направленная на снижение отчисляемого контингента. Так, из принятых 72 курсантов третьего набора, на старшее отделение перешли 64 чел., а к концу занятий 23 октября 1924 г. их осталось 58 чел. В основном отчислялись с младшего курса. Среди причин отчисления указывалась неудовлетворительная сдача зачета по русскому языку, ввиду малограмотности, низкое знание курса математики и только потом из-за неуспеваемости по юридическим дисциплинам. Отчисленные курсанты были направлены из Забайкальской, Амурской и Приморской губерний⁴. Значительно сократилось и количество наложенных на курсантов дисциплинарных взысканий. Двое были привлечены к ответственности за появление на улице в нетрезвом виде, двое – за неисполнение приказаний, а также зафиксировано 22 нарушения внутреннего распорядка Школы⁵. Руководство учебного заведения связывало это с повышением образовательного уровня поступающих. Так, «56,2% зачисленных курсантов имели образование в объеме бывшего начального училища, 25% - бывшего военного начального училища, 14,6% окончили школу II ступени, остальные имели домашнее образование». Более 80% лиц, рекомендованных к обучению, были направлены органами милиции Дальнего Востока⁶. По результатам проведения итоговых испытаний на замещение должностей среднего командного состава милиции или уголовного розыска было рекомендовано 48 выпускников. После заседания комиссии по распределению в Забайкальской губернии осталось служить 13 милиционеров, 2 сотрудника были направлены в уголовный розыск. Ряды губернской милиции Приморья пополнили 18 выпускников, а двое – уголовного розыска. Еще троих направили в Амурскую губернию, а двоих призвали в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии⁷.

Сложности в работе дальневосточной школы командного состава милиции, с точки зрения ее руководителя, были обусловлены «более поздним началом занятий, не совпадавшим с трудовой школой, что препятствовало подбору кадра преподавателей», а также «низким денежным довольствием курсантов, не позволяющим поднять престиж службы»⁸.

В докладной записке комиссара Школы И.А. Краева, направленной в Дальневосточное бюро ЦК РКП (б), было отмечено, что «большинство присланных партийцев малограмотные, не выдержали первичных испытаний курса»⁹.

Подготовке кадров Дальневосточный революционный комитет уделял значительное внимание. Выполняя решение XI съезда РКП (б) и постановление СНК РСФСР от 17 октября 1922 г. о сокращении финансовых расходов, содержание милиции было переведено на счет средств губерний. В этой связи ДРК взял на себя расходы на денежное довольствие и обмундирование переменного состава. Финансирование курсантов составляло 100 %¹⁰.

Вместе с тем, в конце 1924 г. начальник дальневосточной милиции Н.С. Тяжелов выступая в Дальревком с докладом, отмечал, что «материальное положение милиции, в связи со снижением ставок, крайне неважное. Дело доходит до того, что сотрудники стараются переводиться в другие учреждения под тем или иным предлогом в поисках лучшей оплаты труда. Младший милиционер получает 29, 8 руб. – это самая низкая ставка оплаты на Дальнем Востоке»¹¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 48. Д. 72. Л. 13-14.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 24.

³ Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.). Владивосток, 2000; РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1472. л. 28.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 13, 20.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 19.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 8.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 11 об., 20.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 11.

⁹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп.1. Д. 1001. Л. 18.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1001. Л. 50.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп.1. Д. 644. Л. 11-66.

В начале зимы 1924 г., вслед за переездом большинства правительственных учреждений области, Центральная милицмейская школа командного состава Дальнего Востока была переведена в Хабаровск и подверглась переименованию, став Школой среднего командного состава милиции. Однако срок обучения оставался прежним и составлял 8 месяцев, учебный план не соответствовал приказам № 172, 200, 219 ЦАУ НКВД, поэтому московское руководство, учитывая не завершенность в регионе процесса советизации, считало хабаровскую школу – областной¹.

В марте 1925 г. начальник дальневосточной милицмейской школы, докладывая в Дальревком о состоянии милицмейского образования, писал, что «на шефскую помощь были получены пособия». В школьную библиотеку поступили земельный, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы РСФСР и Инструкция о правилах производства дознания органами милиции². До этого снабжение литературой осуществлялось, исходя из соотношения один учебник на 7-8 курсантов³.

Отмечая положительные стороны работы Школы, начальник указывал, что со времени преобразования учебного заведения изменился преподавательский состав, в который вошли опытные юристы, практики, помощник прокурора и преподаватели отдела образования губернии. Так, уголовное право, уголовный процесс и судопроизводство курсантам преподавал Бакшт – помощник прокурора губернии, «который пользуется у курсантов популярностью»⁴. Особое внимание уделялось практической составляющей, например, проведению дознания, подготовке постановлений о передаче дела в суд, а также оформлению отчетной документации и делопроизводству. Вместе с тем, руководством Школы констатировалось, что «ввиду крайне загруженности действующих сотрудников, не имеется возможности привлечения их к преподаванию Административного устава»⁵.

В апреле 1925 г. произошло сразу несколько отрядных для школы событий. Отдел управления Дальревкома, выполняя приказ НКВД СССР, наградил Школу за успехи в работе Красным Знаменем. В торжественной обстановке 24 мая 1925 г. высокая награда была вручена на главной площади Хабаровска. Начальник учебного заведения Н.В. Главацкий «сделал шаг вперед, опустился на левое колено, поцеловал край знамени и потом принял его»⁶. А также были выделены денежные средства для приобретения учебной литературы, постоянный состав Школы был переведен на финансирование из средств государственного бюджета⁷.

Школьный комиссар, а по совместительству преподаватель политической грамоты И.А. Краев, информируя Дальбюро ЦК РКП (б) о политическом состоянии учебного заведения, указывал, что курсанты, несмотря на полное государственное обеспечение, плохо занимались. Так, например, зачет по Основам Конституции только 8 обучающихся сдали с оценкой «хорошо», 31 – с оценкой «удовлетворительно», а 4 не справились с заданиями вовсе⁸.

Причем занятия по данной дисциплине вел практикующий юрист – старший инспектор уголовного розыска Инспекции уголовного розыска Дальневосточной области – В.К. Боровский, окончивший юридический факультет Ленинградского университета⁹. Характеризуя преподавательский состав Школы, следует отметить, что из 9 человек, 6 имели законченное высшее образование¹⁰.

Свой пятый выпуск Школа сделала в апреле 1926 г., 36 курсантов в ее стенах обучались 13,5 месяцев. В конце 1925 г. руководством страны вновь был инициирован вопрос о закрытии школы ввиду сокращения финансирования. В 1925-1926 гг. школы милиции в губерниях РСФСР из-за недостаточности финансирования повсеместно расформировывались. Осенью 1926 г. ввиду финансовых затруднений, недостаточной укомплектованности личным составом, нехватки учебных пособий и слабости преподавательского состава, решением ЦАУ НКВД Школа среднего командного состава милиции в Хабаровске была закрыта на 1 год¹¹. Ее личный состав был переведен во Владивосток.

Таким образом, в период советизации дальневосточного региона руководству Дальревкома удалось обновить кадровый состав милиции, наполнив его сотрудниками преданными идеалам советской власти. Несмотря на значительные финансовые затруднения и отсутствие ясной политики центрального руководства в Дальневосточной области частично удалось сформировать систему подготовки командных кадров среднего звена. В условиях несоответствия финансовых возможностей и реалий, требовавших квалифицированных, знающих милицмейское дело сотрудников, готовых стоять на страже законности, регламентация обучения партийными и советскими органами дала положительные результаты, позволив обеспечить кадрами среднего звена дальневосточную милицию.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 19.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 11.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 16-17.

⁶ Ходасевич А.П. Дальневосточная милицмейская. Хабаровск, 1971. С. 70; Кутушев В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность. Хабаровск, 1998. С. 27-28.

⁷ ГАРФ. Р-393. Оп. 58. Д. 63. Л. 35 об.

⁸ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1001. Л. 25 об.

⁹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1001. Л. 22.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1516. Л. 5.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 78. Д. 47. Л. 88.

Библиография

- Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917-1945 гг.). Хабаровск: ДВЮИ МВД СССР, 1989. Дальревком. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1957.
- Орнацкая Т.А. Внешняя политика Дальневосточной республики. Хабаровск: Б.и., 2008.
- Собрание узаконений РСФСР. 1922.
- Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX века. Владивосток, 2000.
- Ходасевич А.П. Дальневосточная милицейская. (Хабаровская краевая школа милиции). Хабаровск: , 1971.
- Худяков П.П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Новосибирск, 1969.
- Цуканов С.С. Деятельность Дальневосточного революционного комитета и его роль в развитии региона. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2011.
- Шабельникова Н.А., Бакшуттов С.Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 182-185.
- Шабельникова Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922-1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2000.

References

- Vorob'ev R.A. Sovetskaja milicija Priamur'ja (1917-1945 gg.) Habarovsk: DVJI MVD SSSR, 1989. Dal'revkom. Habarovsk: Habarovskoe kn. izd-vo, 1957.
- Ornackaja T.A. Vneshnjaja politika Dal'nevostochnoj respubliki. Habarovsk: B.i., 2008.
- Sobranie uzakonenij RSFSR. 1922.
- Tkacheva G.A. Demograficheskaja situacija na Dal'nem Vostoke Rossii v 20-30-e gody XX veka. Vladivostok, 2000.
- Hodasevich A.P. Dal'nevostochnaja milicejskaja. (Habarovskaja kraevaja shkola milicii). Habarovsk: , 1971.
- Hudjakov P.P. Dal'nevostochnaja milicija v bor'be s ugovnoj prestupnost'ju. Avtoref. diss. kand. istor. nauk. Novosibirsk, 1969.
- Cukanov S.S. Dejatel'nost' Dal'nevostochnogo revoljucionnogo komiteta i ego rol' v razvitii regiona. Habarovsk: HPI FSB Rossii, 2011.
- Shabel'nikova N.A., Bakshutov S.N. Formirovanie sistemy professional'nogo obuchenija kadrov milicii na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. № 21. S. 182-185.
- Shabel'nikova N.A. Milicija Dal'nego Vostoka Rossii (1922-1930 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2000.

УДК 94(47) «1941/1945»: 656.2

**СЕВЕРО-ДОНЕЦКАЯ И ЮЖНО-ДОНЕЦКАЯ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ
В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ (1941–1943 гг.)****NORTH-DONETSK AND SOUTH-DONETSK RAILWAYS DURING
THE OCCUPATION (1941–1943)****В.А. Шаповалов, Ю.Ю. Буряк
V.A. Shapovalov, Yu.Yu. Buryak***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia**E-mail: yuriiburyak@mail.ru*

Аннотация. Целью работы является комплексный анализ организации немецкой оккупационной администрацией системы управления и эксплуатационной работы железных дорог Востока Украины и Юга России.

В исследовании центральное место занимает репрезентация структуры управления основных служб железных дорог исследуемого региона: паровозной, вагонной, пути, движения, сигнализации и связи. Более того, в работе освещаются функции и национальный состав руководящих органов и подчиненных им административно-хозяйственных единиц магистралей региона в период оккупации. Характерным признаком на железнодорожном транспорте в течение указанного периода является дублирование русскими железнодорожниками значительного количества административных должностей, которые занимали оккупанты. Следовательно, это делало аппарат управления магистралями региона более громоздким. Авторы пришли к выводу о том, что в сравнении с советской системой управления и эксплуатации немецкая была несколько хуже, так как определенные отрасли железнодорожного хозяйства не имели четкой иерархической структуры управления, что в свою очередь негативно отразилось на работе оккупированных дорог. Данная тема является фактически неизученной, что представляет новизну проведенных исследований и в целом актуализирует научные поиски.

Resume. The study is devoted to a complex analysis of German occupation administration and exploitation of railway in the East of Ukraine and South of Russia. The article begins with a short historiographical review of the theme. This investigation is based on problem and chronological research methods. Archive documents were used for the writing this work.

The main problem of investigation consists in representation of a structure of railway administrative department of the Eastern Ukraine and Southern Russia, namely: locomotive, railway carriage, roads, traffic, signaling and communications. Moreover, functions and national diversity of government staff and subordinate administrative units of regional main lines during the occupation are reflected in the article. A significant duplication of invaders' administrative posts by Russian railwaymen was a typical feature of the railroad of that period. Consequently, administrative apparatus of regional main lines got more cumbersome. In comparison with the Soviet management and operation system, the German was slightly worse, as certain sectors of railway economy didn't have a clear hierarchical management structure, which had a negative impact on a work of occupied roads.

Ключевые слова: железная дорога, Сталинская дирекция, Артемовская дирекция.
Keywords: Railway, Stalino directorate, Artemovsk directorate.

Организация управления железными дорогами Востока УССР и Юга РСФСР в период оккупации определяла работу магистралей исследуемого региона в течение октября 1941 г. – начала сентября 1943 г. В системе руководства железнодорожным транспортом и его эксплуатации периода оккупации можно выделить два этапа: первый этап (октябрь 1941 – май-июль 1942 гг.), когда управление магистралями производилось немецким военным командованием, и второй этап (май-июль 1942 – начало сентября 1943 г.), во время которого работа железных дорог была подчинена гражданской немецкой железнодорожной администрации.

Несмотря на то, что эта тема имеет актуальность в рамках воссоздания целостной картины деятельности железнодорожного транспорта в период Великой Отечественной войны, она является практически не исследованной. В советский период данному вопросу не уделялось достаточного внимания ввиду заидеологизированности исторической науки в СССР. Так, фундаментальная мо-

нография Н.С. Конарева «Железнодорожники в Великой Отечественной войне» не раскрывает процесс работы и структуру управления железными дорогами во время немецкой оккупации. В «Истории железнодорожного транспорта России и Советского Союза» также эта тема не освещена. И.В. Ковалев в своей работе «Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» описывает лишь процесс восстановления оккупированных железных дорог СССР после их освобождения советской армией. В целом работу стальных магистралей на оккупированной нацистами территории кратко осветили немецкий военачальник Г. Теске, а также исследователь Я. Пикалкевич¹. Современных научных изысканий касаясь комплексного освещения истории железных дорог Донбасса во время Великой Отечественной войны и, в частности, в период немецкой оккупации не проводилось.

Ввиду вышесказанного, в основе исследований обозначенной темы авторами использовались архивные материалы Государственного архива Донецкой области Украины (ныне Государственный архив Донецкой Народной Республики), а также документы отраслевого архива ГП «Донецкая железная дорога».

Таким образом, имеется прямая необходимость в данной статье осветить структуру, функции и национальный состав руководящих органов и подчиненных им административно-хозяйственных единиц магистралей исследуемого региона в период оккупации, а также функционирование магистралей в октябре 1941 – сентябре 1943 гг. В статье также представлена структура управления основных служб железных дорог того времени на изучаемой территории: паровозной, вагонной, пути, движения, сигнализации и связи. Отдельно раскрыт вопрос охраны железнодорожного транспорта и объектов железнодорожной инфраструктуры в течение указанного периода. Все это составляет научную новизну исследовательской работы авторов.

В течение нацистской оккупации Востока УССР и Юга РСФСР все главные должности в руководстве и охране железнодорожных объектов занимали немцы. Гражданская немецкая администрация занималась не только контролем работы, но и осуществляла свое управление через дублеров и с помощью переводчиков. Мастера и бригадиры также в основном были немцами, с каждым из которых работал дублер-русский (русскими оккупанты называли местных жителей). На низко квалифицированных профессиях работали лишь местные жители, которых набирали на работу через биржи труда². Жестокая дисциплина с арестами, избиением, системой штрафов, а также использование системы подачек и поощрения немногих верных немцам советских граждан, давали возможность эксплуатировать подвижной состав и объекты железнодорожного хозяйства в период пребывания на исследуемой территории нацистов³. Следует добавить, что местное население привлекалось к работе на железных дорогах в больших масштабах, особенно для восстановления и перешивки путей на западноевропейский стандарт. Работу местных жителей контролировало военное руководство – русские полиция и городские управы. С самого начала оккупации городские управы принимали активное участие в возвращении на работу всех советских железнодорожников, которые остались на оккупированной территории. Основным методом использования бывших сотрудников магистралей СССР стало построение широкого контроля во всех сферах работы путем содержания двух параллельных штатов немецких и русских сотрудников. На транспорт преимущественно возвращали насильно, хотя в некоторых случаях железнодорожники, которые остались на Донбассе после отступления советской армии, сами шли работать на магистраль, так как работа на транспорте считалась привилегированной и избавляла от депортации в Германию.

Итак, организованное восстановление железнодорожного хозяйства Южно-Донецкой железной дороги немцы начали 8 ноября 1941 г., а до этого с момента оккупации производилось лишь частичное восстановление путевого оборудования силами немецких железнодорожных частей и советских железнодорожников, которые остались на занятой нацистами территории и выгонялись военными комендантами на работу⁴. Эксплуатация вышеупомянутой железной дороги началась 25 ноября 1941 г. Отметим, что прифронтовые линии обслуживали полевые железнодорожные зондеркоманды (FEKdo), которые подчинялись военно-транспортной службе вермахта во главе с Р. Генке. В течение войны территория, на которую распространялась юрисдикция FEKdo, а вместе с тем и границы деятельности вышеуказанных структур, постоянно изменялись в зависимости от положения линии фронта⁵. Не были исключением и исследуемые железные дороги.

Так, в первый период (ноябрь 1941 – май 1942 гг.) функционирование Южно-Донецкой магистрали обеспечивалось силами зондеркоманд и другими воинскими подразделениями, и привлеченными к работе советскими железнодорожниками. Состав команд для различных станций отличался. Так, например, для станции Волноваха он составлял 60 человек, на крупной станции

¹ Конарев Н.С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. – 2-е изд., доп. М., 1987; История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 1997; Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М., 1981; Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. Итоги Второй Мировой войны. Выводы победителей. М., 1998; Пикалкевич Я. Немецкая железная дорога во Второй мировой войне. Штуттгарт, 1998.

² Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. Р-1888. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 89, 105.

³ Сектор архивов ГП «Донецкая железная дорога» (далее СА ДонЖД). Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. Л. 104.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ Пикалкевич Я. Указ. соч. С. 47.

Ясиноватая – 150–200 человек различных специальностей. С мая 1942 г. до августа – сентября 1943 г. эксплуатацию железных дорог исследуемого региона осуществляла немецкая гражданская железнодорожная администрация, которая также использовала труд железнодорожников, которые остались на оккупированной территории¹. Подобная ситуация была и на Северо-Донецкой магистрали, однако передача управления железной дорогой немецким гражданским железнодорожникам была произведена в июле 1942 г. Следует отметить, что основная причина передачи руководства железнодорожным транспортом в руки гражданских немецких железнодорожников была связана с продвижением линии фронта летом 1942 г. дальше на восток – за р. Дон и уменьшением в связи с этим угрозы перенесения военных действий на территорию Донбасса.

После начала войны с Советским Союзом гитлеровцы создали Генеральную железнодорожную дирекцию (ГенЖД) «Восток» (Generalverkehrsdirktion Osten, GVD Osten) со штаб-квартирой в Варшаве, которая к тому же была известна, как дирекция Восточных железных дорог (Ostbahn Direktion), и отвечала за все железнодорожные перевозки на оккупированной советской территории. Ей подчинялись созданные 6 сентября 1941 г. главные железнодорожные дирекции (ГЖД) Юг (г. Киев), Восток (г. Полтава (вместо г. Днепропетровска как планировалось изначально) - Haupt Eisenbahn Direktion Poltawa), Центр (г. Минск), Север (г. Рига)².

Летом 1942 г. в подчинении ГЖД «Восток» находились железные дороги исследуемого региона. С 5 сентября по 22 ноября 1942 г. магистрали региона управлялись дирекцией «Ростов» (это была передислоцированная из г. Полтавы дирекция), которой руководила ГенЖД «Восток». Последняя с января 1942 г. руководилась непосредственно имперским министерством транспорта во главе с Ю. Дорпмюллером. Главой дирекции «Полтава/ Ростов» летом – осенью 1942 г. был Карл Мейер³. Вследствие контрнаступления РККА в Сталинградской битве, дирекция «Ростов» была расформирована и 11 декабря 1942 г. вошла в состав вновь созданной ГЖД «Днепропетровск»⁴. В течение мая 1942 – сентября 1943 гг. на территории Южно-Донецкой магистрали действовало Сталинское отделение движения и пути, а в границах Северо-Донецкой дороги – Артемовское. Иногда они также именовались дирекциями. В феврале 1943 г. после разгрома нацистов под Сталинградом администрация из г. Артемовска была переведена в Никитовку (г. Горловка). Таким образом, дирекции Востока УССР и Юга РСФСР подчинялись в декабре 1942 – августе 1943 гг. ГЖД «Днепропетровск».

В октябре 1941 – июле 1942 гг. в границах донецких железных дорог оккупантами было создано управление Бахмутской магистрали в г. Артемовске Сталинской области, которая по структуре была схожа с советскими управлениями железных дорог. Начальником данной магистрали был Масло, руководителем службы связи – Чепелев, а впоследствии – Крайнюк⁵. В течение вышеуказанного периода продолжительность рабочего дня для советских граждан на магистралях региона официально считалась с 6-00 до 17-00 с перерывом на обед продолжительностью 1 час. Однако это правило не выполнялось. Советские граждане, которые работали на железной дороге, ежемесячно получали заработную плату и имели лишь 2 выходных дня в месяц. Мужчинам, моложе 18 лет, а также женщинам старше 18 лет платили 80% зарплаты, несовершеннолетним девушкам – 60%⁶. Кроме того, все железнодорожники получали 300 г. хлеба за исключением поездных бригад, которым выдавали по 500 г., и по 100 г. жира и сахара в неделю. В случае заболевания советского железнодорожника, больной лишался пайка. Во время оккупации действовала система поощрения железнодорожников в виде выдачи денежных премий, повышения по службе, награждения грамотами, железными крестами, а также премированием двумя пачками махорки и 1 кг хлеба. Работу местных жителей и советских сотрудников магистралей контролировала военная власть – русские полицейские и местные управы, а также железнодорожники-контролеры вследствие создания двух параллельных штатов сотрудников – немецкого и русского⁷.

В период существования Сталинского и Артемовского отделений движения и пути во главе каждого стоял директор, которому подчинялись начальники служб движения, паровозной и вагонной, пути и связи. Специфическим было то, что в подчинении паровозного депо находилось вагонное, а в состав дистанции пути входила длительная дистанция связи и ремонтно-строительные конторы⁸.

В работе службы движения Сталинской и Артемовской дирекций были отличия, так как на линиях первой был введен график движения поездов, а проследование составов через станции последней выполнялось без соответствующего расписания. Максимальная скорость поездов на ли-

¹ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. Л. 98.

² Имперские транспортные дирекции оккупированной части СССР. URL: antique-photos.com/component/content/article/97-unidatabase/third-reich/179-sleeve-eagles-of-reichsbahn-1941-1945.html (05.01.2015)

³ Пикалкевич Я. Указ. соч. С. 47.

⁴ Имперские транспортные дирекции оккупированной части СССР. URL: antique-photos.com/component/content/article/97-unidatabase/third-reich/179-sleeve-eagles-of-reichsbahn-1941-1945.html (05.01.2015)

⁵ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 162. Л. 442.

⁶ ГА ДНР. Ф. Р-3938. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 89, 105; СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 162. ЛЛ. 427, 438; Голос Донбасу. 1943. 11 июня.

⁷ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 162. ЛЛ. 439–440.

⁸ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 98.

ниях региона составляла 50 км/ч¹. В подчинении руководства дирекций находились немецкие диспетчеры (Zugleitung) во главе с инспектором. Они работали на крупных станциях: Ясиноватая, Иловайское, Славянск, Красноармейское и Волноваха. Следует отметить, что в отличие от советской системы управления славянские диспетчеры подчинялись Артемовской дирекции, а все остальные – Сталинской².

Путевое хозяйство железнодорожных дирекций Донбасса делилось на дистанции пути (Bahnmeisterei) подобно советской системе управления путевого хозяйства. Во главе дистанции пути был начальник-немец. Например, службой пути и связи Артемовской дирекции руководил инспектор Дуленгер (по специальности он был связист). Руководитель дистанции пути занимался вопросами эксплуатации путей, строительством новых линий, состоянием всех жилищных, вокзальных и служебно-технических сооружений дирекции, а также устройствами сигнализации и связи. Рядом с шефом дистанции постоянно пребывал специальный шпион, который прослушивал все телефонные разговоры сотрудников дистанции³.

В отличие от советской системы к путевым дистанциям относились прилегающие шахтные и заводские подъездные пути. Дистанции пути разделялись на 2–3 первичные дистанции, которые в свою очередь состояли из 3–4 околотов. Управлял первичной дистанцией дорожный мастер (немец) одного из околотов, а его дублировал русский путеец. Околотки существовали в границах довоенного времени. Дорожный мастер-русский был исполнителем. Каждый околоток состоял из 3–4 путевых бригад по 10–30 человек каждая. Бригадами руководили русские бригадиры пути. Основной задачей путевых бригад была перешивка советских путей на западноевропейскую ширину и уход за состоянием пути железнодорожной сети дирекций. Также путевые бригады привлекались к погрузке и разгрузке материалов, уборке территорий и т.д. Мосты, как стратегические военные объекты, восстанавливали исключительно специальные немецкие военные части. Зимой для снегоуборки привлекалось местное население из прилегающих населенных пунктов, которое выгоняли принудительно полицейские отряды⁴.

В период оккупации с октября 1941 г. по июль 1942 г. восстановлением и эксплуатацией устройств связи и сигнализации занимались отдельные зондеркоманды. Им помогали советские местные железнодорожники-связисты. На станции Ясиноватая зондеркоманда состояла из 10 немцев и 25 русских связистов. При гражданской администрации до февраля 1943 г. сотрудники службы связи подчинялись шефу дистанции пути. После этого был создан отдельный аппарат управления дистанции связи. Всех подозрительных, интересующихся системой связи, нацисты арестовывали, а советские граждане, которые допускались к работе в сфере связи, были проверены шефом пути и гестапо⁵. Во время восстановления систем связи провода и оборудование гитлеровцы завозили из Германии, Австрии, Чехословакии и других подконтрольных им стран Европы. В начале 1943 г. был проложен кабель связи «Ясиноватая – Киев – Львов – Берлин» и «Ясиноватая – Сталино», параллельно была налажена телефонная связь Днепропетровском, Мариуполем, Славянском и Таганрогом, а также станциями, которые располагались на линиях между вышеуказанными узлами⁶.

Обслуживанием подвижного состава магистралей Донбасса занимались паровозная и вагонная службы. Во время оккупации вагонное хозяйство входило в состав паровозного. Руководили депо через переводчиков немцы, которые именовались шефами и имели дублера – советского начальника депо. Также в руководстве работали 2 мастера (немец и русский), которые руководили штатом работников депо в составе 40–50 человек (русские различных профессий). В депо работал также 1 вагонный мастер (немец) со штатом сотрудников 20–25 русских. Он подчинялся шефу депо⁷.

В отличие от советских депо, уход и ремонт паровозов выполняли не локомотивные бригады, а отдельный штат сотрудников и мойщиков локомотивов⁸. Ремонт паровозов производили в соответствии с заявками локомотивных бригад. В депо дирекций производился лишь текущий ремонт, а средний и капитальный – в Харькове (паровозы Артемовской дирекции⁹) и Днепропетровске (локомотивы Сталинской дирекции). Следует отметить, что запасными частями паровозные депо в период оккупации были обеспечены в полном объеме. Таким образом, шеф депо занимался организацией ремонта паровозов и вагонов, работой подвижного состава и экипировочным оборудованием.

Парк паровозов Сталинской дирекции состоял приблизительно из 400 единиц, что составляло около 1/10 локомотивного парка нацистов на оккупированной территории СССР. Основными депо были: Славянск (в феврале 1942 г. нацисты перенесли его в Константиновку вследствие угрозы налетов советской авиации), Иловайское, Ясиноватая-Запад и Ясиноватая-Восток, Красноармейское, Волноваха, Сталино и Мушкетово. Из-за выхода из строя значительной части паровозов

¹ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 441; там же. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 109, 112.

² Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 109.

³ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 108; Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 440.

⁴ Там же. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 105, 152.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 440.

⁶ Там же. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 79, 81.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 428.

⁸ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 143.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 433.

были созданы дополнительные депо в Харцызске и Енакиевом. Причиной такой ситуации была слишком жесткая вода, так как осенью 1941 г. части РККА при отступлении полностью уничтожили все водоумягчители. Поэтому гитлеровцам приходилось завозить в Донбасс дополнительно новые паровозы, полностью обновляя тяговый подвижной состав депо Красноармейское, Славянск и Иловыйское¹. Количество локомотивов, которые выходили из строя, исчислялись сотнями. Лишь в депо Красноармейское накопилось до 100 таких паровозов вследствие жесткости местной воды и небрежной эксплуатации зондеркомандами в течение ноября 1941 – мая 1942 гг. Уголь для немецких паровозов завозился из Силезии, так как они не могли работать на антраците. В итоге к сентябрю 1943 г. на складах Сталинской дирекции накопилось до 20000 т локомотивного топлива².

На линиях Сталинской дирекции работали мощные немецкие паровозы серий №52, а также №№55–58. Последние были схожи по техническим характеристикам с советским паровозом серии «Эх». Преобладающее большинство вышеуказанного подвижного состава было построено в г. Бреслау (ныне г. Вроцлав)³. Паровозы, которые эксплуатировались оккупантами на Северо-Донецкой магистрали, были легкого типа – преимущественно французские, польские и итальянские. Основными депо здесь были в то время: Дебальцево, Попасная, Ворошиловград, Старобельск, Купянск, Никитовка. На участке Харьков – Изюм работали харьковские локомотивные бригады. На территории Северо-Донецкой магистрали движение поездов осуществлялось лишь на 680 км пути. Главной была линия Харьков – Валуйки – Кондрашевская – Миллерово, по которой осуществлялось снабжение Сталинградской и Воронежской группировок вермахта⁴.

Обслуживали паровозы русские бригады (машинист и его помощник), которые остались на оккупированной территории, кроме мощных паровозов серии №52, которыми управляли лишь немецкие бригады. Эта серия паровозов обслуживала воинские перевозки. Поезда с войсками СС перевозили исключительно немецкие локомотивные бригады. На всех паровозах, которые вели состав, был машинист-немец, который исполнял роль контролера⁵.

Вагонный парк железных дорог региона состоял в основном из товарных двухосных крытых вагонов, высокобортных платформ и полувагонов с металлическим кузовом, грузоподъемностью 12–20 т, которые были привезены из Польши, Франции и Италии. Процент большегрузных вагонов был мизерным и состоял из советских четырехосных вагонов, которые были переоборудованы на колею стандарта 1435 мм⁶. Руководил ремонтом в пунктах технического осмотра старший вагонный мастер, ему подчинялись мастера пассажирских поездов, парка приема и т.д., бригадиры, осмотрщики, автоматчики. Качество ремонта было низким, так как на линиях Сталинской дирекции встречались вагоны из множества государств мира, однако запасных частей на этот подвижной состав зачастую не было, к тому же значительная часть ремонтных работ выполнялась вручную. В среднем ежедневно выпускалось по 4–5 вагонов из каждого депо или вагоноремонтного пункта (ВРП)⁷. Средний и капитальный ремонт вагонов дирекций Востока УССР и Юга РСФСР производился на заводах Нижнеднепровска, Харькова и Изюма⁸. Перепрессовка колесных пар советских вагонов на западноевропейскую колею производилась на металлургических заводах Макеевки, Мариуполя (имени Ильича), Нижнеднепровска и Кременчуга.

Охраной всех железнодорожных объектов и сооружений, грузов на станциях занималась транспортная полиция, которая состояла из немцев, поляков и русских. Она подчинялась железнодорожным комендантам – ауслайдерам (комиссарам). Охрана территорий важных узловых и распорядительных станций осуществлялась начальником железнодорожной полиции, в подчинении которого было приблизительно 40 человек (русских). Особенно важные искусственные сооружения и участки пути охранялись немецкими железнодорожными войсками. Для охраны менее значимых участков пути привлекали мужское население из местных административных органов (городских управ и старост), однако этим мужчинам оружие на руки не выдавалось. Охрана пути в границах Артемовской дирекции выполнялась днем и ночью немецкими патрулями и русской жандармерией (каждый патруль состоял из 1 немца и 1 русского). Патруль появлялся через каждые 1–2 часа. Хождение по путям станции посторонним лицам, особенно советским гражданам, запрещалось. Если на станции появлялись русские, то их расстреливали на месте⁹. Охрана путей в границах Сталинской дирекции была менее жесткой и осуществлялась немецкими патрулями и путевыми обходчиками лишь в дневное время. Участки обходов распространялись от одной станции до другой. Переезды охранялись русскими переездными сторожами, а в пунктах с интенсив-

¹ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 47.

² Там же. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 47, 72, 102, 137, 139, 141, 143.

³ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 137.

⁴ Мазило И. Железнодорожный транспорт Украины в период войны и первые послевоенные годы. Украина во Второй мировой войне: взгляд из XXI века. Исторические очерки. Ред. кол.: В.А. Смолий (глава редколлегии), А.Е. Лысенко (отв. ред.) и др. НАН Украины. К, 2011. С. 668.

⁵ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 138.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 434.

⁷ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 146.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 434; там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 145.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 428.

ным движением транспорта дополнительно дежурили немцы¹. В границах Артемовской дирекции сопровождением воинских поездов занимались команды в составе итальянских солдат и имели название «пионерский лагерь», которые подчинялись ауслайдеру.²

Невзирая на вышеуказанные мероприятия по охране железных дорог, значительный ущерб работе транспорта наносили местные партизаны и железнодорожники, которые занимались вредительством на рабочих местах. В оккупированном Донбассе действовали более 300 партизанских отрядов и групп, членами которых были тысячи человек³.

В течение оккупации Востока УССР и Юга РСФСР размеры движения на железнодорожных линиях региона составляли 2–10 пар поездов в сутки, из которых 50–60% составов были воинские эшелоны. Максимальная схема грузового поезда была 60 вагонов, однако зачастую поезда состояли из 30–40 вагонов⁴. Военно-снабжение эшелоны, которые направлялись к линии фронта, состояли из 15–20 вагонов. При этом перед разгрузкой состав разъединялся на группы по 2–3 вагона с интервалом по 50 м. Очевидно, что это производилось для избегания масштабных потерь грузов в случае бомбардировок советской авиацией или нападения партизан⁵.

Основным грузовым направлением был фронт, в обратном направлении осуществлялось движение порожняка, санитарных составов и эвакуационных поездов. В то же время со складов шахт Сталинской области оккупантами было вывезено в первой половине 1942 г. 500000 т угля. Во второй половине 1942 г. с Донбасса вывозился запас угля, который остался в Ворошиловградской области после отступления советских войск. Однако доля этих перевозок в вышеуказанный период была незначительной. Во время оккупации добыча угля на восстановленных шахтах была мизерной в сравнении с довоенным временем⁶. Лишь на отдельных шахтах вблизи станций Красноармейское, Гродовка, Бельгийский, Чумаково добывали по 400–600 т угля ежедневно. По железным дорогам и автотранспортом в Мариупольский порт нацисты вывозили оставшиеся запасы зерна общим объемом 3000 т. Также в Рейх из Донбасса поставлялась продукция и оборудование местных предприятий, которую не смогли эвакуировать либо уничтожить при отступлении части РККА. Например, с Енакиевского металлургического завода в Германию было вывезено 70000 т чугуна и другой продукции⁷. Вывоз оборудования и материалов в Рейх производился втайне от местных жителей. Немцы объясняли демонтаж станков необходимостью их ремонтировать, а рельсов – для строительства новых железных дорог в прифронтовой зоне и т.д. Погрузка таких составов производилась исключительно ночью⁸.

Регулярного пассажирского движения для перевозок гражданского населения не было. Существовали перевозки военнослужащих по отпускным и командировочным документам на основании которых бесплатно выдавались проездные билеты шефами станций. На станции Ясиноватая формировались соответствующие пассажирские поезда сообщением «Ясиноватая – Берлин» и «Ясиноватая – Славянск». В то же время по железным дорогам Востока УССР и Юга РСФСР перемещались почтовые составы из Ясиноватой и Авдеевки до сортировочно-пересыльного пункта Бердичев в составе 25–40 крытых товарных вагонов для перевозки литературы, писем и посылок⁹. Для перемещения в поездах железнодорожники получали пропуски от своих шефов. Местные жители могли ехать в пассажирском поезде исключительно при наличии специального пропуска от немецкой власти лишь за отметку особой выслуги или за большую взятку. Система взяток от гражданского населения была широко распространена среди немецких железнодорожников. Норма провоза багажа в поездах определялась размером взятки. Советское население, которое не имело соответствующих пропусков, перевозилось в товарных поездах с грузом, получая на это согласие главного кондуктора (немца), который получал за это взятку продуктами. Проверку документов на узлах, станциях и в поездах выполняли немецкие солдаты, а также русские полицаи, специально выделенные для этой цели. Всех подозрительных и лиц, которые не имели право на проезд, высаживали из поезда и направляли в немецкую комендатуру¹⁰. Таким образом, взятка не давала стопроцентной гарантии в том, что пассажир достигнет пункта назначения.

Также отметим, что во времена оккупации на Донбассе существовало пригородное сообщение. Для обеспечения доставки рабочих на предприятия из прилегающих населенных пунктов в районе Мариуполя курсировал трудовой поезд (6–7 рейсов/сутки) к металлургическим заводам имени Ильича и «Азовстали». Аналогичный поезд ходил из Ясиноватой на Макеевский металлургический завод. Отдельной категорией были перевозки работоспособного населения на работу в Германию. Массовый вывоз молодежи из региона начался в январе 1943 г. В основном угоняли

¹ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 151.

² Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 430.

³ Клименко К.Х., Алдакимов Д.К. Будем помнить донбасские перегоны. Донецк, 1992. С. 131.

⁴ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 135, 147.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 162. ЛЛ. 435–436.

⁶ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 159; там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 433; Костянтинівські вісті. 1942. 23 сентября.

⁷ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 159–160, 162, 170, 172.

⁸ Там же. Оп. 384. Д. 236. Л. 179.

⁹ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. Л. 134.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 162. Л. 435.

девушек. Набор рабочей силы производился через биржи труда из числа работоспособного населения, кроме сотрудников транспортной сферы. Маршрут таких составов пролегал через областные концентрационные лагеря и медицинские пропускники¹.

Во время отступления немецких войск генерал Э. фон Манштейн приказал превратить Донбасс в зону «выжженной земли». При этом сильно была повреждена железнодорожная инфраструктура региона². В частности на Запад вывозились рельсы, подвижной состав, разрушались мосты и земляные насыпи³. В целом на территории исследуемого региона были разрушены 8000 км путей, уничтожены 1500 мостов, 27 локомотивных и 38 вагонных депо и ВРП, 400 вокзалов и станционных зданий, более 250000 м² жилой площади. Общий ущерб от разрушительной деятельности оккупантов превышал 70% стоимости основных фондов железных дорог региона⁴. В денежном выражении разрушительная деятельность гитлеровцев для Северо-Донецкой магистрали составила 643537000 руб., а для Южно-Донецкой – 466517000 руб. Для сравнения, общая сумма ущерба, нанесенная всем железным дорогам СССР оккупантами, составляла более 10 млрд. руб.⁵

В итоге следует отметить, что в сравнении с советской системой управления и эксплуатации немецкая была несколько хуже, так как определенные отрасли железнодорожного хозяйства не имели четкой иерархической структуры управления, что негативно отразилось на работе оккупированных магистралей и системы перевозок.

Оккупантам вместе с местными железнодорожниками и населением удалось в течение осени 1941 – весны 1942 гг. восстановить главные линии Южно-Донецкой дороги. Сотрудничество с немецкой железнодорожной администрацией местных жителей, которые остались на оккупированной территории, было обусловлено угрозой жестоких наказаний со стороны нацистов в случае сопротивления, а также возможностью избежать депортации на работу в Германию при условии трудоустройства на местных железных дорогах.

Учитывая географическое положение обеих дирекций по отношению к линии фронта в 1943 г., следует отметить, что гитлеровцы успели вывезти значительно меньше материалов и оборудования с Артемовской дирекции, чем со Сталинской.

Библиография

- Клименко К.Х., Алдакимов Д.К. Будем помнить донбасские перегоны. Донецк: Донбас, 1992.
Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.). М.: Наука, 1981.
Конарев Н.С. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945. 2-е изд., доп. М.: Транспорт, 1987.
Кривонос П.Ф. Магистрали жизни. Киев: Политиздат Украины, 1986.
Мазило И. Железнодорожный транспорт Украины в период войны и первые послевоенные годы // Украина во Второй мировой войне: взгляд из XXI века. Исторические очерки. Ред. кол.: В.А. Смолий (глава редколлегии), А.Е. Лысенко (отв. ред.) и др. НАН Украины. Кн. 2. Киев: Наукова думка, 2011.
Павлов В.Е., Уздин М.М. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: (1917–1945 гг.). СПб.: ОАО «Иван Федоров», 1997.
Приклонский В.В. Стальные пути Донбасса. Донецк: Донбас, 1970.
Тишельский К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй Мировой войны. Выводы побежденных. М.: Полигон, 1998.
Piekalkiewicz J. Die Deutsche reichsbahn im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Dr. Cantz'sche Druckerei, 1998.

References

- Klimenko K.H., Aldakimov D.K. Budem pomnit' donbasskie peregony. Donetsk: Donbas, 1992.
Kovalev I.V. Transport v Velikoy Otechestvennoy voine (1941 – 1945gg.). M.: Nauka, 1981.
Konarev N.S. Zheleznodorozhniki v Velikoy Otechestvennoy voine 1941–1945. 2-e izd., dop. M.: Transport, 1987.
Krivonos P.F. Magistrali zhizni. Kiev: Politizdat Ukrainy, 1986.
Mazilo I. Zheleznodorozhnyy transport Ukrainy v period voyny i pervye poslevoennye gody // Ukraina vo Vtoroy mirovoy voine: vzglyad iz XXI veka. Istoricheskie ocherki. Red kol.: V.A. Smoliy (glava redkollegii), A.E. Ly-senko (otv. red.) i dr. NAN Ukrainy. Kn. 2. Kiev: Naukova dumka, 2011.
Pavlov V.E., Uzdin M.M. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuz. T. 2: (1917–1945 gg.). SPb.: OAO «Ivan Fedorov», 1997.
Piekalkiewicz J. Die Deutsche reichsbahn im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart: Dr. Cantz'sche Druckerei, 1998.
Priklonskiy V.V. Stal'nye puti Donbassa: Donetsk: Donbass, 1970.
Tippel'skirh K., Kessel'ring A., Guderian G. i dr. Itogi Vtoroy Mirovoy voyny. Vyvody pobezhdennyh. M.: Pol-igon, 1998.

¹ Там же. Оп. 384. Д. 236. ЛЛ. 167, 174, 188, 191.

² Кривонос П.Ф. Указ. соч. С. 154.

³ СА ДонЖД. Ф. 32. Оп. 384. Д. 236. Л. 167.

⁴ Приклонский В.В. Стальные пути Донбасса. Донецк, 1970. С. 209.

⁵ Мазило И. Указ. соч. С. 668.

УДК 94 (470.324) «1941/1945»

УЧАСТИЕ АВИАЦИИ В БЕЛГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (ПЕРВЫЙ ПЕРИОД, 3–11 АВГУСТА 1943 г.)

PARTICIPATION OF AIRFORCE IN THE BELGOROD-KHARKOV OFFENSIVE OPERATION (THE FIRST PERIOD, AUGUST, 3–11, 1943)

В.А. Шамрай
V.A. Shamray

*Воронежский государственный университет,
Россия, 394052, Воронеж, пер. Херсонский, д. 26.*

*Voronezh State University,
85 Hersonskiy per., Voronezh, 394052, Russia*

E-mail: iskra@hist.vsu.ru

Аннотация. В статье проанализированы боевые действия советской авиации, прежде всего 2-й воздушной армии Воронежского фронта, в Белгородско-Харьковской наступательной операции в августе 1943 г. Сделаны выводы о результатах и значении этих действий. Используя неопубликованные архивные источники, автор освещает борьбу советской и немецкой авиации за превосходство в воздухе в течение первого периода Белгородско-Харьковской операции. В статье рассматривается участие советской авиации в освобождении Белгорода.

Resume. The article is concerned with the analysis of air combat operations, first of all of the 2nd Air army of the Voronezh front, in the Belgorod-Kharkov offensive operation in August, 1943. The author has made conclusions about its results and significance. Using unpublished archival data the author brings to light struggle for air superiority of the Soviet and German aviation during the first period of the Belgorod-Kharkov operation. The article discusses also the participation of the Soviet aviation in the liberation of Belgorod.

Ключевые слова: авиация, Курская битва, Белгородско-Харьковская операция, Воронежский фронт, 2-я воздушная армия, 8-й немецкий авиакорпус.

Key words: aviation, Battle of Kursk, Belgorod-Kharkov operation, Voronezh front, 2nd Air army, 8th air corps of Germany.

Белгородско-Харьковская операция стала заключительным звеном в цепи событий решающей битвы на Курской дуге. Большую роль в достижении победы в операции «Полководец Румянцев» (3–23 августа 1943 г.) сыграла советская авиация, в первую очередь ВВС Воронежского и Степного фронтов, 2-я и 5-я воздушные армии.

Изучение действий авиации в советском августовском наступлении на Белгородско-Харьковском направлении началось еще в годы войны, в 1943 году, т.е. по горячим следам событий¹. В меньшей или большей степени этот вопрос частично и неполно освещался в общих работах по истории участия советской авиации в битве под Курском и в целом в Великой Отечественной войне². Участие авиации Воронежского фронта в операции «Румянцев» получило краткое и выборочное отражение и в книгах по истории Курской битвы и 2-й воздушной армии³. Но специальное научное изучение данной темы (в открытой печати) не получило дальнейшего серьезного развития. В последние годы ее исследование было продолжено в ряде монографий и статей автора⁴.

Данная работа посвящена боевым действиям авиации, в основном 2-й воздушной армии, в первый период Белгородско-Харьковской наступательной операции в августе 1943 г. Она подготовлена на основе преимущественно неопубликованных архивных документов ЦАМО РФ об участии войск и авиации Воронежского фронта в этой операции и новейших документальных публикаций о Курской битве.

¹ Чалик Е. Действия авиации в Белгородско-Харьковской наступательной операции // Вестник воздушного флота. М., 1943. № 17–18. С. 1–6.

² Тимохович И.В. Советская авиация в битве под Курском. М., 1959; Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1985.

³ Курская битва. М., 1970; Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М., 1970; От Воронежа до Берлина. Воронеж, 1986.

⁴ Шамрай В.А. Белгородско-Курская битва // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Уроки истории. Белгород, 2000. С. 106–109; Он же. 2-я воздушная армия в боях за перелом // Воронежский фронт: история, люди, победы. Воронеж, 2005. Гл. IV. С. 119–131; Его же. Крылья перелома: Монография. Воронеж, 2007; Шамрай В.А. Вторая воздушная армия в период подготовки Белгородско-Харьковской наступательной операции 1943 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 121–126.

В настоящем исследовании обоснована следующая авторская периодизация истории участия авиации Воронежского фронта, 2-й воздушной армии, в Белгородско-Харьковской операции в августе 1943 г. Ее можно разделить на два периода: 1) 3-11 августа и 2) 11-23 августа, в зависимости от целей, хода и результатов боевых действий войск и авиации Воронежского фронта в данной операции и противодействия им немецкой авиации.

Первый период характеризуется успешным развитием наступления советских войск западнее линии Белгород-Харьков и общим превосходством в воздухе 2-й воздушной армии. Для второго периода были характерны отражение мощных контрударов противника в районах Богодухова и Ахтырки и обострение борьбы в воздухе на заключительном этапе Курской битвы.

На первом этапе операции «Полководец Румянцев» в ходе Белгородско-Богодуховской наступательной операции при активном содействии авиации Воронежского фронта был совершен прорыв обороны противника в районе Белгорода и Томаровки, освобождены важные опорные пункты Белгород и Томаровка, Богодухов и Грайворон.

На втором этапе первого периода 2-я воздушная армия оказывала помощь наземным войскам фронта в развитии прорыва вширь и вглубь, в том числе в перехвате железной дороги Харьков – Полтава к югу от Богодухова и в наступлении на Ахтырку.

Соотношение сил на земле и в воздухе на юге Курской дуги к началу этой операции сложилось в пользу советских войск и ВВС. Только фронтовая авиация, 2-я и 5-я воздушные армии Воронежского и Степного фронтов, сосредоточили здесь по разным данным от 1300 до 1500 боевых самолетов, тогда как противостоявшие им авиасоединения (эскадры) 4-го воздушного флота Германии имели здесь от 530 до 590 самолетов¹. Таким образом, только советская фронтовая авиация в 2,5-3 раза превосходила авиацию противника по количеству боевых самолетов.

В то же время произошло кардинальное изменение боевого состава 2-й воздушной армии Воронежского фронта посредством обмена основными соединениями с 5-й воздушной армией Степного фронта. Три закаленные в июльской Белгородской битве боевые авиакорпуса 2-й ВА: 4-й иак, 1-й шак и 1-й бак «отошли в Степной фронт», а в состав авиации Воронежского фронта (2-й ВА) влились два других корпуса – 5-й шак и 10-й иак и 202-я бомбардировочная авиадивизия². Обмен был неравноценным, так как эти новые соединения не имели достаточной подготовки и боевого опыта.

В течение первого периода Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции, с 3 по 11 августа 1943 г., войсками Воронежского фронта при активной поддержке его авиации были осуществлены прорыв обороны противника западнее Белгорода, развитие прорыва на глубину западнее Харькова и перехват железной дороги Харьков – Полтава. В этот период были освобождены города Богодухов и Ахтырка, и ряд других крупных населенных пунктов, созданы «прямая угроза глубокого охвата» всей немецкой харьковской группировки – оперативной группы (фактически армии – В.Ш.) Кемпфа³ и условия для развития наступления на Полтаву. 5 августа с помощью войск и авиации Воронежского фронта соединения Степного фронта освободили город Белгород, а затем вышли на ближайшие подступы к Харькову.

В докладе представителя Ставки ВГК Г.К. Жукова Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину от 12 августа 1943 г. о результатах использования фронтовой авиации в первый период Белгородско-Харьковской операции была дана высокая оценка прежде всего боевым действиям авиации Воронежского фронта, т.е. 2-й воздушной армии С.А. Красовского.

В первом выводе доклада маршала Жукова указывалось: «1. Уничтожая противника на земле и в воздухе, наша авиация обеспечила успешный прорыв оборонительной полосы противника, прикрывала ввод в прорыв танковых армий и содействовала развитию их тактических успехов в оперативные. В дальнейшем, действуя по отходящим войскам и по подходящим оперативным резервам противника, авиация помогла наземным войскам разгромить противника на Богодуховском и Грайворонском направлениях и содействовала успешному продвижению 1-й и 5-й гвардейской танковых армий»⁴.

Поддержка с воздуха, непосредственная помощь авиации наземным войскам на поле боя была главной задачей советских ВВС в августе 1943 г. Второй задачей фронтовой авиации в ходе Белгородско-Харьковской операции являлась борьба за господство в воздухе над полем боя и прикрытие наземных войск от ударов авиации противника⁵.

Только на начальном этапе августовского наступления (за 6 дней с 3 по 8 августа), по данным заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова, авиация Воронежского и Степного фронтов произвела свыше 13 тысяч самолетовылетов, т.е. в среднем более 2 тысяч вылетов в сутки. До 8 тысяч из этого общего количества боевых вылетов 2-й и 5-й воздушных армий приходились на действия по уничтожению войск и техники противника. Следовательно, более половины (около 62 %) всех самолетовылетов, т.е. «основные усилия» авиации двух фронтов, наступавших на Белгородско-Харьковском направлении, в этот период были «сконцентрированы на поле боя, в интересах наземных войск». По неполным данным, за эти дни «было подбито и повреждено» около 120 танков, 1100 авто-

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 598; Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 80.

² ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 40. Л. 1.

³ Великая Отечественная война. 1941-1945. Воен.-ист. очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 283.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 81.

⁵ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 521.

машин, 260 орудий. Ударами с воздуха было взорвано 50 складов с горючим и боеприпасами, уничтожено до 100 вагонов с военными грузами и около 7 тысяч немецких солдат и офицеров¹.

Это подтверждают и данные немецких источников. 8 августа в «Дневнике боевых действий вермахта» (КТВ/ОКВ) было указано, что численно превосходящая силы люфтваффе в районе Харькова советская авиация «непрерывными боевыми вылетами поддерживала прежде всего наземные бои», атакуя немецкие войска и технику в главных очагах этих боев и прифронтовые железнодорожные станции².

Наряду с интенсивными действиями по уничтожению живой силы и техники противника на поле боя, фронтовая авиация вела активную борьбу за господство в воздухе. В результате, по тем же данным, 2-я и 5-я ВА провели только за первые шесть дней операции около 300 воздушных боев с авиацией 4-го воздушного флота Германии на Белгородско-Харьковском направлении, «сбив и подбив» около 400 самолетов противника (200 истребителей, 170 бомбардировщиков и 30 разведчиков)³.

Старинный русский город Белгород был освобожден войсками Степного фронта И.С. Конева, по его сведениям, «решительным штурмом» к 18 часам вечера 5 августа 1943 г. Активную поддержку наземным войскам оказывали летчики 5-й воздушной армии. За день они произвели 630 самолетовылетов «на бомбардирование и штурмовку» войск и техники противника, а в воздушных боях сбили 11 немецких самолетов. Люфтваффе смогли противопоставить этой воздушной активности только 350 самолетовылетов (в 1,8 раза меньше, чем 5-я ВА – В.Ш.).

В течение ночи на 6 августа было закончено «полное очищение города Белгорода» от остатков немецких войск. В период оккупации и в ходе боев противник безжалостно уничтожал старинный русский город, в котором почти не осталось жителей. Почти все общественные здания и жилые дома были разрушены. За свои преступления захватчики заплатили большими потерями, оставив на улицах освобожденного Белгорода «только одними убитыми до 3200 человек»⁴.

Прорыв советской пехоты в Белгород 5 августа 1943 г. непосредственно обеспечивали артиллерия и авиация Степного фронта. Самолеты 5-й воздушной армии С.К. Горюнова «непрерывно висели над позициями противника, засыпали их бомбами, расстреливали из пушек и пулеметов». В боях за Белгород особенно отличились 89-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии, удостоенные почетного наименования Белгородских⁵. Это же наименование было присвоено 23-му гвардейскому бомбардировочному авиаполку АДД майора Г.А. Шамраева. Большую активность в боях за освобождение города проявили и летчики 10-й гвардейской истребительной авиадивизии⁶.

В советский период, в 1980 г., город Белгород был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а в наши дни получил почетное звание РФ «Город воинской славы».

Освободив Белгород, войска Степного фронта при активном содействии авиации развивали наступление на юг, на Харьков и, выйдя 11 августа к внешнему оборонительному обводу противника на ближайших подступах к Харькову, «приступили к его прорыву». 1-я танковая армия Воронежского фронта 7 августа освободила Богодухов и, обойдя Харьков с запада, перерезала основную коммуникацию немецкой оперативной группы Кемпфа – дорогу Харьков – Полтава, угрожая полным окружением харьковской группировки противника, уже «охваченной с трех сторон»⁷.

Штаб ВВС Красной Армии справедливо отмечал, что действия советской авиации по переднему краю обороны противника в районах Белгорода и Томаровки в самом начале Белгородско-Харьковской операции носили «действительно массированный характер». Только за час светлого времени в начале второй половины первого дня наступления войск Воронежского фронта, 3 августа 1943 г., над полем боя на участке ввода танков 1-й танковой армии «перебывало 19 групп штурмовиков» 2-й воздушной армии. «Подавив противотанковую оборону» противника в этом районе, они обеспечили успешный ввод в бой ударной силы фронта⁸.

В первые дни операции, 3-4 августа, после обеспечения с воздуха прорыва переднего края и всей тактической обороны противника и ввода в прорыв 1-й ТА и 5-й гв. ТА М.Е. Катуква и П.А. Ротмистрова основная часть авиации 2-й ВА была направлена «на поддержку танковых армий»⁹. В последующие дни развития прорыва в оперативную глубину обороны противника авиация 2-й и 5-й ВА, по оценке маршала Жукова, продолжала тесно взаимодействовать с наземными войсками и обеспечивала с воздуха их продвижение вперед, «переноса центр тяжести своих усилий» на уничтожение отходящих колонн войск и автотранспорта противника. Содействуя наступлению на Белгородско-Харьковском направлении, 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта в это время (с 4 по 10 августа – В.Ш.) наносила удары по железнодорожным и автомобильным коммуникациям противника с целью срыва его перевозок к району Харькова из Донбасса¹⁰.

С этой целью только авиация 17-й ВА за неделю произвела 2884 самолетовылета. Хотя сорвать перегруппировку крупных сил танков и мотопехоты противника в район Харькова советской

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 80, 81.

² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (КТВ / ОКВ). Frankfurt a/M, 1963. Bd. 3. S. 915; Соловьев Б.Г. Битва на Огненной дуге. Белгород, 2003. С. 221, 222.

³ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 81.

⁴ Там же. С. 316, 317.

⁵ Соловьев Б.Г. Битва на Огненной дуге. Белгород, 2003. С. 203.

⁶ Соколов В.Д. В небе над Курской дугой. Воронеж, 1985. С. 172.

⁷ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. М., 2012. Т. 3. С. 572.

⁸ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 599.

⁹ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 600.

¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. М., 1997. Т. 15 (4-4). С. 80.

авиации в целом все же «не удалось», ее активные действия «существенно замедлили темпы сосредоточения» немецких контрударных группировок в районе Ахтырки и к югу от Богодухова¹. Только в результате ударов 17-й воздушной армии по резервам противника было повреждено и уничтожено 13 паровозов и 15 железнодорожных эшелонов и около 800 автомашин².

С 8 августа основные силы 2-й ВА были рассредоточены для поддержки наступления войск Воронежского фронта на двух направлениях – южнее Богодухова и в районе Ахтырки. Два авиакорпуса – 5-й шак и 10-й иак продолжали действовать на левом фланге фронта, прежде всего в интересах танковых армий. А 5-й иак и 291-я шад (а также 202-я бад – В.Ш.) действовали на Сумском и Ахтырском участках, обеспечивая наступление на правом крыле фронта³.

На первом этапе первого периода Белгородско-Харьковской операции (3-7 августа) авиация противника, значительно уступая в численности советской авиации, по оценке штаба ВВС Красной Армии, особой активности в воздухе «не проявляла». Но на втором этапе, с началом возвращения перебросенных на другие участки авиасоединений, с 8 августа она начала атаковать советские войска большими группами своих бомбардировщиков (до 60 самолетов в группе). Небольшими группами истребителей (по 6-8 самолетов ввиду малочисленности истребительной авиации) прикрывала немецкие войска и бомбардировщики на поле боя. Основное внимание в этот период уделялось району Богодухова⁴.

За первые пять дней августовского наступления Воронежского фронта 2-я воздушная армия произвела более 5,4 тысячи самолетовылетов (в среднем свыше одной тысячи вылетов в сутки), тогда как противостоящая ей авиационная группировка 8-го немецкого авиакорпуса выполнила только 1806 боевых вылетов в полосе фронта к западу от рубежа Белгород – Харьков. Следовательно, на первом этапе Белгородско-Харьковской операции авиация Воронежского фронта в 3 раза превзошла авиацию противника на его участке по общему количеству самолетовылетов – основному показателю воздушной активности⁵. При этом почти все вылеты 8-го немецкого авиакорпуса и более 80 % самолетовылетов 2-й воздушной армии были произведены в дневное время. Но даже по этому, более ограниченному, показателю интенсивности боевой работы, авиация 2-й ВА более чем в 2 раза превзошла 8-й авиакорпус противника по количеству самолетовылетов⁶.

В целом за первый период Белгородско-Харьковской операции общее соотношение самолетовылетов авиации обеих сторон в полосе Воронежского фронта также было в пользу советских ВВС. 2-я воздушная армия выполнила за эти девять дней (3-11 августа 1943 г.) 7690 боевых вылетов (из них 6262 днем). За это же время было отмечено только 3335 самолетовылетов 8-го немецкого авиакорпуса на данном участке фронта⁷.

На втором этапе августовского наступления войск Воронежского фронта, с 8 по 11 августа, его авиация (2-я ВА) попрежнему превосходила противника как по числу дневных вылетов (более чем в 1,2 раза), так и по общему количеству самолетовылетов (в 1,5 раза с учетом ночных вылетов).

Даже по неполным немецким данным (и новейшим оценкам отечественных исследователей) ударные авиасоединения 8-го авиакорпуса противника, например, 77-я эскадра пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс» (Ю-87Д – «штука»), понесли «достаточно чувствительные, по немецким меркам, потери». Только за первую неделю Белгородско-Харьковской операции (3-9 августа) эта эскадра потеряла 26 самолетов, из них 17 безвозвратно⁸. Даже без учета двух оставшихся дней первого периода (10-11 августа) потери этого авиасоединения противника превысили четверть его первоначального боевого состава (а безвозвратные потери составляли его седьмую часть).

Что касается советских потерь от действий немецкой авиации в первый период Белгородско-Харьковской операции, то, по данным Г.К. Жукова, только за первые 6 дней наступления, с 3 по 8 августа 1943 г., потери 2-й и 5-й ВА достигали «до 200 самолетов». В то же время противник потерял сбитыми и подбитыми «около 400 самолетов», в основном истребителей и бомбардировщиков⁹.

С 3 по 6 августа летчики 2-й ВА провели 69 воздушных боев и сбили 71 немецкий самолет, т.е. в среднем на один бой приходился один сбитый самолет противника. На втором этапе первого периода, с 8 по 11 августа, в 41 воздушном бою было сбито 47 немецких самолетов, т.е. в среднем примерно столько же, сколько и на начальном этапе операции¹⁰. Заполнив пробел за 7 августа средней расчетной цифрой в 15 сбитых за день немецких самолетов, получим примерное общее количество в 133 самолета противника, сбитых летчиками 2-й ВА за 9 дней первого периода операции.

Об уровне потерь в танках от ударов с воздуха можно судить по сведениям об уроне 5-й гв. танковой армии в этот период. С 3 по 10 августа 1943 г. она потеряла только подбитыми в результате действий немецкой авиации 24 средних танка Т-34 и 5 легких Т-70, т.е. всего 29 боевых машин (часть потерянных танков 5-й гв. ТА было сожжена ударами 8-го немецкого авиакорпуса)¹¹.

¹ Великая Отечественная война 1941-1945 годов. М., 2012. Т. 3. С. 572.

² ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 615.

³ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 600.

⁴ ЦАМО. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 1789. Л. 606, 607.

⁵ ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 40.

⁶ Горбач В. Над Огненной дугой. М., 2007. С. 495.

⁷ ЦАМО. Ф. 302. Оп. 4196. Д. 43.

⁸ Горбач В. Над Огненной дугой. М., 2007. С. 377.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. С. 81.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 495; ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 498; Курская битва. Хроника, факты, люди. М., 2003. Кн. 2.

¹¹ Горбач В. Над Огненной дугой. М., 2007. С. 432.

В первый период Белгородско-Харьковской операции с 3 по 11 августа 1943 г. авиация Воронежского фронта превзошла противника по количеству самолетовылетов более чем в 2 раза (и почти в 2 раза по числу только дневных вылетов). Такое значительное превосходство в активности 2-й воздушной армии над противостоявшей ей группировкой 8-го немецкого авиакорпуса обеспечивало советской фронтовой авиации оперативное господство в воздухе в полосе Воронежского фронта (к западу от Белгорода и Харькова) в течение всего первого периода августовского наступления.

По советским архивным данным и примерным подсчетам автора за эти 9 дней, с 3 по 11 августа, только летчики 2-й воздушной армии вывели из строя до 180 танков и сбили около 130 самолетов противника. Эти цифры (особенно по танкам), вероятно, значительно завышены. Но они свидетельствуют о значительных потерях немецких войск и авиации в результате активных боевых действий авиации Воронежского фронта в рассматриваемый период¹.

Библиография

- Великая Отечественная война. 1941-1945. Воен.-ист. очерки. В 4 кн. М.: Наука, 1998. Кн. 2.
Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. М.: Кучково поле, 2012. Т. 3.
Воронежский фронт: история, люди, победы. Под ред. А.М. Аббасова и В.А. Шамрая. Воронеж: ОАО «Центр. Чернозем. кн. изд-во», 2005.
Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Уроки истории. Белгород: Изд-во БелГУ, 2000.
Горбач В. Над Огненной дугой. Советская авиация в Курской битве. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
Кожевников М.Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941-1945. М.: Наука, 1985.
Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970.
Курская битва. М.: Наука, 1970.
От Воронежа до Берлина. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986.
Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 1968.
Соколов В.Д. В небе над Курской дугой. Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1985.
Соловьев Б.Г. Битва на Огненной дуге. Белгород: Изд. Фоминой Н.Б., 2003.
Тимохович И.В. Советская авиация в битве под Курском. М.: Воениздат, 1959.
Чалик Е. Действия авиации в Белгородско-Харьковской наступательной операции // Вестник воздушного флота. М., 1943. № 17-18. С. 1-6.
Шамрай В.А. Крылья перелома. 2-я воздушная армия в сражениях на Воронежском фронте в 1942-1943 гг.: Монография / В.А. Шамрай, А.Р. Полянин. Воронеж: изд-во Воронежского ВВАИУ, 2007.
Шамрай В.А. Вторая воздушная армия в период подготовки Белгородско-Харьковской наступательной операции 1943 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 1. С. 121-126.

References

- Chalik E. Dejstviya aviatsii v Belgorodsko-Xarkovskoj nastupatelnoj operatsii // Vestnik vozdushnogo flota. M., 1943. № 17-18. S. 1-6.
Gorbach v. Nad Ognennoj dugoj. Sovetskaya aviatsiya v Kurskoj bitve. M.: Yauza, Eksmo, 2007.
Koltunov G.A., Solovov B.G. Kurskaya bitva. M.: Voenizdat, 1970.
Kozhevnikov M.N. Komandovanie i shtab VVS Sovetskoj Armii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945. M.: Nauka, 1985.
Kurskaya bitva. M.: Nauka, 1970.
Ot Voronezha do Berlina. Voronezh: Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1986.
Shamraj V.A. Krylya pereloma. 2-ya vozdushnaya armiya v srazheniyax na Voronezhskom fronte v 1942-1943 gg.: Monografiya / V.A. Shamraj, A.R. Polyanin. Voronezh: izd-vo Voronezhskogo VVAIU, 2007.
Shamraj V.A. Vtoraya vozdushnaya armiya v period podgotovki Belgorodsko-Xarkovskoj nastupatelnoj operatsii 1943 g. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2014. № 1. S. 121-126.
Sokolov V.D. V nebe nad Kurskoj dugoj. Voronezh: Centr. Chernozem. kn. izd-vo, 1985.
Solovov B.G. Bitva na Ognennoj duge. Belgorod: Izd. Fominoj N.B., 2003.
Sovetskie Voenno-vozdushnye sily v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg. M.: Voenizdat, 1968.
Timoxovich I.V. Sovetskaya aviatsiya v bitve pod Kurskom. M.: Voenizdat, 1959.
Velikaya Otechestvennaya Vojna 1941-1945 gg.: Uroki istorii. Belgorod: Izd-vo BelGu, 2000.
Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 godov. V12 t. M.: Kuchkovo pole, 2012. T. 3.
Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941-1945. Voen.-ist. ocherki. V 4 kn. M.: Nauka, 1998. Kn. 2.
Voronezhskij front: istoriya, lyudi, pobedy. Pod red. A.M. Abbasova i V.A. Shamraya. Voronezh: ОАО «Centr. Chernozem. kn. izd-vo», 2005.

¹ ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 495.; ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 498.; Курская битва. Хроника, факты, люди. М., 2003. Кн. 2. С. 79-168; Горбач В. Над Огненной дугой. М., 2007. С. 380, 381.

УДК 332.83(091)(470.22)"196"

**ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ»:
НОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ)*****RESIDENTIAL CONSTRUCTION DURING THE «THAW YEARS»:
NOVELTIES AND CHALLENGES (THE CASE OF KARELIA)****Л.И. Вавулинская
L.I. Vavulinskaya***Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11**Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre,
11 Pushkinskaya St., Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russia**E-mail: ludvav@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируется сущность жилищной политики и направления ее реализации во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. В эти годы была осуществлена широкая программа жилищного строительства, апробирована новая форма привлечения инициативы населения к решению жилищного вопроса – жилищные кооперативы, возросло участие общественности в благоустройстве территорий, ремонте жилья. Отмечены особенности жилищного строительства в республике, показано, что осуществление широкой программы обеспечения населения жильем стало возможным благодаря укреплению строительных организаций, повышению технического и экономического уровня капитального строительства, развитию строительной индустрии, типового проектирования и стандартизации проектов, уменьшению средней стоимости жилья. Выявлены трудности в решении жилищной проблемы – низкое качество жилья, отставание строительства инженерно-коммунальных и социально-культурных объектов. В заключении статьи подчеркивается, что благодаря широкому жилищному строительству советское общество перешло к новому уровню потребностей, к новому образу жизни. Однако жилищная проблема к середине 1960-х гг. была далека от своего решения.

Resume. Relying on archival materials the paper analyzes the essence of the housing policy and the lines of its implementation in the second half of the 1950s – mid-1960s. In these years a large-scale residential construction programme was realized, a new form of stimulating public initiative in the solution of the housing problem (housing cooperatives) was tried out, people were getting more actively involved in facilitating public areas and house repair. Characteristic features of residential construction in the republic are highlighted, it is demonstrated that implementation of the large-scale housing programme was made possible due to capacity-building of construction companies, improvement of the technical and economic standards in major construction projects, advancements in the construction industry and design standardization, reduction of average housing prices. Problems in dealing with the housing issue were identified, such as poor housing quality, lagging behind of utility, social and cultural infrastructure. In conclusion it is stressed that owing to this large-scale residential construction the Soviet society advanced to a new level of demands, to a new life style. In the mid-1960s however it was still a long way to go in dealing with the housing issue.

Ключевые слова: жилищная политика, индустриализация строительства, жилищные кооперативы.

Key words: Housing policy, industrialization of residential construction, housing cooperatives.

Изучение вопросов государственной социальной политики является в настоящее время одним из наиболее актуальных направлений российской историографии. В числе аспектов данной проблемы, вызвавших в последние годы интерес отечественных и зарубежных историков и получивших новое освещение, – жилищная политика советского государства во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. Исследователи обращают особое внимание на изменение образа жизни и потребностей советского человека в связи с решением жилищных проблем¹, затрагивают проблему полномочий советских городских властей в осуществлении жилищного строительства², подчеркивают эффективность политики

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, тема "Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи", № 0225-2014-0012

¹ Горлов В.Н. Изменения жизненных ценностей советских людей при решении жилищной проблемы в 1950-е 1960-е годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 1. С. 55-62.

² Бурис Э. Полномочия советских городских властей: Жилье, контроль за миграцией и градостроительство в Риге (1955–1959 гг.). URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/bourhis_polnomochiia (20.01.2015).

обеспечения населения индивидуальным жильем¹, выдвигают идею о неразрывности практики жилищного строительства в период «оттепели» с осуществлением революционных обещаний в советской жизни², дают неоднозначную оценку проведенному в этот период жилищному строительству³.

Период второй половины 1950-х – середины 1960-х гг. в странах Западной Европы и США совпал со значительным ростом жизненного уровня населения и весомым расширением потребительского рынка. Начавшееся в эпоху политической «оттепели» соревнование социалистических и капиталистических государств в области научно-технического развития привело к усилению борьбы за лидерство в сфере благосостояния населения. Под влиянием международных тенденций в СССР также обозначился курс на повышение благосостояния народа⁴. Руководством страны была инициирована и стала реализовываться крупномасштабная программа жилищного строительства, апробирована новая форма привлечения инициативы населения к решению жилищного вопроса — жилищные кооперативы, что повлекло за собой перемены в общественном сознании, повысило социальную активность населения.

В статье ставится задача на основе новых архивных материалов проанализировать предпосылки развертывания массового жилищного строительства в Карелии в период «оттепели», выявить его проблемы и особенности, показать влияние изменившихся условий жизни на повышение социальной активности населения.

Со второй половины 1950-х гг. жилищный вопрос в СССР начал решаться на качественно новой основе. К этому времени были созданы необходимые условия для существенного повышения технического и экономического уровня капитального строительства. Второе Всесоюзное совещание строителей, проведенное в конце 1954 г., провозгласило курс на коренную индустриализацию строительства. Главным направлением в решении этой задачи было признано широкое внедрение сборных конструкций, в первую очередь, железобетонных. В это время в стране еще не было индустриальной базы, за исключением нескольких заводов по производству простейших элементов конструкций гражданского строительства⁵. Принятое 23 августа 1955 г. по материалам совещания постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» наметило курс на комплексную механизацию строительства, типизацию и унификацию сооружений, развитие строительной индустрии, широкое применение конструкций из сборного железобетона. Положительную роль в повышении технического уровня строительства, улучшении его качества и снижении стоимости сыграло введение с 1 января 1955 г. Строительных норм и правил (СНиП) — свода основных нормативных документов, обязательных для строительства⁶.

31 июля 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», предусматривавшее увеличение объемов жилищного строительства в два раза по сравнению с предыдущим пятилетием, повсеместный переход на строительство жилых домов с экономичными квартирами для посемейного заселения. Строго регламентировалась этажность зданий — 4–5 этажей, виды стройматериалов — бетон и шлакоблоки, высота потолков. Площадь двухкомнатной квартиры сократилась с 55–60 кв. м до 40–45 кв. м, а высота потолков — с 3–3,5 м до 2,2–2,5 м. Такая мера позволила уменьшить среднюю стоимость жилья на 30–35%⁷. Во всех городах появились районы «Новых Черемушек» — масштабной типовой застройки крупноблочными жилыми домами.

Значительно возросли объемы жилищного строительства за счет государства, расширились местные источники финансирования. Особенностью жилищного строительства в республике являлась высокая и относительно стабильная доля государственного строительства. Так, если в целом по РСФСР доля государственных и кооперативных организаций и учреждений в общем объеме сданного жилья в 1946–1960 гг. составляла в среднем 52,3%, то в Карелии — 85,5%⁸.

Для решения жилищной проблемы было применено уплотнение учреждений и организаций с использованием освобождаемой площади под жилье и детские учреждения. Постановление Совета Министров КАСР от 30 января 1957 г. обязывало председателей исполкомов РИКов и горсоветов рассмотреть и решить вопрос об уплотнении учреждений и организаций независимо от их ведомственной принадлежности, при этом исходить из того, что норма на каждого фактически работающего в учреждении сотрудника должна составлять не менее 4 кв. м.⁹

Важнейшим залогом успешного решения поставленных партией и правительством задач

¹ Харрасов Ф.Ф. Жилищная политика в БАССР и ее реализация в период 1953–1964 гг. // Вестник МГОУ. 2012. № 5. С. 110–114.

² Варга-Харрис. Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 160–166.

³ Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С. 239–241. URL: <http://teoria-practica.ru/-4-2010/istoriya/grigoreva.pdf> (16.07.2013); Афанасьева Л.В. Жилищные условия населения и политика государства в области их улучшения в 1940–1965 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. Ч. 2. С. 109–112.

⁴ Перцев В.А. О «псевдопотребительском» характере материального положения населения РСФСР в 1950–1980-е годы: штрихи к разработке концепции социального развития советского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 25–27.

⁵ Зворыкин Д.Н. Развитие строительного производства в СССР. М., 1987. С. 186.

⁶ Строительство в СССР. 1917–1967. М., 1967. С. 45.

⁷ История строительства в Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 82.

⁸ Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л., 1988. С. 166.

⁹ Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 21/126. Л. 214–215.

являлось укрепление строительной отрасли республики. К 1954 г. – через десять лет слияний и разъединений, упразднения одних контор и возникновения на их месте новых – в Карелии появилось весьма крупное и стабильно работающее строительное формирование – Главгорсельстрой (с августа 1956 г. – Карелгорсельстрой). Об усилении внимания к строительной отрасли свидетельствовал Указ Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 г. до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР) от 5 ноября 1955 г. об образовании Государственного комитета Совета Министров КФССР по делам строительства и архитектуры. При исполкомах городских советов (городов республиканского подчинения – Петрозаводска и Сортавалы) создавались отделы по делам строительства и архитектуры¹.

После перестройки в 1957 г. управления промышленностью и строительством по территориальному принципу были осуществлены мероприятия по развитию строительных организаций, базы стройиндустрии и промышленности строительных материалов как единого комплекса для каждого отдельного экономического административного района. Проводилась линия на укрупнение и специализацию предприятий и организаций, вовлечение местных сырьевых ресурсов. До 1958 г. на территории Карелии действовала 51 строительная организация, из них подрядных организаций, подчиненных совнархозу – 18, подрядных организаций министерств и ведомств СССР и РСФСР – 18, подрядных организаций Управления Карелгорсельстроя при Совете Министров КАССР – 15². В 1959–1960 гг. было проведено объединение мелких строительных организаций республики, позволившее сконцентрировать ранее разпыленные по различным ведомствам строительные кадры и технику, сократить сроки строительства. На базе общестроительных управлений № 2, 3 и 5 Карелгорсельстроя в 1960 г. был сформирован Петрозаводский строительно-монтажный трест Жилстройтрест.

За 1956–1960 гг. капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций в жилищное строительство в республике составили 615 млн. руб. – в 1,5 раза больше, чем в предыдущем пятилетии³. Жилой фонд Петрозаводска к началу 1960-х гг. возрос более чем в 7 раз по сравнению с 1944 г.⁴ В г. Кондопоге, где размах жилищного строительства был обусловлен крупномасштабными работами по реконструкции и расширению Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, объявленного в 1960 г. всесоюзной ударной комсомольской стройкой, за 1959 – 1965 гг. жилой фонд увеличился на 69 тыс. кв. м, 2 тыс. новоселов въехали в новые дома⁵. Были возведены несколько благоустроенных пятиэтажных общежитий. Однако жилой фонд по качеству и размещению не отвечал требованиям современного градостроительства, водопроводом и канализацией было оборудовано лишь около 30% всей жилой площади, каменные и кирпичные дома составляли немногим более 20% жилого фонда Кондопоги⁶.

Мощность строительных организаций республики оставалась недостаточной, а качество строительства – низким, отставала механизация строительных работ. В материалах обследования качества строительства и застройки Петрозаводска, осуществленного в марте 1959 г. главной инспекцией государственного архитектурно-строительного контроля Министерства коммунального хозяйства РСФСР, отмечалось, что государственное жилищное строительство разбросано по многочисленным площадкам: на 20 марта 1959 г. в Петрозаводске строился 141 жилой дом на 60 самостоятельных участках. В результате не выполнялось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г., предписывающее проводить в 1958–1960 гг. все новое жилищное строительство крупными массивами без сноса существующих домов. В 1958 г. из общего объема жилищного строительства 4–5-этажная застройка составила 20% вместо намеченных 60%. При строительстве 141 дома применялись 33 различных серии действовавших и устаревших типовых проектов и 3 индивидуальных проекта, что увеличивало сроки строительства, усложняло изготовление изделий для строительства. В 1960 г. в эксплуатацию в столице республики было принято только 30% всей введенной за год жилой площади. Строительство городских инженерных сооружений резко отставало от темпов жилищного и культурно-бытового строительства. Грубо нарушались санитарные нормы для водоохраных зон. В результате в Петрозаводске желудочно-кишечные заболевания на 1000 жителей в два раза превышали средние данные по городам РСФСР⁷.

Расширение базы строительной индустрии в 1950–60-е гг., ввод в эксплуатацию комбината строительных конструкций в Петрозаводске, предприятий по выпуску сборного железобетона в Сегеже и Питкяранте, реконструкция Соломенского и Сулажгорского кирпичных заводов позволили шире внедрять промышленные методы строительства, строить в середине 1960-х гг. ежегодно до 450 кв. м жилья. Жилстройтрест освоил возведение многоэтажных жилых зданий поточно-совмещенным методом, когда одновременно с монтажом стен и перекрытий осуществлялись сантехнические, электромонтажные и отделочные работы.

Быстрыми темпами развивалось типовое проектирование и возведение многоэтажных зданий из крупных блоков и панелей. До предела была доведена стандартизация проектов. Это способствовало удешевлению строительства и сокращению его сроков, хотя жилые дома отличались безликостью и однообразием однотипных зданий, упрощенной планировкой и минимальны-

¹ Там же. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 140/1235. Л. 402.

² Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 80/456. Л. 137.

³ Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск, 1985. С. 48.

⁴ Ленинская правда. 1961. 29 июня.

⁵ Новая Кондопога. 1988. 31 мая.

⁶ НА РК. Ф. Р-700. Оп. 22. Д. 492-а. Л. 59–60.

⁷ Там же. Ф. Р-2916. Оп. 1. Д. 22/208. Л. 118, 123, 145.

ми санитарными условиями. Планировка квартир не отвечала требованиям расселения семей различного состава, площади подсобных помещений были недостаточны и не позволяли использовать современное оборудование и бытовые приборы.

Так называемые «хрущёвки» призваны были в короткие сроки обеспечить каждую семью отдельной квартирой. Они, как правило, строились без каркаса, их стены не отвечали современным требованиям к теплозащите. Тем не менее вместо комнат в «коммуналках» люди стали получать отдельные квартиры с различными удобствами. Переезд в отдельную квартиру менял весь быт семьи. Появлялась возможность покупать мебель, бытовые приборы, создавать домашние библиотеки. В то же время в рабочих поселках и сельских поселениях условия быта существенно отличались от городских условий. Во многих поселках лесозаготовителей, особенно во вновь осваиваемых лесных районах, ощущалась большая нехватка жилья, более трети построек составляли каркасно-щитовые дома постройки 1950–1955 гг., непригодные к условиям суровой северной зимы, полностью отсутствовало благоустроенное жилье.

Характерной чертой строительства жилья в сельской местности республики являлся быстрый рост обобщественного жилого фонда. В 1959 г. в государственных и ведомственных домах проживало 46% сельского населения по сравнению с 17% в 1949 г. Основным видом жилья в лесных поселках стало ведомственное. В ведомственных домах и квартирах проживал 91% населения против 63% в 1949 г., доля же владельцев собственных домов уменьшилась с 24 до 9%¹.

Строительство индивидуальных домов во второй половине 1950-х гг. рассматривалось руководством республики как важное средство решения жилищной проблемы. В постановлении бюро Карельского обкома КПСС и Совета Министров КАССР «О развитии жилищного строительства в Карельской АССР» от 30 января 1958 г. отмечалось: «До сих пор не уделяется должного внимания индивидуальному жилищному строительству, в результате чего выделенные государством кредиты освоены всего на 53%...» и предлагалось усилить строительство жилых домов в колхозах силами колхозников и сельской интеллигенции; Карелпроекту разработать типовые проекты для индивидуальных застройщиков в городской и сельской местности².

За 1955–1956 гг. индивидуальными застройщиками в Петрозаводске было построено 365 жилых домов общей площадью 15 750 кв. м³. Коммунальный жилой фонд г. Олонца за 1957–1960 гг. вырос в 4 раза, было построено более 200 индивидуальных жилых домов⁴. В середине 1960-х гг. население Олонца имело высокую, сравнительно с другими городами республики, обеспеченность жильем (8,1 кв. м), но водопроводом, канализацией и центральным отоплением было оборудовано лишь 6% жилого фонда⁵. В целом по республике за счет собственных средств населения и с помощью государственного кредита в городах, поселках городского типа и в сельской местности в 1956–1960 гг. было построено 263,6 тыс. кв. м общей площади, то есть в два раза больше, чем в предшествующем пятилетии⁶. Однако после XXII съезда партии (1961 г.), провозгласившего курс на строительство коммунизма и борьбу с частнособственническими пережитками, ситуация изменилась и была прекращена выдача ссуд индивидуальным застройщикам⁷.

Подконтрольность всех сфер жизни и деятельности населения партийно-государственному аппарату приводила к тому, что в советском обществе культивировалась идея о ключевой роли государства в обеспечении дальнейшего социального развития. Государственные и партийные органы выступали в качестве гаранта постоянного роста материального благосостояния населения⁸. Однако несоответствие конкретных экономических условий для практической реализации выдвигавшихся лозунгов и призывов вызвало необходимость привлечения трудовых коллективов промышленных предприятий, организаций и учреждений к решению жилищной проблемы. В период «оттепели» впервые в советской истории получили большое распространение жилищные кооперативы. Эта форма реализации жилищной политики возникла в 1956–1958 гг. по примеру коллектива Горьковского автозавода. Суть ее заключалась в строительстве части домов инициативным способом, так называемым «методом народной стройки», силами будущих жильцов, объединенных в жилищные кооперативы. При этом следовало внести сумму, составлявшую 15–30% стоимости жилья, после чего, уже вселившись в квартиру, люди платили оставшуюся часть при фантастически низкой ставке в 0,5%⁹. Использование этой формы экономической самоорганизации населения способствовало решению проблем дефицита жилья в условиях советской плановой экономики¹⁰.

В 1960-е гг. в Петрозаводске появились первые жилищно-строительные кооперативы и кооперативные дома. ЖСК были организованы при Онежском тракторном заводе, Беломорско-Онежском пароходстве, Петрозаводском домостроительном комбинате, Петрозаводском отделении железной дороги и горжилуправлении. Государство предоставляло членам кооперативов кре-

¹ Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Указ. соч. С. 168.

² НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 48/284. Л. 53–61.

³ Там же. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 186. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. Р-3108. Оп. 1. Д. 152. Л. 36.

⁵ Там же. Ф. Р-700. Оп. 22. Д. 683. Л. 154.

⁶ Народное хозяйство Карельской АССР... С. 48.

⁷ НА РК. Ф. П-1230. Оп. 77. Д. 6. Л. 36.

⁸ Перцев В.А. Указ. соч. С. 26.

⁹ Григорьева А.Г. Указ. соч.

¹⁰ Харрасов Ф.Ф. Указ. соч. С. 112.

дит в размере 60% сметной стоимости строительства на срок 10–15 лет. Члены кооперативов непосредственно участвовали в строительстве в нерабочее время и ежемесячно выплачивали ссуду, расходуя немалую часть семейного бюджета.

За 1961–1965 гг. жилищно-строительной кооперацией в республике было введено в действие 12,4 тыс. кв м общей площади, а во второй половине 1960-х гг. – в 3 раза больше¹. Строительство кооперативного жилья позволило многим горожанам получить отдельные квартиры. Место их расположения в Петрозаводске городские острословы тут же окрестили «переулком миллионеров». Впрочем, уже тогда это прозвище возмущало многих горожан: ясно было, что от хорошей жизни люди не будут брать на себя долгосрочные финансовые обязательства. При строительстве кооперативных домов нередко возникали трудности в обеспечении всеми видами благоустройства. Руководители некоторых предприятий, как подчеркивалось в постановлении СНХ Карельского экономического административного района от 5 июля 1958 г., нарушали установленный порядок финансирования жилищного строительства, осуществляемого предприятиями собственными силами – используя на это строительство оборотные средства основной деятельности, фондируемые материалы в ущерб основному производству, направляли на жилищное строительство значительное количество рабочих основной деятельности. В документе эти случаи квалифицировались как грубое нарушение государственной дисциплины².

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в связи с курсом 21 и 22 съездов партии на развертывание коммунистического строительства к решению различных проблем общественной жизни, в том числе улучшения жилищных условий граждан, благоустройства территорий, активно привлекается общественность. На общественных работах по благоустройству Петрозаводска и пос. Соломенное горожане ежегодно работали от 240 до 300 человеко-часов³.

Среди разнообразных форм общественного самоуправления особо выделяются домовые, уличные и квартальные комитеты, возникшие еще в первые годы советской власти по месту жительства граждан. В 1963 г. в Карелии насчитывалось более 250 домовых и 300 уличных комитетов, объединявших более 5 тыс. человек. Рациональность этой формы определялась не только приближенностью к населению, но и тем, что она вовлекала в сферу общественной самодеятельности пенсионеров, детей, домашних хозяек, не занятых в общественном производстве. Сегодня трудно себе представить бескорыстный труд активистов-общественников, которые бесплатно, в свободное от основной работы время, занимались ремонтом жилья, благоустройством территории. При активном участии домовых и уличных комитетов только в 1963 г. в республике было посажено более 20 тыс. деревьев, 23 тыс. кустов, оборудовано 540 детских игровых площадок. При домоуправлениях на общественных началах действовали 19 красных уголков, 12 детских комнат, 2 детских клуба, 19 детских библиотек, были созданы футбольные и хоккейные команды⁴.

В целом же, несмотря на позитивный опыт, домкомы часто являлись формальным придатком жилищно-эксплуатационных служб, так как не обладали реальными полномочиями, достаточной материально-технической и финансовой базой, подготовленными кадрами. Домовые и уличные комитеты в наше время нашли свое продолжение в деятельности ТОСов – территориального общественного самоуправления, отстаивающего законные права и интересы жителей.

Труднее и медленнее шло улучшение коммунального хозяйства. Объем ежегодных капитальных вложений в эту сферу в середине 1960-х гг. даже в столице республики – г. Петрозаводске – не превышал 5% от капитальных вложений, выделенных на жилищное строительство⁵. Тем не менее были достигнуты определенные успехи в данной отрасли. За годы семилетки жилплощадь, оборудованная водопроводом, возросла в республике в 6,7 раза, канализацией – в 6,8 раза, центральным отоплением – в 6,5 раза. К началу 1965 г. 39% всей жилплощади в республике было оборудовано водопроводом и канализацией, 29% – центральным отоплением. Однако из 12 городов республики только в 7 имелось централизованное водоснабжение и в 6 городах – канализация⁶. В городах и рабочих поселках не хватало бань, прачечных, гостиниц.

С декабря 1959 г., когда в столице республики был организован трест «Горгаз», началась газификация квартир в Петрозаводске, а затем – в Кондопоге, Сегеже и других городах республики. К концу 1966 г. газом пользовались уже 100 тыс. жителей Карелии⁷. Осуществлялась работа по улучшению теплоснабжения городов, велось замощение и асфальтирование улиц и проспектов, разбивка новых парков и скверов, благоустройство дворов.

Однако в силу некомплексности строительства жилья, инженерно-коммунальных и социально-культурных объектов нередко новые жилые массивы оказывались не обеспеченными детскими садами, школами, торговыми центрами, учреждениями бытового обслуживания, предприятиями общественного питания, медицинскими и клубными учреждениями. В сельской местности до начала 1960-х гг. практически не была создана сеть предприятий обслуживания, и жители были

¹ Народное хозяйство Карельской АССР в XI пятилетке: Стат. сб. Петрозаводск, 1986. С. 51.

² НА РК. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 25/138. Л. 101–103.

³ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 319/1597. Л. 129.

⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 15. Д. 19.

⁵ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1147. Л. 96.

⁶ Там же. Ф. П-3. Оп. 17. Д. 128. Л. 101–103.

⁷ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1275. Л. 186.

вынуждены ехать за десятки и сотни километров в районные центры или Петрозаводск, чтобы сфотографироваться, починить бытовые приборы.

В годы «оттепели» за счет внедрения в строительное производство новых методов индустриального домостроения массовое жилищное строительство было переведено на промышленную основу, достигнуты значительные успехи в обеспечении населения отдельными квартирами. Советское общество перешло к новому уровню потребностей, к новому образу жизни. Однако жилищная проблема к середине 1960-х гг. была несколько смягчена, но далека от своего решения. Многие жители республики проживали в неблагоустроенных квартирах, четверть жилого фонда требовала капитального ремонта, особенно жилья, принадлежавшего ведомствам. Уровень обеспеченности жилого фонда и коммунальных удобств в республике значительно уступал многим другим районам страны.

Библиография

- Афанасьева Л.В. Жилищные условия населения и политика государства в области их улучшения в 1940–1965 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. Ч. 2. С. 109–112.
- Бурис Э. Э. Полномочия советских городских властей: Жилье, контроль за миграцией и градостроительство в Риге (1955–1959 гг.). URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/bourhis_polnomochiia (20.01.2015).
- Варга-Харрис. Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 160–166.
- Горлов В.Н. Изменения жизненных ценностей советских людей при решении жилищной проблемы в 1950-е – 1960-е годы. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2015. № 1. С. 55–62.
- Григорьева А.Г. Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 239–241. URL: <http://teoria-practica.ru/-4-2010/istoriya/grigoreva.pdf> (16.07.2013).
- Зворыкин Д.Н. Развитие строительного производства в СССР. М.: Стройиздат, 1987.
- История строительства в Карелии. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007.
- Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960 гг. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988.
- Народное хозяйство Карельской АССР: Стат. сб. Петрозаводск: Карелия, 1985.
- Народное хозяйство Карельской АССР в XI пятилетке: Стат. сб. Петрозаводск: Карелия, 1986.
- Перцев В.А. О «псевдопотребительском» характере материального положения населения РСФСР в 1950–1980-е годы: штрихи к разработке концепции социального развития советского общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. № 2. С. 25–27.
- Строительство в СССР. 1917–1967. М.: Стройиздат, 1967.
- Харрасов Ф.Ф. Жилищная политика в БАССР и ее реализация в период 1953–1964 гг. // Вестник МГОУ. № 5. С. 110–114.

References

- Afanas'eva L.V. Zhilishchnye usloviya naseleniya i politika gosudarstva v oblasti ikh uluchsheniya v 1940–1965 gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. No 5 (2). Pp. 109–112.
- Buris E. Polnomochiya sovetских gorodских vlastey: Zhil'e, kontrol' za migratsiei i gradostroitel'stvo v Rige (1955–1959 gg.) URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/shdp/bourhis_polnomochiia (20.01.2015).
- Gorlov V.N. Izmeneniya zhiznennykh tsennostey sovetских lyudey pri reshenii zhilishchnoy problemy v 1950-e – 1960-e gody // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Istoriya i politicheskije nauki. 2015. No 1. Pp. 55–62.
- Grigor'eva A.G. Reshenie zhilishchnoy problemy sovetских grazhdan v gody «ottepeli» // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2010. No 4. Pp. 239–241. URL: <http://teoria-practica.ru/-4-2010/istoriya/grigoreva.pdf> (16.07.2013).
- Istoriya stroitel'stva v Karelii. Petrozavodsk: PetroPress, 2007.
- Kharrasov F.F. Zhilishchnaya politika v BASSR i ee realizatsiya v period 1953–1964 gg. // Vestnik MGOU. No 5. Pp. 110–114.
- Klement'ev E.I., Kozhanov A.A. Sel'skaya sreda i naselenie Karelii. 1945–1960 gg. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki L.: Nauka, 1988.
- Narodnoe khozyaystvo Karel'skoy ASSR: Stat. sb. Petrozavodsk: Kareliya, 1985.
- Narodnoe khozyaystvo Karel'skoy ASSR v KhI pyatiletke: Stat. sb. Petrozavodsk: Kareliya, 1986.
- Pertsev V.A. O «psevdopotrebitel'skom» kharaktere material'nogo polozheniya naseleniya RSFSR v 1950–1980-e gody: shtrikhi k razrabotke kontseptsii sotsial'nogo razvitiya sovetского obshchestva // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2015. No 2. Pp. 25–27.
- Stroitel'stvo v SSSR. 1917–1967. M.: Stroyizdat, 1967.
- Varga-Kharris. Khrushchevka, kommunalka: sotsializm i povsednevnost' vo vremya «ottepeli» // Nov-eyshaya istoriya Rossii. 2011. No 1. Pp. 160–166.
- Zvorykin D.N. Razvitie stroitel'nogo proizvodstva v SSSR. M.: Stroyizdat, 1987.

УДК 94(41/99)

**ON THE SOURCES TO STUDY THE HOLOCAUST
(ON THE EXAMPLE OF BELGORODIA)****К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ ХОЛОКОСТА
(НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)****V.V. Vasilenko, M.I. Varfolomeeva
В.В. Василенко, М.И. Варфоломеева***Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**E-mail: varfolomeeva@bsu.edu.ru, vasilenko_v@bsu.edu.ru*

Аннотация. Холокост стал синонимом массовых убийств и геноцида в годы Второй мировой войны. Однако и в дальнейшем масштабное насилие сопровождало развитие человечества. Для того, чтобы выявить практики насилия времен войны, а также понять механизмы современного геноцида, безусловно, необходимо внимательное изучение различных аспектов Холокоста. Цель данной работы состоит в рассмотрении некоторых проблем, связанных с источниковой базой исследования Холокоста на оккупированной части Советского Союза на примере территории современной Белгородской области. Источниками для исследования послужили опубликованные документы и воспоминания, а также неопубликованные документы Государственного архива Белгородской области (ГАБО). Авторы приходят к выводу о том, что рассмотренные источники дают возможность получить некоторую информацию, однако вызывают и немало вопросов. При этом данные материалы демонстрируют некоторые аспекты специфики механизма Холокоста в регионе. Дальнейшее исследование Холокоста затрудняется фрагментарной источниковой базой.

Resume. The Holocaust became a synonym of mass killings and genocide in World War II, but this phenomenon did not disappear. It is impossible to understand the contemporary genocide without a thorough study of different aspects of the Holocaust. The objective of the paper is to consider some of the problems with the source base available in Russia in the study of the Holocaust on the example of Belgorodia. The primary sources include published documents, archival materials from the State Archive of the Belgorod Region (GABO), as well as reminiscences. The authors conclude that the existing evidence gives some answers, but provokes many more questions. Yet it demonstrates some peculiarities of the Holocaust mechanism in the region. The further study of this phenomenon is hampered by the scarce source base.

Ключевые слова: Холокост, евреи, территория Белгородской области, источники.
Key words: Holocaust, Jews, Belgorodia, sources.

The Holocaust became a synonym of mass killings and genocide in World War II, but this phenomenon did not disappear. It is impossible to understand the contemporary genocide without thorough study of different aspects of the Holocaust. Despite a big number of publications devoted to the German occupation regime on the USSR territory and the South of Russia in particular, there is little attention to the Holocaust. There are two major reasons for that: (1) The sufferings of the people on the occupied territory have been (and often are) considered to be a tragedy of the Soviet people without specifying different categories of population, including Jews. (2) A detailed study of the phenomenon of occupation could only start in recent years, as personal documents are being subject to a 75-year rule. The reason for this is clear – the occupation experience provides not only heroic patterns of behavior, and therefore might affect the lives of contemporary population. As a result, many documents are still classified. Consequently, the problem of Holocaust sometimes goes unnoticed.

The objective of the paper is to consider some of the problems with the source base available in Russia in the study of the Holocaust on the example of Belgorodia (with emphasis on the town of Belgorod and neighboring districts)¹. The primary sources include published documents, archival materials from the State Archive of the Belgorod Region (GABO)², as well as reminiscences.

¹ "Belgorodia" here means the territory of contemporary Belgorod Region: in the war years most of the region was a part of the Kursk Province, while a smaller area – of the Voronezh Province.

² We are grateful for valuable advice and the documents to the GABO director Pavel Subbotin, and the GABO archivists Elena Krivtsova and Natalia Matalova.

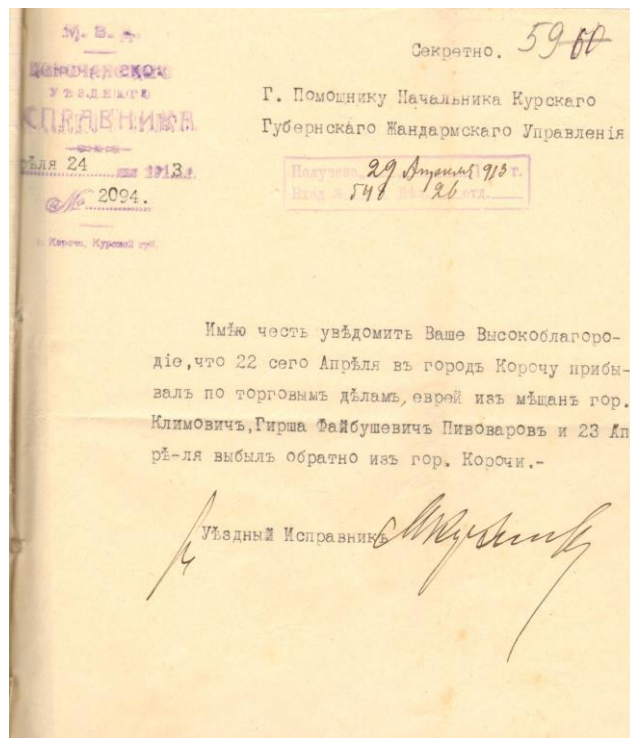
The Jewish population of Belgorodia originates primarily in the nineteenth century, though it was not considerable. It is not difficult to find out how many Jews lived there before World War I, as in the Russian empire the authorities took a note of every Jew, including those coming for a short stay (see documents 1 and 2).

Document 1

Document 2

Cover of the Folder Aide to the Chief of the Kursk Province Zhandarm Department in Belgorod, Graivoron, Korocha, Stary and Novy Oskol districts "About Jews in the Region under Surveillance". 1913-1914¹.

A report about one-day stay of a Jew from the town of Klimovich in the town of Korocha of the Belgorod district. April 24, 1913².

Thus, on the basis of the GABO materials³, it is possible to say definitely that there lived 240 Jews on the eve of the First World War in the bigger part of Belgorodia⁴. This is the last precise estimation in the twentieth century. Then came the Great War, and several occupations. The new, Soviet, regime did not specifically pay attention to Jews, while previous restrictions in the political and social life had been lifted.

According to the pre-war census of 1939, more than three mln. Jews lived in the USSR. At the same time they unevenly populated the territory of the Soviet Union – mostly due to the restrictions in times of the Russian Empire that prohibited Jewish settlement in most of Russia proper. As a result, Ukraine was the most Jewish-populated part of the USSR in 1939. The Soviet annexation of eastern Poland that followed soon added almost two mln. Jewish population⁵.

In the beginning of the Great Patriotic War in the late June 1941 there lived approximately 700 Jews in Belgorodia. The region was considered to be in the deep rear in the first months of the war. However, advances of the German army soon made it almost a frontline. These successful fascist offensives hampered the evacuation of civil population from the region. Belgorod was occupied already in the late October 1941, and the whole Belgorodia – by summer 1942. Belgorodia's Jewish population practically tripled because of war conditions – due to refugees, evacuees and then foreign Jews brought by occupiers.

¹ The State Archive of the Belgorod Region (henceforth – GABO). F. 101. Op. 1. D. 97.

² GABO. F. 101. Op. 1. D. 97. L. 59.

³ GABO. F. 101. Op. 1. D. 97.

⁴ One should note that these data are accurate for a part of contemporary Belgorodia, as on the eve of WWI the town of Belgorod was of lesser administrative significance and therefore less territory was perceived as Belgorodia.

⁵ Evrei SSSR nakanune voyny. Vostochnye i zapadnye territorii (The Jews of the USSR on the Eve of the War. Eastern and Western Territories). URL: www1.yadvashem.org

A view of Belgorod taken by a German pilot before occupation. 3 October 1941¹

As Juergen Foerster has argued, the German concept of the war in the East included the four components:

- 1) seizure of the territory for German colonization;
- 2) annihilation of the Jewish-Bolshevik ruling class, including its “biological basis”, that is, millions of Jews from Central and Eastern Europe;
- 3) extermination of the considerable Slavic population and governance of the rest with the help of Reichskommissars;
- 4) exploitation of the economic resources of occupied territories².

Adolf Hitler publicly declared in 1939 that the war in the East was not to comply with the rules of war conduct, but would be the one against ideology and its proponents. Here the Jews were the most significant, as they were associated with the “Jewish-Bolshevik intelligentsia” who ruled the country; their extermination was considered to be an indispensable precondition of “final extermination of Bolshevism”³.

These ideas were shared by Nazi Germany’s allies. For example, the Hungarian authorities who ruled on a part of the occupied Belgorodia together with Germans wrote in the newspaper *Woschod - Aufstieg* addressed to local population on 22 October 1942: “Due to the Hungarian and German armies who set you free from the Jewish-Bolshevik yoke you are granted a possibility to cultivate freely the land...”⁴.

The “new order” included *inter alia* strict rules of the local population registration. Village heads were to compile lists of population specifying loyalty of every person, if he/she local or evacuee (and from where), non-party or Communist (or Komsomol); every adult in bigger settlements were to be registered. The Jews were among the population categories that had to be arrested along with Communists, activists, candidates to the Communist party, and then partisans⁵. The arrest, though, often did not happen right away.

In the beginning the Soviet citizens of Jewish descent were subject to moral humiliation – as one of the Belgorodian survivors of the occupation has noted, the Nazis glued six-point stars to the Jews’ chests and spines⁶. All the Jewish apartments and enterprises usually received the signs “Jewish apartment” and “Jewish enterprise”⁷. Then there came a number of mass and individual killings. I.A. Altman, a renowned scholar of the Holocaust in the Soviet Union, has noted that the occupiers carried them out in 1942, that is, later than in neighboring regions⁸. According to some memoirs of the Belgorodians, a number of local Jews did not believe that Holocaust was possible, despite the information about it from refugees. For example, a dentist of Jewish origin, whose surname was Ripp, told Grigory Orel in reply to the

¹ Romanenko D.M. View of Belgorod in 1941. URL: <http://fotki.yandex.ru/users/dm-romanenko/view/359181/?page=0>

² Foerster J. *Vermacht protiv SSSR: voina na unichtozhenie* (The Wehrmacht against the Soviet Union: the War of Extermination). URL: <http://www.historicus.ru/534/>

³ Ibid.

⁴ *Okkupatsiya (Belgorodchina v oktyabre 1941 – avguste 1943). Dokumenty i materialy* (Occupation (Belgorodia in October 1941 – August 1943). Documents and Materials) / Authors-comp. A.N. Krupenkov, T.I. Utenina, L.B. Khromykh. Belgorod, 2010. P. 32.

⁵ Ibid. P. 9, 54.

⁶ *Okkupatsiya (Belgorodchina v oktyabre 1941 – avguste 1943). Dokumenty i materialy*.

⁷ Altman I.A. *Kholokost i evreiskoe soprotivlenie na okkupirovannoi territorii SSSR* (Holocaust and Jewish Resistance on the Occupied Territory of the USSR). Moscow, 2002. URL: http://jhist.org/shoa/hfond_100.htm

⁸ Ibid.

talk of the latter about German atrocities: "I graduated from the Leipzig German University. I know Germans as very civilized people".¹

It is difficult to give more or less exact population of the Jews who lived on the territory of Belgorodia in the occupation period, because:

- Many Jews were refugees and evacuees from other regions which had been occupied earlier, and quite a few of them did not have recognizable Jewish names².
- Occupiers brought some Jewish population from their home countries (as, for example, some 400 Hungarian Jews were exploited in the Stary Oskol district³).
- Last, but definitely not least – there remained practically no occupiers' documentation dealing with this matter left in the region, while the existing sources are often not accurate.

These are main complications when we try to reveal the number of the Holocaust victims in the region. Right after the final liberation of Belgorod in August 1943 the commissions on fascists' atrocities on its territory were set up. They did not have German documentation at hand and therefore collected information solely on the basis of the local population interviews, examinations of the places where crimes were committed, medical examinations, etc. The results of their work included lists of the people who had fallen victims of occupiers. These lists, available in the GABO collections, include the following ones: *Inhabitants of Belgorod driven away by the German-fascist occupiers in an unknown direction*, *List of Belgorod inhabitants burnt on the Reed factory in the period of Belgorod's occupation by German fiends*, *List of Belgorod inhabitants driven away into the German slavery during the first and the second occupations* (see documents 3 to 6).

One might conclude the following based on these documents:

1. According to the available memoirs of Belgorodians, most of the Jews were burnt on the Reed factory, and they were not necessarily from Belgorod: only a part of them were locals, others included refugees or evacuees⁴. This is confirmed by many Jewish surnames in the *List of Belgorod inhabitants burnt on the Reed factory...* (see document 3).
2. There are practically no matches between the list of Jews living in Belgorodia of 1913-1914 and the lists of victims of the occupiers of 1943, except, probably, two surnames – Yakubovich and Shekhter. However, it is impossible to say if these people were relatives.
3. There are Jewish surnames not only in the lists of the people exterminated by the Nazis and their allies, but also in the lists of those driven away (see documents 4, 5, 6).

Document 3

List of Belgorod inhabitants burnt on the Reed factory in the period of Belgorod's occupation by German fiends. 1943 (First page)⁵

О П И С О К			
Граждане города Белгорода, сожженных на Каминитовском заводе во время оккупации г. Белгорода немцами и их пособниками.			
1. ПЛОУЕВА Ольга	35 лет		
2. ПЛОУЕВА Екатерина	25 "		
3. ПЛОУЕВ К.И.	70 "		
4. ПЛОУЕВ А.И.	35 "		
5. ПЛОУЕВ Д.И.	72 "		
6. ПЛОУЕВ Казар	70 "		
7. ПЛОУЕВ ПАН	2 человека		
8. ПЛОУЕВ А.И.	32 лет		
9. ПЛОУЕВ семья	2 человека		
10. ПЛОУЕВ Валентина, 2 детей	50 лет		
11. ПЛОУЕВ И.И.	35 лет		
12. ПЛОУЕВ	35 лет		
13. ПЛОУЕВ Федор Иванович	1908	ул. Бедного 3	
14. САВИЙ Антон Михайлович	1908	ул. БКП/6	
15. БОРЗОВА Пелагея Михайловна	1905	директор Мелавола о. Петропавловск	ул. Октябрьская чл. БКП/6/С.В.В.
16. ГОЛЬ Св Павел Васильевич	1900	соед. Мелавола чл. БКП/6/	ул. Октябрьская
17. КАЛИНИЧЕНКО Евгений Федорович	1900	ул. БКП/6/	ул. Врановская / в склеп /
18. РАКИНА Екатерина Гавриловна	50 лет		ул. Народная
19. РАКИНА-И	50 лет		ул. Кирова 11
20. СИМАНОВ Г.И.	1903		Ново-Сосновский
21. МОГИЛЕВСКИЙ Лев Иванович	1915	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
22. КОЛУГА Николай	42	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
23. БОРЗОВА Лукерья	2 чел.		ул. Октябрьская
24. РАКИНА-И	2 чел.		ул. Октябрьская
25. РАКИНА Николай А.	1913	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
26. РАКИНА Кира Федоровна	1913	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
27. РАКИНА Иван Иванович	1907	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
28. РАКИНА Иван	1907	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
29. РАКИНА Екатерина Андреевна	1903	ул. БКП/6/	ул. Октябрьская
30. РАКИНА			ул. Октябрьская
31. РАКИНА			ул. Октябрьская
32. РАКИНА			ул. Октябрьская
33. РАКИНА			ул. Октябрьская
34. РАКИНА			ул. Октябрьская
35. РАКИНА			ул. Октябрьская
36. РАКИНА			ул. Октябрьская
37. РАКИНА			ул. Октябрьская
38. РАКИНА			ул. Октябрьская
39. РАКИНА			ул. Октябрьская
40. РАКИНА			ул. Октябрьская
41. РАКИНА			ул. Октябрьская
42. РАКИНА			ул. Октябрьская
43. РАКИНА			ул. Октябрьская
44. РАКИНА			ул. Октябрьская
45. РАКИНА			ул. Октябрьская
46. РАКИНА			ул. Октябрьская
47. РАКИНА			ул. Октябрьская
48. РАКИНА			ул. Октябрьская
49. РАКИНА			ул. Октябрьская
50. РАКИНА			ул. Октябрьская

¹ Belgorod v vospominaniyakh belgorodtsev (Belgorod in reminiscences of Belgorodians) / Comp. by A.N. Krupenkov. Belgorod, 2010. P. 332.

² Ibid. P. 205.

³ 1941-1945: vo imya zhizni (In the Name of Life). Stary Oskol, 2010. P. 72-76.

⁴ See, for example: Belgorod v vospominaniyakh belgorodtsev (Belgorod in reminiscences of Belgorodians). P. 205.

⁵ GABO. F. R-68. Op. 3. D. 1. L. 21.

List of inhabitants of Belgorod driven away by the German-fascist occupiers in an unknown direction (First page). 1943¹

Список.

№ п/п. Фамилия имя отчество Возраст Место рождения Дата выезда

№ п/п.	Фамилия	Имя	Отчество	Возраст	Место рождения	Дата выезда
1	Переценко	Алекс	Антонович	34	Харьков	02.06.43
2	Горб.	Лид	Михайловна	14	Харьков	"
3	Син	Юрий	"	10	"	"
4	Младенко	Мих	"	26	Харьков	02.06.43
5	Син	Мих	"	54	Харьков	"
6	Макарова	Мария	Михайловна	1905	Харьков	02.06.43
7	Син	Мих	Михайловна	1905	Харьков	02.06.43
8	Син	Мих	Михайловна	1924	Харьков	"
9	Син	Мих	Михайловна	1930	Харьков	"
10	Макарова	Мария	Михайловна	46	Харьков	02.06.43
11	Позднеев	Сергей	Сергеевич	47	Харьков	02.06.43
12	Ори	Василий	Васильевич	83	Харьков	"
13	Син	Мих	"	2	"	"
14	Син	Мих	"	55	Харьков	"
15	Син	Мих	"	40	Харьков	"
16	Син	Мих	"	30	Харьков	"
17	Син	Мих	"	25	Харьков	"
18	Син	Мих	"	8	Харьков	"
19	Син	Мих	"	40	Харьков	"
20	Син	Мих	"	57	Харьков	"
21	Син	Мих	"	55	Харьков	"
22	Син	Мих	"	65	Харьков	"
23	Син	Мих	"	1301	Харьков	"
24	Син	Мих	"	1870	Харьков	"
25	Син	Мих	"	1901	Харьков	"
26	Син	Мих	"	63	Харьков	"
27	Син	Мих	"	1912	Харьков	"
28	Син	Мих	"	1936	Харьков	"
29	Син	Мих	"	27	Харьков	"
30	Син	Мих	"	60	Харьков	"
31	Син	Мих	"	90	Харьков	"
32	Син	Мих	"	80	Харьков	"
33	Син	Мих	"	56	Харьков	"

List of inhabitants of Belgorod driven away by the German-fascist occupiers in an unknown direction. 1943. Nos. 1461-1463 the Zigers²

№ п/п. Фамилия имя отчество Возраст Место рождения Дата выезда

№ п/п.	Фамилия	Имя	Отчество	Возраст	Место рождения	Дата выезда
1	Кайсарова	Мария	Михайловна	28	Харьков	02.06.43
2	Кайсарова	Мария	"	5	"	"
3	Кайсарова	Мария	"	25	"	"
4	Кайсарова	Мария	"	40	"	"
5	Кайсарова	Мария	"	60	"	"
6	Кайсарова	Мария	"	70	"	"
7	Кайсарова	Мария	"	80	"	"
8	Кайсарова	Мария	"	90	"	"
9	Кайсарова	Мария	"	100	"	"
10	Кайсарова	Мария	"	110	"	"
11	Кайсарова	Мария	"	120	"	"
12	Кайсарова	Мария	"	130	"	"
13	Кайсарова	Мария	"	140	"	"
14	Кайсарова	Мария	"	150	"	"
15	Кайсарова	Мария	"	160	"	"
16	Кайсарова	Мария	"	170	"	"
17	Кайсарова	Мария	"	180	"	"
18	Кайсарова	Мария	"	190	"	"
19	Кайсарова	Мария	"	200	"	"
20	Кайсарова	Мария	"	210	"	"
21	Кайсарова	Мария	"	220	"	"
22	Кайсарова	Мария	"	230	"	"
23	Кайсарова	Мария	"	240	"	"
24	Кайсарова	Мария	"	250	"	"
25	Кайсарова	Мария	"	260	"	"
26	Кайсарова	Мария	"	270	"	"
27	Кайсарова	Мария	"	280	"	"
28	Кайсарова	Мария	"	290	"	"
29	Кайсарова	Мария	"	300	"	"
30	Кайсарова	Мария	"	310	"	"
31	Кайсарова	Мария	"	320	"	"
32	Кайсарова	Мария	"	330	"	"
33	Кайсарова	Мария	"	340	"	"
34	Кайсарова	Мария	"	350	"	"
35	Кайсарова	Мария	"	360	"	"
36	Кайсарова	Мария	"	370	"	"
37	Кайсарова	Мария	"	380	"	"
38	Кайсарова	Мария	"	390	"	"
39	Кайсарова	Мария	"	400	"	"
40	Кайсарова	Мария	"	410	"	"
41	Кайсарова	Мария	"	420	"	"
42	Кайсарова	Мария	"	430	"	"
43	Кайсарова	Мария	"	440	"	"
44	Кайсарова	Мария	"	450	"	"
45	Кайсарова	Мария	"	460	"	"
46	Кайсарова	Мария	"	470	"	"
47	Кайсарова	Мария	"	480	"	"
48	Кайсарова	Мария	"	490	"	"
49	Кайсарова	Мария	"	500	"	"
50	Кайсарова	Мария	"	510	"	"
51	Кайсарова	Мария	"	520	"	"
52	Кайсарова	Мария	"	530	"	"
53	Кайсарова	Мария	"	540	"	"
54	Кайсарова	Мария	"	550	"	"
55	Кайсарова	Мария	"	560	"	"
56	Кайсарова	Мария	"	570	"	"
57	Кайсарова	Мария	"	580	"	"
58	Кайсарова	Мария	"	590	"	"
59	Кайсарова	Мария	"	600	"	"
60	Кайсарова	Мария	"	610	"	"
61	Кайсарова	Мария	"	620	"	"
62	Кайсарова	Мария	"	630	"	"
63	Кайсарова	Мария	"	640	"	"
64	Кайсарова	Мария	"	650	"	"
65	Кайсарова	Мария	"	660	"	"
66	Кайсарова	Мария	"	670	"	"
67	Кайсарова	Мария	"	680	"	"
68	Кайсарова	Мария	"	690	"	"
69	Кайсарова	Мария	"	700	"	"
70	Кайсарова	Мария	"	710	"	"
71	Кайсарова	Мария	"	720	"	"
72	Кайсарова	Мария	"	730	"	"
73	Кайсарова	Мария	"	740	"	"
74	Кайсарова	Мария	"	750	"	"
75	Кайсарова	Мария	"	760	"	"
76	Кайсарова	Мария	"	770	"	"
77	Кайсарова	Мария	"	780	"	"
78	Кайсарова	Мария	"	790	"	"
79	Кайсарова	Мария	"	800	"	"
80	Кайсарова	Мария	"	810	"	"
81	Кайсарова	Мария	"	820	"	"
82	Кайсарова	Мария	"	830	"	"
83	Кайсарова	Мария	"	840	"	"
84	Кайсарова	Мария	"	850	"	"
85	Кайсарова	Мария	"	860	"	"
86	Кайсарова	Мария	"	870	"	"
87	Кайсарова	Мария	"	880	"	"
88	Кайсарова	Мария	"	890	"	"
89	Кайсарова	Мария	"	900	"	"
90	Кайсарова	Мария	"	910	"	"
91	Кайсарова	Мария	"	920	"	"
92	Кайсарова	Мария	"	930	"	"
93	Кайсарова	Мария	"	940	"	"
94	Кайсарова	Мария	"	950	"	"
95	Кайсарова	Мария	"	960	"	"
96	Кайсарова	Мария	"	970	"	"
97	Кайсарова	Мария	"	980	"	"
98	Кайсарова	Мария	"	990	"	"
99	Кайсарова	Мария	"	1000	"	"

It is well-known that the Jews were among the population categories to be exterminated first and most cruelly. Despite the widening source base, there are still many difficulties in estimating the scale of the Holocaust and in revealing the peculiarities of the German suppression mechanism – it is also the case concerning Belgorodia. The existing evidence gives some answers, but provokes many more questions. Yet it proves that the mechanism of the Holocaust in the region was complex, and it needs further study. One of the peculiarities of the Holocaust in the region is that most of its victims were Jews from other parts of the Soviet Union who tried to escape the deadly “new order” implanted by the Third Reich. An established approximate figure of the Holocaust victims in Belgorodia is 1750 Jews, mostly of non-local origin³. Meanwhile, this estimate does not include, for example, Hungarian Jews who died of diseases in the region. Some local Jews managed to escape occupation and therefore death due to the information about the Holocaust that came from western regions of the USSR, although the Nazi repressions were so horrendous that some Soviet nationals of Jewish origin could not believe into their possibility until the Nazis or their collaborators came to their homes.

¹ GABO. F. R-68. Op. 3. D. 1. L. 1.

² GABO. F. R-68. Op. 3. D. 1. L. 12.

³ See Altman I.A. Kholokost i evreiskoe soprotivlenie na okkupirovannoi territorii SSSR. URL: http://jhist.org/shoa/hfond_117.htm

List of Belgorod inhabitants driven away into the German slavery during the first and the second occupations (First page). Nos. 49-51 the Litmans¹

122 1942

О П И С О К

граждан города Белгорода, угнанных в немецкие лагеря при первой и второй оккупации.

1. ЕЛЮТОВА Анна	1927	- ул. Воробьевского № 39	39
2. САЗЕЛОВ Александр	1924	- "	39
3. ТИШЕНКО Александр	1924	- "	39
4. САНИН С.А.	1927	- "	41
5. РАСТОРЖЕВА	1927	- "	41
6. БАТЕНКО Мария	1928	- "	41
7. ИВАНКО Александр	1	- "	41
8. НАВОРОВА Мария	1924	- "	32
9. ДИДЬКОВА Валентина Павл.	1926	- ул. Овсенколовского - учащаяся	
10. АНТОНОВА Зинаида Ивановна	1924	- "	догост. Пронком- бината
11. БЕЛОРОВА Антонина Мих.	1922	- "	Раб. ледария
12. МАВРИКИНА Прима Федор.	1926	- "	ученица
13. ЧИЖЕ НИКОЛА Клавдия	1927	- "	"
14. БОГОВЕВА Валентина	Вал. 1926	- "	"
15. КРАВЕЦКО Клавдия Александр.	1927	- "	"
16. ПИКАНОВА Анна Григорьев.	1923	- "	Работн. Кинс
17. ВОСКОБРИТНИКОВ Николай Мих.	1912	- "	телеграфист
18. БУРЯКИНА Александра Заскл.	1908	- "	Раб. Котлосавод
19. БУРЯКИНА Зоя Павловна	1923	- "	учащаяся
20. РАКОВСКАЯ Анна Ивановна	1923	- "	Раб. Горнозав.
21. БОСОВА Тамара Савва.	1926	- "	учащаяся
22. БОСОВА	1926	- ул. Чанавова № 107	
23. ПИКОТОВА Людмила Никол.	1926	- "	№ 22 учащаяся
24. АТТАЛОВА	1926	- "	78
25. ТРОФИМОВА Александра Софий.	1924	- "	78 учащаяся
26. АНДРИКО Яковлев	1923	- "	28
27. КОСТИНА Валентина Степан.	1925	- "	26
28. БУРОВА Мария	1922	- "	32
29. ПИЛИПЕНКО Мария Артемов.	1922	- "	113 - официантка
30. КОРОТКОВА Клавдия	1926	- "	48
31. ПИЛИПЕНКО Прасковья Арт.	1923	- "	113 учащаяся
32. КОТОВА Валентин	1923	- "	48
33. БОСОВА Тамара Николаев.	1926	- "	101 учащаяся
34. БОСОВА Антонина	1922	- "	38
35. МАВРИКИНА Антонина Ив.	1925	- "	38 учащаяся
36. ЧИЖЕВА Мария Ивановна	1925	- "	71 учащаяся
37. БОСОВА Клавдия Михайл.	1922	- "	37
38. ПИКОТОВА Антонина Дмитр.	1923	- "	37 учащаяся
39. КОМАРОВА Мария Павлов.	1923	- "	34 учащаяся
40. ЛАВЧЕНКО Клавдия Никол.	1916	- "	68 продавец
41. ЗИМОВЕВ Михаил Александр.	1917	- "	28 слесарь
42. КОСОВИНА Г.И.	1927	- Успенская	3 учащаяся
43. ДИДЬКОВА Зинаида	1927	- "	1 учащаяся
44. БОСОВА Людмила Михайл.	1926	- Коммунальный	28 учащаяся
45. БЕЛОРОВА Мария Павлов.	1928	- "	28 догост.
46. КОМАКОВА Зоя	1924	- "	33 учащаяся
47. КОМАКОВА Зина	1926	- "	33 учащаяся
48. ПИКАНОВА Мария Михайловна	1924	- "	33 учащаяся
49. ПИКАНОВА Мария Михайловна	1924	- "	33 учащаяся
50. ПИКАНОВА Мария Михайловна	1924	- "	33 учащаяся
51. ПИКАНОВА Мария Михайловна	1924	- "	33 учащаяся

References

- Altman I.A. Kholokost i evreiskoe soprotivlenie na okkupirovannoi territorii SSSR. Moscow: The Kholokost Fond, 2002. URL: http://jhist.org/shoa/hfond_100.htm
- Belgorod v vospominaniyakh belgorodtsev / Comp. by A.N. Krupenkov. Belgorod: Konstanta, 2010.
- Evrei SSSR nakanune voiny. Vostochnye i zapadnye territorii. URL: www.yadvashem.org
- Foerster J. Vermacht protiv SSSR: voina na unichtozhenie. URL: <http://www.historicus.ru/534/>
- Okkupatsiya (Belgorodchina v oktyabre 1941 – avguste 1943). Dokumenty i materialy / Authors-comp. A.N. Krupenkov, T.I. Utenina, L.B. Khromykh. Belgorod: Konstanta, 2010.
- 1941-1945: vo imya zhizni. Stary Oskol: Upravlenie po korporativnym kommunikatsiyam OAO «OEMK», 2010.

¹ GABO. F. R-68. Op. 3. D. 1. L. 22.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323.285

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

USE OF THE POSSIBILITIES OF INTERNET COMMUNICATION BY RELIGIOUS TERRORIST ORGANIZATIONS: FEATURES OF MANIFESTATION AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

К.Г. Соколовский
K.G. Sokolovskiy

*Общественное объединение «Центр независимых исследований»
Казахстан, 010000, г. Астана, ул. М. Ауэзова, 13, Главпочтамт, аб. ящик 75*

*Public association «Independent Research Center»,
Main post office, p.o. box 75, Astana, 010000, Kazakhstan*

E-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com

Аннотация. Процессы глобальной информатизации привели к существенным трансформациям общества в XXI веке. Современный терроризм успешно использует новейшие технологические достижения человечества. Взятые на вооружение актуальные методики в области коммуникаций (социальные сети, SMM-работа, интернет-пропаганда и т.п.) позволяют в разы повышать узнаваемость экстремистских структур, бесконечно расширять свою аудиторию во всемирной сети, осуществлять интернет-вербовки сторонников вне зависимости от их местонахождения, наполнять выгодным контентом медийное поле. В статье рассматриваются особенности деятельности террористов в информационном пространстве (в том числе, в социальных сетях) и проблемы противодействия таковой.

Resume. Global information system development led to significant transformation of society in the 21-th century. Modern terrorism successfully uses the latest technological achievements of mankind. Up-to-date techniques in the field of communications (social media, SMM-work, Internet promotion, etc.) allow to increase the awareness of the extremist structures, infinitely expanding its audience in a worldwide network and carry Internet recruiting supporters, regardless of their location, fill media field with profitable content. The article discusses the features of terrorist activities in the information space (including social networks) and problems of counteraction it.

Ключевые слова: информационный терроризм, ДАИШ (ИГИЛ), интернет, медийное пространство, социальные сети, вербовка рекрутов, пропаганда, идеология экстремизма, молодёжь.

Key words: Informational terrorism, ISIS, Internet, media space, social network, enlisting recruits, propaganda, ideology of extremism, youth.

Актуальность проблемы противодействия терроризму, в том числе, в связи с последними терактами в Казахстане, Турции, Мали, Франции, Бельгии, гибелью самолёта российской авиакомпании «Когалымавиа» на Синае, не вызывает сомнений. Проблема эта, как известно, насчитывает сотни лет своей истории, однако только в последние десятилетия она переросла традиционные локальные рамки, став одной из глобальных угроз человечеству.

В тоже время необходимо понимать, что современный терроризм и терроризм конца XX века – это едва ли не два разных феномена: столь стремительна динамика его развития. Здесь имеется ввиду, прежде всего, беспрецедентный прогресс человечества в сфере коммуникаций, позволивший изменить методы вербовки сторонников, использовать принципиально новые подходы к работе в средствах массовой информации и социальных сетях, придать динамику ведущейся пропаганде, перенести акценты на нарочитую публичность (нередко театральность) акций, демонстрировать буквально каждому жителю планеты вне зависимости от географии его проживания ещё большую жестокость и массовость жертв.

Кроме того, нельзя не учитывать, что современная террористическая структура – это в первую очередь *организация*, имеющая свою вертикаль власти, иерархию, структурные подразделения, распределение обязанностей (например, выделяются такие специфические ещё вчера роли, как связи с общественностью, сбыт добытой преступным путём продукции, коммуникации и интернет-технологии, финансово-банковская деятельность и т.д.). Мы видим, что сегодняшний терроризм, переставая быть сугубо маргинальным явлением, рекрутирует всё большее количество узких специалистов. Полагаем, что можно с уверенностью говорить также и о его профессионализации.

Исследователи справедливо указывают, что «менеджмент международного терроризма стал всё больше внимания уделять работе с «образованной» частью населения, поиску и вербовке сторонников из числа инженеров, химиков, экономистов, специалистов-программистов и т.п., а руководители террористических группировок особое значение стали уделять техническому оснащению «боевых» групп» ¹.

Наконец, терроризм в новом столетии полностью перестал быть локальным явлением. Вне зависимости от того, где базируется та или иная террористическая группа, свои акции она способна совершать в любой точке земного шара. При этом, как показали последние события, чувствовать себя защищённым не может ни одно государство. Терроризм становится транснациональным феноменом, а террористические группировки, объединяясь, создают, например, подобно ДАИШ (ИГИЛ), свои квазигосударства – с армией, финансовой системой, судебной властью.

В этой связи терроризм превращается из просто уголовного преступления в значимый фактор международных отношений, в том числе в контексте его использования отдельными государствами при решении задач во внешней политике.

Глобальное развитие информационно-коммуникационных технологий позволило перенести акцент в освещении террористическими организациями своей деятельности на создание положительного образа и оправдании проводимых акций.

При всей очевидности формулы «терроризм не имеет ни национальности, ни религии», например, борьба за «чистоту ислама» и создание «халифата», оправдание насилия вероучительными канонами активно продвигаются террористами в медийном пространстве для легитимизации своей деятельности. В результате настойчиво закрепляется шаблон тождества ислама и терроризма. А.В. Резникова справедливо замечает, что «появление ваххабизма стало причиной того, что... ислам стал ассоциироваться с терроризмом, и термины «радикализм», «религиозный терроризм», «религиозный экстремизм» в массовом сознании стали звучать в контексте «исламского фактора» ².

Эту же мысль мы находим у видного исследователя проблем политического насилия В. Лакера (W. Laquer), который во введении к своей книге «Новый терроризм: фанатизм и оружие массового уничтожения» пишет, что «террор, мотивируемый религиозно-национальными побуждениями, не является исключительным достоянием мусульман. Он есть среди христиан, евреев, индусов, в других странах и группах, но для современного этапа он преимущественно распространен в странах, где ислам преобладает или сосуществует с другими религиями и традициями» ³.

Схожей позиции придерживается и профессор А.Я. Яхьяев, который в одной из своих работ, критикуя формирующийся стереотип, убедительно показывает, что «экстремистские метаморфозы» происходили в истории со всеми религиями, однако мы не можем из этого делать вывод об экстремистском начале в любых верованиях, поскольку они носят не системный характер, а, скорее, являются элементом их исторической эволюции» ⁴.

Маска одной из мировых религий и акцент на борьбе за справедливость как абстрактную категорию позволяет тому же ДАИШ не только активно присутствовать в интернет-СМИ и социальных сетях, ставших неотъемлемой частью жизни современного социума, но и формировать международные информационные тренды. С.В. Ваничкин показывает, что «осуществление «информационной части» агрессии ИГ против остального мира носит поистине голливудский размах. Это и появление роликов с казнями заложников, и пропаганда радикального ислама через интернет и демонстрация успехов ИГ и агрессивных намерений создания «всемирного халифата» на исламских территориях... Террористы очень тщательно занимаются всем, что связано с пропагандой движений, выпускают фильмы и журналы профессионального качества, подробно отчитываются о жизни халифата в соцсетях» ⁵.

Сказанное даёт им возможность решать двоякую задачу. С одной стороны, максимально широко сообщать о мнимых и реальных успехах террористической деятельности. С другой - через Интернет осуществляется пропаганда и вербовка новых членов, формируется «зона терпимости» к своей деятельности, расширяется круг сочувствующих.

¹ Грачёв С.И., Азимов Р.А. Терроризм и антитерроризм в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 11. С.135.

² Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма: Роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2005. С.6.

³ Laquer W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y., 1999. P.12.

⁴ Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. 2015. №2. С.64.

⁵ Ваничкин С.В. Чем опасно «Исламское государство» для России? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2015. №19 (216). Выпуск 36. С. 168.

Успеху пропаганды в Интернете и её активному использованию террористами способствуют возможность пользователей контактировать друг с другом вне географических границ, высокий уровень скорости обмена информацией. К тому же, этика интернет-общения позволяет знакомиться с людьми и быстро переводить случайно завязавшееся на форумах, в группах по интересам и др. общение в доверительные отношения с виртуальным партнёром. Подобное развитие ситуации в реальной, а не виртуальной жизни, как мы понимаем, маловероятно. Формат же интернет-диалога позволяет легко завязывать дискуссии, обмен мнениями, в том числе на религиозную тему, в процессе которых происходит как популяризация идеологии терроризма, так и вербовка сторонников.

Социальные сети дают возможность осуществлять не только точечное воздействие, но и проводить безадресную работу (например, делать рассылки по заданной тематике в том или ином сообществе). Исследования В.Ю. Гладышева-Лядова демонстрируют использование террористами «зоны открытости» персональных страниц, предполагающей добровольную публикацию пользователем сведений о себе, которые становятся основой для выстраивания диалога: «Ввиду того, что в социальных сетях часто указывается личная информация, возможно целенаправленное распространение материалов, ... например, для определённой возрастной группы пользователей для оказания максимального на них влияния... Возрастной состав любой группы, пропагандирующей религиозный фундаментализм... невысок, более половины составляет молодёжь до 18 лет, что и представляет благодатную почву для продвижения идей религиозного экстремизма из-за внушаемости»¹.

При этом пропаганда в социальных сетях и интернет-СМИ ведётся не только с учётом возраста объектов вербовки, учитывается также и региональный контекст. Так, в ходе конференции стран Центральной и Южной Азии по противодействию насильственному экстремизму директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (КИСИ) Е.Т. Карин заявил, что в казахстанском сегменте сети Интернет ДАИШ продвигаются материалы, ориентированные конкретно на казахстанского пользователя. Главная их цель – склонение граждан Казахстана к радикализации и выезду в Сирию для участия в боевых действиях названной организации².

Как указывалось выше, в пропагандистском арсенале террористов наличествует достаточно широкий спектр месседжей: от необходимости борьбы за «чистоту ислама» до аргументов, ориентированных на верующих иных конфессий, атеистов. Постоянная информационная работа, а также целенаправленная романтизация терроризма позволяют интернет-вербовщикам быть эффективнее официальной контрпропаганды.

Небезынтересно, например, что по результатам специально проведённого исследования Госдепартамент США признал, что предпринимаемые против ДАИШ меры в социальных сетях малорезультативны, и эта работа должна быть полностью пересмотрена. Террористы, признаёт помощник госсекретаря США Р. Стенгел, оказались более мобильны и креативны на информационном поле, они учатся на ошибках, готовятся и приспосабливаются к войне³.

Определённую роль в популяризации терроризма играют средства массовой информации. Известно приписываемое М.Тэтчер высказывание о том, что освещение СМИ это – кислород террористов⁴. Ориентируясь в подаче публикуемых материалов на сенсационность, критикуя якобы неэффективные государственные меры, они тем самым фактически предоставляют боевикам каналы масс-медиа и пропагандируют их точку зрения на события.

Например, практически все подготовленные ДАИШ и выложенные на портале «YouTube» ролики с участием выходцев из Казахстана становились предметом активного обсуждения в отечественных средствах массовой информации. При этом интернет-СМИ, мотивируя свои действия необходимостью «информирования общественности», публиковали гиперссылки на указанные материалы, в разы расширяя их аудиторию.

В эпоху масс-медиа, как полагает Н.В. Синцов, «представители СМИ не просто информируют нас о происходящем, но и формулируют базовые определения, подсказывают выводы, задавая рамки толкования того или иного события»⁵. В результате нередко такое освещение темы терроризма становится каналом трансляции его идей, сеет в обществе панические настроения, негативно влияет на предпринимаемые в этом направлении государством меры, становясь катализатором саморадикализации граждан.

В тоже время аудитория, на которую оказывается медиа-воздействие, в большинстве своём не способна дать адекватную оценку продвигаемой информации. Причина этому в низком уровне религиозной грамотности населения, особенно молодёжи, а также массированности проводимых

¹ Гладышев-Лядов В.Ю. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. 2013. №2. С.30.

² Цит. по: Каукунова С. С ИГИЛ нужно воевать и в соцсетях // Интернет-журнал «Власть». Астана, 2012-2016. URL: <http://vlast.kz/novosti/11787-s-igil-nuzno-voevat-i-v-socsetah-politolog.html>.

³ Miller G. Panel casts doubt on U.S. propaganda efforts against ISIS // The Washington Post. Washington, 1996-2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/panel-casts-doubt-on-us-propaganda-efforts-against-isis/2015/12/02/ab7f9a14-9851-11e5-94f0-gecaff906ef3_story.html.

⁴ Цит. по: Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М., 1999. С.58.

⁵ Синцов Н.В. Идеологи и жертвы ваххабитского религиозно-политического экстремизма // Военно-промышленный курьер. 2013. 24 июля. №28 (496).

информационных атак. По данным КИСИ (на 2015 год), «мы сталкиваемся с массовой информационной экспансией... В прошлом году в январе в «Твиттере» насчитывалось около 300 аккаунтов сторонников ДАИШ. К июню их число было около 800, а к сентябрю количество достигло 4 тысяч. Мы видим, как быстро появляются новые ресурсы. Еще есть «ВКонтакте», «Одноклассники», где также полно радикального контента... Недостаточно бомбить позиции «ИГИЛ» в Сирии и Ираке. Надо «бомбить» их позиции и в Твиттере, «ВКонтакте» и так далее, потому что именно там разворачивается основная пропагандистская работа»¹.

Показательны в этом плане результаты исследования, проведенного казахстанским Центром социально-политических исследований «Стратегия» среди осужденных в Казахстане по статье «Терроризм» (январь 2015 года). Выяснилось, например, отсутствие у них четкой религиозной идентификации: на вопрос о том, как называется их течение, подавляющее большинство участников интервью отвечало уклончиво, отмечая лишь то, что они являются мусульманами. При этом они избегали таких понятий, как «салафизм» или «ваххабизм», оперируя чаще всего более широким определением «читаю по сунне» (по сути, ключевой признак салафизма). Становится очевидным, что предпочтение нетрадиционного ислама для них не было осознанным выбором, а лишь результатом случайной встречи с проповедником нетрадиционного течения².

При этом, по мнению экспертов, ситуация усугубляется тем, что на фоне лишь базовых религиозных знаний неопитов и популярности Интернета как источника доступной и изложенной простым языком информации об исламе, в Казахстане наблюдается критический дефицит квалифицированных имамов, особенно способных вести проповедь на русском языке (основной язык общения населения центральных и северных регионов страны)³.

Отметим здесь, что ведущаяся представителями нетрадиционного ислама в Казахстане активная миссионерская деятельность становится причиной активного выезда молодежи за рубеж на учёбу в теологические учебные заведения - в Египет, Саудовскую Аравию, Пакистан. Вузы в этих странах, как правило, не требуют высоких оценок в аттестатах зрелости, результатов ЕНТ (ЕГЭ), а по конкурсу проходят большинство желающих. Однако и обучение ведётся салафитскому и другим нетрадиционным для постсоветских стран прочтениям ислама. Абитуриенты поступают в обход установленных Духовным управлением мусульман Казахстана правил, в результате чего выданные названными институтами документы ни официальным духовенством, ни государственными органами не признаются, а их обладатели не допускаются к служению, пополняя ряды самочинных проповедников.

Специалисты также отмечают, что слабая подготовка основной массы официального духовенства, к сожалению, пока не позволяет на уровне дискутировать с миссионерами нетрадиционного ислама.

Недостаток элементарных религиозоведческих знаний, а также хотя бы начального понимания религиозных канонов заставляет молодежь обращаться в Интернет, где она становится жертвой сетевых вербовщиков. Директор кыргызского аналитического центра «Религия, право и политика» К.К. Маликов ёмко назвал ДАИШ «проектом-вирусом»⁴, подчёркивая способность его идеологии к высокой динамике распространения, экстенсивному захвату умов новых адептов, а также сложность борьбы с ней. Особенно это касается социальных сетей, которым современными террористическими организациями уделяется большое внимание: именно они становятся одним из ключевых механизмов рекрутирования новых членов, в том числе из традиционно немусульманских стран.

Из проведенного репортёрами «The Washington Post» Г. Миллером и С. Мегхеннетом журналистского расследования особенностей организации пропаганды ДАИШ мы узнаём, что в её информационном подразделении, руководство которого носит звание «эмиров», на современном оборудовании работает около ста человек. Сотрудникам информационной службы, как правило, бывшим работникам СМИ, платят в семь раз больше, чем рядовым бойцам, предоставляют дом и машину.

«ИГ держит под жестким контролем информационный поток: у каждого нового «гражданина» сразу же отбирают все камеры, чтобы не дать просочиться ни одному неразрешенному снимку... Одна из многих устроенных казней на самом деле была поставлена снимавшей ее группой. Палач несколько раз поднимал и опускал саблю, чтобы оператор смог заснять это с нескольких углов. Жертву обезглавили только тогда, когда режиссер дал на это добро... По словам свидетеля, одной

¹ Цит. по: Ерлан Карин призвал «бомбить» позиции ДАИШ в интернете // Сайт Информационного агентства «Новости-Казахстан». Астана, 2015. URL: <http://newskaz.ru/society/20150629/8947535.html>

² Эволюция исламизма в Казахстане: от обычного верующего до террориста. Аналитический доклад по результатам социологического исследования // Официальный сайт Центра социальных и политических исследований «Стратегия». Алматы, 2014-2015. С. 6.

URL: http://www.ofstrategy.kz/images/%D0%9F%D1%83%D1%82%D1%8C_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%Bo.pdf.

³ Кабульдинов З.Е. В Казахстане дефицит русскоязычных имамов // Курсив. 2015. 16 января.

⁴ Машаев А. Полуспящий террор. Интервью с К. Маликовым // Официальный сайт казахстанского издания журнала «Эксперт». Алматы, 2012-2015. URL: <http://expertonline.kz/a14083>.

из его задач было снимать трупы солдат ИГ на поле боя. Он приподнимал уголки их рта, чтобы изобразить улыбку, и направлял их пальцы к небу, как часто делают боевики»¹.

Проведённые казахстанскими религиоведами исследования показали, что для большинства из выезжавших в зону боевых действий «спусковым крючком» стали именно видеоролики о буднях «братьев мусульман», а также беседы с интернет-миссионерами, знакомство с которыми состоялось случайно и фактически было навязано.

Сама технология интернет-вербовки террористами отработана и базируется на распределении ролей контактеров, а также использовании современных методик психологии, приёмов маркетинга. Сегодня понятно, например, что вполне легальные и широко применяющиеся механизмы продвижения любого товара в сети вполне сопоставимы с «продажей» вероучительных истин, внедрении той или иной идеи (от создания, казалось бы, безобидных постоянных информационных потоков до краудфондинга и иных специфических технологических приёмов работы с общественным мнением).

Непреложная истина О. Бальзака: идеи могут быть обезврежены только идеями. Думается, у современных террористических организаций (речь главным образом идёт о ДАИШ) есть главное, что привлекает потенциальных рекрутов – это простая, понятная на уровне интуиции идеология, эксплуатирующая стремление к справедливости. Её остаётся лишь транслировать, используя доступные средства – от устной проповеди до видеороликов и точечной работы в социальных сетях. Проблема здесь, думается, в том, что альтернативу этой идеологии конкретному человеку, с которым виртуально работают террористы, чаще всего разочарованному в своей жизни, укладе общества, с кризисом веры и миропонимания, как правило, жертвой системной несправедливости (на бытовом, семейном, государственном уровне – не принципиально) представить крайне затруднительно. Здесь у вербовщиков террористических организаций несомненное преимущество.

С учётом безусловной информационной экспансии террористических организаций в медиа-поле, представляется, что государствам необходимо наращивать контрпропагандистскую работу в интернет-пространстве. При этом проводить её не только самостоятельно, но и в рамках существующих международных коалиций. В данном вопросе, очевидно, требуется скорейшая консолидация усилий всего мирового сообщества.

Библиография

Ваничкин С.В. Чем опасно «Исламское государство» для России? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2015. №19 (216). Выпуск 36. С.166-170.

Гладышев-Лядов В.Ю. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. 2013. № 2. С. 28-31.

Гобри П.-Э. Секреты кибер-армии Исламского государства // Сетевое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». Москва, 2000-2015. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151125/234579345.html> (05.12.2015).

Грачёв С.И., Азимов, Р.А. Терроризм и антитерроризм в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 11. С. 134-140.

Ерлан Карин призвал «бомбить» позиции ДАИШ в интернете // Сайт Информационного агентства «Новости-Казахстан». Астана, 2015. URL: <http://newskaz.ru/society/20150629/8947535.html> (15.04.2016).

Кабульдинов З.Е. В Казахстане дефицит русскоязычных имамов // Курсив. 2015. 16 января.

Каукенова С. С ИГИЛ нужно воевать и в соцсетях // Интернет-журнал «Власть». Астана, 2012-2015. URL: <http://vlst.kz/novosti/11787-s-igil-nuzno-voevat-i-v-socsetah-politolog.html> (15.04.2016).

Машаев А. Полуспящий террор. Интервью с К. Маликовым // Официальный сайт казахстанского издания журнала «Эксперт». Алматы, 2012-2015. URL: <http://expertonline.kz/a14083> (15.04.2016).

Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма: Роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе: автореф. дис. ... к. с. н. Ростов-н/Д., 2005. 22 с.

Салимов К.Н. Современные проблемы терроризма. М.: Издательство «Щит-М», 1999.

Синцов Н.В. Идеологи и жертвы ваххабитского религиозно-политического экстремизма // Военно-промышленный курьер. 2013. 24 июля. № 28 (496).

Эволюция исламиста в Казахстане: от обычного верующего до террориста. Аналитический доклад по результатам социологического исследования // Официальный сайт Центра социальных и политических исследований «Стратегия». Алматы, 2014-2015. URL: http://www.ofstrategy.kz/images/%D0%9F%D1%83%D1%82%D1%8C_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B0.pdf (15.04.2016).

Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. 2015. № 2. С. 64-76.

Laquer W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y.: Oxford University Press, 1999.

Miller G. Panel casts doubt on U.S. propaganda efforts against ISIS // The Washington Post. Washington, 1996-2015. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/panel-casts-doubt-on-us-propaganda-efforts-against-isis/2015/12/02/ab7f9a14-9851-11e5-94f0-9eeaff906ef3_story.html (15.04.2016).

¹ Гобри П.-Э. Секреты кибер-армии Исламского государства // Сетевое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». Москва, 2000-2015. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151125/234579345.html>.

References

- Gladyshev-Lyadov V.Y. Sotsialnyie seti kak instrument dlya propagandyi ekstremizma // Obzor NTsPTI. 2013. N 2. P. 28-31.
- Gobri P.-EH. Sekrety kiber-armii Islamskogo gosudarstva. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151125/234579345.html>.
- Grachev S.I., Azimov R.A. Terrorizm i antiterrorizm v sovremennom mire // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. N 11. 2011. P. 134-140.
- Erlan Karin prizval «bombit» pozitsii DAISh v internete. URL: <http://newskaz.ru/society/20150629/8947535.html> (15.04.2016)
- Evoluciya islamista v Kazahstane: ot obychnogo veruyushchego do terrorista. Analiticheskij doklad po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya. URL: http://www.ofstrategy.kz/images/%D0%9F%D1%83%D1%82%D1%8C_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D0%B0.pdf. (15.04.2016)
- Kabul'dinov Z.E. V Kazahstane deficit russkoyazychnyh // Kursiv. 2015. January. 16.
- Kaukenova S. S IGIL nuzhno voevat' i v socsetyah. URL: <http://vlast.kz/novosti/11787-s-igil-nuzhno-voevat-i-v-socsetah-politolog.html>. Gobri P.-EH. (15.04.2016)
- Laquer W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y.: Oxford University Press. 1999.
- Mashaev A. Poluspyashchij terror. Interv'yu s K.Muminovym. URL: <http://expertonline.kz/a14083> (15.04.2016)
- Miller G. Panel casts doubt on U.S. propaganda efforts against ISIS. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/panel-casts-doubt-on-us-propaganda-efforts-against-isis/2015/12/02/ab7f9a14-9851-11e5-94f0-9eeaff906ef3_story.html.
- Reznikova A.V. Strukturnye i dinamicheskie kharakteristiki sovremennogo religioznogo ekstremizma: Rol' «islamskogo» faktora v Severokavkazskom regione. Extended abstract of candidate's thesis. Rostov-na-Donu. 2005. P. 22. Gladyshev-Lyadov V.Y. Sotsialnyie seti kak instrument dlya propagandyi ekstremizma // Obzor NTsPTI. N 2. 2013. P. 28-31.
- Salimov K.N. Sovremennye problemy terrorizma. Moscow: «SHCHit-M», 1999.
- Sincov N.V. Ideologi i zhertvy vahkhabitskogo religiozno-politicheskogo ehkstremizma // Voenno-promyshlennyj kur'er. July, 24. 2013. N 28 (496).
- Vanichkin S.V. Chem opasno «Islamskoe gosudarstvo» dlya Rossii? // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. 2015. №19 (216). Vypusk 36. S. 168.
- Yah'yaev M.Y. K voprosu ob ehkstremizme v islame // Islamovedenie. N 2. 2015. P. 64-76.

УДК 321.1(47+57)''16/18''

**ПРОЦЕССЫ РАЦИОНАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.****PROCESSES OF RATIONAL-BUREAUCRATIC MODERNIZATION OF THE
RUSSIAN OFFICIALDOM IN THE LATE 18-TH – EARLY 20-TH CENTURIES****С.Б. Лугвин
S.B. Lugvin***Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого,
Республика Беларусь, 246012, г. Гомель, пр. Октября, 48**Gomel state technical university,
48, October Ave., Gomel, 246012, Republic of Belarus**E-mail: lugvinsergey@rambler.ru*

Аннотация. Автор поставил перед собой цель рассмотреть процессы рационализации российской бюрократии в конце XVIII – начале XX вв. и показать их особенности в условиях сохранения в стране самодержавной монархии. В статье рассматриваются административные реформы, проведенные при Екатерине II, Александре I, Николае I и Николае II.

В результате анализа административных преобразований сделан вывод, что к началу XX в. российское чиновничество приобрело целый ряд рационально-бюрократических черт, сближающих его с бюрократией западных стран: специализация управленческого труда, административная иерархия, правовая регламентация служебной деятельности, наличие бюрократического корпоративизма и др. Вместе с тем оно продолжало сохранять ряд патримониальных свойств: nepotism, клиентелизм, коррумпированность и пр. Данное обстоятельство, как подчеркивает автор, было связано с общей социально-экономической и культурной отсталостью России, незавершенностью процессов ее индустриализации и модернизации.

Resume. The author set a goal to consider processes of rationalization of the Russian bureaucracy at the end of 18-th – the beginning of the 20-th centuries and to show their features in the conditions of preservation in the country of an autocratic monarchy. In article the administrative reforms which are carried out at Catherine II, Alexander I, Nicholas I and Nicholas II are considered.

As a result of the analysis of administrative transformations the conclusion is drawn that by the beginning of the 20-th century the Russian officials gained a number of the rational and bureaucratic lines which are pulling together it with bureaucracy of the western countries: specialization of administrative work, administrative hierarchy, legal regulation of office activity, existence of bureaucratic corporativism, etc. At the same time it continued to keep a number of patrimonial properties: nepotism, klyentelizm, corruption and so forth. This circumstance as the author emphasizes, was connected with the general social and economic and cultural backwardness of Russia, incompleteness of processes of its industrialization and modernization.

Ключевые слова: российская бюрократия, административные реформы, процессы рационализации.
Key words: russian bureaucracy, administrative reforms, rationalization processes.

С завершением преобразований Петра I наибольшее влияние на формирование российской бюрократии оказали реформы Екатерины II, которая стремилась выстраивать государственное управление в соответствии с идеями «просвещенного абсолютизма». Высоко оценивая петровские реформы, она, однако, осуждала их варварские методы, взамен которых предлагала более мягкие и «просвещенные». Так, в сочиненном ею Наказе Комиссии по составлению нового Уложения декларировались идеи естественного права, общего блага, просвещения народа, господства закона, торжества правосудия и пр. Подобно Петру I императрица стремилась создать разумно устроенный бюрократический аппарат, который базировался бы на стройной и единообразной системе управления в масштабах всей страны. Однако в отличие от Петра, который реформировал главным образом центральное управление, основное внимание Екатерина II уделила региональному и местному управлению. На основе собственноручно написанного ею закона «Учреждения для управления губерний Российской империи» (1775 г.) она разработала многоуровневую систему управления, включающую в себя наместничества или генерал-губернаторства, губернии, уезды и волости. В рамках такой системы, как отмечает Н.П. Ерошкин, «была проведена значительная децентрализация местного управления, т. е. расширение распорядительных и исполнительных прав местных чиновников; им были переданы многие функции и права коллегий, контор и прочих цен-

тральных учреждений»¹. При этом наместники и губернаторы получили огромные, точно не определенные законом, полномочия. Правительственные распоряжения они проводили через сложную цепочку административной иерархии, включающую в себя многочисленных чиновников местного управления. Губернская реформа Екатерины II предусматривала разделение административных, финансово-хозяйственных, полицейских и судебных дел при одновременном увеличении количества должностных лиц, ответственных за их реализацию. Несмотря на то, что разграничение государственных функций так и не поднялось до уровня подлинного разделения властей, оно имело некоторое прогрессивное значение: впервые в России был создан суд, во многом независимый от административных органов.

При Екатерине II в 1764 г. было введено пенсионное обеспечение чиновников, составляющее половину получаемого ими жалованья. Пенсии, для получения которых требовалось 35 лет безукоризненной службы, обычно назначались при отставке служащих. Их размер «был чрезвычайно дифференцирован и сильно колебался в зависимости от ранга отставляемого, его связей при дворе, заслуг перед государством и императрицей, наличия крепостных и т.д.»². При Екатерине II пенсионное обеспечение чиновников значительного распространения не получило, что было связано с недостатком выделяемых на эти цели финансовых ресурсов.

При Петре I государственным служащим, чтобы получить повышение в чине, требовалось ждать, пока не освободится следующая по рангу должность. При Екатерине II была впервые введена практика автоматического повышения в чине вне всякой связи с наличием или отсутствием соответствующей должности. В 1767 г. императрица повелела, чтобы все чиновники, прослужившие в своем чине минимум семь лет, были автоматически продвинуты на следующую административную ступень. Данное решение, как считает Р. Пайпс, «послужило прецедентом, которому впоследствии следовали неукоснительно; с тех пор на Руси вошло в правило повышать чиновников по службе по старшинству, почти вне зависимости от их личных качеств, достижений или наличия свободных должностей»³. Подобное автоматическое повышение в чине (позднее срок выслуги, необходимый для получения очередного чина, был сокращен), не связанное с симпатиями или антипатиями начальства, привело к некоторой самостоятельности чиновников и породило у них чувство уверенности в своем карьерном росте.

Новый этап административных реформ был начат с приходом к власти Александра I. По словам В.О. Ключевского, Екатерина II «оставила незавершенным здание центрального управления; создав сложный и стройный порядок местной администрации и суда, она не дала правительственных центральных учреждений с точно распределенными ведомствами...»⁴. Данная задача стала решаться ее внуком Александром I. Под влиянием успешного опыта создания французских министерств в 1802 г. император учредил должности восьми министров (юстиции, внутренних дел, финансов, иностранных дел и др.), а в 1811 г. был издан разработанный М.М. Сперанским законодательный акт об учреждении министерств, что привело к окончательному завершению процесса их становления. Сперанский определил и общую компетенцию министерств, их организацию, порядок ведения дел и движения документов, формы отчетности, проверки исполнения и пр. Во всех министерствах обеспечивался принцип единоначалия, было введено единообразное делопроизводство и унифицированное устройство: во главе находился министр со своим товарищем (помощником), при нем – канцелярия и совет как совещательный орган. Исполнительный аппарат министерств состоял из департаментов, которые делились на отделения, а те, в свою очередь, – на столы. Министры назначались и смещались императором и не имели судебных полномочий. С появлением министерств в России окончательно утвердился система ведомств, которые включали в себя центральный аппарат и подчиненные ему местные органы управления. В регионах Министерству внутренних дел подчинялись также и губернаторы. С возникновением министерств в России окончательно утвердилась система отраслевого управления и существенно укрепилась вертикаль исполнительной власти.

При Александре I стала впервые проводиться в жизнь программа развития народного образования. Была создана целая сеть учебных заведений – университетов, гимназий и училищ. Одновременно была обеспечена преемственность их учебных курсов. Одной из важных задач новых учебных заведений стала образовательная подготовка чиновников. Однако, несмотря на появление новых учебных заведений, многие находящиеся на гражданской службе дворяне вовсе не стремились к получению образования, что негативно сказывалось на качестве бюрократического аппарата. Для занятия престижной должности требовалось вовсе не образование, а простая выслуга лет. В 1809 г. по настоянию М.М. Сперанского был принят царский указ, предусматривающий установление образовательного ценза для производства в коллежские асессоры (VIII класс Табели о рангах) и в статские советники (V класс Табели о рангах). Чиновники, претендующие на продвижение, должны были либо представить свидетельство об окончании одного из российских университетов, либо сдать экзамены по установленной программе: русский язык, один из иностранных языков, естественное право, римское право, гражданское право, отечественная история, статистика, математика и др. С самого начала образовательный ценз был крайне непопулярен среди чиновников, что вызвало многочисленные отступления в ходе его реализации.

¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 119 – 120.

² История государственного управления в России. М., 2002. С. 119.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 181.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. М., 1989. С. 195.

Ядром формирующейся российской бюрократии традиционно являлось дворянство, которое занимало все ключевые посты в органах государственного управления и имело более благоприятные условия для служебного продвижения. Однако со временем наряду с дворянством среди чиновников стали появляться и представители других слоев населения. Этому в немалой степени способствовала петровская Табель о рангах, узаконившая принцип выслуги в качестве главного критерия карьерного роста. В результате уже в середине XVIII в. потомственные дворяне, по данным С.М. Троицкого, составляли лишь немногим более пятой части всех чиновников. Остальные были потомками приказных людей, разночинцами, выходцами из среды церковнослужителей, детьми отставных солдат и т. д.¹ Обычно они занимали канцелярские и другие низшие должности в государственном аппарате. Особенно возросло число выходцев из непривилегированных сословий в годы губернской реформы Екатерины II, создавшей определенный дефицит канцелярских кадров в органах местного управления. По свидетельству историков, именно в это время «сформировался новый тип чиновника – выходца из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности»². Подобный «кадровый голод» ощущался и в начале XIX в., что сопровождалось еще большим увеличением числа чиновников из «неблагородных сословий». Рост численности представителей непривилегированных слоев населения на гражданской службе был во многом связан и с тем обстоятельством, что дворяне в своем большинстве не считали ее престижной в отличие, например, от службы военной.

В последний период царствования Александра I были прекращены всякие попытки реформирования сложившейся системы, в результате чего она вступила в период своего застоя, который при Николае I сопровождался частичным возвратом к уже пройденным этапам общественной эволюции. Идеология «просвещенного абсолютизма» после французской революции оказалась неприемлемой для самодержавной власти. В результате была разработана новая идеология, выраженная в триаде «самодержавие, православие, народность». В ней воплотились идеи абсолютизма монарха, его опоры на православные ценности и преданный ему народ. В подобных условиях личная преданность и безоговорочное послушание императору стали важнейшим основанием для назначения на государственные должности. Образованные и самостоятельные лица на государственной службе обычно вызывали недоверие и подозрительность царской власти. Барон М.А. Корф в своем дневнике писал об императоре Николае I: «Ему, как он неоднократно выражался, нужны люди не умные, а послушные»³.

При Николае I был придан мощный импульс развитию бюрократии. Питая пристрастие к точным наукам и инженерному делу, император превыше всего ценил единообразие, порядок и иерархическую устойчивость. Отсюда не случайно, что идеалом государственного устройства для него являлась армия, в которой каждый занимает строго определенное место, неукоснительно следует уставам и выполняет предписанные ему обязанности. Начатая им военизация государственного аппарата привела к тому, что высшие армейские чины стали назначаться на ведущие административные должности, включая должности министров и губернаторов. Французский маркиз А. Кюстин, посетивший Россию в период правления Николая I, писал: «Русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»⁴.

Стремление к порядку побудило императора заняться кодификацией существующих законов, для чего было создано II отделение Собственной его императорского величества канцелярии. При деятельном участии М.М. Сперанского ею была проведена систематизация 30.000 законодательных актов, начиная от Уложения 1649 г. и заканчивая Манифестом о вступлении на престол Николая I. В результате уже в 1830 г. было издано «Полное собрание законов Российской империи» (45 томов), а в 1833 г. «Свод законов Российской империи» (15 томов), которые в дальнейшем стали юридической основой деятельности российской бюрократии. Третий том «Свода законов» включил в себя «Устав о службе гражданской». В нем были собраны все правовые установления, регулирующие порядок поступления на службу, ее прохождения, условия повышения по чину, процедуры увольнения и т. п. В дальнейшем Устав лишь непрерывно пополнялся и совершенствовался.

По словам В.О. Ключевского, царствование Николая I стало временем чиновничества. Действительно, за 60 лет – с 1796 г. по 1857 г. численность российских чиновников возросла в 6 раз, достигнув 90 тыс. чел., в то время как численность населения страны за этот же период увеличилась только в 2 раза⁵. Несмотря на застойные явления в экономике и в других областях общественной жизни, бюрократия непрерывно развивалась и совершенствовалась: росло число государственных учреждений, углублялась их специализация, повышался уровень квалификации административных кадров. «Параллельно с увеличением числа правительственных учреждений, – пишет Н.П. Ершкин, – усложнялась и их внутренняя организация. Некоторые министерства (внутренних дел, финансов, военное) превратились в сложные учреждения из множества структурных единиц, имевших в свою очередь многозвенную структуру и обширное делопроизводство»⁶. Особое внимание император уделял

¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 220.

² Архипова Т.Г., Румянцев М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII – XX века. М., 1999. С. 93.

³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 106.

⁴ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 75.

⁵ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 68 – 70.

⁶ Ершкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. С. 60.

укреплению дисциплины чиновников, поощрению их верноподданничества и личной преданности. В 1846 г. все дела по надзору за гражданскими служащими оказались сосредоточены в Инспекторском департаменте I отделения Собственной его императорского величества канцелярии, который рассматривал вопросы, связанные с поступлением на службу, производством в чины, перемещением в должностях, увольнением со службы и пр. «Я хочу возвысить гражданскую службу как возвысил военную. Я хочу знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей армии» – заявил Николай I при открытии этого департамента¹. Отсюда не случайно, что широкое развитие при нем получила практика составления послужных (формулярных) списков, где содержались учетные данные на каждого чиновника, фиксировались его награды, наложенные взыскания и пр.

Согласно требованиям Устава о службе гражданской, при поступлении на государственную должность следовало учитывать сословное происхождение претендентов, их возраст и уровень образования. Наряду с дворянами преимущественным правом поступления на службу стали пользоваться также дети офицеров и чиновников, выходцы из семей священнослужителей и купцов I-й гильдии. Они принимались на службу даже при отсутствии у них соответствующего образования. Однако при этом не допускались на службу все иные лица податного состояния. Запрещалось принимать на государственную службу и женщин (некоторые отступления от существующей традиции были сделаны лишь во второй половине XIX в., когда женщин стали нанимать в медицинские учреждения, учебные заведения, на почту и телеграф).

В принятом в 1834 г. «Положении о порядке производства в чины по гражданской службе» был окончательно отменен образовательный ценз. «Экзамен на чин» в объеме курса уездного училища был сохранен только для самого низшего – XIV класса. В соответствии с полученным образованием все государственные служащие подразделялись на три разряда, для каждого из которых устанавливался свой срок службы, необходимый для повышения в чине. При этом лица, имеющие более высокое образование, обычно имели возможность для более быстрого служебного продвижения. Однако в период с 1856 г. по 1901 г. данное положение не действовало и для всех разрядов государственных служащих устанавливался единый срок для производства в следующий чин². Несмотря на колебания по вопросу образования чиновничества, царское правительство, тем не менее, поощряло поступление на гражданскую службу лиц, окончивших университеты и иные учебные заведения. Так, согласно «Уставу о службе гражданской», университетское образование, предоставляло претендентам право на занятие должностей XII – VIII классов. Кроме того, высшее образование или окончание курса средних учебных заведений с отличием позволяло поступать на государственную службу тем лицам, которые по своему происхождению не имели такой возможности. Уже в начале XIX в. принцип образования стал заметно конкурировать с принципом происхождения, неуклонно ограничивая сферу применения последнего. Но лишь спустя столетие (1906 г.) под влиянием революционных потрясений правительство было вынуждено окончательно отменить сословный принцип и заменить его образовательным, что поставило все сословия в равное отношение к государственной службе.

Предусмотрев принцип свободного найма претендентов на административные и канцелярские должности, «Устав о службе гражданской» закреплял за чиновниками возможность в любое время ходатайствовать о своей отставке. Желая поступить на гражданскую службу должен был подавать прошение на «высочайшее имя» своего будущего начальника с приложением необходимых документов, подтверждающих его звание и право на службу. При зачислении на должность обычно приносилась присяга на «верность службе». От чиновников требовалось добросовестно выполнять свои служебные обязанности, подчиняться законным распоряжениям начальства, свято хранить государственную тайну и быть политически лояльными по отношению к государству. За невыполнение своих обязанностей они несли административную и уголовную ответственность.

Устанавливая должностные обязанности чиновников, законы Российской империи обеспечивали также их правовую и социальную защищенность. Они могли, например, не выполнять приказ своего начальника, если считали его «противным интересу» верховной власти. В этом случае им следовало доложить о содержании приказа высшему начальству или, даже, непосредственно императору. Начальник, который принуждал подчиненного сделать что-либо «противное законам», подвергался суровому наказанию. Исполнитель противозаконного распоряжения также мог быть наказан, но в меньшей мере³.

Находясь на государственной службе, любой чиновник мог рассчитывать на повиновение своим распоряжениям и уважение к себе как официальному представителю власти. Те лица, которые препятствовали выполнению его обязанностей, могли быть лишены всех прав состояния и направлены на каторжные работы или в ссылку. Никто из государственных служащих не мог быть лишен приобретенных за время службы классов чина иначе как по приговору суда. Чиновники имели также право на отпуск продолжительностью до четырех месяцев, в том числе с сохранением содержания до двух месяцев. По истечении срока выслуги (35 лет) они получали положенную им пенсию (те из них, которые прослужили меньший срок, но не менее 25 лет получали 50 % пенсионного оклада). В случае смерти чиновника его вдова (без детей) получала половину положенной ему пенсии. На малолетних детей выплачивались дополнительные надбавки⁴.

¹ Там же. С. 141.

² Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 33 – 39, 53.

³ Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М. 1995. С. 119.

⁴ Архипова Т.Г., Румянцев М.Ф., Сенин А.С. Указ. соч. С. 119 – 127.

При императоре Николае I в основном завершился процесс формирования российской бюрократии как особой корпорации, имеющей свои интересы, ценности и мировоззрение. Оставаясь дворянской по своему социальному характеру и, частично, по происхождению, она обладала некоторой самостоятельностью и независимостью от сословных интересов. На протяжении многих десятилетий российское чиновничество воспроизводило самое себя и лишь в незначительной степени пополнялось из других сословий. За свою службу чиновники получали уже не земельные наделы, а фиксированное жалованье, размеры и регулярность выплаты которого во многом зависели от состояния дел в государстве. Поэтому их собственные интересы значительно в большей степени, нежели интересы любой другой группы населения, были связаны с государством, его силой и могуществом. Выполняя предписания императорской власти, бюрократия могла вступать в конфликт с любыми сословиями и социальными группами, в том числе с теми, из которых она происходила.

Первая половина XIX в. характеризовалась «ростом дифференциации и специализации в организации деятельности государственных органов и более четкой их компетенцией в области законодательства, высшего надзора, суда, администрации, политического сыска, ведомственной специализации центрального управления; в это время происходит усиление кадров бюрократии, не только количественное, но и качественное их изменение в образовательном уровне и деловой квалификации»¹. В чиновничьей среде, особенно в ее элитарных слоях, появились высокообразованные лица, ощущающие необходимость перемен. В подобных условиях «стал складываться слой прогрессивно мыслящих, интеллигентных людей, объединенных сходством взглядов, программы предстоящих преобразований и методов ее исполнения – так называемая либеральная бюрократия»². К числу наиболее ярких представителей «либеральной бюрократии» относились Н.А. и Д.А. Милютины, С.И. Зарудный, П.А. Валуев, Н.И. Стояновский и А.В. Головин. Находясь на руководящих постах в правительстве и министерствах, они не только разрабатывали проекты реформ, но и активно продвигали их в жизнь. С приходом к власти Александра II они помогли молодому императору в осуществлении его амбициозных планов по модернизации страны.

Отмена Александром II крепостного права, проведение земской и судебной реформ, реформ армии, образования и финансов способствовали капиталистическому развитию России и становлению гражданского общества. В общественном сознании стали утверждаться принципы свободы и достоинства человеческой личности, что, в конечном счете, обернулось экономическим подъемом и началом промышленной революции. По мнению В.О. Ключевского, в результате реформ западноевропейские идеи обрели для себя «родственную почву» и «русская жизнь стала передвигаться на основании общем с теми началами, на каких держится жизнь западноевропейских обществ»³.

На протяжении XIX в. российский государственный аппарат постоянно увеличивался в своей численности. Согласно П.А. Зайончковскому, в 1796 г. при населении страны в 36 млн. человек общее количество чиновников составляло 15 – 16 тыс., то есть один чиновник приходился на 2250 жителей. В 1851 г. в стране насчитывалось 69 млн. чел., а чиновников – 74330, то есть один чиновник приходился уже на 929 чел. В 1903 г. чиновников было примерно 385 тыс., а население по переписи 1897 г. – 129 млн. чел., следовательно, один чиновник приходился на 335 чел. Таким образом, с учетом роста населения удельный вес чиновников на протяжении XIX в. увеличился почти в 7 раз⁴. Быстрый хозяйственный рост и усиление экономического влияния буржуазии наложили свой отпечаток на социальный состав бюрократии. По инициативе министра финансов С.Ю. Витте с конца 90-х гг. в государственный аппарат стали привлекаться лица из негосударственных коммерческих структур, имеющих высшее образование. Однако их разрешалось назначать на штатные должности не выше VI класса (в дальнейшем V класса). Считается, что в истории российской бюрократии это была первая попытка введения в ее ряды представителей буржуазии.

В условиях начавшейся индустриализации разрыв между темпами экономической модернизации страны и отставанием ее политических и правовых институтов стал особенно очевиден. Неудачная война с Японией и нарастание революционного кризиса в 1905 г. еще более обострила существующие проблемы. В результате Николай II был вынужден подписать Манифест, в котором провозглашались некоторые гражданские свободы и объявлялось о выборах в Государственную думу с законодательными полномочиями. «Основные государственные законы Российской империи», утвержденные царем в апреле 1906 г., юридически закрепили провозглашенные в Манифесте гражданские права, в том числе неприкосновенность частной собственности и жилища, свободу слова, печати, собраний, вероисповедания, союзов и др. В дальнейшем на основе этих законодательных установлений началась перестройка текущего законодательства, создавшая ряд юридических предпосылок для более полной рационализации российской бюрократии.

«Основные государственные законы Российской империи» исключив положение о неограниченной власти монарха, оставили в неприкосновенности сам принцип самодержавия, что позволило царю сохранить свой прежний властный потенциал. Он самолично назначал и смещал министров, не спрашивая на то согласия Государственной думы. В подобных условиях бюрократия по-прежнему оставалась неподконтрольной представительным органам.

¹ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). С. 87

² Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 7

³ Ключевский В. О. Указ соч. С. 281.

⁴ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 221.

В условиях модернизационных процессов, инициируемых российскими монархами на протяжении конца XVIII – начала XX вв., в стране сформировалась и развилась достаточно многочисленная бюрократия, механизмы организации и деятельности которой во многом напоминали соответствующие механизмы бюрократии западных стран. Подобно западной бюрократии, русскому чиновничеству был присущ целый ряд рациональных черт: разделение управленческого труда на основе его дифференциации и специализации, наличие иерархической системы служебной зависимости, правовая регламентация служебной деятельности, назначение на должность на основе свободного найма, выплата жалования в зависимости от должности и выслуги лет, наличие корпоративного чиновничьего духа, служебная дисциплина, правовая и социальная защищенность государственных служащих. Однако, несмотря на наличие таких черт, российская бюрократия существенно отличалась от европейского чиновничества. Речь, в частности, идет о том, что она была ориентирована не столько на заботу об общем благе, сколько на обслуживание интересов самодержавной власти, с которой была связана узам личной унии и зависимости. «Идея государственной службы как служения обществу, – отмечал Р. Пайпс, – была совершенно чужда русскому чиновничеству...»¹. Решающую роль в государственном управлении играли не формально-правовые принципы, а клиентальные отношения, на основе которых выстраивалась многоуровневая сеть личной зависимости. Личная преданность нередко становилась важнейшим условием служебного продвижения и назначения на ответственные государственные должности. Знания, квалификация и деловые качества ценились не сами по себе, а лишь в контексте личного отношения их носителей к вышестоящему начальству и самодержавной власти. Характерной чертой российского чиновничества продолжала оставаться склонность к казнокрадству, хищениям и взяточничеству. Чем выше был ранг чиновника, тем большую возможность сколотить состояние за счет общества он имел. По мнению Р. Пайпса, «коррупция в бюрократическом аппарате дореволюционной России не была aberrацией, отклонением от общепринятой нормы, как бывает в большинстве других стран, она являлась неотъемлемой частью установившейся системы управления»².

Таким образом, несмотря на то, что к началу XX в. российская бюрократия обладала рядом рациональных черт, сближающих ее с европейским чиновничеством, она еще продолжала сохранять свои патримониальные свойства. Во многом это было связано с общей социально-экономической и культурной отсталостью России, незавершенностью процессов ее индустриализации и модернизации.

Библиография

- Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII – XX века. М.: РГГУ, 1999.
- Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Мысль, 1983.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3-24.
- История государственного управления в России / ред. Р. Г. Пихоя. М.: РАГС, 2002.
- Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. М.: Мысль, 1989.
- Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М.: Интерпракс, 1995.
- Кюстин А. Николаевская Россия. Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М.: Независимая газета: 1993.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.

References

- Arhipova T.G., Rumyantseva M.F., Senin A.S. Istoriya gosudarstvennoj sluzhby v Rossii XVIII – XX veka. Moscow: RGGU, 1999.
- Eroshkin N.P. Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (pervaya polovina XIX veka). Moscow: Mysl', 1981.
- Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenij dorevolucionnoy Rossii. Moscow: Mysl', 1983.
- Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. Moscow: Mysl', 1978.
- Zaharova L.G. Samoderzhavie, byurokratiya i reformy 60-h godov XIX v. v Rossii // Voprosy istorii. 1989. № 10. S. 3-24.
- Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii; red. R. G. Pihoya. Moscow: RAGS, 2002.
- Klyuchevskij V.O. Sochineniya. T. 5. M.: Mysl', 1989.
- Korzhikhina T.P., Senin A. S. Istoriya rossijskoj gosudarstvennosti. Moscow: Interpraks, 1995.
- Kyustin A. Nikolaevskaya Rossiya. Per. s fr. Moscow: Politizdat, 1990.
- Pajps R. Rossiya pri starom rezhime. Per. s angl. Moscow: Nezavisimaya gazeta: 1993.
- Troickij S.M. Russkij absolyutizm i dvoryanstvo v XVIII v. Formirovanie byurokratii. Moscow: Nauka, 1974.

¹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 374.

² Там же. С. 370.

УДК 322 (477)''17''

**ПЕРЕХОД КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ ПОД ЮРИСДИКЦИЮ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПРОБЛЕМЫ**

**THE TRANSFER OF THE KYIV METROPOLITANATE TO THE JURISDICTION OF
THE MOSCOW PATRIARCHATE: HISTORICAL-POLITICAL ASPECT OF THE
PROBLEM**

**Н.Н. Олейник, А.Н. Олейник
N.N. Oleinik, A.N. Oleinik**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды,
Украина, 61145, г. Харьков, ул. Клочковская 154 А*

*Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

*Kharkov National Pedagogical University named G.S. Skovoroda,
154 A Kochkovskaya str. Kharkov, 61145, Ukraine*

E-mail: Oleinik@bsu.edu.ru, oleynik.oleks@gmail.com

Аннотация. В рамках предлагаемой статьи автор видит своей целью показать историко-политический контекст объединения православной церкви на Украине с православной церковью в России. Показывается сложность, противоречивость и постепенность этого процесса, растянувшегося почти на половину 17-го века. Формально он завершился 330 лет назад (1686 г.) Рассматривается роль основных политических и церковных деятелей того периода, содействовавших или препятствовавших интеграционному процессу. Актуальность статьи обуславливается попытками отколоть украинскую православную церковь от российского православия, начавшимися после распада Советского Союза и активизировавшимися после смены власти в Украине в 2014 г.

Resume. Within the scope of the article author supposes to show the historical and political context of the unification of the Orthodox Church in Ukraine with the Orthodox Church in Russia. This article considers the complexity, contradictions and gradualism of this process, stretching for almost half of the 17-th century (formally, it ended 330 years ago (1686)), examines the role of major political and ecclesiastical figures of the period, promoting or hampering the integration process. The currency of the article is caused by attempts to split the Ukrainian Orthodox Church from Russian Orthodoxy, which began after the collapse of the Soviet Union and since the change of power in Ukraine in 2014.

Ключевые слова: православие, Киевская митрополия, Московский патриархат, юрисдикция, объединение, Украина, Россия.

Keywords: orthodoxy, the Kievan Metropolitanate, the Patriarchate of Moscow, jurisdiction, association, Ukraine, Russia.

Прошло 330 лет с того момента (июнь 1686 г.), когда Киевская митрополия окончательно перешла под юрисдикцию Московской патриархии и вся последующая церковная жизнь украинского православия будет тесно связана с Русской православной церковью. На этом историческом пути в церкви происходило много организационных изменений, различные факторы влияли на её жизнь, однако церковное единение оставалось и укреплялось духовно не только верующими, но и братскими народами – украинцами и россиянами. Это подтверждают и последние визиты (2009, 2010 гг.) в Украину Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, которые направлены на пасторское единение, бережное отношение к нашей общей истории, к единой духовной купели, князю Владимиру и его крещению.

Однако события последних лет жизни Украинской православной церкви (УПЦ) осложнено расколом, который начался с конца 80-х годов XX ст. и привел до того, что часть украинского православия (прежде всего УПЦ – КП и некоторые другие) активно проявляют стремление к разъединению церквей. Бывший митрополит Галицкий Филарет (смещенный с Киевской кафедры и с поста Предстоятеля УПЦ, а также не имеющий права на священнослужение¹ предпринимает активные действия по признанию своей каноничности в качестве главы УПЦ – Киевского патриархата со

¹ См.: Православный церковный календарь, 94. Киев, 1994. С. 57-59.

стороны Святейшего Вселенского патриарха Константинопольского Варфоломея I. Однако усилия Филарета и некоторых политических сил желаемого результата сегодня не получили.

Уже исполнилось почти 30 лет с того дня (октябрь 1990 г.), когда Архиерейский Собор РПЦ даровал Украинской церкви статус независимой и самостоятельной в управлении, а Собор украинских епископов УПЦ (Харьков, май 1992 г.) избрал митрополитом Киевским и всея Украины Высокопреосвященнейшего Владимира (Сабодана). Украинская православная церковь во главе со своим Предстоятелем постоянно молиться о том, чтобы «невозможное человеком» оказалось возможным по воле Божией, и украинское Православие вновь обрело единство и канонично было связано с РПЦ¹.

Православный фактор был одним из определяющих духовного единения братских народов, во времена Б. Хмельницкого², он играл важную роль в борьбе с униатами, влиял на развитие геополитических процессов и расстановку сил в Европе. Но украинское православие оставалось под властью Царгородского (далее – Константинопольского) патриархата. Поэтому в статье ставится задача проанализировать церковную жизнь Киевской митрополии первой трети – второй половины XVII ст. и шаги церковных иерархов, до перехода под юрисдикцию Московского патриархата украинского православия.

В 1620 году под защитой П. Сагайдачного Иерусалимский патриарх Феофан III, возвращавшийся на родину через Украину из Москвы, восстановил упраздненную королем Сигизмундом после унии православную иерархию. Митрополитом Киевским с титулом «Екзарх Константинопольского трона» был поставлен Иов (Борецкий), игумен киевского Михайловского монастыря, первый ректор Киево-Братской школы (впоследствии Киевской академии). Киев, в котором находился митрополит Иов и его сподвижники, стал административным центром митрополии и главным очагом духовной жизни православных Речи Посполитой. Митрополит Иов и епископы поддерживали постоянную связь с православным Московским государством. Особенно тесные связи установились с Московской патриархией у тех кругов духовенства, которые группировались вокруг настоятеля Межигорского монастыря, епископа Перемышльского Исаии (Копинского). 18 января 1619 г. он основал Мгарский монастырь около г. Лубны, братство которого активно противостояло окатоличиванию левобережных украинцев. А после смерти Иова (Борецкого) Исаия (Копинский) был избран в 1631 г. Киевским православным митрополитом.

Король не согласился с патриаршим назначением и только в 1632 г. новый король Владислав VI, обеспокоенный непрекращающимися волнениями в Украине, признал православную иерархию с видным богословом архимандритом Киево-Печерской Лавры Петром Могилой. Основанная им Киево-Печерская коллегия, высшая школа, открытая для всех сословий, заняла важнейшее место в духовном образовании Украины и России. Однако давление на православных с целью заключить новую унию возобновилось, в Киеве активно начали действовать иезуиты.

С началом украинской национальной революции под руководством гетмана Б. Хмельницкого, на занятой им территории Украины была прекращена деятельность униатской и католической Церквей. На переговорах с властями Речи Посполитой казаки решительно требовали ликвидации унии. Но приемник святителя Петра Киевский митрополит Сильвестр (Косов) относился к гетману и его делу весьма сдержанно: вел тайные переговоры с польскими властями, неоднократно заверяя их в лояльности.

Б. Хмельницкий угрозами заставлял Киевского митрополита отстаивать права Православной Церкви перед властями Речи Посполитой. Сильверст и его окружение, опасаясь подчинения своей митрополии Московскому Патриархату, отрицательно отнеслись к документам 1654 г., подписанным между Б. Хмельницким и Москвой. Он отказался присягать и заявил боярину Бутурлину: «Мне не известна переписка между гетманом и царем». В том же 1654 г. митрополит Сильвестр отправил посольство к Алексею Михайловичу с просьбой подтвердить старые права украинской церкви, а главное – не разрывать подчинения Константинопольскому патриарху: эта подчиненность – корень всех наших вольностей и прав³.

Как известно, в Переяславских статьях 1654 г. не было зафиксировано положений про Киевскую митрополию и она оставалась в подчинении Константинопольского патриарха. После смерти Сильвестра, в 1657 г. на Черниговскую кафедру был поставлен епископ Лазарь (Баранович), а на Соборе уже после смерти Б. Хмельницкого избирают митрополитом Киевским Дионисия (Балабана, 1657-1663 гг.). Эти изменения проходили без участия Московского патриархата.

Впервые вопрос о подчинении Киевской митрополии Московской патриархии был поставлен в 1659 г., когда гетман Ю. Хмельницкий подписал с Москвой статьи, так называемые «Переяслав – 2». Статья 8 зафиксировала следующее положение: «Митрополиту Киевскому, так и иным духовным Малая Руси быть под благословением святейшего патриарха Московского и всея Великия и Малыя, и Белья России, а в права духовныя святейший патриарх вступать не будет»⁴. Таким

¹ См.: Православный церковный календарь, 94. Киев, 1994. С. 57-59.

² Юрченко Н. С. Влияние православного фактора на Переяславскую раду // Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития славянской цивилизации. Харьков, 2008 С. 58-61.

³ Полонська-Василенко Н. В. Українська православна церква після Переяславської угоди. // Релігія в житті українського народу. - Париж - Рим - Мюнхен, 1996. - С. 149 -156.

⁴ Яковлів А. Договір гетьмана Богдана Хмельницького 1654 г. // Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження). Киев, 2003. С. 150-151.

образом, пока что в очень осторожной форме устанавливалось подчиненность митрополита Киевского патриарху Московскому, который был назван «митрополитом Малыя Руси».

В 1660 г. Москва не решилась избирать митрополита, который был бы рукоположен Московским патриархом, хотя были обращения Лазаря (Барановича), игумена Киево-Печерской Лавры Иннокентия (Гизеля) и всего духовенства Левобережной Украины. Москва ограничилась только назначением Митрополичим местоблюстителем Лазаря (с позиций церковных правил это было незаконно).

Среди православного духовенства произошел раскол. Митрополит Дионисий поддержал И. Выговского, а сменивший его митрополит Рюсиф (Пелюювич-Тукальский, 1663-1675 гг.) ориентировался на П. Дорошенко. Эти митрополиты уехали из подчинявшегося власти царя Киева и поселились на Правобережной Украине (Чигирин), которая после перемирия 1667 г. осталась во власти Речи Посполитой.

Другая часть духовенства во главе с епископом Черниговским Лазарем (Барановичем) и архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием (Гизелем) выступала за тесную связь гетманства с православным Московским государством, но одновременно хотела бы сохранить традиционные подчинение Киевской кафедры Константинопольскому патриарху.

Москва же с 60-х годов XVII ст. стала предпринимать более активные действия по переходу Киевской митрополии под юрисдикцию Московского патриарха. Вот только несколько таких предпринятых активных шагов с боку Москвы. В 1661 г. на должность местоблюстителя Киевской митрополии назначен Мефодий, который перед этим был высвящен в епископа Мстиславского и Могилевского. Константинопольский патриарх не признал этих действий со стороны Московского патриарха, это вызвало протест и среди духовенства. В 1663 г. Алексей Михайлович отправил грамоту Константинопольскому патриарху и признал неканоничность высвящения Мефодия, а также подтвердил подчинение Киевской митрополии до юрисдикции Константинопольского патриархата¹. В 1667 г. Собор в Москве незаконно дал Черниговской епископии – архиепископии, и епископ Лазарь (Баранович) стал архиепископом и в 1670 г. его снова назначили местоблюстителем Киевской митрополии.

В 1683 г. после смерти архимандрита Иннокентия (Гизеля) гетман Самойлович просил Москву избрать архимандрита Киево-Печерского монастыря (Лавры), хотя она была ставропигиальной и подчинялась непосредственно Константинопольскому патриарху.

Десять лет (1675-1685 гг.) Киевская митрополия жила без своего Предстоятеля. Это были годы, когда давление на православие с боку унии не ослабевало. Проходили процессы геополитических изменений, связанные с подписанием договоров Москвы с Речью Посполитой, Турцией, Крымским ханством. В этих условиях Москва начала переговоры с Константинопольским патриархом Яковом (1684 г.) о разрешении высвятить Киевского митрополита в Москве. На этом настаивал и московский патриарх Иоаким. Но патриарх Яков ответа не давал, поясняя тем, что нужно на это согласие всех восточных патриархов. Тогда Москва, не дождавшись окончательного ответа от Константинополя, дала указание гетману Самойловичу провести выборы митрополита².

8 июля 1685 г. в Киеве на Соборе духовенства в Святой Софии было принято решение об избрании Киевским митрополитом переехавшего на Левобережье Луцкого епископа Гедеона (Четвертинского) и о том, что он должен направиться на поставление к Московскому патриарху. 8 ноября того же года митрополит был посвящен патриархом Иоакимом в Успенском Соборе в Москве с титулом «Малыя России митрополит Киевский и Галицкий»

Тогда же русское посольство провело сложные переговоры с визирем Константинопольским и Иерусалимским патриархами. Как пишет доцент Киевской духовной академии В. В. Бурега «в июне 1686 года в Константинополе был созван Собор архиреев, на котором было принято окончательное решение по вопросу перехода Киевской митрополии под юрисдикцию Московской патриархии. Собор издал грамоту (томос), повелевающую признавать Гедеона (Четвертинского) законным Киевским митрополитом. Кроме Константинопольского патриарха Дионисия грамоту подписал так же 21 митрополит. Дионисий в июне этого же года издал еще две грамоты, адресованные гетману Самойловичу и всем верным чадам Киевской митрополии, в которых говорилось, что уступает митрополию Московскому патриарху и повелевает отныне всех новоизбранных митрополитов отправляться для посвящения в Москву»³.

Недовольные Дионисием архиереи обвиняли его в тайных связях с Москвой, приводя в подтверждение факт передачи Московскому патриарху Киевской митрополии. В результате Дионисий лишился патриаршества через два месяца после официального вступления на Константинопольский престол. Однако акт передачи Киевской митрополии в московскую юрисдикцию отменен не был.

По мнению церковных историков обвинения в адрес Дионисия были лишь предлогом для его удаления с кафедры. О неканоничности этого действия рассуждают и сегодняшние некоторые православные иерархии, политики, которые устремлены в раскол Православия и отделения УПЦ от Русской православной церкви.

Юридически акт 1686 года остается в силе и по сегодняшний день. Предстоятель УПЦ Блаженниший Владимир неоднократно отмечал: «Я верю, что нет воли Божьей на разделение меж-

¹ Дорошенко Д. Нарис історії України в 2-х т. Т. 2. Киев, 1992. С. 86.

² Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 494-495.

³ Воспринимать визит сквозь призму Евангелия, а не политики (до визита Святейшего Патриарха Кирилла в Украину) URL: <http://www.taday.ru/text/521882.html> (19.07.2010).

ду христианами. Я убежден, что в значительной степени разные точки зрения не препятствуют находиться в единой Церкви. Ведь на самом деле нет реальных причин, которыми можно оправдать разделение. Единство важнее любой идеологической или политической позиции. Поэтому все зависит от нас. Если мы искренне пожелаем единства, если поставим единство выше собственных мнений, амбиций или политических взглядов, то ничто не помешает его обрести»¹.

Организационно церковная жизнь Киевской митрополии после 1686 г. складывалась из двух частей. Собственно Киевская митрополия – в пределах русского государства, права которой постепенно свелись фактически к епископским. Два первых преемника избирались на Соборах в Киеве и после этого посвящались в Москве. После проведения Петром I Синодальной реформы право избирать митрополита у киевского духовенства было отнято.

Заграничная часть Киевской митрополии располагалась в пределах Речи Посполитой. Несмотря на условия Вечного мира (май 1686 г.), по которому польская сторона обязалась не принуждать православных к унии, на территории Правобережья процесс утверждения унии успешно продвигался. В 1691 г. унию официально приняла Перемышльская епископия, а в 1700 г. – Львовская, в 1702 г. – Луцкая. Соответственно они вышли из подчинения Киевскому митрополиту. На землях Речи Посполитой осталось только одна православная епархия – Мстиславская.

В то же время Киевская митрополия укрепляла духовную жизнь своих мирян. Архиепископ Лазарь (Баранович), святитель Феодосий Черниговский уделяли большое внимание возрождению монастырской жизни, восстановлению и постройке храмов. В Киеве видным московским архитектором Осипом Старцевым на средства Мазепы был возведен прекрасный образец украинского барокко – Никольский военный собор (уничтожен в 30-е годы XX ст.), возрождались древние храмы Чернигова, в Переяславе был построен другой выдающийся памятник – Вознесенский собор.

Большое внимание уделялось образованию и подготовке священнослужителей. В это время выдающуюся роль в управлении Киевской митрополией и в целом Русской церкви играли воспитанники и преподаватели Киево-Могилянской академии (получила этот статус по указанию Петра I в 1701 г.).

В последующее столетие происходили новые организационные изменения церковной жизни, но духовное единение всегда оставалось неизменным. Ныне Украинская Православная Церковь Московского Патриархата – неотделимая часть Русской Православной Церкви, единой для братских народов, наследников Киевской Руси.

Библиография

- Воспринимать визит сквозь призму Евангелия, а не политики (до визита Святейшего Патриарха Кирилла в Украину) URL: <http://www.taday.ru/text/521882.html> (19.07.2010).
- Дорошенко Д. Нарис історії України: в 2-х т. Т. 2. Киев: Глобус, 1992.
- Полонська-Василенко Н. В. Українська православна церква після Переяславської угоди. // Релігія в житті українського народу. - Париж - Рим - Мюнхен, 1996. С. 149 -156.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь // Киевская митрополия. Т. 2. Православный церковный календарь, 94. Киев: Издательский отдел УПЦ. 1994.
- Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. С. 494-495.
- Юрченко Н. С. Влияние православного фактора на Переяславскую раду // Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития славянской цивилизации: Сб. науч. трудов по матер. II науч.-практ. конф., 13 декабря 2007 г. Харьков: НТУ «ХПИ», 2008. С. 58-61.
- Яковлів А. Договір гетьмана Богдана Хмельницького 1654 г. // Переяславська рада 1654 року (історіографія та дослідження). Киев: Смолоскип, 2003.

References

- Vosprinimat vizit skvoz prizmu Evangelie, a ne politiki (do vizita Svyateyshego Patriarxa Kirilla v Ukrainu) URL: <http://www.taday.ru/text/521882.html> (19.07.2010).
- Doroshenko D. Naris Istoriyi Ukrainy v 2-h t. T. 2. K.: Globus, 1992.
- Polonska-Vasilenko N. Ukrainska pravoslavna tserkva pisllya Pereyaslavskoyi ugodi. // Religia v gitti ukrainskogo narodu. – Parig-Rim-Munxen, 1996. P.149-156.
- Polnyiy pravoslavnyiy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar // Kievskaya mitropoliya. T. 2. Pravoslavnyiy tserkovnyiy kalendar, 94. K.: Izdatelskiy otdel UPTs. 1994.
- Rossiya: Entsiklopedicheskiy slovar. L.: Leninzdat, 1991. P. 494-495.
- Vosprinimat vizit skvoz prizmu Evangelii, a ne politiki (do vizita Svyateyshego Patriarha Kirilla v Ukrainu) // Tserkovnaya pravoslavnyaya gazeta. 2010. Iyul, № 14.
- Yurchenko N. S. Vliyanie pravoslavnogo faktora na Pereyaslavskuyu radu // Pereyaslavskaya rada: ee istoricheskoe znachenie i perspektivy razvitiya slavyanskoy tsivilizatsii: Sb. nauch. trudov po mater. II nauch.-prakt. konf., 13 dekabrya 2007 g. Harkov: NTU «HPI», 2008. P. 58-61.
- Yakovliv A. Dogovir getmana Bogdana Hmel'nitskogo 1654 g. // Pereyaslavska rada 1654 roku (Istorlografiya ta doslidzhennya). K.: Smoloskip, 2003.

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь // Киевская митрополия. Т. 2. С. 1327-1329.

УДК 327

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ****INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A FACTOR OF HARMONIZATION OF
INTERNATIONAL COMMUNICATION****С.А. Шачнев
S.A. Shachnev**

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Брянский филиал, Россия, 241050, г. Брянск, ул. Горького, д. 18*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Bryansk branch,
18 Gorkogo St., Bryansk, 241050, Russia*

E-mail: seralesha@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема межкультурных коммуникаций в условиях интенсификации международных образовательных, научных, культурных обменов. Обращается внимание на востребованность дальнейшей теоретической проработки таких важнейших аспектов коммуникации в контексте формирования культуры мира как межкультурный диалог и полилог. Автор отмечает важность Интернет-ресурсов в системе межкультурных коммуникаций. Делается вывод о том, что эта форма межкультурного взаимодействия формирует новую социальную реальность в пределах существующего контекста культуры. Особое внимание уделяется межкультурным коммуникациям на постсоветском пространстве. Преодоление деформаций в межкультурных коммуникациях стран и народов ближнего зарубежья видится в повышении роли не только государства, но и негосударственных акторов, институтов гражданского общества – национально-культурных формирований, научных, бизнес сообществ и других в данном процессе, привлечение общественных структур к созданию коммуникационных площадок, расширению общего информационного пространства.

Resume. The article actualizes the problem of intercultural communication in conditions of intensification of international educational, scientific and cultural exchanges. The author pays attention to the need for further theoretical study of such important aspects of communication in the context of forming culture of the world as a intercultural dialogue and polylogue. The author notes the importance of Internet resources in the system of intercultural communication. It is concluded that this form of intercultural interaction creates a new social reality within the existing context of culture. Special attention is given to intercultural communication in the post-Soviet space. The overcoming of the deformations in intercultural communication of countries and peoples of the near abroad is seen in the increasing role of not only states but also non-state actors, civil society institutions such as national cultural formations, scientific, business communities and others in this process, the involvement of public agencies to create communication platforms, the extension of the common information space.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, внешняя культурная политика России, перспективы межкультурных взаимодействий.

Keywords: culture, intercultural communication, foreign cultural policy of Russia, the prospects of intercultural interactions.

В современных условиях беспрецедентно нарастающей динамики культурных обменов, в особенности в сфере культуры, образования, науки, туризма, спорта, существенное значение приобретает анализ проблем межкультурных коммуникаций в целях оптимизации управления данными процессами. Ведь они становятся важнейшим фактором формирования позитивного имиджа национальных государств. От характера межкультурных коммуникаций по большому счету зависит развитие широкого демократического диалога, направленного на создание атмосферы доверия между народами, основанного на уважении многообразия культур.

Термин межкультурная коммуникация впервые введен в научный оборот в 1954 году Э. Холлом и Г. Трагером в работе «Культура как коммуникация». Непосредственную связь между культурой и коммуникацией Э. Холл исследовал в своем известном труде «Немой язык», где сделал вывод о том, что результаты процесса коммуникации определяются степенью информированности его участников и зависят от плотности социальных связей и скорости обмена информацией¹.

¹ Trager G., Hall E. Culture and Communication; A Model and an Analysis // Explorations and Communication. 1994. №3.

Э. Хирш обосновал, что дух межкультурной кооперации находится в тесной зависимости от культурной грамотности, что предполагает обладание культурным минимумом знаний своих партнеров по коммуникации. Он оперировал понятием межкультурной компетенции (языковой, коммуникативной, культурной), требующей постоянного пополнения текущей культурной информации¹.

К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф рассматривают межкультурную коммуникацию как межличностное взаимодействие представителей различных групп, которые отличаются друг от друга багажом знаний и языковыми формами символического поведения, характерными для всех членов каждой из этих групп².

Ж. Ладмираль и Э. Липьянский под межкультурной коммуникацией понимают отношения, возникающие между индивидуумами и группами, принадлежащими к разным культурам. Эти отношения всегда развиваются на фоне определяемых этими культурами репрезентаций, кодов, своеобразного жизненного уклада и способа мышления³.

Российские ученые В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин, с которыми солидарен автор, определяют межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»⁴.

Сеть межкультурной коммуникации связывает многообразные группы внутри государств, людей разной национальной, культурной и религиозной принадлежности. В данный процесс вовлечены практически все участники мировой политики - государственные и негосударственные, образуя сложный узор разнообразных связей, усложняющихся в ходе формирования глобального информационного пространства.

Межкультурную коммуникацию невозможно свести лишь к одной отдельно взятой цели. Это многомерный процесс, в основе которого - действия мирового сообщества в целом, направленные на развитие всех культур, предупреждение конфликтов, установление добрососедских отношений между странами.

Межкультурная коммуникация опирается на целый ряд оснований, не существующих одно без другого - моральное, правовое и психологическое⁵. Успешная коммуникация предполагает, прежде всего, соблюдение принципов международного культурного сотрудничества. Наличие этих принципов свидетельствует о стремлении мирового сообщества к сознательному регулированию межкультурной коммуникации. Эти принципы были закреплены четырнадцатой сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже (ноябрь 1966 года), где была провозглашена «Декларация принципов международного культурного сотрудничества». Принципы предполагают одновременное развитие всех отраслей культуры (ст. 2); уважение самобытности каждой культуры (ст. 6); взаимную выгоду всех участвующих в культурном сотрудничестве народов (ст. 8); равноправие, уважение каждой культуры, развитие каждым народом собственной культуры, признание многообразия культур достоянием всего человечества (ст. 1).

Последний принцип позже получил дальнейшее развитие в Барселонской рекомендации⁶. В ней подчеркивается, что разнообразие культур надо рассматривать как реальность жизни, поскольку культуры, вне зависимости от географической принадлежности, являются составной частью наследия человечества⁷.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии гласит, что, «будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы и в этом смысле является общим достоянием человечества»⁸.

Межкультурная коммуникация не ограничивается установленными принципами и нормами международных отношений. Она зиждется на моральных основаниях, на том, что все члены мирового сообщества разделяют единые представления о коренных общечеловеческих ценностях. Межкультурная коммуникация призвана способствовать утверждению таких ценностей в общественном сознании, как справедливость, гуманизм, свобода, ненасилие, формировать культуру мира.

Концепция культуры мира была принята в 2011 году Генеральной сессией ООН. Под культурой мира в ней понимается совокупность мировоззренческих взглядов, этических ценностей и норм, которые предполагают отказ от насилия, стремление решать проблемы посредством диало-

¹ Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2008. С.19

² Там же.

³ Хорошавцева О.П. Характер взаимодействия культуры и коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 117: Научный журнал. 2009. С. 351.

⁴ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. С. 25-30.

⁵ Теоретические основы внешнеполитической деятельности России. М., 2001. С. 147.

⁶ Барселонская рекомендация: принята участниками из 16 стран на Евро-американском семинаре ЮНЕСКО «Культурная самобытность и современность: новые модели отношений в области культуры», который проходил 27-30 ноября 1990 г. в Барселоне.

⁷ Барселонская рекомендация: свобода, разнообразие и солидарность // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С. 199-201.

⁸ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии: принята на 31 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 2 ноября 2001 г.

га, приверженность принципам толерантности, солидарности, сохранения культурного разнообразия, взаимопонимания, демократии в международных отношениях.

Культура мира – это многомерная концепция¹. С одной стороны, она представляет собой систему убеждений, внедряемых в сознание мирового сообщества посредством межкультурной коммуникации, а с другой является процессом глубоких преобразований на национальном, региональном и международном уровнях в интересах международного мира и безопасности. Утверждение такой культуры тесно связано с экономическим развитием, развитием демократии, решением острых гуманитарных проблем.

Для международного сообщества культура мира понимается как высшая цель и точка схождения. При этом в условиях расширяющихся взаимосвязей в мировом сообществе культура мира не может быть делом только национальных элит. Она может быть эффективной, если вовлекает в свою орбиту многочисленных негосударственных акторов. Кстати, последние все более активно воздействуют на международную политику. Таким образом, межкультурную коммуникацию следует рассматривать как проводника культуры мира, как путь движения мирового сообщества по пути мирного сосуществования и сотрудничества.

Содержание, формы, приоритетные направления межкультурной коммуникации определяют международные договоры, соглашения, декларации, другие официальные документы. Они выражают интересы и потребности многочисленных субъектов межкультурного общения, способствуют продвижению национальных культур за рубежом, открывают возможности для знакомства с историческими и современными культурными достижениями различных народов и стран.

Неоценимую роль в этом играет сеть Интернет. Сеть, как известно, на основе обратной связи позволяет не только получать актуальную информацию, но и оказывать влияние на те, или иные события и процессы через организацию коллективных действий. Благодаря сети Интернет человек получает практически неограниченные возможности для знакомства с сокровищами мировой и отечественной культуры, виртуального посещения любых музеев, картинных галерей, различных уникальных природных объектов, мест, имеющих культурно-историческое значение.

Следует сказать, что, к сожалению, влияние Интернета на культуру, пока изучено явно недостаточно, хотя имеются многочисленные факты не только позитивного, но и негативного влияния Сети на культуру. Это касается деформации языка, создания виртуальных сообществ деструктивной направленности, расширения влияния асоциальных элементов, контркультур и т.д.² Представляется, что обстоятельное изучение влияния Интернета на культуру будет только способствовать развитию диалогичности и полилогичности межкультурной коммуникации в виртуальном культурном пространстве.

Следует согласиться с мнением Ф.Т. Мамедова о том, что важно добиваться изменения пропорций между культурой и антикультурой в пользу культуры³, поскольку культура выступает основой созидательного устойчивого развития. Как этого можно добиться? Путем разработки и реализации международных культурологических программ и проектов, установления международных телевизионных культурологических мостов, способствующих распространению универсальных культурологических знаний, развития культурологии как научной парадигмы.

Универсальные культурологические знания открывают энциклопедически богатую панораму человеческой жизнедеятельности, исторических достижений национальных и мировой культуры, способствуют росту взаимопонимания и гармонии, сближению представителей разных культур, религий, сотрудничеству наций. Знание обычаев и традиций той или иной культуры, владение ее «языком» и «правилами игры» способствуют предсказуемости, открывая, таким образом, новые возможности для эффективного управления в контексте устойчивого развития.

Вопросы межкультурной коммуникации находят свое яркое выражение во внешней политике нашего государства. Культурное взаимодействие Российской Федерации с зарубежными странами регулируется «Основами законодательства о культуре» в Российской Федерации⁴. В статье 56 данного закона определен круг субъектов международных культурных обменов. Законодатель поощряет самостоятельное прямое участие в культурных обменах частных лиц, организаций, учреждений и предприятий культуры.

К числу приоритетных направлений международных культурных обменов в Российской Федерации (статья 57) относятся совместное производство культурных ценностей; реставрация уникальных памятников истории и культуры; подготовка кадров в области культуры и искусств; создание и внедрение новых технологий, технических средств, оборудования для культурной дея-

¹ См.: Общественные перемены и культура мира. Парадигмы согласия. М., 1999. С. 35-59.

² Огнева В.В., Огнева Е.А. Правовая культура как фактор эффективной защиты прав граждан в современной России // Образование и общество. 2011. №6. С.4-6; Ефимова Т.В. Интернет как социокультурный институт и фактор трансформации современной культуры. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_Sec6/004_2013_sec6.pdf (07.11.2015 года).

³ Мамедов Ф.Т. К вопросу о становлении глобальной культуры в современной цивилизации // Международные Лихачевские научные чтения. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/8928/dokladi/> (07.11.2015 года).

⁴ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон: утв. ВС РФ 09 октября 1992 г. № 3612-1 (редакция, действующая с 1 января 2015 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9005213> (12.11.2015 года).

тельности; обмен образовательными программами, методическими материалами и учебно-научной литературой. Примечательно, что Российская Федерация содействует развитию российской культуры за рубежом, поддерживая связи с зарубежными соотечественниками, организуя культурные центры, сотрудничая с землячествами, проводя совместные культурные мероприятия. Государство создает условия для возвращения на родину уехавших деятелей культуры.

В ст. 24 основ законодательства о культуре говорится, что Российская Федерация на основании межгосударственных соглашений определяет условия поддержки зарубежными странами культурно-национальных центров, национальных обществ, землячеств, ассоциаций и других организаций культуры соотечественников, проживающих в Российской Федерации, гарантирует правовую защиту указанных образований.

В соответствии с международными обязательствами Россия реализует международные проекты в сфере образования, изобразительного и сценического искусства, кино, библиотечного дела, архивоведения, музейного дела и т.д., организуемые напрямую между учреждениями культуры Российской Федерации и стран-партнеров¹.

С целью усиления российского культурного присутствия в странах на постсоветском пространстве стали традиционными Дни России в этих странах с включением в них мероприятий духовного характера. В последние годы такие Дни были проведены в Беларуси, Молдове, Украине, Азербайджане, Таджикистане. Очевидно, что популяризация за рубежом достижений культуры и искусства народов Российской Федерации способствует продвижению национальных интересов России, исходя из принципов открытости и диалогичности.

В постсоветских государствах до сих пор сохраняются близкие по духу ценности и целый ряд накопленных преимуществ культурно-образовательного свойства². В странах СНГ проживает огромная русскоязычная диаспора, которую поддерживают в России. В пространстве СНГ действует, пусть с ограничениями, общая информационная сеть. Русский язык остается рабочим языком институтов стран СНГ, ЕЭС, ОДКБ. На русском языке ведется делопроизводство и судопроизводство в ряде стран Содружества (Казахстан, Беларусь). В большинстве государств СНГ сохранились русские театры, музеи, библиотеки. Все это, казалось бы, создает впечатление глубины и основательности активного культурного процесса.

К сожалению, в этой сфере сотрудничества потенциал международных культурных взаимодействий России со странами ближнего зарубежья далеко не исчерпан, межкультурные коммуникации осложняются целым рядом проблем, требующих непредвзятого осмысления и принятия взвешенных решений.

Основным препятствием для нормального культурного диалога для граждан постсоветских стран выступает политизация межкультурных отношений. Наиболее наглядно это проявляется в Украине, где властью взят курс на полное выдавливание российской культуры из украинского культурного пространства. Повсеместно переименовываются улицы, сносятся памятники, запрещаются книги и фильмы, закрываются театры и музеи, российских артистов объявляют персонами нон-грата. Все это делается, как бы кощунственно не звучало, за приверженность русской культуре, русской истории, традициям русских³.

Значительно сужена сфера применения русского языка в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Молдове, где минимизировано количество часов российского телевидения; используемые Россией частоты вещания заменяются местным телерадиовещанием или программами других государств⁴.

Несмотря на то, что в Киргизии русский язык по конституции является официальным языком, на котором ведётся делопроизводство, русские ощущают себя потенциальными мигрантами, воспринимающими окружающую среду как недоброжелательную; для многих — это некая временная среда, которую рано или поздно, но придется покинуть⁵. Обеспокоенность вызывает факт сокращения часов преподавания официального языка и литературы в средних образовательных учреждениях. Более 75% русских обескуражены сокращением часов телевизионных программ и радиопередач на русском языке, а полный перевод документации на государственный язык тревожит 84% русских. Между тем без русского языка сложно приходится самим киргизам, ведь в России их трудится до 500 тыс. чел. Согласно некоторым данным, 68% жителей Кыргызстана ак-

¹См.: Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad_block.pdf (30.10.2015 года).

²См.: Разумовский И.В. Россия между прошлым и будущим: поиск идентичности в системе «Восток-Запад» // Известия Тул ГУ. Гуманитарные науки. 2014 год. №4-1. С.55-61.

³ Политика Украины: сделать приверженцев русской культуры изгоями. URL: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=3821232> (10.11.2015 года).

⁴ См.: Посол РФ: Сфера применения русского языка в Таджикистане сужается. URL: <http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=3143>; Английский язык в Центральной Азии вытеснит русский? // <http://rusevik.ru/politika/6749-angliyskiy-yazyk-v-centralnoy-azii-vytesnit-russkiy.html>; Шустов А. Русский мир сужается. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/01/15/russkij_mir_suzhaetsya/; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русский язык в современной Молдове. URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/167952/> (10.11.2015 года).

⁵ Русская диаспора в Киргизии: переход от разрозненности к консолидации. URL: <http://www.fergananews.com/articles/4907> (10.11.2015 года).

тивно используют русский язык в своей деятельности, 20% населения считают его родным и связывают свою карьеру с русским языком¹.

Проблемы русских и русскоязычных за рубежом актуализированы в выступлении В.В. Путина на Всемирном конгрессе соотечественников в ноябре 2015 года. Он отметил в частности, что России не может быть безразлично, «нас не может не беспокоить то, что в ряде стран, преследуя политические цели, целенаправленно разрушают систему образования на русском языке, под надуманными предлогами затрудняют работу русских театров, библиотек, культурных центров»².

Несмотря на это, Россия намерена расширять сеть российских культурных и научных центров, активнее привлекать работающих за рубежом отечественных предпринимателей, бизнес-организации и обустройству российских школ и культурных центров, к созданию коммуникационных площадок для прямого общения людей за границей, поддерживать стремление российского зарубежья к расширению общего информационного пространства.

Реализовывать эти планы российскому государству в условиях развернувшейся против России информационной войны достаточно сложно. Тем более серьезная ответственность в связи с этим возлагается не только на Министерство культуры, Минобрнауки, но и многочисленные общественные организации в России и за рубежом, призванные выступить активными проводниками достояния русской национальной культуры.

Библиография

Барселонская рекомендация от 30.11.1990 г. / «Культурная самобытность и современность: новые модели отношений в области культуры» // Многомерность культурного пространства. Материалы научно – практического форума, 29-30 октября 2008 года. СПб: Издательство «Левша – Санкт-Петербург», 2009. С. 185-186.

Барселонская рекомендация: свобода, разнообразие и солидарность // Международный журнал социальных наук. 1991. № 1. С. 199-201.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 02.11.2001 г. // http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf (10.11.2015)

Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании Пятого Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://rsvk.cz/na-vsemirnom-kongresse-sootchestvennikov-prezident-rossii-vladimir-putin-prizval-shire-ispolzovat-sovremennye-gumanitarnye-tehnologii/> (10.11.2015).

Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad_block.pdf (30.10.2015 года).

Гришаева Л.И., Пурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Изд-во «Академия», 2008.

Ефимова Т.В. Интернет как социокультурный институт и фактор трансформации современной культуры. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_Sec6/004_2013_sec6.pdf (07.11.2015).

Мамедов Ф.Т. К вопросу о становлении глобальной культуры в современной цивилизации // Международные Лихачевские научные чтения. Материалы научно-практической конференции от 15 мая 2014 года. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/8928/dokladi/> (07.11.2015).

Тимофеев Т. Общественные перемены и культура мира. Парадигмы согласия. М.: Изд-во «Весь мир», 1999.

Огнева В.В., Огнева Е.А. Правовая культура как фактор эффективной защиты прав граждан в современной России // Образование и общество. 2011. № 6. С. 4-6

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русский язык в современной Молдове. URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/167952/> (10.11.2015).

Политика Украины: сделать приверженцев русской культуры изгоями. URL: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.php?id=3821232> (10.11.2015).

Посол РФ: Сфера применения русского языка в Таджикистане сужается. URL: <http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=3143> (10.11.2015).

Разумовский И.В. Россия между прошлым и будущим: поиск идентичности в системе «Восток-Запад» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №4-1. С. 55-61.

Русская диаспора в Киргизии: переход от разрозненности к консолидации. URL: <http://www.fergananews.com/articles/4907> (10.11.2015).

Русский язык и его статус в Кыргызстане. URL: [http://www.epochtimes.ru/content/view/73695/3/\(10.11.2015\)](http://www.epochtimes.ru/content/view/73695/3/(10.11.2015)).

Теоретические основы внешнеполитической деятельности России / под ред. С. Проскурина. М.: Изд-во РАНХиГС, 2001.

¹ Русский язык и его статус в Кыргызстане. URL: [http://www.epochtimes.ru/content/view/73695/3/\(10.11.2015 года\)](http://www.epochtimes.ru/content/view/73695/3/(10.11.2015 года)).

² Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании Пятого Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://rsvk.cz/na-vsemirnom-kongresse-sootchestvennikov-prezident-rossii-vladimir-putin-prizval-shire-ispolzovat-sovremennye-gumanitarnye-tehnologii/> (10.11.2015 года).

Федеральный закон РФ от 09.10.1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9005213> (12.11.2015 года).

Хорошавцева О.П. Характер взаимодействия культуры и коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 117: Научный журнал. 2009. С. 351.

Trager G., Hall E., Culture and Communication; A Model and an Analysis // Explorations and Communication. 1994. №3. P. 137-149.

References

Barselonskaia rekomendatsiia ot 30.11.1990 g. / «Kul'turnaia samobytnost' i sovremennost': novye modeli otnoshenii v oblasti kul'tury» // Mnogomernost' kul'turnogo prostranstva. Materialy nauchno – prakticheskogo foruma, 29-30 oktiabria 2008 goda. Spb: Izdatel'stvo «Levsha – Sankt–Peterburg», 2009. S. 185-186.

Barselonskaia rekomendatsiia: svoboda, raznoobrazie i solidarnost' // Mezhdunarodnyi zhurnal sotsial'nykh nauk. 1991. № 1. P. 199-201.

Efimova T.V. Internet kak sotsiokul'turnyi institut i faktor transformatsii sovremennoi kul'tury. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2013_Sbornik/2013_Dokladi/2013_Sec6/004_2013_sec6.pdf (07.11.2015).

Federal'nyi zakon RF ot 09.10.1992 g. № 3612-1 «Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9005213> (12.11.2015).

Gosudarstvennyi doklad o sostoianii kul'tury v Rossiiskoi Federatsii v 2013 godu. URL: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2014/doklad_block.pdf (30.10.2015).

Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. Vvedenie v teoriiu mezhkul'turnoi kommunikatsii. M.: Izd-vo «Akademiia», 2008.

Khoroshavtseva O.P. Kharakter vzaimodeistviia kul'tury i kommunikatsii // Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. № 117: Nauchnyi zhurnal. 2009. P. 351.

Mamedov F.T. K voprosu o stanovlenii global'noi kul'tury v sovremennoi tsivilizatsii // Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia. Materialy nauchno – prakticheskoi konferentsii ot 15 maia 2014 goda. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/8928/dokladi/> (07.11.2015).

Ogneva V.V., Ogneva E.A. Pravovaia kul'tura kak faktor effektivnoi zashchity prav grazhdan v sovremennoi Rossii // Obrazovanie i obshchestvo. 2011. №6. P. 4-6

Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture: Federal'nyi zakon: utv. VS RF 09 oktiabria 1992 g. № 3612-1 (redaktsiia, deistvuiushchaia s 1 ianvaria 2015 goda). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9005213> (12.11.2015).

Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Russkii iazyk v sovremennoi Moldove. URL: <http://www.litsoch.ru/referats/read/167952/> (10.11.2015).

Politika Ukrainy: sdelat' priverzhentsev russkoi kul'tury izgoiami. URL: <http://forum.ykt.ru/viewtopic.jsp?id=3821232> (10.11.2015).

Posol RF: Sfera primeneniia russkogo iazyka v Tadzhikistane suzhaetsia <http://pravfond.ru/?module=news&action=view&id=3143>

Razumovskii I.V. Rossiia mezhdru proshlym i budushchim: poisk identichnosti v sisteme «Vostok-Zapad» // Izvestiia Tul GU. Gumanitarnye nauki. 2014 god. №4-1. S.55-61.

Russkaia diaspora v Kirgizii: perekhod ot razroznennosti k konsolidatsii. URL: <http://www.fergananews.com/articles/4907> (10.11.2015).

Russkii iazyk i ego status v Kyrgyzstane. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/73695/3/> (10.11.2015).

Teoreticheskie osnovy vneshnepoliticheskoi deiatel'nosti Rossii. Pod red. S. Proskurina. M.: Izd-vo RANKhIGS, 2001.

Timofeev T. Obshchestvennye peremeny i kul'tura mira. Paradigmy soglasiia. M.: Izd-vo «Ves' mir», 1999.

Trager G., Hall E., Culture and Communication; A Model and an Analysis // Explorations and Communication. 1994. № 3. S. 137-149.

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Iazyk i kul'tura. M.: Russkiy jazik, 1990.

Vseobshchaia deklaratsiia IuNESKO o kul'turnom raznoobrazii ot 02.11.2001 g. // http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf (10.11.2015)

Vystuplenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii na plenarnom zasedanii Piatogo Vsemirnogo kongressa sootchestvennikov, prozhivaiushchikh za rubezhom. URL: <http://rsvk.cz/na-vsemirnom-kongresse-sootchestvennikov-prezident-rossii-vladimir-putin-prizval-shire-ispolzovat-sovremennye-gumanitarnye-tehnologii/> (10.11.2015).

УДК 327.39 (47+57)

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ****RUSSIAN FOREIGN POLICY TRADITION: THE MAIN CHARACTERISTICS****П.И. Пашковский
P.I. Pashkovsky***Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, просп. академика Вернадского, 4**V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Vernadsky av., Simferopol, Republic of Crimea, Russia, 295007**E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности российской внешнеполитической традиции. Приведены подходы исследователей. Показано, что России свойственны характеристики империи. Территориальные размеры данной империи значительно превосходили любую из европейских стран. В российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции. Российская внешняя политика обычно реагировала на события, а не формировала их. Россия относительно поздно вышла на сцену европейской политики. К этому моменту Великобритания и Франция уже прошли этап консолидации. Внешняя политика России характеризуется наличием интеграционных императивов, обуславливающих стремление к «освоению» евразийского пространства. Периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) чередовались с дезинтеграцией (потери ранее приобретённых земель). Циклы интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества. Присоединение земель происходило с помощью методов культурного воздействия и ставки на местные элиты. Для их последующего слияния с имперским центром применялись способы военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия. Интеграция осуществлялась как в условиях полупериферийного положения государства в западноцентричной мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза.

Resume. Some features of Russian foreign policy tradition have been considered in this paper. It some approaches of specialists have been offered, was shown that Russia has imperial characteristics. Territorial dimensions of the empire were incomparably greater than any of the European countries. There was a confrontation between the «Westerners» and supporters of the conservative-patriotic traditions in the Russian foreign discourse during the last three hundred years. Russian foreign policy had sought to respond to events, and not to form them. Russia later took to the stage of European politics. Great Britain and France had already passed the stage of consolidation at this time. Russian foreign policy was characterized by integration imperatives that contribute to the pursuit of the accession of lands within the Eurasian space. Periods of integration (attachment of land to the imperial center) alternated with disintegration (loss of previously acquired lands). The cycles of integration and disintegration in various ratios interacted with the modernization of the state society. Accession of lands is done through a cultural impact and bet on the local elite. For their subsequent merger with the imperial center used methods of military, political, ideological, demographic or socio-economic impact. The integration was carried out under the conditions of semi-peripheral position of the empire in the world capitalist system, and within the autarkic union.

Ключевые слова: внешнеполитическая традиция, Россия, особенности, интеграция, дезинтеграция.
Keywords: foreign policy tradition, Russia, features, integration, disintegration.

Современное увеличение международной напряженности, обострение конфликта России с Западом и последствия антироссийских санкций, стимулируют изучение перспектив и возможностей ее развития, ресурсного потенциала и факторов, воздействующих на этот процесс¹. В этом контексте исследование исторических особенностей внешней политики государств позволяет вывести определённые закономерности, периодически повторяющиеся и

¹ Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. III. С. 149-152; Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41-53; Пашковский П.И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14-20.

обуславливающие специфику международных отношений в конкретных регионах. Подобное помогает с большей степенью объективности оценивать современное состояние международных процессов и прогнозировать их будущее развитие. Так, внешнеполитические устремления России всегда оказывали значительное влияние на ход истории евразийского пространства, во многом определяя его конфигурацию и характер взаимодействия социальных организмов, что актуализирует необходимость их комплексного изучения.

В разной степени ценными представляются попытки осмысления исторических основ и специфики российской внешней политики, предпринятые американскими учёными (З. Бжезинским, И. Валлерстайном, Р. Гартхоффом, Г. Киссинджером, П. Кеннеди, Э. Качинсом, А. Коэном, С. Коэном, Дж. Мэтлоком, Р. Пайпсом, Н. Соковым, Дж. Фридманом, Ф. Фукуямой, С. Хантингтоном); британскими экспертами (Н. Дэвисом, Д. Ливеном, Н. Фергюсоном, Дж. Хоскингом); российскими исследователями (Г. Арбатовым, А. Богатуровым, Е. Гайдаром, Е. Глушенко, А. Дугиным, Б. Кагарлицким, С. Кара-Мурзой, А. Панариным, С. Переслегиным, А. Шалминым, А. Торкуновым, А. Уткиным, И. Фрояновым, В. Цымбурским, А. Шубиным, С. Юрченко, И. Яковенко). При этом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучение особенностей внешнеполитической традиции России, её императивов и детерминант, имело преимущественно ситуативный характер, кроме того, часто искажаясь в результате политико-идеологической ангажированности. Целью настоящей статьи является выделение основных характеристик российской внешнеполитической традиции.

Подходы, впоследствии оказавшие влияние на формирование российской внешнеполитической традиции, по мнению ряда исследователей, проявляются уже во внешней политике русских княжеств в период IX – XIII вв., приобретая в XIV – XV вв. более четкие очертания¹. В дальнейшем становление внешнеполитической традиции Российского государства происходило под воздействием следующих факторов: экстремальные климатические условия; огромная пространственная протяжённость при низком уровне развития коммуникаций; наличие высоко централизованной царской власти; значительное влияние Православной церкви на внутреннюю и внешнюю политику государства; негативные издержки бюрократической системы; институт крепостничества. В то же время, как отмечают учёные, военная сила и авторитарное правление во многом способствовали присоединению новых территорий и расширению государства².

Развивая данные утверждения, американский аналитик Г. Киссинджер отмечал: «На протяжении всей своей истории Россия всегда стояла особняком. Она поздно вышла на сцену европейской политики – к тому времени Франция и Великобритания давно прошли этап консолидации... Находясь на стыке трёх различных культурных сфер – европейской, азиатской и мусульманской, – Россия вбирала в себя население, принадлежавшее к каждой из этих сфер, и поэтому никогда не являлась национальным государством в европейском смысле. Постоянно меняя очертания по мере присоединения её правителями определённых территорий, Россия была империей несравнимой по масштабам ни с одной из европейских стран. Более того, после каждого очередного завоевания менялся характер государства, ибо оно вбирало в себя совершенно новую, беспокойную нерусскую этническую группу»³. Примечательным в этой связи представляется вывод американского исследователя А. Коэна, что с начала «своего формирования <...> российское имперское развитие было обусловлено силовой экспансией и недостатком властной отчётности во внутривластном устройстве»⁴.

Характерно, что в российском внешнеполитическом дискурсе последних трёх сотен лет наблюдалось противоборство «западников» с приверженцами консервативно-патриотической традиции. «Начиная с XVII столетия, – писали американские специалисты, – любые движения по открытию России Западу сопровождаются внутренней реакцией. <...> К XIX веку западникам, симпатизировавшим европейскому пути развития, противостояли славянофилы, которые осуждали зарубежных славян, апеллировали к наследию Русской Православной церкви, приветствовали политическую автаркию и воспринимали Запад как врага. Славянофильские принципы были упрощены и адаптированы русскими этническими националистами. Евразийцы призывали к созданию нового русского супер-этноса от Балтийского моря до Тихого океана, включая Центральную Азию, путём объединения славянских и тюркских народов. На протяжении 75 лет советской власти эти идеологические разногласия между западниками, империалистами евразийцами и этноцентристами, а также православными русофилами сохранялись во внешней политике России»⁵.

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Пер. с фр. М., 2008; Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах. URL: <http://www.evrasia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).

² Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York, 1987. P. 15-16.

³ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 16.

⁴ Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

⁵ Ibid.

Разрушение СССР и системная трансформация международных отношений в условиях краха биполярности предопределили содержание концептуальных основ внешней политики РФ. Вследствие изменения её геополитического статуса возникала проблема выработки новой идеологии, способствующей консолидации общества, которое в подобных условиях «естественным образом поляризуется (обычно на «консерваторов» и «новаторов», и представителей неопределённого... «третьего пути»)»¹. Как подчёркивают американские эксперты, в российском случае это проявилось в обострении «затяжных общественных дебатов» о «национальной самобытности внешней политики», а также в «классическом для интеллектуальной истории России» «сравнении друг против друга «Евразийского» и «Западнического» лагерей»².

В тысячелетней истории «освоения» Россией евразийского пространства отслеживаются периоды интеграции (присоединения земель к имперскому центру) и дезинтеграции (потери ранее приобретённых земель). Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов упадка и могущества российской государственности был представлен российским учёным А. Уткиным: «...Страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восстанавливалась в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живёт в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы»³. Характеризуя указанную периодизацию, специалисты акцентируют, что «очевидна цикличность развития пространства, где периоды стабильного развития и экспансии составляют: 1480-1605, 1613-1812, 1815-1918, 1920-1941, 1945-1991 гг., а ослабления и фрагментации: 1237-1480, 1605-1613, 1812-1815, 1918-1920, 1941-1945, 1991-2011 гг.»⁴.

Кроме того, российской внешнеполитической традиции свойственны определённые интеграционные императивы, детерминирующие стремление к освоению окружающего (евразийского) пространства путём присоединения земель (зачастую методами культурного воздействия и ставки на местные элиты) и их последующего слияния (способами военно-политического, идеологического, демографического или социально-экономического воздействия) с имперским центром⁵. Интеграция евразийского пространства под эгидой России осуществлялась как в условиях её полупериферийного положения в мировой капиталистической системе, так и в рамках автаркического союза. В первом случае сложности (вплоть до последующей дезинтеграции) возникали в связи с исключительно сырьевой специализацией, а, следовательно, зависимостью от потребителей и кризисом при падении цен на сырьё⁶. Пример автаркии проявлялся в жёстком контроле государства над интегрированным пространством, отсоединённым от центра финансово-экономической системы, и многостороннем его реформировании за счёт внутренних ресурсов, что позволяло ему выйти из полупериферийного положения, обеспечив экономическую и политическую независимость на период порядка 50 лет. После этого замкнутая система нуждалась в «открытии» для проведения масштабной модернизации. Примечательно, что в стадии дезинтеграции Россия находилась в положении полупериферии, а социальные организмы, образовавшиеся в результате распада империи, – периферии⁷.

Следующей важной особенностью представляется то, что периоды интеграции и дезинтеграции в различных соотношениях взаимодействовали с модернизацией государства и общества. Производной такого взаимодействия становилась корреляция интеграционных императивов внешней политики России, влиявших на ход истории пространства, в границах которого осуществлялась экспансия⁸. Анализ российского опыта взаимодействия процессов интеграции и модернизации позволяет утверждать, что интеграция, как присоединение территорий к имперскому центру, практически всегда опережала модернизацию, зачастую становящуюся её следствием. Иногда эти процессы протекали одновременно. Реже модернизация предшествовала интеграции. Показательно, что для начала эффективной модернизации в виде многостороннего реформирования, как правило, требовалось состояние относительной стабильности имперского центра, достигнутое после социально-экономического и военно-политического сращивания с ним интегрированных земель. Модернизация в условиях нестабильности и дезинтеграции представлялась немыслимой. А интеграция могла происходить даже в период социально-экономической слабости имперского центра, являясь предтечей дальнейшего реформирования или протекая параллельно с ним⁹.

¹ Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001. С. 11-12.

² Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania, 1997. P. 11.

³ Уткин А. И. Мир после сентября 2001 года. М., 2002. С. 138-139.

⁴ Ирхин А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь, 2011. С. 23.

⁵ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). Киев, 2012. С. 43.

⁶ Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 48.

⁷ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). С. 43.

⁸ Пашковский П. И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60), Ч. III. С. 149-152.

⁹ Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.); Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. С. 14-20.

Ещё одну черту российской внешнеполитической традиции, характеризующуюся периодическими повторениями, определил старший научный сотрудник Монтерейского института международных отношений Н. Соков: «Внешняя политика России стремится реагировать на события, а не формировать их»¹. Эта тенденция исторически проявляется в несколько «запаздывающей», ситуативной реакции государства на возникающие внешние угрозы. В качестве новейшего примера проявления данной особенности приводится поздняя реакция РФ на решительные действия Латвии, Литвы и Эстонии по вступлению в НАТО.

Вместе с тем, очевидно, что исторические реалии позволяют относить Россию к империям, как к государствам, которым, согласно отечественному аналитику С. Переслегину, соответствуют следующие характеристики: наличие осознанной и отрефлектированной населением и элитами ассоциированности с одной из самостоятельных геополитических структур; существование одного или нескольких этносов, соотносящих себя с данным государством; хотя бы одним из этих этносов проявлена пассионарность в форме господствующей идеологии; такое государство занимает определённое место в мировой системе разделения труда; оно смогло сформировать собственную уникальную цивилизационную миссию, проявляющуюся в возможности охарактеризовать смысл своего существования².

Особое значение в этом контексте приобретает понимание исторических последствий распада империй. Показательным утверждением, отражающим ситуацию последствий дезинтеграции (как распада империй) в глобально-историческом контексте, представляется мысль крымского политолога С. Юрченко: «Распад империй порождает несколько видов напряжений для их наследников: первый из них связан с попытками сильных соседей присоединить осколки великой державы или установить над ними контроль; второй – с попытками бывшего имперского центра частично или полностью восстановить свои позиции; третий – с возможными противоречиями между вновь образовавшимися государствами»³. Каждое из обозначенных «напряжений» в той или иной степени проявлялось в ситуации конкуренции глобальных и региональных акторов и интеграционных процессах на постсоветском пространстве. При этом императивами российских внешнеполитических подходов в регионе во многом являлись указанные выше особенности.

Представленный перечень характеристик российской внешнеполитической традиции является далеко не полным, требуя расширения и комплексного исследования на основе глубинного анализа исторического опыта. В свою очередь, каждый из приведённых тезисов заслуживает отдельного изучения в целях доказательства частоты и специфики его проявления, а также соотношения с другими особенностями, учитывая влияние внутренних и внешних факторов.

Библиография

- Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Пер. с фр. М.: Весь мир, 2008.
- Дугин А. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).
- Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь: Рибэст, 2011.
- Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. III. С. 149-152.
- Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012.
- Пашковский П.И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41-53.
- Пашковский П.И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14-20.
- Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2007.
- Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. М.: Издатель А. В. Соловьёв, 2002.
- Юрченко С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.16).

¹ Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional Commentary by E. Wayne Merry. Washington D. C., 1999. P. 20.

² Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: СПб., 2007. С. 31.

³ Юрченко С. В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств // Чорноморська безпека. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.16).

Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.

Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional Commentary by E.Wayne Merry. Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999.

References

Brodel' F. Grammatika civilizacij. M.: Ves' mir, 2008.

Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (30.05.2016).

Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997.

Dugin A. Jevoljucija nacional'noj idei Rusi (Rossii) na raznyh istoricheskikh jetapah. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (30.05.2016).

Irhin A. A. Geopoliticheskie cikly Evrazii i nacional'nye interesy Ukrainy. Sevastopol': Ribjest, 2011.

Jurchenko S. V. Osnovnye tendencii razvitiya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij i problema aktualizacii obshhestvennogo vozdejstviya na vneshnjuju politiku gosudarstv // Chornomors'ka bezpeka. 2008. № 4 (10). URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (30.05.2016).

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York: Random House, 1987.

Kissinger H. Diplomatiya. M.: Ladomir, 1997.

Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaja geografija. M.: Aspekt Press, 2001.

Pashkovsky P. I. Integracionnaja aktivnost' Rossii: problemy periodizacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 10 (60). Ch. III. Pp.149-152.

Pashkovsky P.I. Integracionnaja politika Rossii na postsovetском prostranstve (1991 – 2011 gg.). Kiev: Interservis, 2012.

Pashkovsky P.I. Rossija v mezhdunarodnyh sistemah: istoricheskij opyt pozicionirovaniya // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2016. № 1. Pp. 41-53.

Pashkovsky P. I. Cikly modernizacii i problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii // Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. 2016. № 1 (13). Pp. 14-20.

Pereslegin S. Samouchitel' igry na mirovoj shahmatnoj doske. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2007.

Sokov N. Russian Policy Towards the Baltics: What the West Can Expect and What It Could Do / With Additional

Commentary by E.Wayne Merry. Washington D. C.: The Atlantic Council of the United States, 1999.

Utkin A. I. Mir posle sentjabrja 2001 goda. M.: Izdatel' A. V. Solov'jov, 2002.

УДК 327.8 [(73):(479)]

МЕНЯЮЩАЯСЯ СТРАТЕГИЯ США В ОТНОШЕНИИ КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

THE CHANGING US STRATEGY IN THE CAUCASUS REGION AND ITS IMPORTANCE FOR RUSSIA

А.П. Коротышев
A.P. Korotyshev

*Нижегородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23*

*National State Research University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia*

E-mail: aleks_korotyshev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются разработки американских аналитических центров, посвященные ситуации в Кавказском регионе и политике США в отношении кавказских стран. Авторская методика позволяет, на основе открытых источников, восстановить рекомендации, которые аналитические центры США готовят для лиц, принимающих решения. Автор также учитывает практическую политику США, выступления и заявления официальных лиц. На основе этих материалов делаются выводы относительно трансформации политики США на Кавказе, а также изменения роли региона в глобальных политических процессах. Прогнозирование американской внешней политики имеет большое значение для разработки российской стратегии на Кавказе.

Resume. The article deals with the American think tanks reports, devoted to the situation in the Caucasus region and the US policy towards Caucasus states. The author's technique allows to restore the recommendations, that US think tanks work out for decision-makers, using open sources of information. The author also takes into account the US policy practice and official statements. On this basis, the author makes some original conclusions about the US policy in the Caucasus, and the changing role of the region in global political processes. American foreign policy prediction is of great importance for the Russia's strategy in the Caucasus.

Ключевые слова: внешняя политика США, Кавказский регион, аналитические центры США.

Key words: foreign policy of the USA, the Caucasus region, US policy in the Caucasus, the US think tanks.

С начала 1990-х годов, политика США оставалась одним из ключевых факторов развития международных отношений в Кавказском регионе. Заметное влияние оказывала она и на внутреннюю политику кавказских государств. При этом, несмотря на некоторые изменения, основные приоритеты американской внешней политики на Кавказе, в период с 1991 по 2008 г. менялись незначительно. Военная операция против грузинских войск и признание независимости Абхазии и Южной Осетии вызвали повышенный интерес в США, однако это не привело к принципиальному пересмотру их региональной стратегии.

Тем не менее, сегодня есть основания полагать, что эта стратегия кардинально пересматривается. На это указывают как практическая деятельность американских политиков и дипломатов, так и аналитические разработки исследовательских центров, тесно связанных с госструктурами США и работающих по их заказу, так и выступления и заявления официальных лиц. В рамках настоящей статьи рассматриваются разработки следующих аналитических центров: СТРАТФОР (Strategic Forecasting Inc.), Центр стратегических и международных исследований (CSIS), Бруклинский институт (The Brookings Institution), РЭНД Корпорейшн (RAND Corporation), Фонд Наследие (The Heritage Foundation). Их изучение, а также анализ заявлений и действий американских политиков позволяют определить основные контуры новой политики США на Кавказе.

Повышенное внимание к военному сотрудничеству, содействие милитаризации региона

Для кавказской политики США 1991-2014 гг. были характерны попытки соблюдения определенного баланса. С одной стороны, делались попытки налаживания сотрудничества со всеми

странами региона. Конечно, американо-грузинские отношения развивались более успешно, чем, к примеру, американо-армянские. Тем не менее, американские дипломаты не оставляли попыток повысить уровень отношений со всеми государствами Закавказья, пытались вовлечь их в многосторонние проекты и пр. С другой стороны, чисто военное сотрудничество традиционно дополнялось поддержкой экономических проектов, работой в социально-культурной сфере и пр. Сегодня основной акцент политики США на Кавказе явно сместился в военно-политическую сферу.

Обратимся к специальному докладу «Комплексная стратегия США по отношению к России», подготовленному коллективом авторов из Института изучения проблем национальной безопасности и внешней политики им. Дэвисов (Davis Institute for National Security and Foreign Policy Studies) при Фонде Наследие (The Heritage Foundation)¹. В данном документе политики США на Кавказе непосредственно касаются два раздела: один посвящен американо-грузинскому сотрудничеству, другой – латентным конфликтам. В качестве приоритетов политики США в отношении Грузии называются:

1. Продажа Грузии оборонительных вооружений.
2. Поддержка программ обучения грузинских военных, как в рамках НАТО, так и в двустороннем формате.
3. Расширение сотрудничества в рамках НАТО.
4. Содействие Грузии в «совершенствовании ее способности реагировать на чрезвычайные ситуации».
5. Упрощение визового режима.
6. Создание более свободного режима торговли².

Совершенно очевидно, что эксперты отдают явный приоритет военным программам. Что же касается режима свободной торговли, то эта тема является традиционной в американо-грузинских переговорах. Так Президент США Б. Обама еще в 2012 г. заявил, что США могли бы «исследовать возможность создания зоны свободной торговли» с Грузией³, однако дальше деклараций дело так и не продвинулось.

В докладе с повестки дня снимаются многие экономические, коммуникационные и социальные проекты, востребованные в прошлом. Лицам, принимающим решения в США, в открытую рекомендуется взять курс на милитаризацию Грузии.

Поднимая тему латентных конфликтов, авторы доклада вводят термин «постсоветская агрессия», относя к ней не только действия РФ в Крыму и Абхазии, но также нагорно-карабахский конфликт и операцию в Чеченской Республике. Вина за эскалацию всех упомянутых конфликтов возлагается на Россию. Авторы доклада предлагают:

1. Разработать некие международные стандарты, исключая «защиту национальных меньшинств» и «поддержку революций» из-за рубежа.
2. Продумать стратегию, которая позволила бы США «поддерживать нации, находящиеся под угрозой», но при этом разоблачила бы Россию как «разжигателя мятежей». К сожалению, авторы доклада не поясняют, как можно совместить первое и второе.
3. Борьба с угрозой со стороны радикального ислама в регионе, но отдельно от России, не оказывая ей помощи. РФ, по мнению авторов, сама провоцирует исламистов, в том числе давлением свобод в Чеченской Республике.

Представляется, что обозначенная экспертами позиция нацелена не на поиск устойчивого баланса в регионе (пусть и с ограничением влияния России), а на разжигание конфликтов и вовлечение в них РФ. Так, США традиционно пытались занимать нейтральную позицию в армяно-азербайджанском конфликте, стремясь установить взаимодействие с обеими сторонами. Однако авторы доклада говорят о «поддержке Россией Армении в войне против Азербайджана», а на прилагаемой карте обозначены «территории, оккупированные Арменией»⁴.

Сходные тезисы можно встретить и в других аналитических разработках США. Так в аналитическом докладе фонда «Стратфор» утверждается, что Россия заинтересована в эскалации конфликта в Карабахе и даже просчитывает варианты военного вторжения⁵.

В январе 2015 был опубликован другой доклад фонда – «Washington Returns to a Cold War Strategy»⁶, подготовленный по результатам консультаций с военным командованием США. В нем,

¹ U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. Special Report. The Heritage Foundation official web-site. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/12/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (09.01.2016).

² Ibid.

³ Barack Obama «Remarks by President Obama and President Saakashvili of Georgia After Bilateral Meeting» The White House, January 30, 2012. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/30/remarks-president-obama-and-president-saakashvili-georgia-after-bilatera> (14.01.2016).

⁴ U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. Special Report. The Heritage Foundation official web-site. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/12/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (09.01.2016).

⁵ The Logic and Risks Behind Russia's Statelet Sponsorship. Strategic Forecasting Inc. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/logic-and-risks-behind-russias-statelet-sponsorship> (30.10.2015).

⁶ Washington Returns to a Cold War Strategy. Stratfor Global Intelligence. URL: https://www.stratfor.com/sample/geopolitical-diary/washington-returns-cold-war-strategy?utm_campaign=nid-214038&utm_content=stratfor_geodiary&utm_medium=email&utm_source=Twitter (28.10.2015).

в частности, говорится, что США реанимируют стратегию «предразвертывания» (pre-positioning equipment) времен противостояния с СССР. Она заключается в том, что в угрожаемых регионах заранее развертывается инфраструктура, необходимая для действий крупных подразделений, а личный состав, при необходимости, перебрасывается военной и гражданской авиацией.

Некоторые признаки реализации этой стратегии можно найти и в Кавказском регионе. В конце августа 2015 г. в Тбилиси открылся новый учебный центр НАТО, притом, что подобный там уже действовал. Грузинский премьер-министр Ираклий Гарибашвили, комментируя открытие центра, заявил, что «вокруг него было много спекуляций, якобы это тренировочная база. Но это не тренировочная база. Это учебный центр для наших военнослужащих, чтобы повысить уровень их подготовки в соответствии со стандартами НАТО»¹.

В 2015 г. достаточно активно велись переговоры официальных лиц США и НАТО с представителями Грузии. Было заявлено, что «саммит НАТО в Варшаве в 2016-м должен, наконец, представить Грузии «План действий по членству». Тем не менее, по мнению грузинских экспертов, принятие плана действий вовсе не означает гарантированного членства в будущем. Кроме того, в правящей элите Грузии, а особенно среди военных, сильны противоречия касательно приоритетов и путей развития вооруженных сил. Есть убежденные противники копирования военной структуры НАТО и конфронтации с Россией»².

Эксперты РЭНД Корпорейшн полагают, что борьба на Кавказе таких региональных сил как Россия, Турция и Иран ведет к ограничению в регионе «независимости, свобод и процветания». Соответственно США должны поддерживать Азербайджан, Армению и Грузию в их стремлении к самостоятельности. В их разработках явно присутствует тезис о необходимости создания на Кавказе препятствий для роста влияния региональных держав, а в особенности РФ³.

Стремление США несколько пересмотреть свои отношения с Азербайджаном, Арменией и Грузией, придать им новый импульс прослеживалось в участившихся в 2015 г. визитах официальных лиц в кавказские страны. Особенно заметным был визит помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктории Нуланд в феврале 2015 г.⁴ В ходе официальных переговоров представителям Азербайджана, Армении и Грузии была обещана поддержка США по широкому кругу вопросов. При этом, представитель США обходила традиционно острые проблемы в двусторонних отношениях. Так, в Азербайджана до предела сократили и формализовали встречу с гражданскими активистами и правозащитниками (в последние годы ситуация с правами человека использовалась США для давления на руководство республики). В Грузии В. Нуланд удалось погасить конфликт между действующей администрацией и командой М. Саакашвили, объявленного в розыск и трудоустроившегося в Украине. В Армении представитель США встретилась с президентом Сержем Сарсяном и министром иностранных дел Эдвардом Налбандяном.

Таким образом, наметилась трансформация роли Кавказского региона во внешнеполитической стратегии США.

Дружественная позиция американской элиты по отношению к упомянутым государствам Кавказа во многом объяснялась ее стремлением влиять на транзит углеводородов через кавказско-каспийский регион. Понятно, что это создавало определенный рычаг давления как на Россию (создавая альтернативный, по отношению к российскому, маршрут с другим поставщиком), так и на Европу (как потребителя этого маршрута).

На сегодняшний день эти соображения отступили на второй план, ввиду того, что российско-европейские торговые связи ослабли, прибыльность нефтегазовых проектов упала, а Россия пытается переориентировать свой экспорт на восток. Более актуальными задачами для США на Кавказе становятся военно-политическое сотрудничество, вмешательство в региональные конфликты, игра на военно-политических противоречиях и сдерживание основных региональных акторов.

США способствуют милитаризации Кавказского региона, что особенно опасно, если учесть тот факт, что с течением времени экономические интересы США в регионе (а значит и их стремление к региональной стабильности) будут ослабевать. Если в 2000-х гг. США нуждались в хотя бы относительной стабильности на Кавказе для реализации ряда коммуникационных проектов (ТРАНСЕКА, Набукко, Баку-Джейхан и пр.), то теперь в их правящей элите могут возобладать другие интересы. В будущем на Кавказе вполне можно ожидать военно-политических авантюр и политических провокаций.

¹ Генсек НАТО начал официальный визит в Грузию. Информационный портал Asia Plus. URL: <http://news.tj/ru/news/gensek-nato-nachal-ofitsialnyi-vizit-v-gruziyu> (28.10.2015).

² Giorgi Menabde. *Domestic Political Issues Hinder Georgia's Progress Toward NATO*. Publication: Eurasia Daily Monitor Volume: 13 Issue: 56 URL: http://www.jamestown.org/regions/thecaucasus/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=45228&tx_ttnews%5BbackPid%5D=54&cHash=393f910a47a3e07cb3eb128e790429bb#.VwEftbaLTct (03.04.2016).

³ Denis Corboy, William Courtney, Richard Kauzlarich It's Time to Reboot Our Relationship with Russia and Iran's Neighbors. RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/07/its-time-to-reboot-our-relationship-with-russia-and.html> (3.04.2016).

⁴ Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs Victoria Nuland Travel to Azerbaijan, Georgia, and Armenia. U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/02/237521.htm> (05.04.2016).

Повышенный интерес к проблемам российского Северного Кавказа

Проблемы российского Северного Кавказа всегда, в той или иной степени, пользовались вниманием экспертных кругов США. В 2000-х годах было выпущено достаточно много аналитических разработок по данной тематике. Весьма показательно, что пик внимания американских исследовательских центров к кавказской проблематике пришелся на 2011 – 2013 гг.

В этот период был издан ряд специализированных докладов, к примеру, работы Центра стратегических и международных исследований (CSIS) «Getting The Caucasus Emirate Right»¹ и «The North Caucasus: Russia's Volatile Frontier»². В этих работах рассматривались многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются российские власти на Северном Кавказе. Их общие выводы сводились к тому, что Москве на Кавказе приходится искать тонкий баланс между политическим управлением, проблемами самоидентификации населения и вопросами безопасности. Все эти проблемы не имеют быстрого решения и, даже при самой грамотной стратегии управления, требуют многих лет кропотливой работы³. Что касается российского руководства, то оно, по мнению экспертов CSIS, часто подходит к проблемам слишком прямолинейно, пытается добиться быстрых результатов за счет прямого вливания средств и силового контроля, не умеет использовать «мягкую силу».

Общей тенденцией, которая отмечалась в большинстве экспертных разработок того времени, стала общая дестабилизация Кавказского региона, а также граничащих с ним государств. Свое окончательное оформление данный тезис получил в аналитическом докладе «Большой Кавказ между фрагментацией и интеграцией»⁴. В разделе, содержащем рекомендации Правительству США, автор доклада подчеркивает, что ему следует работать в тесном сотрудничестве с региональными лидерами, такими как Россия, Турция и Иран. Тем не менее, однозначно утверждается, что именно деятельность США и ЕС по развитию в регионе разнопрофильных интеграционных проектов (транспортных потоков, трубопроводов, торговых соглашений и пр.) способна как удержать регион от распада, так и принести ощутимые геополитические выгоды США.

Такого рода выводы, в общем, вполне понятны, обоснованы, и, в некоторой степени, недалеки от реальности. Однако эксперты CSIS весьма склонны к их политизации, которая выразилась в том, что в их разработках, выпущенных до 2014 г., практически любые проблемы Кавказа связываются с проведением там Олимпиады 2014 г.

Этому событию в американской экспертной среде уделялось достаточно много внимания. CSIS на регулярной основе проводил круглые столы, посвященные геополитическому значению олимпиады, проблемам борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности. Названия такого рода мероприятий, к примеру «Олимпиада в Сочи: внутриполитические и региональные проблемы и вызовы безопасности»⁵ или «Сочи-2014: измерения геополитики и безопасности»⁶, позволяют понять, что их участников интересовала именно способность РФ обеспечить безопасность игр, а также возможности использования их в политической борьбе (как самой Россией, так и ее геополитическими конкурентами). Интересно, что в 2012 – 2014 гг. на сайте CSIS регулярно появлялись небольшие заметки, посвященные угрозам безопасности Олимпиады, к примеру, угрозе теракта с применением ОМП⁷.

В целом, складывается впечатление, что на протяжении 2011 – 2014 гг. в американской экспертной среде господствовало ожидание на Кавказе некой эскалации, катастрофических событий, с которыми РФ и другие страны региона будут не в состоянии справиться, ввиду отсутствия у них опыта, политической воли и необходимых ресурсов.

После того, как Сочинские игры миновали, не ознаменовавшись, к счастью, крупными терактами или чем-то подобным, интерес американских экспертов к Кавказу и его проблемам резко упал. В 2015 г. CSIS не выпустил ни одного доклада по проблемам Кавказа, количество экспертных разработок резко упало.

Однако с 2015 г. в восприятии американской элитой ситуации на российском Кавказе появилось две новых тенденции.

Во-первых, значительно возросло внимание к этническим проблемам внутри России.

¹ Gordon M. Hahn Getting The Caucasus Emirate Right. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/110930_Hahn_GettingCaucasusEmirateRt_Web.pdf (13.10.2015).

² The North Caucasus: Russia's Volatile Frontier. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/110321_Kuchins_NorthCaucasus_WEB.pdf (15.10.2015).

³ Ibid.

⁴ Jeffrey Mankoff The Big Caucasus Between Fragmentation and Integration. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/120326_Mankoff_BigCaucasus_Web.pdf (03.04.2016).

⁵ The Sochi Olympics Domestic, Regional, and Security Challenges. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/2014-sochi-olympics> (08.04.2016).

⁶ Sochi 2014: Security and Geopolitical Dimensions. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/sochi-2014-security-and-geopolitical-dimensions> (08.04.2016).

⁷ Gordon M. Hahn Considering the Caucasus Emirate Chemical Attack Threat to Sochi. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/considering-caucasus-emirate-chemical-attack-threat-sochi> (07.04.2016).

В качестве примера приведем аналитический доклад Stratfor¹, демонстрирующий весьма своеобразный подход к черкесской проблеме. Итак, согласно американским экспертам, Чеченская Республика находится на особом положении, что вызывает недовольство других этнических групп на Кавказе. Чеченская элита и лично Рамзан Кадыров видят себя лидерами российского Северного Кавказа и стараются противодействовать появлению там новых центров влияния. В то же время, существует значительная, рассеянная по всему Кавказу «черкесская диаспора», претендующая на автономию внутри России, чему власть, в целом, противодействует. Тем не менее, в российской элите и, особенно, силовых структурах, есть сторонники образования черкесской автономии, как некоего противовеса Чеченской республике.

Такой взгляд, конечно, отличается определенной наивностью, однако совершенно очевидно стремление западных аналитиков изучать этнические проблемы Кавказа, создавать, с их помощью потенциальные конфликты внутри и у границ России, а также сталкивать кавказские народы между собой.

Во-вторых, подавляющее большинство американской аналитики, касающейся ИГИЛ и деятельности террористических сетей, так или иначе, затрагивает проблему развертывания террористической войны на Кавказе.

Так, эксперты РЭНД Корпорэйшн утверждают, что 2015 – начале 2016 г. ИГИЛ сосредоточила всю свою деятельность в Сирии. Там были задействованы лучшие силы, а операции за ее пределами почти не координировались и были, по сути, «инициативой на местах». Однако в скором времени следует ожидать переноса активности ИГИЛ в другие регионы. Среди них особо обозначен Северный Кавказ, где обстановка способствует нелегальной активности вернувшихся из Сирии боевиков².

Отметим, что Кавказский регион упомянут в принятой в США в феврале 2015 г. Национальной стратегии безопасности. В ней, в частности, говорится, что на Кавказе сильный риск развития трансграничной преступности и наркоторговли. Документ также призывает усилить связи США с кавказскими государствами, в особенности в области разрешения конфликтов³.

Об опасности проникновения ИГИЛ в Кавказский регион нередко упоминает Президент США Б. Обама, к примеру в своей речи от 6 июля 2015 г⁴.

Роль транзитного региона переходит к Центральной Азии, а Кавказ станет зоной нестабильности

Как уже говорилось, Кавказский регион в настоящее время не пользуется столь пристальным вниманием США, как в 90-х или 2000-х годах. Несмотря на приведенные с настоящей статье примеры аналитических докладов, интерес, проявляемый политической элитой США к данному региону, в 2015 г. заметно снизился.

С другой стороны, 2015 г. знаменовался всплеском интереса к Центральной Азии. CSIS посвятил ситуации в государствах данного региона целый цикл работ. Как и в случае с Кавказским регионом в 2011 - 2014 гг., рост интереса сопровождался организацией круглых столов, подготовкой аналитических докладов, статей и интервью.

Приведем лишь некоторые примеры:

В ходе круглого стола «Глобальное или региональное будущее для Центральной Азии?»⁵ эксперты констатировали рост интереса таких держав как Китай, Россия и США к Центральной Азии. Отмечалось, что США и Китай имеют собственные, весьма различные взгляды на перспективы и конкретные формы построения «нового шелкового пути». Что касается России, то ее приоритетом становится переориентация своего сырьевого экспорта с европейских на азиатские рынки. Американские эксперты выражают серьезную обеспокоенность возможным альянсом России и Китая.

Особенно интересен цикл аналитических докладов, посвященный перспективам отдельных государств региона и их возможной роли в американских коммуникационных проектах: «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии и Кыргызстана»⁶, «Центральная Азия в ре-

¹ A Caucasus Ethnic Group Raises Concerns in Moscow. Strategic Forecasting Inc. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/caucasus-ethnic-group-raises-concerns-moscow> (11.04.2016).

² Brian Michael Jenkins How Real Is the ISIS Threat? RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/blog/2016/03/how-real-is-the-isis-threat.html> (11.04. 2016).

³ The USA National Security Strategy. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (11.04. 2016).

⁴ Remarks by the President on Progress in the Fight Against ISIL. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/07/06/remarks-president-progress-fight-against-isil> (11.04. 2016).

⁵ A Global or Regional Future for Central Asia? Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/global-or-regional-future-central-asia> (13.04. 2016).

⁶ Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kyrgyzstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kyrgyzstan> (13.04. 2016).

коммуникации Евразии и Казахстана»¹, «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии и Таджикистана» и др. Основной мыслью данного цикла является тезис о необходимости пересмотра подхода США к государствам Центральной Азии. Новым приоритетом объявляется их «вовлечение в мировую торговую систему», «преодолевая трения», которые могут возникнуть как внутри региона, так и между глобальными игроками.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить докладу «Центральная Азия в ре-коммуникации Евразии: интересы и рекомендации США»². Столь часто употребляемый экспертами термин «ре-коммуникация» (reconnecting) здесь получает завершающее оформление в виде рекомендаций лицам, принимающим решения в США. А именно:

1. Создать в структуре Совета Национальной Безопасности США отдел по проблемам Евразии.
2. Нарастить объем торговли и инвестиционных проектов США в государствах Центральной Азии.
3. Попытаться, совместно с Китаем, выработать общие подходы к концепции «нового шелкового пути» и начать ее реализацию.
4. Нарастить активность политических визитов в Центральную Азию, на самом высоком уровне.
5. Борьбаться с влиянием Китая и РФ в регионе, предлагая местным элитам более выгодные проекты.
6. Содействовать развитию в регионе интеграционных проектов с участием США.
7. Развивать сотрудничество в сфере образования, науки, бизнес-контактов, тем самым устанавливая тесные связи с элитой государств региона³.

Можно заметить сильный контраст с теми приоритетами, которые устанавливались различными американскими экспертами для Кавказского региона. Именно Центральная Азия должна стать зоной разворачивания новых экономических и коммуникационных проектов, зоной торгово-экономической экспансии США. Кавказскому региону, по всей видимости, отводится иная роль.

По утверждению эксперта Бруклинского института, Запад сегодня подходит к проблемам Южного Кавказа с «меньшими ресурсами и меньшим потенциалом внешней политики», притом, что страны региона уже не так однозначно поддерживают евро-атлантическую ориентацию⁴. Эксперт констатирует, что политические элиты кавказских государств стали более прагматично относиться к инициативам западных стран, ожидая конкретной выгоды, а не политических деклараций. В условиях ограниченности ресурсов американской внешней политике придется опираться на региональные силы и структуры. Автор возлагает надежды на Турцию, способную стать гарантом стабильности в регионе⁵. Однако, учитывая современную расстановку сил в регионе, стремление США поддержать Турцию, сделать ее проводником своего влияния, будет способствовать лишь обострению борьбы, оживлению региональных конфликтов.

Достаточно подробно ситуация в Кавказском регионе и политика США в его отношении рассматривается в докладе Бруклинского Института «Повторяя кавказский круг: предположительные направления и границы сотрудничества США, ЕС и Турции на Южном Кавказе»⁶. В первую очередь обращают на себя внимание особенности оценки авторами доклада ситуации на Южном Кавказе:

1. После распада СССР Южный Кавказ привлек внимание США, западноевропейских стран и Турции в качестве транзитного региона. Однако усилия этих трех акторов были плохо скоординированы, они конкурировали между собой, реализуя собственные нефте- и газотранспортные проекты. Поэтому падение нефтяных цен, обострение региональных конфликтов, а также политика России привели к значительному распаду региональных связей в 2008-2015 гг.
2. Азербайджан, Армения и Грузия за годы самостоятельного развития сильно отдалились друг от друга в экономическом, политическом и культурном плане. Единого транзитного пространства, на которое возлагали надежды политики США и ЕС, на Южном Кавказе не существует, и в ближайшее время не появится.
3. Россия продолжает сохранять большое влияние в регионе, благодаря экономическим связям и политическому давлению. Три кавказских государства могут стать жертвой агрессии РФ и это порождает большие опасения в их политических элитах.

¹ Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kazakhstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kazakhstan> (13.04. 2016).

² Central Asia in a Reconnecting Eurasia: U.S. Policy Interests and Recommendations. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/150507_Kuchins_CentralAsiaSummaryReport_Web.pdf (13.04. 2016).

³ Ibid.

⁴ Andrew Moffatt The South Caucasus and the limits of Western power. The Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/07/17-south-caucasus-western-power-moffatt> (13.04. 2016).

⁵ Ibid.

⁶ Retracing the Caucasian Circle: Considerations and Constraints for U.S., EU, and Turkish Engagement in the South Caucasus. The Brookings Institution. URL: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2015/07/south-caucasus-engagement/south_caucasus.pdf?la=en (12.04.2016).

4. Даже антироссийские санкции негативно сказались на кавказских государствах, тесно связанных с российской экономикой. Они нуждаются в помощи, защите от растущего влияния России.
5. Региональные конфликты на Кавказе продолжают обостряться, а традиционные механизмы их решения (к примеру, Минская группа ОБСЕ) не эффективны и «не представляются нейтральными региональным правительствам». Многолетнее неучастие США в разрешении региональных конфликтов, сделало их взаимодействие со странами региона «однобоким».
6. Политические элиты Южного Кавказа разочарованы в политике ЕС, внутри которого нет единства по вопросам сотрудничества и помощи кавказским государствам.
7. Турция столкнулась с массой проблем на своих границах и не сможет уделять достаточное внимание проблемам Кавказа¹.

Исходя из представленного видения ситуации в регионе, авторы доклада предлагают собственные рекомендации правительству США. США должны перестать рассматривать Южный Кавказ как единый регион, избавиться от иллюзии того, что он станет коммуникационным коридором и разработать индивидуальный подход к Азербайджану, Армении и Грузии².

Крупные региональные силы, такие как Россия, ЕС и Турция в ближайшее время не смогут уделять достаточно внимания Южному Кавказу (ввиду различных причин, в первую очередь – своей вовлеченности в другие конфликты). Кроме того, в политических элитах Азербайджана, Армении и Грузии есть определенное разочарование их политикой. Все это создает возможности для роста влияния США в регионе. Впрочем, авторы доклада признают, что ограниченность ресурсов и возможностей США вынудит их сотрудничать с другими акторами – ЕС и Турцией³.

Отметим, что в достаточно объемном докладе авторы вовсе не затрагивают две темы: сотрудничество с Россией (в каких бы то ни было формах) и развитие в регионе коммуникационных проектов. Представляется, что Южный Кавказ, в глазах экспертов из США из коммуникационного пути превратился в буферный регион сдерживания России (а отчасти – Турции и ЕС).

Итак, международно-политическое значение Кавказского региона для России, США и всего мира меняется. Во многом это связано с попыткой руководства РФ переориентировать свой импорт и экспорт с западных, на восточные рынки. При западно-ориентированной российской торговле, в которой основными партнерами были европейские страны, Кавказский регион играл роль альтернативного торгового маршрута, дополнительно пути, по которому каспийские углеводороды могли попадать на европейский рынок. В этом качестве он, с разной степенью успеха, использовался США для давления на Европу и Россию.

Очевидно, что в случае успешного развития отношений РФ с азиатскими партнерами, ключевым транзитным регионом станет Центральная Азия. Расположенные там государства стали пользоваться, в последний год, повышенным вниманием США, в особенности в части торговли и развития инвестиционных проектов. По всей видимости, в Центральной Азии в ближайшее время развернется острая конкуренция коммуникационных проектов (поддерживаемых РФ, США, Китаем, Индией и др. странами), как это было на Кавказе в 1990-х и 2000-х гг.

Что же касается Кавказского региона, то лишившись былой коммуникационной значимости, он вполне может превратиться в зону военно-политической нестабильности. Об этом пишут эксперты ведущих аналитических центров США, и этому во многом способствует американская внешняя политика.

References

- A Caucasus Ethnic Group Raises Concerns in Moscow. Strategic Forecasting Inc. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/caucasus-ethnic-group-raises-concerns-moscow> (11.04.2016).
- A Global or Regional Future for Central Asia? Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/global-or-regional-future-central-asia> (13.04.2016).
- Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs Victoria Nuland Travel to Azerbaijan, Georgia, and Armenia. U.S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/02/237521.htm> (05.04.2016).
- Central Asia in a Reconnecting Eurasia: U.S. Policy Interests and Recommendations. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/150507_Kuchins_CentralAsiaSummaryReport_Web.pdf (13.04.2016).
- Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kazakhstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kazakhstan> (13.04.2016).
- Central Asia in a Reconnecting Eurasia-Kyrgyzstan. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/central-asia-reconnecting-eurasia-kyrgyzstan> (13.04.2016).
- Corboy D., Courtney W., Kauzlarich R. It's Time to Reboot Our Relationship with Russia and Iran's Neigh-

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

bors. RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/07/its-time-to-reboot-our-relationship-with-russia-and.html> (03.04.2016).

Gordon M. Hahn Considering the Caucasus Emirate Chemical Attack Threat to Sochi. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/publication/considering-caucasus-emirate-chemical-attack-threat-sochi> (07.04.2016).

Gordon M. Hahn Getting The Caucasus Emirate Right. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/110930_Hahn_GettingCaucasusEmirateRt_Web.pdf (13.10.2015).

Jenkins B. How Real Is the ISIS Threat? RAND Corporation. URL: <http://www.rand.org/blog/2016/03/how-real-is-the-isis-threat.html> (11.04. 2016).

Mankoff J. The Big Caucasus Between Fragmentation and Integration. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/120326_Mankoff_BigCaucasus_Web.pdf (03.04.2016).

Moffatt A. The South Caucasus and the limits of Western power. The Brookings Institution. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2015/07/17-south-caucasus-western-power-moffatt> (13.04. 2016).

Publication: Eurasia Daily Monitor Volume: 13 Issue: 56 URL: http://www.jamestown.org/regions/thecaucasus/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=45228&tx_ttnews%5BbackPid%5D=54&cHash=393f910a47a3e07cb3eb128e790429bb#.VwEffTbaLTct (03.04 2016).

Retracing the Caucasian Circle: Considerations and Constraints for U.S., EU, and Turkish Engagement in the South Caucasus. The Brookings Institution. URL: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2015/07/south-caucasus-engagement/south_caucasus.pdf?la=en (12.04.2016).

Sochi 2014: Security and Geopolitical Dimensions. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/sochi-2014-security-and-geopolitical-dimensions> (08.04.2016).

The Logic and Risks Behind Russia's Statelet Sponsorship. Strategic Forecasting Inc. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/logic-and-risks-behind-russias-statelet-sponsorship> (30.10.2015).

The North Caucasus: Russia's Volatile Frontier. Center for Strategic and International Studies. URL: http://csis.org/files/publication/110321_Kuchins_NorthCaucasus_WEB.pdf (15.10.2015).

The Sochi Olympics Domestic, Regional, and Security Challenges. Center for Strategic and International Studies. URL: <http://csis.org/event/2014-sochi-olympics> (08.04. 2016).

The USA National Security Strategy. The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (11.04. 2016).

U.S. Comprehensive Strategy Toward Russia. Special Report. The Heritage Foundation official web-site. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2015/12/us-comprehensive-strategy-toward-russia> (09.01.2016).

Washington Returns to a Cold War Strategy. Stratfor Global Intelligence. URL: https://www.stratfor.com/sample/geopolitical-diary/washington-returns-cold-war-strategy?utm_campaign=nid-214038&utm_content=stratfor_geodiary&utm_medium=email&utm_source=Twitter (28.10.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абуков С.Н.	– старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории Донецкого национального университета, кандидат исторических наук
Антонова Ю.В.	– учитель истории Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Центр образования № 27», г. Тула
Артамонова К.Ю.	– аспирант кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Украина
Бикташева А.Н.	– профессор Школы исторических наук гуманитарного факультета НИУ «Высшая школа экономики», доктор исторических наук
Болгов Н.Н.	– профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
Бунеева Е.Н.	– доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
Буряк Ю.Ю.	– соискатель кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Вавулинская Л.И.	– старший научный сотрудник Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, кандидат исторических наук
Варфоломеева М.И.	– доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Василенко В.В.	– доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Волкова Е.А.	– доцент кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат исторических наук
Гордиенко В.Н.	– аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Капсалькова К.Р.	– аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
Кармазина О.В.	– доцент кафедры всеобщей истории Воронежского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук
Клейменов А.А.	– доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук
Козлов К.В.	– доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Колесникова В.Л.	– заместитель директора, начальник инновационного комплекса Славянского центра культуры Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат исторических наук
Коротышев А.П.	– доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук
Кулачков В.В.	– доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного инженерно-технологического университета, кандидат исторических наук
Липич В.В.	– профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
Лугвин С.Б.	– доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого, кандидат философских наук

-
Мыц В.Л.	– старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук
Обосян С.Г.	– старший научный сотрудник, заведующий отделом этнографии Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, кандидат исторических наук
Олейник А.Н.	– доцент кафедры правоведения Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды, Украина, кандидат юридических наук
Олейник Н.Н.	– профессор кафедры международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
Орнацкая Т.А.	– старший преподаватель кафедры истории Академии метрологии, стандартизации и сертификации», г. Хабаровск, кандидат исторических наук
Пашковский П.И.	– доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, кандидат политических наук
Пенской В.В.	– профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
Перепелицын А.В.	– профессор кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета, доктор исторических наук
Семичева Е.А.	– доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
Соколовский К.Г.	– эксперт ОО «Центр независимых исследований», г. Астана, Казахстан, кандидат юридических наук
Стржалковская А.Д.	– старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
Сычѳв М.В.	– соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета, г. Минск, Белоруссия
Труженикова Л.А.	– профессор кафедры истории России с древнейших времен до конца XIX века Дагестанского государственного университета, доктор исторических наук
Уллах П.Э.	– аспирант кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, Украина
Худавердян А.Ю.	– научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван, кандидат исторических наук
Шамрай В.А.	– старший преподаватель кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения исторического факультета Воронежского государственного университета
Шаповалов В.А.	– профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
Шачнев С.А.	– доцент кафедры общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат культурологии
Шилов В.Н.	– профессор кафедры политологии и культурологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
Ярцев С.В.	– доцент истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов, заместителям главного редактора: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – lpolovneva@bsu.edu.ru (Половнева Людмила Сергеевна); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu.edu.ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: <http://www.bsu.edu.ru/bsu/science/bsu-science-journal/>

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

Редколлегия оставляет за собой право редактирования англоязычных текстов.